
ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ шѣмъ, что бы по напечатаніи, до выпуска изъ шипографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для доставленія куда слѣдуетъ на основаніи узаконеній. С. Пешербургъ. Декабря 9 дня, 1821 года.

Цензоръ Александръ Бируковъ.

БЛАГОНАМЪРЕННЫИ.

1822. N° I.

ОПЫТЬ О ЧТЕНІИ ВАСЕНЬ *).

C'est peu d'aimer les vers, il faut les savoir lire.
François de Neuf—Chateau.

Надобно имѣшь особенное дарованіе, что бы хорошо читашь стихи. Дарованіе сіе довольно рѣдко; не всѣ даже лучшіе стихопворцы его имѣюшь. Искусство чтенія не такъ легко, какъ многіе о немъ думаютъ; для него нужно не одно только дарованіе, но и познаніе правилъ. Оно не приобретаешя въ училищахъ; тамъ заспавляютъ дѣшей скандовашь стихи, опъ чего они привыкаютъ дѣлать удареніе на каждой слогѣ, оспанавливатъ на цезурѣ и на римахъ; чрезъ это оно дѣлаешя шяжелымъ и неприятнымъ.

Хотя Ламоншъ и сказалъ:

Les vers sont enfans de la Lyre;
Il faut les chanter, non les lire **)

*) Чит. въ Обществѣ любителей Словесности, Наукъ и Художествъ 17 Ноября 1821 года.

**) Стихи дѣши Лиры: ихъ должно не читашь, а пѣшь.

но правило сіе не должно приниматься въ строгомъ смыслѣ. Оно хорошо подѣ перомъ Лирика потому, что форма и симметрическое расположеніе стиховъ въ Одахъ епособны къ просяжному чтенію; но я увѣренъ, что Ламоншъ не былъ бы доволенъ, еслибъ кто читалъ нараспѣвъ его Трагедію: *Инесу*, и особенно его Басни.

Слуху не прошивно будешь *мѣрно* чтеніе слѣдующихъ стиховъ:

Доколь, Счастье, ты вѣнцами
Злодѣевъ будешь украшать?
Доколь ложными лучами
Нашъ разумъ хочешь ослѣплять?
Доколь, испуканъ прелестной,
Мы спанемъ жершвой, намъ безчестной,
Твой щедрый печипашъ алшарь?
Доколь будемъ строишь храмы,
Твоя чщипъ замыслы упрямы,
Прельщенная словесна шварь?

Но если бы кто началъ такимъ образомъ читать стихи И. И. Дмишріева на потъ же предмешъ:

Кто на своемъ вѣгу Форшуну не искалъ?
Что еслибъ силою волшебною какою
Всевидающимъ я спалъ,
И вдругъ открылись предо мною

Чтеніемъ называю я произношеніе стиховъ, или прозы въ слухъ. Подобно слогу, оно можеть бытъ раздѣлено на *высокое, умѣренное и простое.*

Высокое пребуешъ произношенія равномѣрнаго, медлѣннаго, нѣсколько музыкальнаго; оно свойственна Одамъ, Эпикамъ и нѣкоторымъ другимъ сочиненіямъ. Его также можно назвашъ *важнѣмъ.*

Простому прилично произношеніе нѣсколько скорѣйшее и совершенно безпѣнія. Оно свойственна Сказкамъ, и проч. шуточнымъ Посланіямъ. Его также можно назвашъ *веселѣмъ.*

Умѣренное составляетъ средину между *простѣмъ* и *высокимъ.* Оно прилично Трагедіямъ, Комедіямъ, Саширамъ.

Басни часто соединяють въ себѣ всѣ три рода слога, а потому чтеніе ихъ не можеть бытъ опнесено ни къ какому отдѣленію особенно.

Здѣсь, равно какъ и въ Музыкѣ, можно предписать множество правилъ; но несмотря на это всегда найдутся легкія опшѣнки, непримѣныя красоны, копорыя подъ нихъ не подходятъ; вы-

раженіе ихъ предоспавляется вкусу. Не зная правилъ Музыки, невозможно выразишь надлежащимъ образомъ мысли сочинителя, какъ бы впрочемъ ни вѣренъ, ни проницательнъ былъ вкусъ играющаго. Точно также и въ чтеніи: мы будемъ блуждать какъ слѣпые, рѣдко попадаемъ на настоящій путь, часто съ него сбиваемся, если не знаемъ дороги, по которой идемъ; а посему, что бы читать хорошо, необходимо надобно знать правила чтенія.

При чтеніи Басень нужно:

I. Поспигнуть характеръ и спроси каждаго дѣйствующаго лица, и для того взвѣшивать всякое выраженіе, предоспавленное повидимому безъ особеннаго намѣренія, но которыми часто авторъ хочетъ отличить лице, выводимое имъ на сцену, какъ на примѣръ: *мужъ святъ изъ всѣхъ котовъ, высокородныя мыши*; и п. п.

II. Замѣнить и выразишь всѣ пропы и фигуры.

1. *Повтореніе*, возвышая голосъ на словъ, которое было уже сказано, но повпоряется для того, что бы придашь.

мысли болѣе силы, или приятности.
Напримѣръ, въ Баснѣ Н. И. Гнѣдича. —
Снигирь:

Въ избѣ Пуспынника Снигирь по волѣ
жиль —
По волѣ, шо ешь, могъ вылепывашь изъ
кльпки...
и далѣе:

Тебѣль ужь былъ чепа шопъ *Попугай зеленой,*
Да, да, шебѣль чепа зеленой *Попугай!*

или въ маленькой и прекрасной Баснѣ
И. И. Дми́тріева. — *Муха:*

Быкъ съ плугомъ на покой шащилъ по шру-
дахъ;

А Муха у него сидѣла на рогахъ,

И Муху же они дорогой повспрѣчали.

— *Откуда* ты, сеспра? — ошъ эшой былъ во-
прось.

А ша, поднявши носъ,

Въ ошвѣшъ ей говоришъ: “*откуда?* Мы па-
хали!,,

Еще примѣръ. Въ Баснѣ И. А. Кры-
лова: *Стрекоза и Муравей*, послѣдній
спрашиваетъ первую: чшо она дѣлала
лѣшомъ? а ша ошвѣчаетъ:

— Я безъ души

Лѣшо цѣлое все нѣла. —

“Ты все нѣла? Эшо дѣло!

Такъ по́ди же попляши!,,

2. *Напряженіе*, поспешенно усиливая
произношеніе. Напримѣръ, въ превосход-
ной Баснѣ И. А. Крылова *Лягушки про-*
сящія Царя, послѣ описанія Государя,
даннаго имъ Юпитеромъ, слѣдуешь:

Сначала чтя его особу превысоку,
Не смѣтъ подступитъ изъ подданныхъ никто;
Со страхомъ на него глядятъ они—и то
Украдкой, издали, сквозь аиръ и осоку;

Но такъ какъ въ свѣшѣ чуда нѣшъ,
Къ кошоромубъ не приглядѣлся свѣшъ,
То и они сперва отъ спрахъ отдохнули;
Потомъ къ Царю подползть съ преданностью
дерзнули;

Сперва предъ Царемъ *ниткомибъ;*
А шамъ, кшо посмѣлѣй, дай сѣсшь къ нему
боткомибъ;
Дай понышашься сѣсшь съ нимъ
рядомбъ;

А шамъ, кошорые еще поудалѣй,

Къ Царю садяшся ужъ и *задомбъ.*

Царь шерпишъ все по милосщѣ своей.
Немного погода, посмотришъ, кшо захочешъ,
Тотъ на него и вскотитъ.

или въ Баснѣ А. Е. Измайлова—*Умираю-*
щая Собака:

Сулшанка спарый *занеломбъ,*

Сулшанка *слѣбъ въ постелю;*

Лежишъ онъ *день,* лежишъ *недѣлю...*

3. *Безсоюзіе*, останавливаясь долѣе обыкновеннаго на запятыяхъ, когда союзы опущены. Примѣры можно видѣть въ Васняхъ: П. Сумарокова—*Пыль и Алмазъ*:

Пыль, стружки, щетки, листъ на воздухъ
поднялися...

Крылова—*Моръ зебрей*:

Смерть рыщеть по полямъ, по рвамъ, по
высямъ горъ..!

Его же—*Червонецъ*:

Мужикъ мой приспупаешь къ дѣлу

И со всего плеча

Червонецъ оббъ кирпичъ онб тогитб,

Дресвой деретб.

Песколб и лбглолб третб..

Хемницера—*Медвѣдь-Плясунб*:

Другъ передь другомъ Мишку пушь

Встрѣгаютб,

Поздравляютб,

Цѣлуютб, обнимаютб...

4. *Обращеніе*, возвышая голосъ вдругъ, съ нѣкопорымъ родомъ воспорга, болѣе или менѣе замѣшнаго, смопря по содержанию. Напримѣръ у И. И. Дмипріева:

О вы, которыхъ божъ любви соединилъ!

Хопитель спрансшвовашь? Забудьте гордый
Ниль

И далъ ближняго ручья не разлучайшесь...

у Пешина въ Баснѣ—*Солнечные Часы*:

Счастливыцы мѣра! не гордишесь,
И на того вы не сердитесь,
Кшо скажете вамъ,
Чшо вы—подобны симъ Часамъ.

у Крылова въ Припчѣ—*Демьянова уха*:

Писатель! счастливъ ты, коль даръ прямой
имѣешь;

Но если помолчашь во время не умѣешь,

И ближняго ушей ты не жалѣешь:
То вѣдай, чшо цвои и проза и стихи
Тошнѣе будутъ всемъ Демьяновой ухи.

5. *Вопрошеніе*, произнося его съ живоспю. Напримѣръ въ Баснѣ А. Е. Измайлова, названной *Происхожденіе и польза Басни*, Царь, увидя нагую Испину, вошедшую въ его чершогъ, говоритъ ей:

...безстыдница какая!

Какъ смѣла ты войти? и кто ты такова?

Примѣровъ сей фигуры очень много.

6. *Метафору*, дѣлая удареніе и оспанавливаясь нѣсколько на выраженіяхъ фигуральныхъ. Примѣры можно видѣшь въ Баснѣ И. А. Крылова—*Морѣ звѣрей*:

Въ адъ распахнулись настѣжь двери ...

7. *Описание*, перемежная соня при каждой чертѣ картины по мѣрѣ того, какъ онѣ одна другую усиливаютъ. Напримерь Мышенюкъ такъ описывается Кота и Пещуха:

Одинъ такъ смиренѣ, добрѣ, такъ плавно выступалѣ,

Такъ милостивѣнѣ былѣ собою!

Другой—нахалѣ, крикунѣ, теперь лишь словно съ бою;

Весь въ перьяхѣ, у него косматый крюколѣ хвостѣ;

Надѣ салымлѣ лбомѣ дрожитѣ наростѣ
Какой-то оленнаго цвѣта,

И такъ... какъ двѣ руки, служащи для полеша;

Онѣ ими такъ махалѣ,

И такъ ужасно горло драглѣ,

Что я таки не шрусъ, а подавай Богъ ноги—

Скорѣ опъ него съ дороги.

Какъ больно! Безъ него я вѣрно бы въ другомѣ

Нашелѣ наславника и друга:

Вѣ глазалѣ вео была написана цслуга;

Какѣ тихо шевелилѣ пушистымѣ онѣ хвостомѣ!

Сѣ какилѣ усердиемѣ бросалѣ ко мнѣ онѣ взоры,

Смиренны, кроткіе, но полные огня!

Шерсть гладкая на нелѣ, почи какъ у меня;

Головка пестрая и вдоль спины цзоры;

А уши какѣ у насѣ....

или у И. А. Крылова въ Баснѣ: *Два Го-
лубя*, Голубь пупешественникъ

Опѣ ястреба *изъ силъ послѣднихъ машетъ*,
Ахъ! силы вкороткѣ совсемъ испощены!
Ужь когти хищные надъ нимъ распущены,
Ужь холодомъ въ него съ широкихъ крыльевъ
пашетъ.

Какое превосходное, можно сказать, *осязаемое* описаніе! Кажется, видишь распущенные когти ястреба, чувствуешь холодъ, пашущій съ его крыльевъ!

Примѣромъ *Описанія* можешь служишь и слѣдующій *опрывокъ* изъ его же Басни.—*Волкъ на Псарнѣ:*

Волкъ ночью, думая залѣзши въ овчарню,
Попалъ на псарню.

Поднялся вдругъ весь псарный дворъ:
Почуя сѣраго такъ близко забіяку,
Псы, *залились* въ хлѣвахъ и *рвутся* вонъ на
драку;

Псари кричашъ: *ахти! ребята, воръ!*

И вмигъ ворота на запоръ.

Вминушу псарня спала адомъ.

Бѣгутъ: иной съ дубьемъ,

Иной съ ружьемъ,

Огня! кричашъ, огня!—Пришли съ огнемъ.

Мой Волкъ сидишь, *прижавшись къ углу*
задомъ,

*Зубами щолкая и оцетиня шерсть;
Глазами, кажепіся, хошѣль бы всѣхъ онъ
сѣспь...*

8. *Поправленіе*, придавая чпенію вы-
раженіе, замѣчаемое въ голосѣ челоуѣка,
кошорый ошибся и хочеть поправишь-
ся. Напримѣръ у И. И. Димпріева въ
Баснѣ—*Котъ, Кроликъ и Ластотка*:

*Случилось Кролику ошъ дома ошлучишься,
Иль лутше: онъ пошелъ Аврорѣ поклонитъся, и*
ш. д.

или у А. Е. Измайлова въ Баснѣ: *поеди-
нокъ, Осель и Лошакъ дерушся,*

Ошкуда ни возъмись хозяйинъ шущъ съ кну-
помъ

Нѣтъ, съ плетью, виноватъ!

9. *Противоположеніе*, произнося его
шонами споль же различными, какъ
различны предметы, въ сей фигурѣ сбли-
жаемые. Напримѣръ въ Баснѣ И. А. Кры-
лова—*Щука и Котъ*:

*Бѣда, коль пироги начнешъ печи сапожникъ,
А сапоги почашъ пирожникъ..*

или въ его же—*Крестьянинъ и Смерть*:

Изъ Басни сей
Намъ видѣшь можно,

Что какъ бываетъ жить ни тошно,
А умирають еще тошнѣй.

или, Богдановича—*Комаръ и Журавли*:

Въ пуши подъ облаками
Летѣли Журавли;
Внизу, вблизи земли

Своимъ путемъ летѣлъ Комаръ надъ мура-
вами.

10. *Отвѣтствіе*, опредѣляя голосомъ слова сочинителя ошь вопросовъ и возраженій людей, копорыхъ онъ представляеть спрашивающими его. Напримѣръ у Хемницера:

Ужь ли смиренѣе малой спалъ? —
Гдѣ! бывенылъ такылъ еще и не бывалъ...

или у И. А. Крылова:

Полезноль просвѣщенье? —
Полезно, слова нѣтъ о томъ!...

или у него же въ *Баснѣ*—*Пустынникъ и Медвѣдь*:

Мнѣ скажущъ: а лужокъ? а шемная дуброва,
Пригорки, ручейки и мурава шелкова?—

Прекрасны! что и говорить!

А все прискутитса, какъ не съ келъб молвить
слова!...

или у И. И. Дмишрѣева:

Кто, спрашиваю васъ, похожъ на эпу Мышь? Монахъ?—*Избави Богъ и дулатъ!*—*Нѣтъ, Дервишъ.*

Точно также и другія фигуры пре-
буютъ въ тонѣ разныхъ измѣненій, бо-
лье, или менѣ чувствительныхъ, смо-
тря по живости оборота.

III. Замѣчайте и выражайте переходъ
отъ разсказа, или словъ актеровъ Бас-
ни къ размышленіямъ сочинителя и об-
ратно. Напримѣръ въ Баснѣ И. А. Кры-
лова—*Щука и Котъ*:

Зубасшой Щукѣ въ мысль пришло,
За кошечье приняться ремесло.
*Не знаю, завистью ее лукавой мучилъ,
Иль можетъ быть ей рыбный столъ на-
скупилъ;*

Но только вздумала Коша она просить,
Чтобъ взялъ ее съ собою на охоту
Мышей въ анбарѣ половить...

или въ Баснѣ И. И. Дмитриева — *Донъ
Кишотъ*:

Послалъ въ мясномъ ряду купишь барановъ
пару,
И сшадю онъ свое разсыпалъ на поля
По первому морозу,
И началъ воспѣвать зимой весеннюю розу.

Но въ этоли худя нѣтъ: есело му все въ ладѣ,
 И пусть играетъ всякъ любимою игришкой;
 А вотъ что не въ попадѣ:
 Идешь коровница, и т. д.

IV. Различными измѣненіями голоса
 оплечаивъ вопросы и отвѣпы разныхъ
 дѣйствующихъ лицъ. Напримѣръ:

“Кумушка, мнѣ спрашно эшо;
 Да работалалы мы въ лѣшо?,”

говоритъ Муравей Спрекозѣ, а она отвѣчаетъ:

До тоголи, голубчикѣ было?
 Въ легкихъ муравейхъ у насъ
 Пѣсни, рѣзвость всякой часъ:
 Такъ сто голову вскружило. —

“А! такъ пы?,” — И безъ души
 Дѣто цѣлое все пѣла —

“Ты, все пѣла? эшо дѣло,

Такъ поди же попляши . . .”

или въ одной изъ Васень А. Е. Измайлова,
 Маршущка уговариваетъ Коша
 достать изъ печи кашпановъ:

“Что, Васька? говоритъ Маршущка,
 Достань кашпана два, такъ будешь молодець!,”
 — Да лапу обожетъ! нѣтъ, я вѣдь не елупецѣ! —

“Э! нѣженка какой! шрусйшка!

Трусъ! шрусъ! . . .”

(Окончаніе въ слѣд. №)

Н Я Н Я .

Притца.

«Ивановна! зачѣмъ у васъ шемно?
 Вѣдь свѣчекъ много вамъ дано:
 Дипя, я думаю, скучаетъ!
 Оно заняшьсябъ чѣмъ нибудь могло.,,
 —Я погасила, Няня опвѣчаетъ,
 Чшобъ ручки, машушка, не обожгло.

*

Умная Ивановна?—По мнѣ пакъ плоховаша!—
 Умѣй дипя беречь,
 Чшобъ ручки не могло и при свѣчѣ обжечь;
 А если обожжешъ—не свѣчка виноваша.

Сл ...

~~~~~

КОРОЛЬ АКИМСКІЙ.

Повѣств *).

На западномъ берегу Африки, подъ
 знойнымъ небомъ, но въ шѣни деревь
 манго, кѣдровъ, пальмъ, померанцовыхъ

---

*) Чисано въ дружескомъ Общеспвѣ С.
 Д. П. 14 Октября 1821 года.

и другихъ лежиць обширная земля. Ее называютъ Гвинеею. Черные обитатели ея Негры жили тамъ съ древнѣйшихъ временъ и нынѣ живутъ подъ управленіемъ различныхъ Королей и дають владѣніямъ своимъ различные наименованія. Но Европейцы, которые безъ всякаго сомнѣнія гораздо умнѣ ихъ, прибывъ первый разъ къ этой землѣ, мало заботились о Географіи глупыхъ Негровъ; они пошъ же часъ составили свою собственную *Гвинеею*, ту самую землю, гдѣ нашли золотой песокъ для *гвиней* своихъ, раздѣлили на новыя округа и дали имъ названія по шъмъ предметамъ, которые удовлетворяли тамъ ихъ жадности. Такъ и понынѣ на Европейскихъ картахъ Африки сносятъ имена: *Перцоваго берега*, *Невольничьяго берега*, *Золотого берега*, *берега Слоновой кости*, и п. п. Право, еслибъ только зависѣло отъ ихъ воли, шоргаша-Европейцы сдѣлали бы изъ цѣлаго свѣсна мѣлочную лавку и считали его часши — ея спѣнами, а земли и обласши — ящичками и кипами шоваровъ.

Большую часть *Золотого берега* за-

нимается Королевство, *Акимъ*. Къ счастью лежишь оно верстъ за четырьмя отъ моря: вошь единственная причина, по которой добрые Европейцы не могли такъ скоро разорить и опустошить его.

До Короля Акимскаго, по имени *Фремпуна*, дошли слухи о появлении *бѣлыхъ морскихъ чудовищъ*. Такъ безсовестно грубые, необразованные Негры называли насъ просвѣщенныхъ, любезныхъ Европейцовъ. Они, черные, какъ уголь; они у кошорыхъ вмѣстѣ нашихъ длинныхъ каштановыхъ, русыхъ, или золотоблѣшныхъ волосъ, какое-то курчавое, шерстоподобное *à la Titus*, называли насъ *морскими чудовищами!* — Такого-ню волшебство привычки! — Для черныхъ господъ и госпожъ въ Гвинее не было ничего на свѣшъ прелестнѣе тонкой бархатовидной кожи, цвѣта жженой слоновой кости. Мы чинаемъ въ путешествіяхъ, что когда какойнибудь *Адансонъ*, или *Мунго-Паркъ* появлялись въ Африканскіе селенія, кошорыхъ жители не имѣли еще счастья удивляться нашимъ Европейскимъ прелестіямъ, то

дѣши Негровъ, при видѣ бѣлокожихъ чужестранцевъ, разбѣгались съ ужаснымъ воплемъ и страхомъ, и прыгали куда ни попало. Жены Мавриціанскаго Короля *Али*, копорымъ также хопѣлось по-смотреть Мунго - Парка (женщины и дѣвушки въ Африкѣ очень любопытны) не переставали просить и докучать ему до пѣхъ поръ, пока *Али* не предсказалъ имъ путешествующаго Англичанина. *Али* впрочемъ весьма не охотно предсказывалъ женамъ своимъ пригожихъ мужчинъ; но ему и въ мысль не приходило ни малѣйшей опасности показатъ имъ бѣлое морское чудовище. Онъ осперегалъ ихъ только, чшобъ не слишкомъ онѣ испугались. При всемъ томъ, когда Мунго - Паркъ предсталъ взорамъ черныхъ красавицъ, многія изъ нихъ едва не упали въ обморокъ, и конечно не опъ восхищенія. Самыя смѣлыя изъ нихъ, какъ только хопѣли приблизиться къ Англичанину, были вдругъ объяты и удержаны какимъ-то невольнымъ и непреодолимымъ содроганіемъ. Чшожь бы вышло тогда, когда бы какая нибудь изъ нашихъ прелесныхъ

голубоокихъ блондинокъ вспушила во дворецъ Монарха Негровъ? Дѣвушка съ полными золотыми кудрями, подобными слепшимся лучамъ солнца, съ опкрытымъ челомъ, спиною, шеею и грудью бѣлизны едва выпавшаго снѣга; со щеками, дышущими розами; съ руками, какъ чистѣйшій алебастръ, опшѣенными нѣжно голубыми жилками?—Боже мой! Эта дѣвушка, которую у насъ безъ дальнихъ справокъ сочли бы величайшею въ свѣтѣ красавицею, за которую бы наши Зигварпы и Верперы спрѣлялись десятками на всѣхъ площадяхъ и перекресткахъ, которую наши плаксивые и шайншвенные Поэты величали бы и воспѣвали въ припѣрныхъ мадригалахъ, ужасныхъ балладахъ, печально-нелѣпыхъ элегійхъ, ямбами, хорейми, амфибрахіями, экзаметрами и всѣми возможными спикшворными размѣрами—эта дѣвушка показалась бы Неграмъ. . . . Такъ! гошовъ бишься объ закладъ, что при видѣ этой лилейной бѣлизны и этого румянца свѣжихъ розъ, они бы подумали, что съ нее бѣдной снята живо кожа.

Къ такимъ безчеловѣчнымъ поступкамъ Негры, въ невѣжествѣ своемъ, считаютъ насъ весьма способными. Многие изъ нихъ полагаютъ, что мы не больше и не меньше, какъ людоѣды, и даютъ намъ на своемъ необразованномъ языкѣ приипное названіе, которое порусски значить почти тоже, что и ... не прогнѣвайпесь! . . . . *кроважадное гудовище*. Впрочемъ не мудрено изъяснить, отъ чего заслужили мы отъ нихъ такое несправедливое прозвище. Вашъ видѣли ли, когда бывало осматриваютъ припашенныхъ на корабли изъ внутренности Африки черныхъ невольниковъ, здоровы ли они и чего споятъ: то ихъ невѣжествующимъ сбрапямъ казалось весьма спрапнымъ, что сихъ бѣдныхъ жершвъ корысподобія оглядываютъ и ощупываютъ со всѣхъ споронъ, ибо это, по ихъ грубымъ понятіямъ, (о варвары!) считаеица неприличнымъ, неблагопристойнымъ и позволительнымъ развѣ однимъ только мясникамъ при покупкѣ скоша. Мудрено ли же послѣ того, что они оставались въ ложномъ мнѣніи, будто этихъ несчастныхъ покупали на убой и для съѣденія?

Если, говоришь правду, то надобно признаѣся, что и мы Европейцы считали нѣкогда черныхъ людей не за наснбщихъ челоѡковъ, а какъ за родъ животныхъ, между обезьянами и людьми. Глубокомысленные наши ученые доказали намъ убѣдительнѣйшими доводами въ бессмертныхъ своихъ творенiяхъ, украшенныхъ превосходными рисунками и чертежами, что черные, уже по самому сложенiю костей, не могутъ имѣть сполько ума, какъ наша братья Европейцы. Съ тѣхъ поръ однако, какъ Негры начали сочинять преизрядные списки, дѣлають оспроумнѣйшiе исчисленiя, говоришь насъавительныя проповѣди, съ тѣхъ поръ, какъ они спали носить въ Европейской службѣ званiя Полководцевъ Европейскихъ войскъ, учредили на островѣ Гаити Республики и Королевства, завели тамъ школы, фабрики, верфи, липейные дворы и даже издали законы, которые не одинъ умный челоѡкъ пожелалъ бы имѣть и въ иномъ Европейскомъ Государствѣ; съ тѣхъ поръ мнѣнiе о разумѣ Негровъ нѣсколько измѣнилось, и напрошивъ того глу-

бокомысленные ученые съ ихъ безсмертными швореніями, украшенными превосходными рисунками и чертёжами, кажущаяся нѣсколько неразумными.

Но я совсемъ позабылъ Короля Акимскаго. Объ немъ и объ его первомъ свиданіи съ Европейцами, хотѣлъ я разсказать моимъ чипашелямъ.

Король, какъ сказано уже мною, слышалъ о бѣлыхъ водяныхъ чудовищахъ, приплывшихъ изъ за моря и выплывшихъ на берегъ изъ большаго деревяннаго ящика. Путешественники, видѣвшіе ихъ собственными глазами, разсказывали, что эти чудовища имѣли удивительное сходство съ людьми, ходили прямо на двухъ ногахъ и голосомъ своимъ производили разные звуки, посредствомъ которыхъ, какъ и люди, по всей вѣроятности разумѣли другъ друга; что они не всѣ были одинакой фигуры, даже не всѣ одного цвѣта, ибо копя и всѣ имѣли лица опротивительной бѣлизны, но тѣло большею частію пещрое и узловатое, иные синее, иные зеленое, другіе красное, и т. д. Напрошивъ того другіе путешественники

увѣряли и клялись, что выползшія на землю морскія швари ошнюдь не люди, но родъ морскихъ демоновъ; что многіе изъ нихъ имѣли подъ носомъ длинныя волосы; что самое любимое ихъ пишье состояло въ водѣ, кошорою ни одинъ человекъ не могъ пишь: ибо нѣсколько капель ея, взяшыхъ въ ротъ, причиняло, подобно огню, нестерпимое жженіе. Далѣе, что они принесли съ собою изъ глубины морской шволы, въ которыхъ хранятся громъ и молнія. Если они успремяли такой шволь прошивъ шпицы, лепящей по воздуху, то шволь издавалъ блескъ и глухой звукъ, а шпица падала мершвая къ ногамъ ихъ.

Король Акимскій, весьма умный и разсудительный Государь, былъ удивленъ, какъ нельзя болѣе, всѣми этими разсказами. Многому изъ того онъ не вѣрилъ и считалъ за ложь. Между шемъ однако извѣстія объ нихъ повпорялись и всегда почти одинакимъ образомъ. Наконецъ изумленіе его достигло высочайшей шпени, когда одинъ изъ его подданныхъ, шнйскавшій себѣ всеобщее

уваженіе по уму своему, опытности и справедливости, возвратился изъ путешествія, которое по торговымъ дѣламъ предпринималъ къ морскому берегу. Онъ также видѣлъ морскихъ чудовищъ собственными своими глазами, и будучи призванъ предъ Короля, объявилъ ему, что эти швари должны быть точно люди съ другаго свѣта. Въ доказательство своего мнѣнія приводилъ онъ слѣдующіе, сдѣланные и собранные имъ самимъ со всевозможнымъ стараніемъ замѣчанія:

“На берегу есть нѣсколько человѣкъ изъ нашего рода, которые научились языку этихъ шварей, и даже могутъ говорить съ ними. Этого до сихъ поръ не замѣчено надъ животными; слѣдовательно они люди. Получили ли только они отъ Бога разумъ въ той мѣрѣ, какъ мы, этого я не знаю, даже сомнѣваюсь въ томъ. Правда, иногда могутъ они казаться разумными, но по большей части дѣлаютъ совершенно тому прошивное. Первѣйшее ихъ удовольствіе состоитъ въ томъ, что бы упиваться какою-то жгучею водою; послѣ чего спановяш-

ся они совершенно какъ безумные: смѣются и кричатъ, шапаются и не могутъ стоять на ногахъ, обнимаются и дерутся, скачутъ и прыгаютъ, пока сонъ не одолѣетъ ихъ. Пробудясь, опять кажутся разумными.“

“Подобно людямъ, имѣютъ они также нѣкоторое понятіе о пляскѣ. Я замѣнилъ, что когда одинъ изъ нихъ намошанными на палочку волосами водить по дупловатому дереву, на которомъ напянуты веревочки изъ скрученныхъ и высушенныхъ внутренностей животныхъ, то при несносномъ скрипѣ, отъ того происходящемъ, прочіе получаютъ судороги въ ногахъ, и по важнымъ мѣрными шагами вокругъ расхаживаютъ — по прискакивая разными манерами, бросаюся вправо и влево — по со странными ужимками, припрыжками и поворочками сходясь и расходясь — по подвое, схватя другъ дружку за плеча, вершатся какъ сумасшедшіе, пока не выбьются изъ силъ.,”

“Дальше замѣнилъ я, что у нихъ есть какія-то волшебныя дощечки, которыхъ почти не выпускаютъ они изъ рукъ.

Они садятся подвое, пошрое и четверо вмѣстѣ, берутъ песстро размалеванныя дощечки, которыя всѣ одинаковой величины, мѣшаютъ ихъ вмѣстѣ и дѣлаютъ между собою. Тогда всякой устремляешь взоры на свои дощечки и не сводишь съ нихъ глазъ. Мгновенно волшебство производитъ свое дѣйствіе: одни дѣлаются мрачны и задумчивы; другіе смѣются ошврашипельнымъ смѣхомъ, какъ бы радовались чьей нибудь гибели; иные становящся внѣ себя ошъ удовольствія, какъ бы пришло къ нимъ какое неожиданное счастье; иные же наконецъ углубляющся въ самихъ себя и дѣлающся шакъ печальны; на лицахъ ихъ показывающся знаки шакого опчаянія, какъ будто всѣ радости міра сего для нихъ внезапно умерли.,

Король Акимскій качалъ головою, какъ обыкновенно дѣлаютъ, слушая то, чему не вѣрять, но чего однако не могутъ оспорить. Такое повѣствованіе увеличидо шолько его любопытство видѣшь хошя одно изъ эшихъ спранныхъ морскихъ чудъ, если шолько можно, живое: ибо все, что ему объ нихъ ни говорили, было исполнено прошиворѣчій.

Онъ созвалъ опышнѣйшихъ и умнѣйшихъ своихъ слугъ и совѣтниковъ, чшобъ узнать ихъ о томъ мнѣнїе. Нѣкоторые изъ спарѣйшихъ между ними говорили: “Фремпунгъ, сильнѣйшїй изъ Кородей и славнѣйшїй изъ Ироевъ! спрацись звеспи въ благополучную землю нашу сихъ изверговъ природы: не безъ причины опасаемся мы опъ того величайшаго несчасшїя. Чего бы спойло могуществу швоихъ предковъ, Королей нашихъ — чего бы спойло собшвенному швоему величїю расширишь Королевство Акимъ до предѣловъ земли обшпаемой? Но народъ нашъ всегда берегся распросшранишь владѣнїя свои до береговъ великой, безконечной, солной воды, кошорую Богъ опредѣлилъ бышь жилищемъ чудовищамъ разнаго рода. Пущь солнце всякїи вечеръ спускается шуда, чшо бы омышься шамъ и освѣжишься, и шемъ съ большимъ величїемъ и силою явишься поушру изъ за голубыхъ горъ, ограждающихъ наше опечество; для насъ нѣшь шамъ счасшїя. Солнце оплодошворяешъ великую солную воду огнемъ своимъ. Опшуда исходяшь

на мрачныхъ облакахъ опустошительныя непогоды, всеиспребляющія бури, громаы и молній. Опшуда произошли и тѣ челоѡкоподобныя чудовища, копорые носятъ въ спволахъ молніи и пьютъ въ водѣ жгущее пламя.,,

Таково было мнѣніе спарѣйшихъ изъ совѣтниковъ. Но младшіе изъ нихъ, любопытныя, какъ и самъ Король, думали иначе. — “Королю и Совѣпу его, говорили они, необходимо нужно изслѣдовать подробно всякое новое явленіе, что бы зналъ и сообщилъ народу, полезно ли оно, или вредно. Какъ же ему не приложитъ теперь всѣхъ спараній, что бы удостовѣриться, дѣйствительны ли эти выходцы изъ соленой воды люди, или нѣтъ?.,

И при дворѣ Акимскомъ случилось тоже, что обыкновенно случается при дворахъ Европейскихъ. Фремпунгъ, вышедши изъ Совѣпа, рассказалъ все, что тамъ происходило, своей любезной, прелестной, едва ли пятнадцатилѣтней Фандинго; а Фандинго только что услышала: о чудовищныхъ чадахъ моря, по и возымѣла непреодолимое любопыт-

ство видѣшь ихъ. Что бы удовлетво-
ришь своему желанію, употребила она
всѣ возможные ласкашельства къ убѣж-
денію Короля приказать привести ко
двору хотя одну изъ сихъ удивитель-
ныхъ шварей.

По описанію, которое дошло до насъ
объ этой юной Фандинго, она была на-
стоящая Негришанская Венера. Цвѣтъ
ея кожи былъ смѣсъ эбена съ розами.
Сквозь ея тонкую, прозрачную черному
проглядывалъ приятный румянецъ, какъ
упреленная заря сквозь мрачныхъ обла-
ковъ, или какъ яркая зарница въ тем-
ную осеннюю ночь. Ея большіе, преле-
стныя глаза блистали любовію и нѣж-
носшію; ея маленькій рошикъ, который
при легкой улыбкѣ открывалъ два ряда
ослѣпляющей бѣлизны зубовъ, какъ двѣ
нитки бурмицкаго жемчугу, казалось,
дышалъ только сладострасшіемъ. Если
же присовокупимъ къ тому прелест-
ную, маленькую, ящеобразную голову,
прямую, прекрасную шею, восхишитель-
ныя округлости плечъ, спины и груди:
то легко представимъ себѣ можемъ,
что влюбленный Король Акимскій ско-

рѣе согласился бы умереть, нежели оп-казашъ, въ просьбѣ любви достойной Фандинго.

Итакъ онъ отправилъ избранное изъ храбрѣйшихъ воиновъ посольство къ берегамъ морскимъ съ приказаніемъ пошребовать оныя сыновъ моря, ежели они дѣйствительно наспоющіе, одаренные разумомъ люди, что бы прислали къ его двору одного изъ своихъ собратій; если же окажется, что они не иное что, какъ родъ неизвѣстныхъ доселѣ звѣрей, то поймашъ одного изъ нихъ и представитъ ему живаго.

Посольство отправилось и нашло Европейцовъ, расположившихся дружественно и мирно въ одномъ прибрежномъ селеніи у шамошнихъ Негровъ. Въ отдаленіи на морѣ видѣнь былъ большой корабль со многими мачтами и вымпелами. Это были Д... приѣхавшіе для подкрѣпленія торговой колоніи на Золотомъ берегу, въ Королевствѣ Акрѣ. Съ удовольствіемъ услышали они, что одинъ Король изъ внутренности Африки желаетъ завести съ ними знакомство. Быстрое воображеніе ихъ поспѣшь

представило имъ приятную возможность получить опшуда, кромѣ множества невольниковъ, груды слоновой кости, гумми, золаша, алмазовъ и другихъ сокровищъ. Ишакъ они недолго думали что дѣлать и избрали для отправленія въ Акимъ Бухгалпера Кампа въ сопровожденіи одного переводчика и посольства.

Безъ дальнихъ прудностей достигъ онъ до столицы Фремпунга, котораго нешерпѣніе было столь велико, что Д... ий Депушашъ на другой же день по прибытіи долженъ былъ имѣть честь представившяся Монарху. Бухгалперъ Кампъ, человекъ почтенный и смѣшленный, одѣлся наилучшимъ образомъ и пошелъ во дворецъ.

(Окончаніе въ слѣд. №)

~~~~~

УТРЕННЕЕ СОЛНЦЕ.

Тебѣ, тебѣ мой лирный гласъ,
 О юноша цвѣшущій!
 Въ священный пробужденья часъ,
 Какъ исполнишь могущій,
 Вкусивши сонъ, изходишь ты

Въ чертоги повселенной:
 Въ пвоихъ ланипахъ красопы
 Горящъ зарей несплнной;
 Власы бѣгушь спруей злашой,
 И ризою багряной
 Колеблешъ въшорокъ молодой,
 Проснувшійся съ поляной!
 Съ побой ликуешъ сводъ небесъ,
 И Океанъ волнисшый,
 Возпламененный холмъ и лѣсъ,
 И въ перлахъ лугъ душисшый!
 Тебѣ, тебѣ и пѣснь моя,
 Безсмершый небожишель!
 Къ тебѣ спремлюсь душою я,
 Ты дней моихъ хранишель:
 Не пвой ли, жизни полный взглядъ,
 И кропкѣй лучъ игривый
 Во мнѣ вновь бышіе родящъ,
 Разсѣявъ сонъ лѣниивый?
 Хвала тебѣ, о вождь свѣшилъ,
 Небесъ лазурныхъ радосшь!
 Умножь во мнѣ пшы крѣпосшь силъ,
 Продли мою пшы младосшь!
 Она, какъ ушра крапкѣй цвѣпщъ,
 Въ сей жизни скорошечной
 Мелькнешъ, едва оставивъ слѣдъ—
 Изчезнешъ въ безднѣ вѣчной!
 Быпъ можешъ, скоро—какъ узнать?
 И пшы меня съ зарею
 Напрасно спанешъ здѣсь искапщ

Увядшаго душею!
 Ты скажешь: "гдѣ ты, пѣсни сынъ!
 Проснись: Востокъ пылаесть!,"
 Но онъ ужь въ мірѣ семъ одинъ:
 Лишь смерть его ласкаесть!
 И будешь спать глубокимъ сномъ,
 Закрышь землей родимой,
 Пока не вспыхнешь съ вѣчнымъ днёмъ
 Свѣшь новый, негасимой!...

В. Григорьевъ.

~~~~~

ЖЕНѢ МОЕЙ.

(по слухаю подаренной ею мнѣ табакерки съ ея портретомъ.)

Что это?—Твой портретъ!
 Какъ схожъ!... Твои глаза, швой носъ, швои
ланины,

Румянцемъ розовымъ покрыты ...

Живая будшо здѣсь! ... но нѣшь,

Ты лучше, нежели портретъ.

Мале *) самъ въ эпомъ согласишься.

Не вѣришь? въ зеркало взгляни же на себя.

Благодарю, мой другъ, шебя
 За даръ безцѣнный швой! Онъ мною сохра-
нился

---

*) Имя художника, писавшаго портретъ.

Доколѣ жизнь моя продлился.
 Теперь не разлучусь ужъ ни на часъ съ шобой
 И буду брашь шебя съ собой
 И въ Депаршаментъ нашъ, и въ Общества
 учёны,
 И въ шипографію, куда не ходящъ жёны,
 И въ лавки книжныя; въ Цензурный Коми-
 шепъ,
 И къ бѣднымъ въ хижины, гдѣ даже печекъ
 нѣшь;
 Вездѣ, вездѣ со мной ты будешь неразлучно.
 Когда же безъ шебя мнѣ сдѣлаешся скучно—
 На шабакёрку я взгляну
 И милую мою жену
 Сквозь спеклышко разъ пяшь, или десяшь
 поцѣлюю —
 И прогоню шемъ скуку злую.

И.

~~~~~

С. Д. П.

(на день ея рожденія.)

Когда явились вы на свѣшь,
 Вамъ имя Радости, Веселья *) дали.
 Такъ Грацію меньшую звали.—
 Вошь боги собрали совѣшь.

*) Евфрозина на Греческомъ языкѣ значить Радость,
 Веселіе.

(Мнѣ это за секретъ

Сказали дщери Мнемозины.)

Венера страхъ была разсержена.

„Что это?—говорить она—

Теперь у насъ двѣ Евфрозины!

Мнѣ Евфрозина дочь—чужой я не хочу.

Нѣтъ, господа, я не шучу—

Нѣтъ, *не хочу и не хочу;*

Велише, папашка, дашь имя ей другое.,,

— Минерва! Зевсъ сказалъ, подумай, погадай

И имя эпой крошкѣ дай ...

Ну, какъ ты думаешь, какое?—

„Да не угодно ли хощь *Мудростью* назвашь?

Другаго имени я не могу прибравь:

Все имена пакія ...,,

— Чшожь? Мудросшь? ... хорошо! прекрасно!

Зевсъ сказалъ.

Приличнѣй имени я самъ бы не прибравь.

Да будешь *Мудрость*, иль *Софія*!

Хочу, что бы она была

Умна, какъ дочь моя большая *);

Любезна же и весела,

Какъ Грація меньшая.

25 Сент. 1821.

Басниѣ.

~~~~~

---

*) Минерва почищается старшею дочерью Юпитера.

УГОЛОКЪ.

(П. А. П.)

Вчера мнѣ встрѣшился божокъ крыла-
 шый

И, давши знакъ, шепнулъ: “за мной

Мы обойдемъ богатыя палашы,

И свѣшлюю любуюся луной,

Зайдемъ въ приюсть любимый мой:

Тамъ Граци, мои сестрицы,

И Муза и Поэшь насъ ждущъ на вечерокъ.,—

По спогнамъ шумныя споицы

Я все за нимъ...и вошь привель меня божокъ

Въ Пл. пн. ва милый уголокъ.

Ө. Глинка.

ЭПИГРАММЫ.

1.

Несвязной кришикой своей

Ты одного себя безславишь;

Хошя не въ мочь *тяжелъ* шы въ ней,

А все Руслана не *задавишь*.

Иркутскъ.

Б—ій.

2.

У Лицемѣрина жена.

Черна, скверна—

Медуза, вѣрьше мнѣ, красавица предъ нею.

Не попомуль, что шакъ она гнусна,
Супругъ зовешъ ее всегда *душей своею?*

3.

„О Цензоръ! о злодѣй!

Не пропустиль Элегіи моеи!,,

—Какъ? Почему?—“Да говоримъ, что въ ней
Находишь смыслъ двоякой.

Ну ты чиналь ее; ты брашець, самъ Поэтъ;
Скажи: двусмысленналь?,, — Вопь вздоръ! да
скажешъ всякой,

Что въ ней и *просто смысла нѣшь.* —

Басникъ *).

~~~~~

Логогрифъ.

“А! здравшвуй, милый другъ! какъ къ кспа-
ши ты явился!

Въ какой же радости заспалъ щеперь меня!
Послушай Логогрифъ, надъ коимъ я щри дня

Безъ опдыха шрудился.—

Кшо прошивъ совѣспи на свѣщѣ семь жи-
вешъ;

Кшо къ счастью ложному, губя другихъ
идешъ

*) Мысли сихъ двухъ послѣднихъ эпиграммъ, со-
сзавляющія главное оныхъ достоинство, не принад-
лежашъ сочинителю.

И золотыиѣ щитыиѣ законы отражаешъ:
 Топъ раноль, поздно ли—меня не избѣгаешъ;
 Разкаешся злодѣй и вспомнишь, что ешь
 Богъ.

Но если опъ меня возьмешся первый слогъ,
 То назовешъ рѣку, кошорой мирны воды,
 Стремяся въ озеро, благшворяшъ народы.
 Когдажъ на выворощъ слогъ первый по бо-
 камъ

Рѣки шой размѣшишся

И цѣлое съ водой раздаешся по рукамъ:
 То вся компанія пошчасъ развеселишся;

Всѣ всшупашъ въ разговоръ;

Услышишъ смѣхъ, услышишъ споръ...,,

—Прекрасно! Чудеса! Нельзя не восхищаться!

Но милый другъ, позволъ съ тобою распро-
 щаться... —

“Пустое! вздоръ! садись и выслушай: шеперь—

Безъ первой литеры—не рыба я, не звѣрь;

Но ползаю въ водѣ...,—Забавно! я смѣюсь!...

Прекрасно! но цволь!... въ другое время радъ!..—

“Когда же первую попрежнему оставимъ;

Послѣднююжъ назадъ

Чрезъ букву пересшавимъ:

То гордо надъ рѣкой

Сшою и берега...,, — Нѣшъ мочи! Богъ съ
 побой,

М. Атаки .

Сблѣвъ,

Шарада.

Коль скоро босшониспъ, слогъ *первый* гово-
рипъ

Съ примѣпною досадою:

Не суйшесь, милые! никшо погда съ Шарадой:
Онъ васъ, какъ и со мной случилось, огор-
чипъ.—

Во время бури, шторма,
Спокойно во *второлѣ* грузяпъ суда какъ дома;
Безъ *цѣлаго* жь кого Полиція найдешъ,
Тому безъ плашежа кварширу опшедешъ.

М. Атаки.

С. б. л. сб.

~~~~~

Отъ Издателя.

Въ составѣ Журнала: БЛАГОНАМЪРЕН-
НЫЙ входяпъ:

I. Изящная Словесность.

Стихотворенія, какъ шо: Оды, Посланія, Элегіи, Идилліи, Сказки, Басни, Пѣсни, Эпиграммы и сѣпихотворные опривки. *Проза*; Рѣчи, Повѣспи, Разговоры, небольшія Комендіи, живописные Пупешеспвія, опривки изъ Романовъ, и проч.

II. Литгература, Науки и Художества.

Теорія Словесности, Наука и Художеспвіе
—Разсужденія о разныхъ предметахъ.

III. КРИТИКА.

Разборъ нѣкоторыхъ новыхъ книгъ и образцовыхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ.

IV. ТЕАТРЪ.

Разсмотрѣнiе нѣкоторыхъ новыхъ театральныхъ пiесъ и замѣчанiя на игру актеровъ.

V. СМѢСЬ.

Биографiи знаменитыхъ мужей. — Иностранные и опечесшвенные анекдоты. — Правоучительныя мысли и разные замѣчанiя. — Извѣстiя о новыхъ важнѣйшихъ открытiяхъ въ ученomъ свѣтѣ, также о новыхъ иностранныхъ и Русскихъ книгахъ, съ крашкими на нѣкоторыя изъ оныхъ замѣчанiями. — Разныя любопытныя новости. — Благодѣтели. — Загадки, Шарады, Логогрифы, Омонимы, Анаграммы, и проч.

Въ прудахъ Издашеля обѣщались участвовашь многiе извѣстныя Липшерапоры. Онъ упоиребитъ всевозможныя съ своей стороны способы едѣлашь Журналь свой сколь возможно занимательнѣе и разнообразнѣе. Преимущесшвеннѣе предъ прочимъ намѣренъ онъ заняшья *благонаибренною* критикою и будешь несравненно спрже прошивъ прежняго въ выборѣ пiесъ, особенно стихотворенiй, доставляемыхъ къ нему для помѣщенiя въ его изданiи.

Хотя Издашель, благодаря почтеннымъ

своимъ соприудникамъ, не имѣеть недостатка въ матеріалахъ для Журнала; но съ удовольствіемъ и съ благодарностію помѣщашь будетъ въ ономъ доставляемые къ нему ошъ постороннихъ особъ сочиненія и переводы, если шолько найдешь ихъ по содержанію и по слогу соотвѣтствующими плану его изданія. Впрочемъ онъ не принимаетъ на себя запруднительной обязанности пересылаць обратно къ Г. г. Сочинителямъ и Переводчикамъ ихъ піесъ, если, по какимъ бы то ни было причинамъ, нельзя будетъ ихъ печашать.

Каждую недѣлю въ Понедѣльникъ выходишь будетъ одинъ номеръ (ошъ двухъ съ половиною до шрехъ печашныхъ листовъ); двѣнадцашь или тринадцашь номеровъ сошавяшъ часшь, а чешыре часши годовое изданіе. При нѣкоторыхъ книжкахъ приложены будутъ гравированные изображенія, какъ шо: чершежи, виды и ш. п.

Подписка на Журналъ *Благонамѣренный*, принимается въ Санктпетербургѣ: въ Газетной Санктпетербургскаго Почтамта Экспедиціи, которая приняла самыя вѣрныя мѣры къ исправному доставленію сего Журнала иногороднымъ подписчикамъ; у Издашеля Кол. Сов. *Александра Ефиловича Измайлова*, живущаго на Пескахъ противъ Бассейна, въ каменномъ шрехъ-этажномъ домѣ Моденова,

подъ № 283; у Коммисіонеровъ его: въ бумажномъ магазинѣ фабрики покойнаго Коммерціи Совѣтника Ольхина подъ № 4, что въ Нирембергскихъ лавкахъ, въ домѣ Каполической церкви и въ фарфоровомъ магазинѣ Красноглазова въ домѣ Купца Меншикова, подъ № 15, прошивъ Аничковскаго дворца; и у всѣхъ здѣшнихъ книгопродавцевъ; а въ Москвѣ у Содержателя Университетской типографіи А. С. Ширяева. Цѣна за годовое изданіе, ш. е. за 52 книжки, здѣсь въ Санктпетербургѣ 30 р. за полугодовое же, или 26 книжекъ 15 р. За пересылку въ другіе города и за доставленіе на домъ прилагается въ годъ по 7 р. а за полгода 3 р. 50 к. Иногородные благоволяшъ ошносишъ не къ книгопродавцамъ, - но къ самому Издашелю, или въ Газетную Санктпетербургскаго Почтамта Экспедицію. Желашющіе получашъ Журналь сей на Любской бумагѣ, благоволяшъ свѣрхъ вышеозначенной цѣны прилагашъ на годъ 10 р. и подписашъ заблаговременно.

www.mmmmm

(1 Января.)

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1822. № II.

ОПЫТЪ О ЧТЕНІИ БАСЕНЬ.

(Окончаніе.)

V. Наконецъ измѣняшь голосъ, смотря по мыслямъ. Онѣ бывающъ:

1. *Сильныя*. напримѣръ въ Баснѣ И. И. Дмишріева—*Дубъ и Трость*:

И пошъ, на коего съ шрудомъ взирали очи,
Кшо ада и небесъ едва не досягалъ...

Упалъ!

2. *Блестящія*, напр:

Смерть рыщетъ по полямъ, по рвамъ, по вы-
сямъ горбъ;

Вездѣ разметаны ея сѣирѣчества жертвы,

или;

За облака Орелъ

На верхъ Кавказскихъ горъ поднялся;

На кедръ тамъ столѣтнемъ сѣлѣ

И зримымъ подъ собой пространствомъ лю-
бовался,

или:

Днемъ солнечнымъ желая насладиться,
По поднебесью Царь пернатый птиць лешалъ,

И тамъ гулялъ

Гдѣ молнія рождается.

При чтеніи сихъ мыслей должно возвышашь понь и давашь замѣшишь всю силу оборота.

3. *Простодушныя*, напимѣрь въ Припчѣ А. Е. Измайлова—*Отгаяніе Матери*, Лиза печалишя о смерти дочери; мужъ ее упѣшаеть:

«Слезами, душењка, нельзя уже помочь.— Супругъ ей говоришь—намъ швердыми бышь
должно.,»

—Тебѣ бышь швердымъ очень можно, Сказала Лизанька въ опѣтѣ неоспорожно, Ну, еслибъ *у тебя*, сударь, скончалась дочь!— или у него же въ Припчѣ — *Дѣвушка и Чижъ*, Лизанька, жалуясь на маминьку, говоришь:

«Едваль, при раза въ годъ бываю я на балѣ, *А то вертись себѣ безъ кавалера въ залѣ!* Куда какъ весело одной вальсировать!.,»

или у И. А. Крылова въ Баснѣ: *Медвѣдь у Пчелъ*. Сочинишель удивляясь, что Медвѣдя сдѣлали надсмотрщикомъ надъ ульями, говоришь:

Хощь можнобъ выбрашь шущь другаго по-
вѣрнѣй,

Зашемъ, что къ меду Мишка падокъ,

Такъ не былобъ оглядокъ;

Да спрашивай шы толку *у зѣбрей!*

Эти мысли должно выражать съ просподушіемъ; войпи въ соспояніе сочинителя, или дѣйствующаго лица; какъ они бышь увѣрену въ помъ, что они говоряшь и спарашься произнеспи ихъ шакъ, какъ бы они произнесли сами.

4. *Тонкія*, напр. въ Баснѣ И. А. Крылова—*Гуси*:

Баснѣ эщю можно бы и болѣ пояснишь,
Да чшобъ гусей не раздразнить.

или у него же въ Баснѣ—*Оракулъ*:

Я слышалъ—правдаль?—будшо всшарь
 Судей шакіхъ видали,
Которые всегда цмны бывали,
Пока ц нихъ былъ цмной Секретарь.

или у А. Е. Измайлова въ Баснѣ—*Оселъ и Конь*:

Такихъ Ословъ довольно и межъ нами,
Безъ тепраковъ, а съ телъ? — ну! догадайтеъ
сами!

или въ одной изъ Басень И. И. Дмипріева, Прохожій, любуяеъ съ монастырской колокольни окреспными мѣспами, вскричалъ:

“Великолѣпныя картины!”

Не правда ли?,, вопросъ онъ сдѣлалъ одному

Изъ брашій съ нимъ стоящихъ.

— Да! пруженикъ, вздохнувъ, ошвѣщствовалъ
ему!

Для проходящихъ!—

Таковыя выраженія должно также произносить съ простодушіемъ, но давая нѣсколько замѣшить остроуміе, въ нихъ сокрытое.

5. *Пріятыя*, напр. въ описаніи унынія, въ которое впали звѣри, когда между ними свирѣщствовалъ моръ:

Съ голубкой голубъ врозь живень,
Любви въ поминъ больше нѣшь,
А безъ любви какое ужь веселье!

или у Крылова же въ Баснѣ — *Оселъ и Соловей*:

Тутъ Соловей являлъ свое искусство спалъ,
Защолкалъ, засвисталъ
На тысячу ладовъ; шаянулъ, переливался;
То нѣжно онъ ослабѣвалъ
И томной вдалекъ свирѣлю отдавался;
То мѣлкой дробью вдругъ по рощѣ разсы-
пался

Внимало все тогда
Любимцу и пѣвцу Авроры:
Запили вѣсперки, замолкли пшичекъ хоры
И прилетли спада.

Чуть - чуть дыша, паспухъ имъ любов-
вался

И шолько иногда,
Внимая Соловью, паспущкѣ улыбался.

Сей отпрывокъ можешъ также служишь прекраснымъ примѣромъ описанія.

Мысли сего рода должно произносить, какъ бы любуясь описываемыми картинами, или входя въ чувствва сочинителя.

6. Наконецъ *Забавныя*, напр. въ одной изъ Басенъ И. А. Крылова, Любопытный разсказываешъ, что онъ видѣлъ въ Кунсткамерѣ и букашекъ и паракашекъ; приятель его спрашиваетъ:

“А видѣлъ ли слона? Каковъ собой на взглядъ?”

Я чай, подумалъ ты, что гору встрѣшилъ!,,
— Да развѣ тамъ онъ? — “Тамъ., — Ну, братецъ, виновашъ:

Слона-то я и не прилѣтилъ. —

или въ Баснѣ А. Е. Измайлова—*Умирающая Собака*, Султанка говоритъ внуку своему Соколкѣ:

“Есть славной у меня еще кусокъ одинъ;
Я спрячалъ тамъ его, куда никто не ходишь.

Скажешь ли? — Нѣтъ, боюсь, ты съешь, собатій сынъ!,,

или у И. А. Крылова—Марштышка доспа-
ла съ полдюжины очковъ и

Вертитъ откажи такъ и сякъ

*То къ телю ихъ прижметъ, то ихъ на хвостъ
нанижетъ,*

То ихъ понюхаетъ, то ихъ полизетъ;

Очки не дѣйствуюшъ никакъ.

или въ другой его Баснѣ, Пуспыннику
наскучило жить одному —

*Идешъ онъ въ лѣсъ шолкнушья у сосѣдей,
Чшобъ съ кемъ нибудь знакомство свесшъ.*

Въ лѣсу кого набрешъ,

Кромѣ Волковъ, или Медвѣдей.

*И почно встрѣшился съ большимъ Медвѣ-
демъ онъ;*

Но дѣлашъ нечего, снимаетъ шляпу

И милому сосѣдущкѣ поклонъ.

Сосѣдъ ему протягиваетъ лапу, и проч.

или у А. Е. Измайлова.

Шли два Осла дорогою одной

И разсуждали межъ собой

О политическихъ и о другихъ предметахъ,

(Они ужъ оба были въ лѣтахъ.)

При чтеніи таковыхъ стиховъ, дол-
жно опшѣнишь смѣшные описанія, ве-
селыя мысли и забавные выраженія.

Предложивъ общіе правила, сдѣлаемъ примѣненіе ихъ; возьмемъ какую нибудь Басню, разберемъ ее въ подробностяхи и покажемъ, какимъ образомъ, слѣдуя имъ, должно прочесть ее:

Морѣ звѣрей.

Люпѣйшій бичъ небесъ, природы ужасъ —

Морѣ

Свирѣпствуетъ въ лѣсахъ. — Уныли звѣри;

Въ адѣ распахнулись насѣжь двери;

Смерть рыщещъ по полямъ, по рвамъ, по

высямъ горъ;

Вездѣ размешаны ея свирѣпства жершвы. —

Какое превосходное начало! Сочини- шель, кажешся, боишься назвашъ язву и для того прежде ее описываешъ, а по- томъ уже называешъ. Въ первомъ стихѣ сосоставляется нѣкопорый родъ на- пряженія; слово: *Морѣ*, поставлено какъ бы для усиленія предыдущихъ мыслей; а пошому при чтеніи его должно вспо- мнишь правило, которе мы предложили при описаніи сей фигуры — должно по- спешенно возвышашъ шонъ и усиливашъ голосъ.

Въ адѣ распахнулись насѣжь двери

Мы уже говорили о чтеніи Метаморфъ.

Смершь рыщешъ по полямъ, по рвамъ, по
высямъ горъ,
Вездѣ размешаны ея свирѣпства жершвы.

Эти два стиха, копорые (говоритъ Г. Жуковскій) не испортили бы никакого описанія Моровой язвы въ Эпической Поэмѣ, должны быть прочтены пономъ самимъ высокимъ, самымъ благороднымъ, и при первомъ надобно вспомнишь правило, предложенное тогда, когда мы говорили о Безсоюзіи. Весь эпосъ отпрывокъ должно читашъ съ ужасомъ, съ опшѣнкомъ гореспи и для выраженія его употребишь чтеніе *высокое*; при слѣдующихъ стихахъ перейди къ чтенію *умѣренному* и потомъ поспешенно къ *простому*.

На часъ по тысячѣ валищся ихъ;

А шѣ, копорые въ живыхъ,

Себѣ щогожь боясь, чущь бродящъ полумершвы.
Тѣжь звѣри, да не шѣ въ великихъ шѣхъ бѣ-
дахъ:

Не давишь Волкъ овецъ и смирежъ, какъ
монахъ;

Миръ курамъ давъ, Лиса, поспишся въ под-
земельѣ;

И пища имъ на умъ нейдетъ;
 Съ Голубкой Голубъ врозь живетъ;
 Любви въ поминъ больше нѣтъ;
 А безъ любви какое ужъ веселье!

Въ четвертомъ стихѣ надобно оп-
 шѣнить слова: *тѣжъ звѣри, да не тѣ*.

Съ Голубкой Голубъ врозь живетъ,
 Любви въ поминъ больше нѣтъ—

должно прочесть съ нѣжною горестію,
 съ глубокимъ сожалѣніемъ объ участіи
 бѣдныхъ живописныхъ; а стихъ:

А безъ любви какое ужъ веселье!—

почти со вздохомъ.

Въ сей крайности совѣтъ звѣрей собираетъ
 Левъ.

Тащанся шагъ за шагъ, чужь держатся въ
 нихъ души;

Сбредлись и въ пишинъ Царя вокругъ обѣвъ,
 Уставили глаза и приложили уши.

Чипая это описаніе, кажется, ви-
 дишь звѣрей худыхъ, смиренныхъ, копо-
 рые едва, едва тащанся, сбредлись и у-
 сѣвшись вокругъ Царя, унылые, убитые
 несчастіемъ, съ перпѣніемъ ожидающъ
 словъ Его Львинаго Величества. При-
 чпеніи сихъ стиховъ должно изобра-

зипть пихую походку больныхъ звѣрей,
ихъ уныніе, ихъ принужденное терпѣ-
ніе, и для того чипашь медлѣнно, пихо,
оспанавливаясь на каждомъ словѣ, и
какъ бы произнося ихъ съ шрудомъ.

О други!—началь Левъ—по множеству грѣховъ
Подпали мы подъ сильный гнѣвъ боговъ;
Такъ шощъ изъ насъ, кшо всѣхъ вино-
вень болѣ,

Пускай по доброй волѣ
Дозволишь принести себя на жершву имъ.
Бышь можешъ, чшо богамъ мы эшимъ уго-
димъ,

И шеплое усердье нашей вѣры
Смягчишь жестокость гнѣва ихъ.
Кому не вѣдомо изъ васъ друзей моихъ,
Чшо добровольныхъ жершвъ шакихъ
Бывали многіе въ Истории примѣры.

Ишакъ, собравши духъ,
Пусть исповѣдуешъ здѣсь всякой вслухъ,
Въ чемъ погрѣшилъ когда онъ вольно, иль
невольнo;

Покаемся, мои друзья!

Мы уже говорили, чшо переходя ошъ
описанія, или размышленій сочинителя
къ словамъ дѣйствующихъ лицъ, долж-
но перемѣняшь голосъ, а пошому счи-
таемъ ненужнымъ сказывашь шеперь,

что окончивъ описаніе, должно остано-
виться и рѣчь Льва начашъ съ другаго
тона! Слова: *нагалѣ Левѣ*, должно про-
честъ полутономъ ниже прочаго, какъ
бы они были въ скобкахъ, пошому что
это говоритъ сочинитель.

Такъ пошъ изъ насъ, кшо всѣхъ вино-
вень болѣ,

Пускай по доброй волѣ

Дозволишь принести себя на жертву имъ.

Бышь можешъ, что богамъ мы эшимъ уго-
димъ,

И тепное усердье нашей вѣры

Смягчишь жестокость гнѣва ихъ.

Левъ долженъ былъ произнесъ это
съ уныніемъ, съ глубокою горестію, съ
опчаяніемъ, умѣряемымъ надеждою на
последнее средство избавленія; а пошо-
му и читающій долженъ выразишь всѣ
сіи различные чувства.

Кому не вѣдомо изъ васъ, друзей моихъ,

Что добровольныхъ жертвъ такихъ

Бывали многіе въ Исторіи примѣры.

Эти стихи должно прочестъ съ ве-
личайшею важностію: шунъ дѣлѣ идешь
не на шунку!—Левъ—Царь звѣрей, пред-
лагаешъ последнее средство для избав-

ленія Государства опъ погибели и приводитъ Исторію въ подтвержденіе словъ своихъ.

И пакъ, собравши духъ,

Пуспъ исповѣдуешь здѣсь всякой вслухъ,
Въ чемъ погрѣшилъ когда онъ вольно, или
невольно;

Покаемся, мои друзья!

Все это Левъ долженъ былъ произнести съ удивленіемъ, со смиреніемъ, съ раскаяніемъ въ грѣхахъ своихъ — съ раскаяніемъ прищворнымъ, но которое онъ хочешь показать истиннымъ.

Охъ! признаюсь, хоть это мнѣ и больно,

Не правъ и я!

Овечекъ бѣдненькихъ, зачщо? — совсемъ без-
винно

Дираль безчинно;

А иногда—кшо безъ грѣха?—

Случалось драль и паспуха;

И въ жершву предаюсь охотно,

Но лучшебъ намъ сперва всѣмъ вмѣстѣ перечесшь

Свои грѣхи; на комъ ихъ болѣ ешь,

Того бы въ жершву и принесшь:

И было бы богамъ то болѣе угодно.

При первомъ словѣ перваго стиха Левъ долженъ былъ вздохнуть изъ глу-

бины души; второе произнести съ великодушнымъ униженіемъ, слѣдующіе съ горестію, а *не правъ и я!* со смиреніемъ и раскаяніемъ. Покуда онъ обвинялъ себя просто, не сказывая грѣховъ своихъ, но говорилъ ошкровенно и какъ бы дѣйствительно раскаяваясь; а какъ дѣло дошло до нихъ, то онъ о величайшихъ преступленіяхъ упоминаетъ слегка и даже оправдывается: *кто безъ грѣха?* Хотя онъ и говоритъ: *и въ жертву предаюсь охотно;* но при чтеніи этого стиха должно дать замѣнить, что если бы нашелся изъ звѣрей такой дуракъ, который бы этому повѣрилъ, то дорого заплачилъ бы за свое легковѣріе. Надобно оппѣнить стихи:

Но лучшебъ намъ сперва всѣмъ вмѣстѣ перечесъ

Свои грѣхи—

и особенно причину, по которой онъ такъ думаетъ: *и было бы богаль то болѣе угодно.*

“О Царь нашъ, доброй Царь! оѣтъ лишней доброты,
Лисица говоритъ, въ грѣхъ это спавишь
шы.

Къ чему щадить овецъ?—Я думаю безъ лести,
 И вѣрно всѣ согласны здѣсь со мной,
 Для швари глупенькой такой,
 Царю по вкусу бышь чрезмѣрно много чеспи.
 А что до паспуховъ, мы всѣ здѣсь бьемъ
 челомъ
 Ихъ чаще такъ учимъ—имъ эшо подѣломъ!
 Безхвостый эшотъ родъ лишь, глупой спѣсью
 дышешъ
 И нашими себя вездѣ Царями пишешъ.

Вошь прекраснѣйшее изображеніе
 льщеца! Лисица должна была начашъ
 съ удивленіемъ, даже съ нѣкоторымъ
 воспоргомъ, возбужденнымъ великоду-
 шіемъ Царя; опшѣницъ слова: *я думаю*
безъ лести, а спихъ: *и вѣрно всѣ согла-*
сны здѣсь со мной, произнесшъ спокой-
 но, съ полною увѣренностію въ справед-
 ливости словъ своихъ: она очень знаетъ,
 что боясь Льва, никто не осмѣлился
 ей прошиворѣчить. Разумѣешся, что
 читающій долженъ старашъ изобра-
 жашъ чувства говорящихъ лицъ, а по-
 тому произносшъ точно такъ, какъ
 бы произнесли они.

Окончила Лиса; за ней на шотъ же ладъ
 Льщецы Льву шожешъ говорашъ;

И всякой доказашь спѣшишь на перехватъ,
 Что даже не въ чемъ Льву просишь и отпу-
 щенья.
 За Львомъ Медвѣдь и Тигрь и Волки въ свой
 черѣдъ,
 Во весь народъ
 Повѣдали свои смиренно прегрѣшенья;
 Но ихъ безбожныхъ самыхъ дѣлъ
 Никто и шевелишь не смѣлъ;
 И всѣ, кто былъ зубкомъ, иль ногошкомъ
 богаты,
 Тѣ вышли вонъ
 Со всѣхъ споронъ
 Не только правы, чуть не святы!

За Лисицей всѣ звѣри спѣшашь до-
 казашь Льву, что не только онъ недо-
 стоинъ казни, но что даже не въ чемъ
 ему просишь и *отпущенья*; это должно
 выразишь. При чтеніи 7 стиха должно
 оппѣнишь слово: *смирено*, что бы по-
 казашь какого рода было это смиреніе.
 На словахъ: *зубкомъ* и *ногошкомъ*, надоб-
 но сдѣлашь удареніе для того, что бы
 дашь хорошенько замѣнишь: почему всѣ
 эши господа такъ правы. Должно такъ
 же оппѣнишь слова: *не только правы,*
чуть не святы! сказавъ первые довольно
 просто, какъ бы уже не удивляясь шо-

му, но возвысивъ голосъ и усиливъ выраженіе на вѣпорыхъ.

Въ свой рядъ смиренный Вошь имъ пакъ
мычишь: и мы
 Грѣшны; шому давно, когда зимой кормы
Намъ были худы—

На грѣхъ меня лукавой напѣкнулъ—
 Нигдѣ себѣ найши не могли ссуды,
 Изъ спога у Попа, я клокъ сѣнца спянулъ.

Слова: *мычитъ, и мы, грѣшны, кормы*, послѣвлены здѣсь для изображенія голоса Вола; объ эпомъ долженъ стараться и читающій: разумѣется, что онъ не долженъ мычать подобно волу, но можешь произносить слова сіи протяжнѣе прочихъ и понизивъ нѣсколько тѣнь. Однако при эпомъ надобно быть чрезвычайно оспорожнымъ, потому что шущъ весьма легко перейши за границу хорошаго—и сдѣлаешься смѣшнымъ. Вошь исповѣдуешь грѣхи свои не пакъ, какъ Левъ, не съ припворствомъ, а опъ чистаго сердца; а пошому выраженіе читающаго не должно быть принужденнымъ. Послѣдній стихъ надобно произнести тихо; понизивъ голосъ, съ боязнію.

При сихъ словахъ поднялся шумъ и
шолки.

Кричашь Медвѣди, Тигры, Волки:
“Смопри злодѣй какой!

Чужое сѣно ѣспь!—Ну диво ли, что боги
За беззаконіе его къ намъ сполько спроги?
Его безчинника съ рогашой головой,
Его принесшь богамъ за всѣ его проказы,
Чтобъ и шѣла намъ спасшь и нравы опъ
заразы.

По немъ у насъ и Моръ шакой!—

Приговорили

И на косшеръ Вола взвалили.

*

И въ людяхъ также говорашь,
Что посмирнѣй, такъ пошь и виновашь.

Слова Вола надобно чипашь шихо
и медлѣнно, а при началѣ эшихъ спи-
ховъ вдругъ перемѣнишь шонъ и чипашь
гораздо скорѣе. Медвѣди, Тигры и Волки
обрадовались, что нашли дурака, копо-
рый ошкровенно признаешся преступ-
никомъ, хошя грѣхи его ничшо въ срав-
неніи съ ихъ грѣхами, и копорый не
можешъ имъ сопрошивляпсья.

Смопри злодѣй какой!

Чужое сѣно ѣспь!

Эти слова надобно произнести съ величайшимъ (разумѣется припворнымъ) ужасомъ; опшѣнишь слова *беззаконія и безгнѣника*, и при чшеніи спиха: Что бы шѣла намъ спасшь и нравы опъ заразы — усилишь голосъ и выраженіе, дабы дашь замѣшишь причину; по которой они хощашь принесши его на жертву.

Приговорили

И на косперъ Вола взвалили.

сіи же два послѣдніе спиха должно произнести просто, безъ всякаго особеннаго выраженія.

Я означиль здѣсь шолько главнѣйшія черты: вкусу чшающаго предоспавляешся замѣшишь и опшѣнишь прочія.

Примѣт: Не желая присвоивашь себѣ чужаго, долгомъ посшавляю объявишь, что большую часшь изложенныхъ здѣсь общихъ правилъ заимспвоваль я изъ *Discours sur la manière de lire les Fables, par l'Abbé Aubert*, перемѣнивь въ нихъ шо, что мнѣ показалось несправедливымъ

и прибавивъ то, что почель нужнымъ; собственно же мнѣ принадлежащъ только раздѣленіе чтенія и примѣненіе.

Алпій Откинб.

~~~~~

МУЖИКЪ И БОРОНА.

Притча *).

У Мужика сломалась борона;

Худа уже была она;

Такъ чемъ чинишь худую,

Заладилъ онъ другую.

Зашель въ овинь—тамъ вышесаль бруски,
Шипами сколошилъ, приспавиль къ намъ
сучки,

И все, какъ надобно быть бороноѣ, исправиль,

И борону поставиль

Гораздо лунше той, чемъ старая была.

Мужикъ любуется своею бороною,

Доволенъ самъ собою,

И все бы хорошо; но вошъ бѣда пришла:

Какъ борону пащиль Мужикъ спалъ изъ
овина;

Изъ двери борона нейдетъ уже никакъ.

*) Чищено въ Обществѣ любителей Словесности, Наукъ и Художествъ 3 го. Ноября 1821 года.

Мой мужичина
 И пакъ ее и сякъ,
 Поспавишь, повернешъ, подернешъ, прямо,
 бокомъ,
 Тихохонько, съ наскоюмъ,
 Пехнешъ —
 Нейдешъ,
 Ни шупъ-шо было!
 У Мужика решивое заныло;
 Давай-ка снова онъ, что сладилъ, разбирашь
 И въ двери по часнямъ шаскашь.

*

Чшо въ двери борона нейдешъ, шо не бѣда;
 А худо шо, что иногда
 И важнымъ замысламъ шакаяжь череда.

Н. Б.

~~~~~

КОРОЛЬ АКИМСКИЙ.

Повѣств.

(Окончаніе.)

Фремпунтъ, окруженный знашнѣй-
 шими своими вельможами, сидя на по-
 душкѣ, ожидалъ уже его не безъ біенія
 сердца. По правую и по лѣвую спорону
 приемной залы стояло около ста при-
 гожихъ Негришянокъ, любопытствовав-

шихъ видѣть чудо изъ большой, соленой воды. Лишь только малорослый Бухгалтеръ Кампъ, въ модномъ Европейскомъ кафтанѣ, въ шелковыхъ чулкахъ, черныхъ башмакахъ съ серебряными пряжками, съ распудреннымъ на головѣ парикомъ, съ длинною косою, вступилъ въ комнату—всѣхъ объялъ невольный ужасъ. Хотя всякой изъ присуществовавшихъ составилъ уже себѣ напередъ самое странное понятіе о этомъ маленькомъ чудовищѣ; но споль уродливаго никшо не представлялъ въ своемъ воображеніи. Каждый и каждая изъ спашныхъ Негровъ и Негришянокъ, безъ дальняго разсужденія, заключили, будшо кафтанъ, камзоль и прочее платье и обувь суть собственныя части бухгалтерскаго шѣла; приросшія къ нему точно такимъ образомъ, какъ на примѣръ у другихъ животноныхъ шерсть и перья.

Сколькокакой нибудь Французскій фигурантъ далекъ ошъ обворожительной красоты Аполлона Бельведерскаго, сполько же и Г. Кампъ въ праздничномъ своемъ кафтанѣ, опличался ошъ нагаго, спашнаго и сильнаго Негра. И шарья

и молодыя Акимскія красавицы, опомнившись опъ перваго ужаса, не могли при семъ послѣднемъ сравненіи удержаться опъ плутовской улыбки, копорая, какъ ни спарались онѣ скрыть ее, ясно видна была на вздернутыхъ губахъ ихъ.

Но вскорѣ дворъ Акимскій пересмалъ смѣяпсья, къ чему нѣкопорыя притожія фрейлины, а особливо прелестная Фадингго, имѣли сначала большую охоту: чудовище изъ солёной воды шло прямо на Короля, копорый и самъ сидѣлъ какъ на иголкахъ.

Вѣжливый Д ...Бухгалтеръ, копорый считался въ Европѣ за человѣка знавашаго свѣпское обращеніе, не хотѣлъ уронить славы своей и здѣсь при дворѣ великаго Короля Африканскаго. Не дошедши до Монарха шаговъ десять, поклонился онъ очень учпиво и шаркнулъ, какъ водипся, ногою. Но Король худо пѣнялъ это Французское привѣпствіе. Видя, что морское чудо спакъ наклонилось и правую ногу опспавило назадъ, Фремпунгъ, подумалъ, что оно хочепь только присѣспь, дабы удобнѣе вспрыгнуть ему на голову. Лишь только Кампъ

вошелъ въ комнату и оглянулся на обѣ стороны, Король замѣнилъ косу его парика и заключилъ по ней, что это швореніе должно принадлежать къ неизвѣстному роду большихъ долгохвостыхъ обезьянъ. Когда же Кампъ сдѣлалъ вышеупомянутое движеніе, то Король въ одно мгновеніе ока растянулся на землѣ, въ надеждѣ, что такимъ образомъ Бухгалтеръ перепрыгнетъ чрезъ него. Въ ту же минуту Его Величество кликнулъ къ себѣ на помощь своихъ тѣлохранителей.

Кампъ догадался потчасъ, что шутъ должно быть какое нибудь несчастное недоразумѣніе. Онъ обратился къ переводчику, узналъ ошъ чего происходитъ опасеніе Короля и просилъ всеподданнѣйше Его Величеству донести, что это не иное что, какъ только Европейское привѣщевіе. Фремпунгъ, радъ будучи, что ошдѣлался однимъ страхомъ, приказалъ весьма серьезно избавить его на будущее время ошъ такихъ привѣщевій.

Посланникъ хотѣлъ воспользоваться восплащеннымъ спокойствіемъ, что

бы предспавишь ошь имени своихъ соопчичей желанія ко вступленію въ споль выгодные для обѣихъ споронъ торговые сношенія. На сей конецъ велѣлъ онъ принести за собою въ приемную залу ящикъ съ разными подарками для Короля. Прежде однако, нежели онъ предложилъ подарки, началъ говорить хорошо сочиненную и выученную рѣчь, кошорую подмачъ долженъ былъ послѣ того перевести на Негрипанскій языкъ. Онъ принялъ на себя шоржеспвенный видъ и приступилъ съ особенною важностію къ описанію могущеспва и силы своего Государя.

Къ сожалѣнію былъ онъ прерванъ въ своемъ разглагольспвіи самымъ неприятнымъ для него образомъ. Въ то время, когда весь придворный штабъ разсматривалъ со вниманіемъ и любопытствомъ чудное швореніе изъ соленой воды и слушалъ непонятное его бормотанье, пришло въ мысль одному изъ старшихъ Совѣтниковъ Короля Акимскаго попробовать, можетъ ли эшо неизвѣстное животное кусанься и чего въ эшомъ случаѣ опасанься надлежитъ.

Для сего взялъ онъ длинную палку и приспавиль ее прямо ко рпу красно-рѣчиваго Бухгалпера. Видя однако, что онъ не обращаетъ на то вниманія, Совѣтникъ, который могъ бы бытъ хорошимъ Натуралистомъ, сдѣлался смѣлѣе, и что бы раздражить моряка, во-дилъ передъ рпомъ его палкою туда и сюда, приговаривая: *pp! pp!* Наконецъ замѣня, что и это не помогаетъ, во-шкнулъ ему палку въ зубы въ самую ту минушу, когда Кампъ распространяясь въ описаніи славы и могущества своего Государства, разинулъ ротъ не много-шире обыкновеннаго.

Такая неѣжливість вывела Бухгалпера-Посланника изъ себя: Однако же онъ скоро собрался съ духомъ и приказалъ Переводчику объявить вкратцѣ Королю что онъ говорилъ. Но Король не хотѣлъ уже ничего слушать, а видя, что чудовище весьма кропко и опшюдь не кусается, подошелъ къ нему самъ и ощупывалъ его, или лучше сказать его платье. Всего болѣе привлекла на себя его вниманіе, а равно и придворнаго шпаша — коса Кампова парика: весь дворъ

думалъ, что это не иное что какъ приросшій къ запылку уroda хвостъ, который у другихъ живошныхъ вырастаетъ обыкновенно гораздо ниже. Сколько ни увѣрялъ Переводчикъ, что это хвостъ не приросъ къ шѣлу, но можешь бышь снять со всемъ головнымъ уборомъ — никакъ не хошѣлъ ему вѣрить. Наконецъ, желая убѣдиться въ этомъ, Король потребоваъ, что бы чужестранецъ сдѣлалъ предъ нимъ опытъ обезволосить себя, если только можешь.

Это предложеніе показалось Д... Посланнику слишкомъ страннымъ и даже досаднымъ. Онъ задумался, рассуждалъ что ему дѣлать и понюхалъ табакъ. Съ удивленіемъ увидѣлъ весь дворъ, какъ морское чудо открыло маленькую коробочку, съ большою важностію вынуло опшуда двумя пальцами черной пыли и съ жеманной ухваткой набило ею свои ноздри. По всей залѣ раздался громкій смѣхъ; особенно пригожія Негришянки такъ расхохотались, что не скоро могли переспать. Имъ показалось это опмѣнно забавно и онѣ дорого бы заплашили долгохвостой обезьянѣ за то, что бы она еще разъ это сдѣлала.

Важный Бухгалтеръ, которому и въ голову не приходило, чтобъ Африканскія невѣжды могли смѣяться надъ обыкновеніемъ образованныхъ Европейцевъ, обдумалъ между шемъ это дѣло и вспомнивъ, что многіе Посланики при чужеспранныхъ дворахъ, для доспигенія своихъ намѣреній, покорялись самымъ спраннымъ требованіямъ, нашель себя въ необходимости сдгласиться на желаніе Короля и сняшь парикъ.

Вопъ онъ большимъ и указашельнымъ пальцами взялся сверху за напудренную гору, лежавшую на головѣ его, и началъ приподнимать ее—во всей залѣ воцарилось мершвое молчаніе. Всѣ спояли въ робкомъ ожиданіи, съ выпученными глазами и наконецъ увидѣли на самомъ дѣлѣ исполненіе того, что казалось для нихъ доселѣ совершенно невозможнымъ. Волосы опдѣлились отъ головы, а длинный хвостъ ошъ запылка. Всѣ ахнули отъ изумленія.

Когда же Бухгалтеръ съ одною половиною головы между плечъ, а съ другою въ рукѣ, повернулся на обѣ споронны и шемъ доказаль, что онъ живъ —

раздался вновь по залѣ хохотъ, столь сильный и продолжительный, какого въ Африкѣ до тѣхъ поръ и слыхано не было.

Король, котораго зрѣлище сіе опмѣнно увеселяло, приказалъ чуднаго выходца изъ соленой воды покорнѣйше просить, сдѣлать ему удовольствіе, снять съ себя также и оспальную половину головы, а равно опложить руки и ноги: Фрэмунгу нипшо уже не казалось теперь невозможнымъ. Нашъ Бухгалтеръ при семъ пребываніи пришелъ въ большее замѣщательство, особенно какъ онъ увидѣлъ, что его опнюдь не считающъ за разумное созданіе Божіе, но за удивительное и необыкновенное живошное. При такомъ положеніи дѣлъ не имѣлъ онъ даже нималѣйшей надежды пракшовать о заключеніи торговаго договора.

Кампъ употребилъ все свое краснорѣчіе; что бы доказать, что онъ такой же почно членъ человѣческаго общества; что онъ, исключая цвѣтъ и волосы, почно также созданъ, какъ и всякой Негръ, и что онъ можетъ опложить только плашь, которымъ покрываетъ свое

шло, но опнюдь не собспвенные свои, дарованные ему опъ Творца члены.

Фремпунгъ все еще, казалось, сомнѣвался. Что бы точно удостовѣриться въ справедливости словъ Кампа, приказалъ онъ ему снять съ себя плашье и явиться въ человѣческомъ видѣ. Кампъ принужденъ былъ согласишься, но рѣшительно опказался раздѣться въ присутствіи цѣлой сотни пригожихъ женщинъ, говоря, что это былъ бы самый непростибельный проступокъ противъ правилъ общежитія. Вопъ посмотрѣли бы вы сумашоу между Негрипянками! Не понимая опговорки Кампа, злились онъ на него какъ нельзя болѣе за то, что не хочешь сдѣлать ихъ свидѣтельницами масперской шпуки, какъ онъ, подобно змѣѣ, сброситъ съ себя старую кожу. “Если онъ настоящій человекъ, кричали онъ, по чего ему бояться? И не въ тысячу ли разъ смѣшнѣе и непростибельнѣе, что онъ осмѣлился явиться предъ насъ, не въ настоящемъ своемъ видѣ? Почему не показать себя такимъ, каковъ онъ есть въ самомъ дѣлѣ и какимъ его создалъ Богъ? — шемъ

болѣе, что онъ въ этомъ случаѣ конечно ничемъ, или мало чемъ, будешь отличашься отъ насъ и отъ прочихъ присутствующихъ въ залѣ.»,

Несмотря на все это Кампъ, который имѣлъ для сего слишкомъ много чувства приличія и знанія свѣтскихъ обычаевъ, старался въ самыхъ утливыхъ выраженіяхъ отклонить требованія невинныхъ и просподушныхъ красавицъ.—Надлежало рѣшить Фремпуngu. Онъ далъ знакъ и женщины удалились.

Тогда Бухгалтеръ сдержалъ свое слово и началъ сцимать съ себя кафпанъ, камзолъ и всѣ прочія части одѣянія своего, одну за другою. Король смотрѣлъ на эту операцію съ удивленіемъ, ежеминутно возрасшающимъ. Наконецъ, вмѣсто прежняго чудовища, котораго споль много спрашилъ, увидѣлъ онъ предъ собою — благо челоуѣка. Съ ужасомъ и препеномъ ощупывалъ онъ по одинъ, по другой изъ его членовъ; смотрѣлъ съ нѣкопрымъ родомъ опвращенія, или омерзѣнія, на его цвѣтъ, и наконецъ воскликнулъ: *правда! ты челоуѣкъ, но бѣлъ какъ д.....!*

Сословинъ.

КЪ БРАТУ.

Сполицы мирный жишель,
 Врагъ льни и суешъ,
 Мой Ангель покровишель,
 Мой другъ и мой учишель,
 И въ мракъ жизни свѣпль! —
 Опъ Музы небогашой
 Ты пребуешъ сшиховъ;
 Но мнѣ, мой Философъ,
 Твое желанье свяшо!
 И вопъ шебѣ опъ браша
 Даръ скудный—пукъ сшиховъ.

Съ шого злапаго дня,
 Какъ благошворный Геній
 Въ родишельскія сѣни
 Вяовъ перенесъ меня—
 Я счаспливъ спалъ душею:
 Здѣсь радосшь съ шишиною,
 Здѣсь все, чщо въ жизни сей
 Мнѣ дорого и мило:
 И прелесшь юныхъ дней
 Съ свободой легкокрылой,
 И дружеская сѣнь,
 И сѣнь уединенья,
 И свѣпишь наслажденья
 Незаходимый день.
 Творцу благодаренья!—
 Такъ, мой любезный брашъ,

Прошедшіе мученья
 Меня не посѣщашъ;
 И радость, слава Богу!
 Дружился вновь со мной!
 На ровную дорогу
 Я выброшенъ судьбой,
 Изъ той пемницы скучной,
 Гдѣ жилъ всегда съ одной
 Подругою докучной.
 Ты знаешь, кто она:
 И гордая и злая,
 Какъ мершвая блѣдна,
 Какъ Мумія сухая.
 Такъ, я, любезный брашъ,
 Терпѣлъ ошъ ней недавно;
 А нынѣ—очень радъ—
 Прогналъ ее—и славно!—
 И не придетъ назадъ!—

Съ шѣхъ поръ бѣгушъ игриво,
 Мои младые дни;
 И, другъ мой, извини:
 Я, Музой говорливой
 Насильно увлечешъ,
 Не къ спаши разболшался;
 Но я въ грѣхѣ признался—
 И менѣ грѣшенъ.

Когда лучи разсвѣша
 Покроюшъ небосклонъ,

И своего Поэша
 Прервешся сладкій сонъ —
 Я, вспомня долгъ священный
 Свой разумъ просвѣщаю,
 Сажусь, уединенный,
 Науки повшоряю;
 На время опгояю
 И Музу и лѣнь свою,
 Читаю и читаю
 Пока не усаяю;
 Пошомъ, какъ ушмяляшся
 Начнешъ разсудокъ мой,
 И весело раздасся
 Часовъ полдневный бой—
 Оспавивши заняшя,
 Лечу на сельскій пиръ,
 Гдѣ искренность кумиръ,
 Гдѣ всѣ друзья и брашья!
 И право, милый мой,
 Обѣдъ сѣмьи просшой,
 И скромный и радушный,
 Мнѣ во сто крашъ милѣй,
 Чемъ долгій и бездушный
 Пиръ гордыхъ богачей,
 Гдѣ не могу свободно,
 Чшо мыслю говоришь,
 Смѣяшся и шупишь,
 И ѣшь, чшо мнѣ угодно;
 Гдѣ модный *этикетъ*
 Госшями управляешъ,

Гдѣ скука обихаетъ,
 Гдѣ искренности нѣтъ.
 Но дружескій обѣдъ
 Мнѣ лучше и вкуснѣе:
 Здѣсь мысли веселѣе,
 Здѣсь всякой, какъ привыкъ,
 Все говоришь, что знаешь,
 Здѣсь скука не бываетъ,
 И волею мой языкъ.
 Разсѣвшись со споломъ,
 Я радости вкушаю,
 Какихъ не обрѣпаю.
 Въ Петрополѣ ни въ чѣмъ.
 Прочь дупленного счастья
 Румянецъ накладной,
 И розы сладоспращья
 Съ порочною красою!
 Семейства въ мирной сѣни —
 Жилище наслажденій;
 А не въ шуму градскомъ.
 Такъ мы, друзья родные,
 Веселье, молодые,
 Садимся всѣ кружкомъ;
 Всѣ говоримъ безъ смѣны:
 Тушь шушки, оспропы,
 И смѣхъ непринужденный,
 И вольныя мечпы!
 Пошомъ, какъ упомицся
 Ай *) нашъ удалой,

---

*) Ай Локуцій—богъ рѣчи у Римлянъ. *Прим. Сов.*

И шихо водворишся
 Въ собраніи покой;
 Въ сей сладкій часъ досуга
 Прибѣгнемъ къ Музамъ мы,
 И радосшь, ихъ подруга,
 Вновь оживишь умы;
 Часы, какъ легки шѣни,
 Мелькающъ мимо насъ;
 Когдажь ихъ звонъ вечерній
 Ударишь десяшь разъ—
 Опяшь всѣ Гаспрономы
 На благовѣсшь знакомый
 Являшся за ешоломъ,
 Для жершвопринощенья
 Тебѣ, великій Комъ,
 Богъ мирный объяденя! ...
 Окончивъ ужинъ свой,
 Съ зѣвою пропяжной
 Я ошправляюсь важно
 Къ Морфею—на покой;
 Весь свѣшь позабываю,
 Не мыслю ни о чѣмъ—
 И богашырскимъ сномъ
 До ушра просыпаю. —

... сб.

ВОЛЬТЕРОВА КАРЕТА.

Анекдотъ.

Вольперъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ сдѣлался извѣстенъ — какъ Поэтъ, по ешь, какъ человекъ, весьма часто приходящій въ изсипуленіе. По окончаніи наукъ, онъ пошчасъ познакомился съ большимъ свѣпомъ, особенно съ домомъ Герцога Риш ... у копорого супруга спрасно любила Поэзію, и сама сочиняла довольно прияшныя стихи. Вольперъ, скажемъ пошихоньку, не мало способствовалъ этой прияшности, за что и былъ щедро награждаемъ. Однажды Герцогиня пожаловала ему сошню луидоровъ: шакая сумма удивила Вольпера! Онъ не зналъ, что съ нею дѣлать. Къ счастью, проходя по улицѣ *Сент-Дениской*, увидѣлъ онъ на афишкѣ, что неподалеку продается съ аукціона кареша, съ парокъ лошадей, и чешыре лакейскихъ ливрей. Онъ входитъ, надбавляетъ цѣну, и — словомъ — покупаетъ экипажъ со всѣми сказанными принадлежностями за свои спо луидоровъ, и сверхъ того, несмотря на совершенное безденежье, нанимаетъ пошчасъ лакеевъ: ливрея служила имъ порукою въ плашежѣ!

Ишакъ нашъ Поэтъ въ минушу сдѣлался Маркизомъ. Первый визитъ его въ ша-

комъ парадъ, какъ и слѣдовало ожидать, былъ къ его благодѣшельницѣ. Кареша застучала, Герцогиня подошла къ окошку, и увидишь Вольшера, всегдашняго пѣшехода, сходящимъ съ подножекъ при помощи трехъ лакеевъ! Она подозвала своего супруга полюбовавшись такою комедіею — и подлинно оба, какъ говорится, досыпа нахохотались. Такимъ образомъ новый Маркизь цѣлой день ѣздилъ по всему городу, и весь городъ также смѣялся.

Но вѣшь наступаетъ ночь! Съ лакеями нечемъ расплатишься, экипажа некуда поспавишь! Чшо же дѣлаешь нашъ вищязь? Онъ подъѣзжаетъ къ дому своего ошца, опускаетъ лакеевъ съ приказаніемъ придти на другой день какъ можно ранѣе, и уговариваетъ дворника вспунишься въ крипическое его положеніе. Дворникъ оспавляетъ карешу на улицѣ, а лошадей вводитъ въ конюшню; но какъ въ ней было одно шолько спойло, занимаемое лошадыю спараго Аруэша, шо опъ пѣсношы госпи и хозяйинъ шопчасъ начали ссориться. Ихъ шопощъ и визгъ разбудили спарика. Опасаясь, чшобъ не украли у него единшвенной одноколки, спарикъ всшаетъ съ постели, звонитъ въ колокольчикъ, сзываетъ людей, и хочетъ самъ осмощрѣшь чшо у него дѣлаешся. Долго проширалъ онъ глаза, когда показались ему вмѣ-

што, одной при лошади. Дворникъ во всемъ признается, лошади выгоняющся. Но — еще новосшь: спарикъ, выглянувъ за воропа, увидѣль карешу! “Это что?,, спросиль онъ съ изумленіемъ. — Кареша вашего сына. — “Моего сына!,, вскричалъ Аруэшь. “Ахъ, бездѣльникъ! Развѣ забыль онъ, что дѣдъ его былъ проспой крешьянинъ! Вонъ, вонъ изъ моего дома!,, — И съ сими словами спарикъ входилъ въ комнапу сына, еще нераздѣвшася, даешъ ему нѣсколько ударовъ палкою и вышпалкиваетъ на улицу. Должно было повиновашься. Но анекдошь еще не кончился. Послушайте послѣдняго приключенія!

Дворникъ помогъ Поэшу заложить лошадей; оспалось найти кучера — а въ три часа ушра кого наняшь можно? Ишакъ въ должносшь сію помѣщенъ былъ сынъ дворника, по имени Флѣро, мальчикъ лѣтъ четырнадцати. И вошь Флѣро на козлахъ, и вошь на первомъ поворотѣ кареша опрокинулась! Флѣро слешѣль, и въ то время, какъ чупъ живой очищаетъ съ лица грязь, что бы взглянуть и увѣришься, споишь ли онъ на землѣ, Вольшеръ, высунувъ голову изъ верхнихъ дверецъ карешы, кричитъ изо всей мочи: *помогите! пособите!*... Какая каршина! И самъ Гарпагонъ дорого бы заплашилъ за нее.

Долго оставался Вольшеръ въ шакомъ

положеніи. Наконецъ крикъ его услышанъ былъ въ сосѣднихъ домахъ. Народъ сбѣжался, и кое-какъ вышасили Поэша изъ западни.

Кареша изломалась—одна лошадь повредила ногу: все продано было за совершенный безцѣнокъ.

21 Дек. 1821.

Сѣ Франц. Сл—вб.

*****

Шарада.

Начало—вѣсъ,

Второе—лѣсъ,

А влѣстѣ—песъ.

О.

*****

(Логогрифъ: помѣщенный въ I N^о значить—*кара*. Изъ онаго выходящъ слѣдующіе слова: *Ра*, *аракб*, *ракб* и *арка*. Шарада—*пас-портб*.)

*****

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Въ ХУНІ, ХІХ и ХХ нумерахъ *Благонравнаго* 1821 года объявлено уже о намѣреніи Гг. Издашелей *Сына Отечества* присоединить къ нему съ будущаго года особое

Прибавленіе подъ названіемъ *Литтературнаго*, которое бы содержало въ себѣ собраніе ошборнѣйшихъ Повѣстей и Анекдотовъ, какъ Русскихъ, такъ и переводныхъ, съ присовокупленіемъ къ нимъ время отъ времени отрывковъ изъ большихъ Романовъ, Трагедій, а также легкихъ пупешесствій, сапирическихъ сочиненій и вообще всего, что служиць къ приятному препровожденію времени и не входитъ въ планъ, собственно для *Сына Отечества* назначенный. Нынѣ, съ первою книжкою сего Журнала, выданы по обѣщанію и два первые нумера *Литтературныхъ Прибавленій*. Они содержатъ въ себѣ Повѣсти: *Подарокъ на новый годъ, Аклие и Медокъ, или любовь въ Спартѣ, и Черный боръ*, а также нѣсколько *Анекдотовъ*. Съ особеннымъ удовольствіемъ прочли мы всѣ сіи піэсы и увѣрены, что если Издашеля будутъ въ сообщаемыхъ ими спашьяхъ наблюдать всегда оцоль спройей выборъ какъ въ отношеніи занимательности содержанія и чистоты слога, такъ и въ разсужденіи нравственной ихъ цѣли, то Журналъ сей въ скоромъ времени заслужиць полное одобреніе и довѣренность Публики и сдѣлается любимымъ чтеніемъ всѣхъ, которые будутъ и скашь въ немъ приятнаго развлеченія.—Для 3й книжки (которая выйдеть 4 го Февраля) предназначены какъ, намъ извѣстно: *Обру-*

гальное кольцо, оригинальная Русская повѣспь одного изъ извѣспныхъ и любимыхъ нашихъ Липшерапоровъ, и Анектопъ: *Святотное гаданіе*. Въ послѣдующихъ же за шемъ книжкахъ помѣщены будущъ между прочимъ повѣспи: *Лоттерея* (написанная по случаю разыгрываемой нынѣ лопшереи), *Ужасная нога*, *Чернокнижникъ*, *Кранзакскій постоялый доми*, *Жаркій день*, *Приданое*, *Ветеръ передъ свадьбою*, *Дѣвица Скудери* (испорическое происшествіе вѣка Людовика XIV) и спашьи: *Римскій Карнавалъ въ 1819 году*, *Отрывокъ изъ Трагедіи Вильгельмъ Тель*, *Путешествіе около Парижскихъ заставъ (barrières)*, и ш. д. Желая съ своей стороны невозможнаго успѣха сему предпріяшю, мы сообщимъ здѣсь еще разъ условія, на кошорыхъ можно получашь сіе изданіе. *Литтературныя Прибавленія къ Сыну Отечества* выходяшъ особыми книжками въ 3, $2\frac{1}{2}$ и 2 лиспа чрезъ каждая двѣ недѣли. Гододое изданіе, изъ 26 книжекъ соспоящее, раздѣлишся на 6 часпей, опъ 10 до 12 лисповъ въ каждой. При концѣ года выданы будущъ Гг. подписавшимся *юсобые* заглавные лиспы и оглавленія, шакъ, чшо съ ними сіи Прибавленія соспаяшъ *совершенно отдѣльную и къ Сыну Отечества не принадлежащую книгу*. Подписка принимаешся здѣсь въ шипографіи Надворнаго Совѣшника Греча, въ большой Морской въ домѣ Касиковскаго подъ N° 84.

и у всѣхъ С. П. бургскихъ и Московскихъ Книгопродавцевъ. Иногородные благоволять адресоваться въ Газетную Экспедицію С. П. бургскаго Почтамта. Подписываться на оныя можно *вмѣстѣ* съ *Сынолибъ Отечества* и *особо* оупъ онаго. Въ первомъ случаѣ заплащися за годовое изданіе *Литтературныхъ Прибавленій* здѣсь 12 р. 50 коп., а съ пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи 15 р., во второмъ здѣсь 17 р. 50 к., а съ пересылкою 20 р.—цѣна, конечно самая умѣренная. За доставленіе на домъ Гг. подписавшіеся на *Прибавленія*, *вмѣстѣ* съ *Сынолибъ Отечества*, не плащятъ ничего, а прочіе по 6 р. въ годъ. Въ заключеніе скажемъ, что въ семь изданій участвуютъ многіе изъ извѣстныхъ нашихъ Литтературовъ, и что Гг. Издатели обѣщаютъ время оупъ времени украшать оное карпинками.

Въ 1 мѣ Н^о сдѣланы двѣ довольно важныя опечашки: 1) спран. 6, спрок. 13 и 14. “Оно соейсшвенно Сказкамъ и проч. шуточнымъ Посланіямъ.,—*Должно гитать*: Оно соейсшвенно Сказкамъ, шуточнымъ Посланіямъ и проч. 2) спран. 41, спрок. 21. “Прекрасно! но уволь!. Въ другое время радъ.,—*Читай*: Прекрасно! но уволь!.иѣтъ времени боужся, и ш. д.

(9 Января.)

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1822. № III.

О ДОСТОИНСТВѢ *).

Собственное къ самому себѣ уваженіе, безъ котораго нѣтъ истиннаго счастья, должно быть непремѣнно основано на чувствованіи своего достоинства. Никто не оспариваетъ сію истину—но за то ни одну не объясняютъ съ большимъ искусствомъ въ свою пользу, какъ сію. Всякой хочешь о себѣ думать хорошо, и нѣтъ человека, который не имѣлъ бы какого нибудь добраго качества, опличающаго его отъ круга людей обыкновенныхъ. По этому всякой льститъ своему самолюбію, смотря на сіе качество, какъ на самое существенное; и съ сей-то стороны выставляешь себя въ сравненіе съ другими.

---

*) Чисано въ Обществѣ любителей Словесности, Наукъ и Художества 8. Дек. 1821.

Еслибъ мы захопѣли проникнуть причины шайныхъ побужденій уваженія къ пишламъ, коими напыщающа люди, то много опкрылось бы странностей. Но войдя въ такія жалкія подробности, почти во зло употребимъ важность Философіи; по несчастію она слишкомъ близка къ человѣку и раждаетъ небольшіе размышленія, ведущіе къ цѣли возвышенной.

Часто основываютъ мнимое свое достоинство на свойствахъ, копорыхъ не имѣютъ. Заспѣнчивый почитаетъ себя *осмотрительнымъ*; хитрый воображаетъ, что онъ только *остороженъ*; наглось слыветъ *благородствомъ духа*; грубость *добродушіемъ*; принужденность *деликатностію*, а чванство *знаніемъ большаго свѣта*. Жертвуютъ годами общественными выгодамъ друзей своихъ, или сѣмейства, и выславляютъ себя *за сыновъ отечества*; а что всего важнѣе, каждый находитъ въ себѣ превосходный даръ судить о вещахъ, и равно каждый знаетъ, что рѣже этого ничего нѣтъ въ свѣтѣ.

Этого не довольно. Часто видимъ

на высокихъ спешняхъ — людей, ко-
 рые гордяшя самыми пороками, и вы-
 казываютъ то, чего скрывать не могутъ,
 никакое преступленіе не въ силахъ за-
 славить красноту ихъ, когда только
 остроуміе, пріяшность и ловкость у-
 крашаютъ ихъ поступки; часно про-
 славляютъ свое распушство, лѣность,
 невѣжество, жестокосердіе, даже безбо-
 жіе; презираютъ всякое честное прави-
 ло, обращаютъ въ смѣшную сторону са-
 мое мудрое размышленіе, и зѣваютъ при
 одномъ словѣ: *добродѣтель*. — Еслибъ злый
 духъ захопѣлъ принять образъ человѣ-
 ка, то не нашелъ бы другаго, болѣе о-
 паснаго вида.

Самое званіе человѣка достойнаго
 довольно выражаетъ его великость. Его
 полезные качества даютъ право на ува-
 женіе и признашельность отъ подоб-
 ныхъ ему. — Всякая признашельность
 предполагаетъ, или содѣланное добро, или
 намѣреніе содѣлать его. — Слѣдовашель-
 но нѣтъ истиннаго достоинства безъ
 добродѣтели, а безъ нее всякое высокое
 мнѣніе о себѣ — не что иное, какъ меч-
 та самолюбія.

Чемъ болѣе распространяется кругъ сихъ благодѣтельныхъ намѣреній въ пользу людей, темъ выше становится заслуга; частію зависитъ она и отъ случая, ибо онъ ей даетъ способы; но одно похвальное намѣреніе есть уже достоинство; оно единственно отъ насъ зависитъ и надобно быть признательнымъ даже къ тому, кто желаетъ быть полезнымъ, хотя бы обстоятельства не соответствовали движеніямъ его сердца.

Порода, богатство, власть тогда только достойны уваженія, когда ихъ преимущества посвящены благоденствію общества.—Знанія также не имѣютъ болѣе въ обществѣ достоинства, если ограничиваются мѣлочными изысканіями, или стремятся къ предметамъ суешаго любопытства, либо тщеславія. Свѣтъ наполненъ людьми учеными въ малоспяхъ; ихъ глубокая ученость ни мало не полезна невѣжества прочимъ. Они все знаютъ, кромѣ того только, какъ мыслить, какъ дѣйствовать и жить съ подобными себѣ.

Какая намъ польза, что мы гово-

ришь на восьми, или десяти языкахъ, знаешь наизусть всякую звѣзду, помнишь годъ и число каждаго историческаго событія, или таблицу логарифмовъ и синусовъ? Что пользы знашь въ точности фигуру Циклопа ступени, величину Фригійскихъ вазъ и огромность развалинъ Пальмиры? Ограничиваясь сими познаніями—дѣлаешь поже, что рабшникъ, кошорый безъ употребленія оставяешь орудіе ремесла своего.—Но это забавляешь меня, говоришь ты. — Согласенъ: для чего же потребуешь за то уваженія? Если плоды прудовъ швоихъ не выходяшь изъ шѣсныхъ спѣнъ кабинета — то онѣ и положашъ предѣль швоей славы и нашей признапельности.

Слава учености много уступаешь славы природныхъ дарованій, а польза выше того и другаго. Не принесъ ли болѣе пользы Людовикъ Дракъ, разведя въ Европѣ каршофель, или Анахарсисъ, изобрѣшашель колеса для дѣланія посуды — нежели истолковашель законовъ шяжести?

Ученость безъ правилъ честности подаешь только болшій случай къ шо-

му, что бы ее возненавидѣшь. Она увеличитъ возможность вредить, ибо можешь содѣлаться принадлежностію души гнуснѣйшей. Такъ можешь успрямлено бытъ дарованіе политическаго Орашора, или Адвокаша, который — не уважа правосудія, продаетъ свое перо и краснорѣчіе гнуснѣйшему злодѣю для ушѣсенія невинности. Высшая степень познаній и невѣжества, доброшы и жестокосердія не показывають двухъ противоположностей нравственнаго достоинства: есть степень гораздо низшая предъ злымъ невѣждою, степень злодѣя образованнаго.

Ошличія самыя обидныя, предъ ошличіями истинными, суть шѣ, кои дають случай недѣстойнымъ людямъ, какъ на примѣръ: богатство и благородное происхожденіе. — Бѣдность - тяжкое бремя: она заславляетъ пащиться, куда другіе летяшь, и пробираешь шроной излучистой тамъ, гдѣ другіе идушь прямой дорогою Низкое происхожденіе, или фамилія прошнонародная, хопя не что иное какъ звукъ, который поражаетъ воздухъ, но служишь камнемъ прешкно-

венія: она не выгодно предваряетъ о шебѣ людей еще незнающихъ себя, вредишь твоимъ связямъ, повышенію и можешь со временемъ подавить все сѣмейство, кошорое носитъ ее.

Но съ другой стороны, неизвѣстность рожденія даетъ случай къ приобрѣтенію уваженія, ибо слава тому, кто превозмогъ болѣе препятствій! Иногда въ угожденіе упонченной суешности надлежитъ скрывать свое воспишаніе, свой чинъ и свое богатство. Но это низкое происхожденіе было лавромъ Сократа, Платона, Эпиктета, Катона, Пифагора, Камилла, Марія, Цицерона и споль многихъ мудрецовъ и героевъ. Они предки всякаго, кто идетъ по слѣдамъ ихъ. Словарь великихъ людей—вошь его родословное древо, и онъ можетъ принять за девизъ:

Безвѣстный предковъ родъ дѣлами я
прославилъ.

Опытъ доказываетъ, что добродѣтель и таланты предковъ не всегда бывають наследственны: у Марка Аврелія былъ сынъ Коммодъ, у Германика Кали-

гула, и т. п. Нерѣдко бываетъ и то, что добродѣтели одного вѣка служатъ какъ бы сѣменемъ порока вѣковъ грядущихъ.

Какая мнѣ нужда, что твои предки были славны, если ты потомокъ недостойный? Уже ли по заслугамъ умершихъ долженъ я судить о живыхъ? Что мнѣ въ томъ, если ты владеешь милліонами, имѣешь чины, множеству слугъ, замки, когда превосходство твоей власти успрямлено къ обидѣ и приписанію подобныхъ тебѣ челоуѣковъ.

Съ одинакими достоинствами, богатый и благородный, имѣютъ больше правъ на занятіе должностей государственныхъ. Ихъ болѣе уважаютъ, имъ охотнѣе повинуются; они менѣ подвержены обольщеніямъ и поперѣ доверенности; въ ниспупкахъ ихъ видимъ какую-то важность и ловкость, что само въ себѣ хотя не заключаетъ ничего значительнаго, но заслуживаетъ замѣчанія по вліянію, производимому на толпу народа.

Сколь мало достойны уваженія мнимо-великіе — столь почтенны истинно достойные люди. Мы обязаны уважать

ихъ, поддерживать, защищать; опеченство — предметъ ихъ соревнованія. Помогая ихъ видамъ, или распространяя ихъ добрую славу, мы дѣлаемся участниками въ той пользѣ, которую они принести могутъ. — Не забудемъ, что наша обязанность — уважать каждого человека и снисходить его слабостямъ. — Посыдно пресмыкаться предъ знатностію, но похвально быть вѣжливыми. — Наконецъ уступимъ небольшіе отличія тѣмъ, которые не имѣютъ способностей достигнуть великихъ; а въ случаѣ собственнаго своего возвышенія, сами не будемъ терять изъ виду, что единственная мѣра истиннаго достоинства — есть общественная польза. —

Изъ Вейса. К. Н. Голицынъ.

СОНЪ ФИЛЛИДЫ.

Идиллія *).

Зефиры крошкіе! въ листочкахъ не шеп-
 чите;
 Вы пшички рѣзвыя! усядешь по куспамъ;
 Тихонько, паспухи! опсюда опгоните
 Спада свои къ другимъ, дальнѣйшимъ бере-
 гамъ;
 Палящій солнца лучъ! умри въ тѣни дубравы;
 Ты эхо! въ глубинѣ пещеры замолчи;
 И шы, краса луговъ, испочникъ! не журчи;
 Капись съ холма на долъ, но опкажись опъ
 славы
 Шумъ говорливыхъ водъ распросраняшь
 вокругъ;
 Пускай въ природѣ все спокойствіе вкушаетъ:
 Здѣсь, въ эшой роцицѣ — боюсь промолвишь
 вслухъ —
 Здѣсь, въ эшой роцицѣ...Филлида почиваетъ.

*Изъ Беркена—**Аркадинъ.*

---

*) Читано въ дружескомъ Общеслѣвѣ С. Д. П. 21
 Декабря 1821.

Т Е А Т Р Ъ.

1.

Отелло, или Венеціанскій Мавръ, Трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, и Урюпинская станица, Интермедія-дивертисементъ, представленныя на маломъ Театрѣ 9 Декабря 1821.

Читая Трагедію Отелло, кто бы подумалъ, что видя ее на нашемъ Театрѣ, въ продолженіи всего почти I го дѣйствія не можно будетъ удержаться отъ смѣха? Я докажу это примѣромъ. Занавѣсъ поднимается, театръ представляетъ залу Сената — замѣшимъ мимоходомъ, что декорация слишкомъ уже подержана — на лѣвой сторонѣ 8, или 10 Сенаторовъ - солдатъ, одѣтыхъ въ красные суконные плащи - споятъ на выпяжкѣ въ двухъ ширингахъ. — *Успокойтесь, знаменитые Сенаторы - говоримъ имъ достойный Дождь Венеціи (Г. Щениковъ) - не тревожьтесь болѣе. Венеція при первомъ извѣстіи о своей опасности вооружилась.. Солдаты споятъ, какъ спояли.*

Вопь вамъ все начало Трагедіи, вопь вамъ важный совѣшь мудрыхъ Сѣнапоровъ, и множество тиновниковъ, стоящихъ поодоль... Не ужели и этого нельзя сдѣлать на нашемъ театрѣ? Но оставимъ дурные кулисы, Г. Щеникова и солдашь-Сенапоровъ; посмотримъ что будетъ далѣе.

Входишь Пезарро (Г. Каменогорскій) и *возвѣщаетъ* о побѣдѣ, одержанной Опелло.... Чтожь мы видимъ? ... чтожь слышимъ?... неприятный голосъ, какое-то малороссійское нарѣчіе и неприличные для Трагедіи жесты. Вопь являешся и Брабанціо - опецъ Эдельмоны въ опчаяніи, оставленный своею дочерью. Г. Борецкій слишкомъ молодъ для эшой роли, маленькіе сѣдые усы не могли скрывать лица его—а онъ пожалѣлъ себя и не захопѣлъ немножко *подкраситься*, голосъ его очень слабъ—а онъ кричалъ что естъ духа, и пошому смѣшно было его слушать.—

Не оплакиваешь ли ты смерть ея (Эдельмоны), спрашиваетъ его Дождь. Нѣтъ!—опивѣчаешь Брабанціо—не смерть ея меня убиваетъ. Нѣтъ....я требую пра-

*восудія... Правосудія!... Дерзновенное судо-
вище, измѣнникъ, соблазнитель, извергъ,
обольстилъ ее, и проч. и проч. продол-
жаешь Г. Борецкій окриплымъ голосомъ.
Назови намъ его, говоришь Дождь... Вотъ
онъ! вскрикиваетъ Г. Борецкій, показывая
на вошедшаго съ воинами Опелло. —
Опелло (Г. Брянскій) изумляешься — по-
неволю изумишься.*

Брабанціо просишь, что бы приве-
ли Эдельмону и Дождь посылаетъ за нею
Кассіо. Не знаю что вздумалось Г. Ра-
дину нарядишься въ башмаки: Кассіо
вмѣстѣ съ Опелло приходишь съ сра-
женія; не уже ли онъ шамъ шанцоваль—
или возвращаясь съ побѣды, какъ лов-
кой молодой человѣкъ, забѣжалъ поско-
рѣй домой и изъ учтивости переодѣл-
ся? Какъ бы что ни было, Кассіо приво-
дишь Эдельмону, Брабанціо упрекаешь
ее, заклинаешь... а Гжа Колосова-чего съ
нею никогда не бывало-споишь спокой-
но, какъ будто бы ей и дѣла нѣтъ!

Замѣшимъ сказанные весьма удачно
Г. Борецкимъ слова-Дожду: *Всегда одна
только корысть управляла правосудіемъ
вашего Сената; и Опелло: Измѣнникъ!
благодарю тебя за дружбу.*

Ошелло, по уходѣ Бранціо, изъясняетъ признапельность свою Дожу и Сенаторамъ за оказанное ему снисхождение, и обѣщается на самомъ дѣлѣ заслужить оное. Скажите мнѣ—говоритъ онъ—въ какихъ мѣстахъ сей пиромецъ знойной Африки долженъ водрузить знамена вашей республики. Я пойду туда; я хочу, чтобъ нѣкогда сказали: “Когда Венеція желала владычествовать надъ морями, тогда жила Эдельмона; она избрала супруга; имъ себѣ Мавра; Мавръ сей былъ славенъ; онъ былъ еще болѣе, онъ обожалъ ее” и проч. Г. Брянскій произнесъ эту шираду какъ не дѣля лучше.

Дѣйствіе второе. Изъясненіе въ любви Кассіо было чрезвычайно интересно; пламенной—какъ выговариваетъ Г. Радинъ—ш. е. пламенной любовникъ сей любитъ весьма комически; я душевно поблагодарилъ Эдельмону за то, что она прогнала дерзновеннаго и запретила ему казаться къ ней на глаза.— Въ этой сценѣ Гжа Колосова превосходно произнесла слѣдующіе слова: *Не могла ли несчастію обязана я силѣ оскорбленіемъ,—и знай, что я чувствую еще почитать*

себя; первые съ опчаяннымъ упрекомъ самой себѣ, вторые съ благородною гордостью.

Но вотъ является Ошелло; онъ видѣлъ, что Эдельмона была съ Кассіо одна; Пезарро, ложный другъ его, замѣчаетъ, что это уже не въ первый разъ, и старается возбудить въ немъ ревность. — Г. Брянскій совершенно понялъ роль свою; какъ хорошо обдумалъ онъ каждое слово, каждое движеніе...какіе натуральнѣе и вмѣстѣ прудные переходы отъ ярости къ нежности; Ошелло ревнивъ...*Но Эдельмона! женщина столь нежная, столь добродѣтельная...* Пезарро емѣлся, хочешь доказать прошивное но по дружбѣ къ нему не рѣшается возмутить его душу...*жестокой! довершай, открой мнѣ все. Вѣрь, я буду покоенъ, буду твердъ, какъ камень.* — Послѣдніе слова Г. Брянскій сказалъ опмѣнно хорошо.

Дѣйствіе третіе. Брабанціо приходитъ къ Эдельмонъ, чпобъ соединишь ее съ Кассіемъ; уговариваетъ ее, напоминаетъ о предкахъ своихъ, но Эдельмона не можешь оставишь Ошелло. —

Г. Ворецкій опять начинается *сорягитъся*, опять слышимъ пѣже охриплые восклицанія, какъ и въ I мѣ дѣйствія.—Г. Ворецкій такой охотникъ покричать, что слушая его никакъ не разберешь, проклинаешь, или благословляешь онъ свою Эдельмону. За то Гжа Колосова въ продолженіи всего дѣйствія играла прекрасно. Брабанціо подаетъ ей бумагу, въ которой должна она оспаившъ Опелло и опдатъ руку Кассію; съ какимъ ужаснымъ препеномъ Гжа Колосова подписывала сію бумагу, Эдельмона не знаетъ что подписываетъ—Брабанціо принудилъ ее къ тому, угрожая пресѣчь дни свои.—Сцена Эдельмоны съ Кассію, когда для спасенія отца своего она вручаетъ ему бумагу и повязку, была сыграна Гжею Колосовою также весьма удачно.

Дѣйствіе четвертое. Надобно видѣть Г. Брянскаго въ сей роль, чтобъ имѣть понятіе о превосходной игрѣ его; не знаю, можно ли лучше выразить всю ревность, бышенство и ярость Опелло.—Ему напоминають о Кассію .... *Кассію!* *иля сіе возвращаетъ всю мою злобу, она*

повращаетъ во мнѣ всю внутренность, оно раздается въ сердце моеиъ, какъ крикъ тернаго врана, предвѣстника не-стастія.—Если невѣрная Эдельиона отдала ему мою повязку....Въ жестокой ярости своей, львы знойныхъ степей нашихъ раздираютъ иногда трепещущихъ странниковъ....лучшебъ для него было, чтобъ въ пожирающей алчности сеоей они разметали куски бѣющагося его тѣла, тѣмъ попасться живому въ ужасныя мои руки. — Каждое слово, каждое движеніе Отелло производили невольный ужасъ въ зришеляхъ.—

Но вопшь Пезарро; скрѣпись Отелло—говоришь онъ....Не захохочи, подумаль я....а правду сказашь-было бы опъ чего.

Пезарро приносишь повязку и бумагу, подписанную Эдельмоною, кофоруя онъ обманомъ взялъ у Кассіо.— Отелло видишь—и не сомнѣваешься болѣе въ измѣнѣ; адское мщеніе занимаетъ его душу, онъ ищетъ наказашь Эдельмону. Гдѣ ея возлюбленный?—восклицаешь онъ внѣ себя — поведи меня къ нему. Я не наслаждался еще смертными его изтязаніями. Понимаешь ли мое восхище-

ніе, когда жаднымиъ взоромъ я видѣть буду въроломную, издыхающую на его тѣлѣ, когда считать буду послѣдніе ея вздохи, подѣ ударами кинжала, обоихъ ихъ соединяющаго! и проч.

Вопли Опелло раздаются по всѣмъ чершогамъ; вспревоженная Эдельмона приходишь, спрашиваетъ о причинѣ, видишь необыкновенную перемѣну въ лицѣ и въ голосѣ Опелло; она проситъ небо объ успокоеніи ея возлюбленнаго.. *Молись лучше о себѣ*, говоритъ Опелло, и уходитъ. Я содрогнулся, взглянувъ на Г. Брянскаго, когда произнесъ онъ сіи послѣдніе слова.

Дѣйствіе пятое. Эдельмона, вспоминая о кончинѣ матери своей, предается глубокой горести: это самое лучшее и трудное мѣсто въ ея ролю. Жаль, что Гжа Колосова, повпоряя проеградно слова: *Увы! милое дитя мое, ты умрешь несчастлива*, слишкомъ ужъ ихъ растягивала; молитву прочла также черезъ чуръ - что называется - *выгурно*. Впрочемъ, исключая сіи два явленія, все дѣйствіе было сыграно, какъ нельзя лучше; превосходнѣе всего Г. Брянскій сказалъ:

Вѣроломная! — поклянись еще. Губи себя новыми преступленіемъ. Отверзай путь себѣ къ адѣ; безъ того гудовища его, видя небесныя терты твои, не ослѣблятся къ тебѣ прикоснуться; — и показывая Эдельмонѣ подписанную ею бумагу — гитай, гитай: здѣсь нагертана казнь твоя.

Поговоримъ теперь о каждомъ актерѣ въ особенності:

Игра *Г. Брянскаго* была превосходна; я вездѣ вижу въ немъ умнаго актера, понимающаго роль свою—но въ роль Опелло онъ превзошелъ мое ожиданіе, превзошелъ самаго себя.

Гжа Колосова играла ни хорошо, ни дурно; были мѣсца прекрасные, были и слабые; вообще я совѣдовалъ бы ей опспать опъ своего вынужденнаго, жеманнаго произношенія, и не распягивать шакъ словъ: это слишкомъ не натурально—особенно въ прозѣ.

Г. Борецкому, совѣтую поменьше кричать и-если онъ въ состояніи-больше чувствовывать; а *Г. Радину* не надѣвать въ I мѣ дѣйствій башмаковъ.

Г. Каменогорскій довольно хорошій

резонеръ въ Комедіи, но совсемъ не Пезарро; онъ, по моему мнѣнію, игралъ всѣхъ хуже, и желательнѣе, чѣмъ бы впередъ мы видѣли въ сей ролю какого нибудь другаго актера.

Объ *Урюпинской станицѣ* говоришь много нечего: раекъ былъ чрезвычайно доволенъ, да и какъ же иначе?... Тупъ, напримѣръ, Г. Пономаревъ пѣлъ пѣсню: *Ахъ! что нынѣ за время, взятокъ брать не велятъ*; Г. Лебедевъ - очень кспаци - *Ахъ боюсь зѣло*; шутъ ешь Мишрофанушка и Проспакова, чегожь еще? ... Не смѣю однакожь забыть Г. Пальникова, и благодарю его за прекрасную новую цыганскую пляску. Въ заключеніи Гжа Иванова пѣла: *братцы! дружно веселую; приятный, чистый и высокій голосъ Гжи Ивановой* всѣмъ извѣстенъ: она справедливо почищается у насъ, теперь первую пѣвицею; но—признаюсь въ моемъ невѣжествѣ — мнѣ показалось не много странно слышать *Русскую пѣсню съ Итальянскими вариациями*.

Ардалионъ Кургановъ.

Димитрій Донской, Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ сог. Озерова и Ямъ, Комитеская Опера, представленныя на Маломъ Театрѣ 27 Декабря 1821 года.

Начиная говорить о Театрѣ, не возможно не пожалѣть о дурной обшпановкѣ піезъ нашихъ. Открывается занавѣсъ—и посреди предводителей войска Русскаго, посреди Князей, собравшихся для совѣща ... я вижу нѣсколько дѣшей. Несчастливые, наряженные въ необыкновенное для нихъ плашье, не смѣютъ повернуться. Но оставимъ въ покоѣ сихъ жалкихъ малюшюкъ и обратимся къ акрамъ.

Рѣчь Димитрія въ 1 явленіи I дѣйствія Г. Карашыгинъ прочелъ очень хорошо, а особенно послѣдніе стихи:

Чтобъ первый Россіянь и смѣлый ихъ
ударъ
Раздался по землѣ и ужаснулъ Ташаръ.

полюко мнѣ кажется, надлежало бы начашь хладнокровнѣе и спокойнѣе сидѣть на креслахъ. Отверзь успа Г. Максина—и раздалось въ театрѣ гуканье; махнулъ рукой—и чущь было не задѣль по лицу Князя Смоленскаго. Онъ кончилъ—и запѣль Г. Каменогорской ..... но оставимъ и ихъ въ покоѣ и замѣшимъ лучше Г. Карашыгину, что судя по тону, какимъ онъ произнесъ обращеніе къ Сергію, можно бы подумашь, что Димитрійъ говоритъ о Ксеніи: онъ прочель эшо съ нѣжноспію, а не съ благоговѣніемъ.

Покуда Вѣлозерскій говорилъ: *Твоимъ младымъ лѣтамъ*, и проч. я съ непернѣніемъ ожидалъ Посла Ташарскаго и думалъ, что онъ войдетъ съ важноспію, приличною Посланнику народа-побѣдителя; но выходятъ Ташары... и вдругъ рысью бѣжипъ за ними Г. Козловъ .... не могу, вспомня о немъ, удержашься опъ смѣха! Онъ чипаетъ почно шакъ, какъ маленькіе дѣши, копорыхъ заспавляющъ учипъ наизустъ басни: каждое полспипше произносптъ опдѣльно и всѣ совершенно одинакимъ

голосомъ. Почему бы не дать эту роль комунибудь другому, хотя Г. Борецкому? Я согласенъ, что онъ сыгралъ бы ее не совсемъ хорошо; но все лучше Г. Козлова: по крайней мѣрѣ бы не смѣшилъ.

Выведенный изъ терпѣнія Димитрій (и правду сказать было отъ чего видѣти изъ терпѣнія) вскрикиваетъ: *О дерзостный Посолъ надмѣннѣйшаго Хана!* а Г. Карашыгинъ сказалъ это довольно спокойно. Стихъ: *Нѣтъ, дани для него мы собрали инья*, онъ произнесъ съ ожесточеніемъ, а слова: *Мечи булатные и стрѣлы каленныя съ яростію—прекрасно!* Когда Тапаринъ говоритъ, что Ханъ готовъ просишь всѣхъ, кромѣ Димитрія—онъ смотрѣлъ по на Князей, по на полъ—напрасно: ему должно было смотрѣть Послу въ глаза прямо, что бы показавъ ему, что онъ не боится угрозъ его. Димитрій не могъ надѣяться на прочихъ Военачальниковъ потому, что еще не видавъ Посла, Бѣлозерскій предлагалъ уже послать къ Мамаю дань.

Въ пятомъ явленіи стихи: *Счастли-*

ѣще стократъ, кто въ неизвѣстной долѣ, и проч. онъ сказалъ съ гореспію и съ презрѣніемъ къ своему сану — шакъ и должно. Много разъ имѣлъ я уже случай замѣчать, что Г. Карашыгинъ весьма хорошо выражаешь нѣжность и опъ нее переходишь къ ярости и опчаянію.

Во вшоромъ дѣйствіи являешся Ксенія (довольно некспапи—замѣщимъ мимоходомъ). Спихи: *Но талиъ* (п. е. въ монашырѣ) *хотя могу свободно въ день страдать*, и проч. должно было сказать съ гореспною надеждою;—Гжа Колосова говорила ихъ почти съ нѣжностію; а чипая обращеніе къ мапери, слишкомъ спаралась прочесъ хорошо. Въ декламаціи, шакъ какъ и во всемъ, естъ своя граница, копорую переходишь не должно; дурно не дойши до нее, но еще хуже перейши; а что бы предохранишь себя опъ эшого порока, должно, мнѣ кажешся, не спарашься выражашъ то, чего не чувспвуешъ, и по моему мнѣнію, лучше не выразишь всего, нежели выразишь слишкомъ много.

Во вшоромъ явленіи Г. Карашыгинъ съ большею нѣжностію произнесъ спихи:

также не дурно. Здѣсь имѣлъ я случай замѣпишь, что Г. Максимъ иногда понимаетъ роль свою; наприкладъ стихи:

Угодналь Ксеніи любовь поль чрезвычайна?
на? ...

Увѣренъ, что надъ ней власъ полную
имѣешь

И убѣдишь ее конечно шы успѣешь ...

онъ сказалъ съ злобною насмѣшкою — шакъ и должно. Вообще, *кажется мнѣ*, что онъ имѣешь даръ, но что даръ сей совершенно подавленъ несноснымъ чпеніемъ и дурными жестами. Впрочемъ, видѣвъ его одинъ разъ, не могу сказаъ этого ушвердительно.

Не буду замѣчатъ стиховъ, копорые Г. Карапыгинъ прочель прекрасно во 2 явленіи 3 дѣйствія—ихъ слишкомъ много; во всю сцену съ Князьями онъ игралъ очень хорошо, но за то кромѣ его ничто.

Можно сказаъ, что 4 явленіе слѣдующаго дѣйствія сыграно было лучше всѣхъ прочихъ, потому что шупъ были шолько Г. Карапыгинъ и Гжа Колосова. Въ слѣдующей сценѣ оба они, особенно послѣдняя, превзошли себя. Съ какимъ презрѣніемъ сказалъ онъ:

Какое чрезвычайно

Усердіе за дни покинушы опъ васъ!

Съ какимъ спрахомъ слушала она слова Тверскаго и съ какою опчаянною рѣшимосцію опдала ему руку! Какъ прекрасно произнесла:

Нѣпъ, мечъ ему не нуженъ;

Ему прошивъ шебя моя защишой грудь!
и проч.

Димитрій, оставшись одинъ съ Бренскимъ, кажешся, совершенно подавленъ своимъ несчастіемъ — измѣною Ксеніи; но при звукъ трубы, зовущей на сраженіе, воспламеняешся и съ ужасною радостію произносишь: *О гасѣ, желанный гасѣ для сердца моего!* и проч. Если бы самъ Димитрій явился на сценѣ, то бы не выразилъ чувствъ своихъ сильнѣе Г. Каратыгина! —

Въ пятомъ дѣйствіи несчастная Ксенія въ ужаснѣйшемъ опчаяніи скитаешся близъ спана; но Бояринъ возвѣщаешъ ей о побѣдѣ Россіянъ — Ксенія упадаешъ на колѣна и благодарить Небо. Если бы я видѣлъ Гжу Колосову въ одной шолько этой сценѣ, если бы я даже не слыхалъ словъ, но видѣлъ шолько

лице ея, по и тогда сказалъ бы, что она имѣеть прекраснѣйшіе чувства и совершенно понимаетъ роль свою. Съ какою быспрошою и какъ еспешвенно переходила она ошь глубочайшей печали къ живѣйшей радости и послѣ опяшь къ безпокойству, когда Бояринъ говоришь, что никто не знаетъ о судьбѣ Димитрія!

Съ удовольствіемъ пользуюсь случаемъ похвалишь Г. Толченова. Разсказъ сраженія прочель онь прекрасно. Фигура, жесты, голосъ—все соотвѣшшвуешь въ немъ роли, которую онь занималь; и надобно имѣшь его грудь, что бы прочель хорошо шакое множество ешоль шрудныхъ сшховъ.

Громкіе рукоплесканія зришель райка раздавались въ театрѣ, когда Г. Карашыгинъ спускался съ возвышенія; но несмотря на ихъ восторги, я думаю, что онь шель не шакъ, какъ должно. Если бы Димитрій принужденъ былъ сдѣлать шакимъ образомъ нѣскольکو шаговъ, то не могъ бы пройши всей сцены. Судя по шому, какъ шель Г. Карашыгинъ можно было подумашъ, что

у него боляшь ноги: онъ безпрестанно хромаль.

Всѣ стихи прешьяго явленія, большая часть слѣдующихъ, въ особенноти же послѣдніе въ Трагедіи, были имъ прочтены очень хорошо; жаль только, что онъ иногда слишкомъ возвышалъ голосъ и билъ себя въ грудь.

Увидѣвъ бармы Димитрія, Ксенія вскрикиваетъ: *погибѣ!* ... и падаетъ на руки Избраны. Гжа Колосова произнесла это прекрасно, равно какъ стихи: *Ахѣ! слезѣ моихѣ не сокрываю!* и проч. Что бы видѣшь до какой степени чувствуешь она роль свою, что бы видѣшь до какой степени можешь дойти подражаніе природѣ, надобно только слышать изъ устъ ея слова: *погибѣ и оживаю*, которое она произноситъ при видѣ Димитрія; надобно только въ эти минушы посмопрѣшь на ея лице!

Можно сказать, что Г. Карашыгинъ игралъ бы роль свою совершенно, если бы исправилъ недоспашки, которые я замѣшилъ и оставилъ нѣкоторыя жесты: не складывалъ бы рукъ крестомъ на груди и не указывалъ бы однимъ пальцемъ.

Въ роль Ксеніи, равно какъ и во всѣхъ другихъ, видны опличные паланшы Гжи Колосовой, и я съ удовольствіемъ замѣнилъ, что она нынѣ не сполько, какъ прежде поешъ и разстягиваешъ слова; но все еще далеко она отъ надлежащаго произношенія. Сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе: она сама признаешся, что не имѣетъ сильнаго органа — шемъ болѣе надобно ей беречь его, а она, кажешся, объ эшомъ совсемъ не думаешъ; и пошому въ продолженіи сей Трагедіи голосъ ей нѣсколько разъ измѣнялъ.

Если бы Г. Максимъ оставилъ дурную свою дикцію, слишкомъ игривые и развязные жесты, то бы могъ занимашъ съ успѣхомъ, ежели не первыя, то по крайней мѣрѣ вторыя роли.

Вѣрно Опера: *Ялиб*, очень не нравишся Г. Боченкову, пошому что онъ безпреспанно перемѣнялъ въ ней слова и даже прибавлялъ отъ себя. Я думаю, что сочинишель съ удовольствіемъ уволил бы его отъ эшого шруда, и не понимаю какъ можно позволяшъ подобныя вольности. Что сдѣлалось бы съ несчастными піэсами, если бы всякой актеръ

вздумалъ поправляшь ихъ! Г. Шуваловъ имѣешь прекрасной голосъ, поешь. весьма хорошо; но не умѣешь ни спашь, ни сѣшь, ни повернушь, и безъ всякаго уваженія къ Публикѣ разговариваешь со споящими за кулисами. Гжа Лебедева довольно хорошо говоришь и поешь, но жесты ея совершенно неприличны креспьянской дѣвушкѣ. Г. Поляковъ былъ не довольно глупъ; а Г. Шемаевъ вообще игралъ не очень дурно.—

Любитель Театра.

ЧУВСТВА ПРИ ВИДѢ БОРОДИНСКАГО ПОЛЯ *).

Привѣщствую себя, о мѣсто славныхъ
дѣлъ!
Бородино! и васъ, окружныя дубравы!
Гдѣ шри дни огонь свяшой правдивыхъ бишвъ
горѣлъ
Для гибели враговъ и Русскихъ вѣчной славы;
Гдѣ шрижды съ новымъ днемъ смѣняла сѣ-
чу сѣчь;

---

*) Чишано въ Обществѣ любителей Словесности, Наукъ и Художествъ 12 Января.

Гдѣ пировала Смерть, повсюду ужасъ сѣя,
 И въ первый разъ попрысся мечъ
 Въ рукѣ губишельной злодѣя!
 О сколь для Русскаго священъ вашъ грозный
 видъ!
 Съ какою радостью онъ взоръ къ вамъ про-
 спираеть!
 Здѣсь все Ошечесства о славѣ говоришь
 И гордый духъ его геройствомъ наполняешь!
 Здѣсь все имѣешь жизнь, языкъ имѣешь свой,
 Повсюду виденъ слѣдъ прошекшей бранной
 силы:
 Туть мхомъ поросшій ровъ, шамъ черныя
 могилы,
 А шамъ надъ нивой золопой,
 Какъ вѣчный спражь равнины боя,
 Бѣлѣеть памятникъ *), спавъ гордою спопой
 Надъ прахомъ падшаго героя.
 Но ахъ! почто когда душой
 Горю въ огнѣ я сихъ мечпаній,
 Мой ослабѣвшій духъ спѣсняется шоской,
 И опрavlяеть мысль опрадныхъ вспоминаній?
 О сколько бѣдствій на земли
 Судьбы намъ въ мѣрѣ завѣщали!

---

*) На мѣспѣ сраженія видны два памятника, по-
 ставленные въ честь убитыхъ Генераловъ, копорыхъ
 именъ проводникъ мнѣ сказать не могъ. На ближнемъ,
 небольшомъ и недокончанномъ, нѣтъ никакой надписи;
 къ дальнему же я не имѣлъ времени подойти. *Пр. Сег.*

Здѣсь рѣки крови прошекли

И рѣки слезъ ихъ омывали.

Въ мечсахъ души мой

Съ воспоргомъ я смошрю на сей ошпашокъ
боя —

Но, можешъ бышь, шеперь, близъ самыхъ
сихъ полей,

Дряхлѣющая машь погибшаго героя,

Въ немъ зрѣвшая одномъ подпору слабыхъ
дней

И щипъ единшвенный душевнаго покоя,

Въ мученьи шягосшномъ жизнь слезную ве-
дешъ

И славной бишвы день въ душѣ своей кля-
нешъ.

Но, можешъ бышь, въ сей мигъ несчастная
супруга,

Осирошѣвшій свой прижавъ къ груди вѣ-
нецъ,

Въ слезахъ помилельныхъ опрадный ждешъ
конецъ,

Склоненная на прахъ единшвеннаго друга.

Ничшо пошери ихъ ужъ имъ не возвращишь,

Съ погибшими навѣкъ—погибло упованье!

Какъ бремя шяжкое и жизнь ихъ шягошишь:

Одно ихъ чувшшо—грусть—и смершь—одно
желанье.

Но миръ да будешъ вамъ, сподвижниги по-
бѣдь!

Рѣшишели борьбы кровавой!

Сей рядъ кургановъ величавой
 Есть славы вашей слѣдъ,
 Какъ вѣжнѣй цвѣтъ полей увяли вашѣ годы;
 Но спранныкъ къ вамъ придетъ съ горячею
 слезой,

И цѣлме народы,
 Теперь ввусившіе отраду и покой,
 О васъ провозгласятъ позднѣйшему потом-
 ству—
 Въ страхъ гордой дерзосши и въ гибель
 вѣроломству.

И. Великопольскій.

*****

М Р А К Ъ.

(Изъ сочиненій Лорда Байрона.)

Я видѣлъ сонъ, который былъ не
 совсемъ сонъ. Блеспящее свѣпило солн-
 ца угасло; звѣзды, обнаженныя лучей
 своихъ, бродили безъ порядка во тьмѣ,
 посреди вѣчнаго проспранства; земля,
 охладѣвшая и какъ бы слѣпая въ опсуш-
 ствїи луны, оспалась висящею посреди
 мрачной атмосферы. Упрое наспавало,
 убѣгало и вновь наспавало; но не при-
 водило за собою дня. Люди забыли свои

спраспи въ ужасѣ всеобщаго унынія: всѣ сердца, сжапые хладнымъ эгоизмомъ, чувствовали одно желаніе—желаніе свѣта. Повсюду разводили огни и спекались къ ихъ мерцанію: всѣ жилища были сожжены для поданія знаковъ. Грады содѣлались жертвою пламени, и люди шолпами сходились вокругъ пылающихъ крововъ своихъ, дабы взглянуть еще другъ на друга. Счастливы тѣ, кои жили близь грозныхъ горнилъ огнедыдущихъ! Одна надежда, смѣшанная со страхомъ, еще оживляла міръ, Лѣса были зажжены, но съ часу на часъ они исплѣвали и превращались въ пепель; сверкающіе пни деревъ угасали съ послѣднимъ шрескомъ, и все снова погрузилось во мракъ; умирающее пламя ихъ опражалось, какъ бы бѣглыя молніи, на челахъ людей и придавало имъ видъ необыкновенный. Они падали ницъ, закрывали глаза и проливали слезы; другіе покоились лицами на сложенныхъ крестообразно рукахъ своихъ и силились улыбнуться: большая часнь бѣгала взадъ и впередъ, спѣша нести все, что могло продолжити пламя костровъ ихъ погребаль-

ныхъ; они обращали безпокойные, испугленные взоры свои къ мрачному покрову небесъ, который казался черною и леною, накинушою на трупъ вселенной—и вдругъ попомъ бросались на прахъ, скрежесали зубами и испускали вой. Дикія птицы кричали отвращительными криками, въ испугъ лепали по землѣ и поражали воздухъ своими бесполезными крыльями. Кровожаднѣйшіе звѣри стали робки и познали шепеть; змѣи ползали и сплещались между людьми—онѣ еще шипѣли, но позабывали ядовитые свои жала. Ихъ убивали на пищу: и скоро война, мгновенно прекратившая бытіе свое, явила вновь свою злобу. Одною кровью покупали себѣ пищу, и каждый уходилъ насыпшися въ опдаленіи своею добычею. Не знали уже любви. Вся земля имѣла одну только мысль—мысль о смерти, смерти близкой и безславной: муки голода раздирали всѣ утробы, ... люди умирали, и кости ихъ лежали безъ погребенія, какъ и шѣла ихъ. Изсохшіе трупы были пожираемы людьми, также изсохшими, самые псы нападали на господъ своихъ, всѣ, исключая

одного, который остался вѣренъ шѣлу своего господина и защищалъ его отъ пшицъ, живошныхъ и людей алчущихъ, доколѣ сами они не падали отъ голода, или изшонченныя зубы ихъ не обращались на умирающихъ. Сей песъ не искалъ пищи, но вылъ воемъ жалобнымъ и непрерывнымъ: онъ умеръ, лижа руку, немощную уже ласкать его...

Голодъ опустошилъ мало помалу вселенную; ошались только двое, жили великаго города эшо были два врага. Они встрѣтились подлѣ шужнувшихъ головней жершвенника, на коемъ собрано было множество упварей священныхъ, назначенныхъ уже для мирскаго употребленія; съ шрепешомъ они приподняли еще горячій пепель и опкинули его хладными, изможденными руками своими; слабымъ дыханіемъ шцились они раздуть хопя нѣсколько огня и успѣли развеситъ брежжущее пламя: когда оно исчезало надъ шепломъ, они подняли глаза, и увидя другъ друга, вскричали и умерли въ ужасѣ отъ ихъ взаимнаго безобразія, не зная, кто шощъ; на челѣ котораго голодъ положилъ чершы призрака могильнаго.

Міръ содѣлался тогда огромнымъ запускнѣніемъ грады, спраны цвѣтушія и многолюдныя соспаляли одну только смѣшанную груду, безъ временъ годовыхъ, безъ зелени, безъ деревъ, безъ людей, безъ жизни, хаосъ смерти и вещества недвижимое..рѣки, озера и океанъ были спокойны и нѣмы; ничто не нарушало тишины ихъ безднъ глубокихъ; корабли безъ плавателей согнивали на морѣ; райны ихъ распадались на часпи, но не колебали волнъ своимъ паденіемъ: волны были мернывы, онѣ лежали, какъ во гробѣ. Луна, учреждавшая нѣкогда правильныя ихъ движенія, уже не существовала. Вѣтры *увяли* въ оспановившемся воздухѣ, облака исчезли; мракъ не имѣлъ уже въ нихъ нужды; мракъ былъ вселенная!

Сѣ Фр. О. Соловѣ.

НА КОНЧИНУ А. Θ. П.

(Н. Н....У)

Подъ навѣсомъ липы, въ сѣни безмяшежной
Роза разцвѣщала—

Аромашъ душистый по дубравѣ смѣжной
 Крошко разливала;
 И зефиръ весенній прилепалъ къ прекрасной:
 Рѣзвый, легкокрылый
 Онъ ее лелѣялъ—и съ улыбкой спрасшной
 Цѣловалъ цвѣтъ милый.
 Солнышко, проснувшись, *здравствуй!* говорило,
 И лучемъ волшебнымъ
 Прикасаясь тихо, ей красы чершило
 Свѣтомъ неизмѣннымъ...
 А вчера—чуть ухра проглянулъ ликъ томной
 Роза ужь не дышетъ...
 Головой поникла надъ правой безмолвной,
 Ухра гласъ не слышишь!
 Ахъ! и пы увяла, какъ цвѣпокъ весенній
 П....., госпя въ мѣрѣ!
 Жизнь швоя угасла, будшо лучъ вечерній,
 Промелькнулъ въ эфирѣ...
 Вижу хладный шрупъ швой, шускыхъ свѣчь
сіянье,
 Смерть у изголовья!
 И просяжно пѣнье, родшвенныхъ рыданье
 Надъ гробомъ безмолвья....
 Вошь ужь *встрепенулся* заспупъ погребальный;
 И на шрупъ прекрасной
 Робко, приунывши, кинулъ взоръ прощальный
 Юноша безгласной.....

НАДГРОБИЕ МЛАДЕНЦУ.

(М. Д. К.)

Супружеской любви плодъ первый здѣсь
 сокрышь,
 Опца и мащери надежда, утѣшенье!
 И слезы, коими сей памятникъ омышь,
 Въ ихъ горести шеперь одно лишь услаж-
 денье.
 И.

Ш А Р А Д А .

Натальное мое естъ Царь; онъ знаменитъ
 Своимъ опвѣщомъ въ древнемъ мѣрѣ;
Второе я кричу, когда бываю битъ;
А цѣлое и въ пушкѣ и въ морширѣ.
 ...вб.

Шарада, напечатанная во II N,^o значить
 пудель.

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1822. N° IV.

СУПРУГА *).

Tous les trésors de l'univers ne sont rien auprès de ceux qui sont contenus dans l'amour d'une épouse. L'air me semble imprégné de bonheur quand j'approche seulement de la maison qu'elle habite.

Middleton.

Часто имѣлъ я случай увѣришься, что женщины равнодушнѣе мужчинъ переносятъ жесточайшіе удары судьбы. Несчастія, превосмогающіе физическія и моральныя силы послѣднихъ; увеличиваютъ, кажется, крѣпость души первыхъ. Нѣжное, слабое твореніе, которое, повидимому, не можетъ обойтись безъ покровительства мужа, которое въ дни счастья претеплетъ при малѣйшей негладкости, вспрѣчающейся на пути жизни—въ дни печали дѣлается его опорой и утѣшеніемъ и съ непо-

---

*) Числ. въ Обществѣ люб. Словесности, Наукъ и Художествъ 12 Января.

колебимую твердостью выпиваетъ чашу горести.

Счастливы пошъ, кто вокругъ себя видишь сѣмейство, соединенное узами нѣжной привязанности! Истинное блаженство можно найти только въ объятіяхъ жены и дѣтей. Если ты счастливъ — они раздѣляютъ съ тобою свое благополучіе; несчастливъ — они дѣлаются твоими утѣшителями. — Я даже нѣсколько разъ замѣчалъ, что отецъ сѣмейства, постигнутый злополучіемъ, оправляется скорѣе, нежели человекъ одинокой: необходимость заботиться о содержаніи людей, которые отъ него совершенно зависятъ, придаетъ ему силы противиться опчаянію. Пораженный несправедливыми ударами судьбы, лишенный всего, что прежде считалъ необходимымъ, онъ всегда увѣренъ, что ему остается благо, котораго никто у него не отниметъ — сѣмейственное благополучіе; эта увѣренность возбуждаетъ могущество души его, оживляетъ надежду и подкрѣпляетъ силы. Напротивъ того несчастный, неимѣющій сего утѣшенія, предается унынію, не

ищешь средствъ вознаградишь свои пошери, думаешь, что онъ уже покинушь всю природою и въ сердцѣ своемъ находишь только пущоту и огорченіе.

Въ доказательство моего мнѣнія, опишу происшествіе, котораго нѣсколько лѣтъ назадъ былъ свидѣтелемъ. Молодой приятель мой Ленскій женился на дѣвушкѣ, одаренной всѣми прелестями и талантами. Она воспитывалась у богатыхъ родственниковъ, жившихъ въ большомъ свѣтѣ и всѣми силами старавшихся объ ея образованіи. Правда, что она была небогата, но за то приятель мой имѣлъ хорошее состояніе: счастье свое полагалъ онъ въ томъ, что бы предупредить всѣ ея желанія и выполнять малѣйшія прихоти, обыкновенныя женщинамъ богатымъ. “Я хочу, говорилъ онъ, что бы жизнь казалась ей приятнымъ сномъ..”

Разность ихъ характеровъ еще болѣе привязывала ихъ одного къ другому. Ленскій былъ всегда важенъ и хладнокровенъ, а потому имѣлъ нужду въ живости и веселости своей супруги. Часто замѣчалъ я нѣмой восторгъ, съ ко-

порымъ онъ смотрѣлъ на нее въ обществѣ, оживленномъ любезностію и умомъ ея. Посреди рукоплесканій она взглядывала на мужа, ища въ глазахъ его одобренія, безъ коего для нее не было истиннаго торжества. Когда они шли вмѣстѣ, то прелести лица ея и небольшой ростъ, сопоставляли приятную противоположность съ мужественнымъ видомъ моего друга. Любовь и гордость изображались въ глазахъ его, когда она смотрѣла на него съ нѣжностію и довѣренностію.

Но — кто можетъ положиться на продолжительность счастья? Кто можетъ быть увѣренъ въ томъ, что онъ сегодня богатъ, а завтра не будетъ бѣденъ? По непредвидѣнному стеченію обстоятельствъ Ленскій разорился. Нѣсколько времени скрывалъ онъ печаль свою въ сердцѣ, и — вѣщайнѣ разперзанный горестію — въ свѣтѣ казался покойнымъ. Жизнь была для него мученіемъ: въ присутствіи супруги онъ долженъ былъ улыбаться, боясь поразить ее извѣстіемъ о своемъ несчастіи. Но — что скроешь отъ глазъ привязанности?

Она легко замѣтила его безпокойство, его заглушаемые вздохи и не повѣрила его принужденной веселости; испощила всѣ средства, внушенные ей нѣжностію, что бы разогнать мрачную тоску его, но тщетно: ея усилія только увеличивали его горестъ. Чемъ болѣе она была достойна любви, темъ ужаснѣе была для него мысль, что это ангельское твореніе должно вмѣстѣ съ нимъ подвергнуться ударамъ судьбы. “Еще нѣсколько дней, думалъ онъ, и улыбка не будетъ болѣе оживлять сего прелестнаго лица; эти милыя уста никогда не будутъ болѣе выражать воспорговъ радости; глаза ея помрачатся слезами; сердце, которое прежде билось отъ удовольствія, будетъ препешать только отъ безпокойства, горести, опчаянія!,,

Наконецъ онъ пришелъ ко мнѣ, признался въ перемѣнѣ своего состоянія и разсказалъ обстоятельства, которые были тому причиною. “Знаешь-ли это жена твоя?,, спросилъ я, выслушавъ его со вниманіемъ.—Ради Бога! вскричалъ онъ со слезами, ради Бога, не говори мнѣ о

женѣ моей: я съ ума схожу опъ гореспи, когда подумаю о томъ, что ей должно будешь вышерпѣшь.—

“Но рано, или поздно, ты принужденъ будешь объявить ей о своемъ несчастіи; она можетъ узнать его опъ постороннихъ—и тогда это будешь для нее еще ужаснѣе. Ты долженъ сказать все самъ; любовь твоя облегчитъ для нее бремя гореспи. Припомъ ты напрасно лищаешь себя ушѣщеній ея нѣжности, взаимной довѣренности, споль сладоспной между супругами. Она скоро примѣнитъ, что ты опъ нее скрываешься, а любовь истинная припворспва не шерпитъ; она не прощаешь предмету своему и того, что онъ ушайваешь гореспи, кошорья бы конѣла она раздѣлишь съ нимъ.,,

—Но, другъ мой, какъ могу я нанести ей ударъ, споль чувспивительный? Какъ рѣшиться объявить ей, что надежды наши не исполнились, что она должна забыть всѣ удовольспвія жизни, оставивъ общесство и раздѣлишь со мною бѣдноспть и уединеніе? Не могу сказать ей, что она должна удалиться

опь сферы, въ которой прежде блистала, которой служила украшеніемъ, къ которой привлекала сердца! Какимъ образомъ будешь переносишь она нищету когда провела молодость въ изобиліи—удаленіе опь свѣша, котораго прежде была прелестью? Это будешь для нее смертельнымъ ударомъ..... и ты мнѣ велишь нанести его!—

Я молчалъ и далъ ему волю облегчить грудь свою слезами. Какъ скоро первый параксизмъ горести прошелъ, онъ опять впалъ въ задумчивость. Тогда я началъ говорить и старался увѣришь его, что ему необходимо нужно признаться во всемъ женѣ своей. Онъ покачалъ головою и сказалъ мнѣ, что это для него не возможно.

“Не возможно же и скрыватьсь долѣе опь нее: не сказавъ ей о перемѣнѣ своего состоянія, ты не можешь принять мѣръ, которыхъ обстоятельствва твои шребующъ. Тебѣ уже нельзя жишь такъ пышно, какъ ты жилъ прежде.... Чтожь въ этомъ ужаснаго? прибавиль я, видя опчаяніе, изобразившееся на лицѣ его; я увѣренъ, что ты не полага-

ешь счастья въ роскоши и не думаю, что бы для счастья своего съ Александриною нужны вамъ были великолѣпные черпоги., — Черпоги! вскричалъ онъ, самая бѣдная хижина, самая скверная изба покажется для меня раемъ, если она будетъ со мною! Бѣдность для меня не ужасна; но она!..... она! повпорилъ онъ рыдая, и закрылъ лице руками.... —

“Почему же, любезный другъ, почему же не думаешь ты, что бы она имѣла столько же мужества и нѣжности, сколько ты самъ? Я увѣренъ, что эгоистъ случай доставитъ ей новое торжество: несчастіе покажетъ всю силу ея характера; она постарается доказать, что въ себѣ любитъ одного себя. Въ сердцѣ женщины скрывается искра божественнаго огня, невидимая при яркомъ свѣтѣ счастья, но сіяющая небеснымъ блескомъ во шмѣ злополучія. Никто не можетъ знать совершенно супруги, которую прижимаешь къ своему сердцу, не можешь знать ангела-ушѣшителя; дарованнаго ему небомъ, до шѣхъ поръ; пока не изопьешь съ нею чаши горести.,,

Голосъ мой, выразишельность, съ копорю я говориль, фигуральный слогъ, копорый съ намѣреніемъ упопробиль я въ своей рѣчи, обрапили на себя вниманіе Ленскаго и возбудили его воображеніе. Я хорошо зналъ моего слушашелья, видѣль впечатлѣніе, произведенное въ немъ моими словами, упопробиль его въ свою пользу—и другъ мой рѣшил-ся наконецъ опкрышь сердце свое супругѣ.

Признаюсь, что несмотря на мою увѣренность въ Александрицѣ, я не совершенно полагаля на ея мужество—и можно ли надѣясь на силу разсудка молодой женщины, проводившей всю жизнь въ удовольствіяхъ? Привыкши ходишь по усыпанному цвѣтами пуши большаго свѣпа, могла она потерпѣшь много, вступя на дорогу мрачную и усѣянную терніемъ. Припомъ же паденіе богача, жившаго въ большемъ свѣпѣ, сопровождается неприятностями, неизвѣспными въ состояніи посредственности. Думая объ эпомъ, не безъ спраха пришель я на другой день къ моему другу. Онъ все уже разсказаль женѣ сво-

ей. “Какъ же перенесла она это извѣ-
 щіе?,, спросилъ я. — Какъ ангелъ! При-
 знаніе мое, кажется, облегчило ее отъ
 бремени. Она сжала меня въ своихъ объ-
 ятіяхъ и спрашивала: не это - ли было
 причиною горести, которую съ нѣко-
 порого времени во мнѣ замѣшила. Но
 она еще не имѣетъ понятія о перемѣнѣ,
 кою которой должно подвергнуться ея со-
 стояніе. Бѣдность знаешь она только
 потому, что говоряшь о ней поэты,
 описывающіе блестящими красками лю-
 бовь въ хижинѣ. Она еще ни въ чемъ не
 имѣетъ недосыпка; не чувствуетъ еще
 нужды въ вещахъ излишнихъ, но по при-
 вычкѣ нашей къ нимъ дѣлающихся не-
 обходимыми. Но когда на самомъ дѣлѣ
 надобно будетъ узнать ей неприят-
 ность бѣдности, униженіе, которое она
 влечетъ за собою—тогда испытаніе сдѣ-
 лается ужаснымъ. —

“Теперь, какъ ты уже исполнилъ
 жесочайшій долгъ свой, объявилъ о со-
 стояніи своемъ женѣ, теперь осмаеть-
 ся тебѣ какъ можно скорѣе увѣдомишь
 о немъ свѣтъ. Признаніе сіе унижель-
 но, но оно необходимо, и чемъ далѣе

ты будешь его опкладывать, шемъ болѣе будешь уменьшаться швои способности. Желаніе показывать довольство, копорого не имѣешь, несравненно ужаснѣе самой бѣдности. Нынь ничего несноснѣе сраженія гордой души съ пустымъ карманомъ. Зачемъ лишній день живешь такъ, какъ ты впередъ живешь уже не можешь? Не стыдись казаться бѣднымъ — и ты лишишь нищету оспрѣйшаго жала.,,

Несчастной другъ мой весьма разположенъ былъ слушаться моихъ совѣтовъ; а милая жена его хотѣла только того, чего желала супругъ ея.

Черезъ нѣсколько дней Ленскій опять пришелъ ко мнѣ. Онъ продалъ прекрасной домъ свой на Невскомъ проспектѣ; нанялъ небольшой домикъ за городомъ и ошослалъ уже шуда нужнѣйшія мебели. Богатые украшения прежняго жилища были уже проданы; ошасалась одна только арфа жены его. — Не могу разсказать съ нею, говорилъ онъ мнѣ, пошому, что эшопъ инспирументъ напоминаетъ первую любовь мою, и я никогда не забуду съ какимъ воспоргомъ слушала прежде игру Александрины. —

Жена его опсправилась въ новое жилище съ утра, что бы все убрашь шамь. Принимая живѣйшее участіе, въ сихъ любезныхъ супругахъ, сказалъ я ему, что пойду вмѣстѣ съ нимъ.

Мы опсправились пѣшкомъ; вечеръ былъ прекрасной и это небольшое путешествованіе сдѣлалось для насъ приятною прогулкою. Большую часть дороги онъ прошелъ задумавшись и не говорилъ ни слова.

—Бѣдная Александрина!—сказалъ онъ наконецъ со вздохомъ и почши непримѣчая, что говоришь.

“А что съ нею сдѣлалось?,” спросилъ я.

—Какъ! вскричалъ онъ, взглянувъ на меня съ недовольнымъ видомъ, развѣ мало того, что она доведена до такого состоянія, принуждена жить въ хижинѣ и заниматьея' работами, ея недовольными?—

“Развѣ она досадовала на эту перемену?,”

—Досадовала! Она тиха и мила, какъ нельзя болѣе; весела, какъ никогда прежде не бывала; любишь меня, кажешся,

еще ѣжнѣе прежняго и безпрестанно спарается утѣщать.—

—“Несравненная женщина! вскричалъ я. Ты называешь себя бѣднымъ, мой другъ; но никогда не былъ ты шакъ богатъ, какъ нынѣ. Ты еще не зналъ сокровища, копорымъ обладаешь.,,

—Ахъ, сказала онъ, мнѣ бы гораздо было легче, если бы это первое свиданіе уже прошло! Только сегодня узнала она истинную бѣдность: цѣлой день успанавливала мебели; о какихъ прежде не имѣла понятій. Въ первый разъ еще не увидишь она вокругъ себя ничего, что бы напоминало ей роскошь, въ копорой прежде жила. Можешь бышь, въ эту самую минушу, она думаетъ о томъ чего у насъ недоспаетъ, въ уныніи исчисляетъ всю пятгоспъ бѣдности и безпокоишься о будущемъ.—

Все, что говорилъ другъ мой, было довольно вѣроянно; а потому я не смѣлъ опвѣщать ему и мы все шли молча. Скоро своропили съ большой дороги и увидѣли деревянной домъ, небольшой, но довольно приашной; кругомъ его былъ садъ; мы отворили калитку и прибли-

жаясь къ дому, услышали звуки арфы. Ленской схватилъ меня за руку, мы оспановились и узнали голосъ Александрины, которая играла и пѣла любимой романсъ своего мужа. Ленскій препеналъ ошь радости; подвинулся впередъ, что бы лучше слышать, и зашумѣлъ ногами по песку, копорымъ аллея была усыпана: голосъ умолкъ, прелесное личико появилось въ окошкѣ и чрезъ минушу другъ мой былъ уже въ объятіяхъ своей супруги. “Какъ я рада, милой мой, что ты пришелъ, сказала она; я уже часа два тебя караулю и десятъ разъ выходила на дорогу, что бы посмопрѣшь найдешь ли ты. Я накрыла споль подъ лицами, нарвала земляники, зная, что ты ее любишь и купила прекрасныхъ сливокъ. — Посмотри, какъ здѣсь хорошо! Я увѣрена, мой другъ, сказала она, взявъ его за руку и смопря на него съ довольнымъ видомъ, я увѣрена, что мы здѣсь будемъ очень счастливы.,,

Ленскій былъ внѣ себя ошь радости: молчалъ, обнималъ ее и плакалъ. —

Хотя съ тѣхъ поръ другъ мой поправиль свое соспояніе и снова явился

въ большомъ свѣтѣ; но всегда говорилъ мнѣ, что онъ никогда не былъ шакъ счастливъ какъ въ эту минушю.

Изъ Жив. А. Откинб.

СРАВНЕНІЕ ФРАНЦІИ СЪ ИТАЛІЕЮ.

(Перегень письма Торквата Тасса къ
Графу Контрари въ 1572 году *)

Человѣкъ разсуждающій особенно о какой-либо странѣ, либо сравнивающій ее съ другою, обязанъ имѣть въ виду два рода вещей, изъ коихъ однѣ существенно всякой землѣ принадлежатъ, а другія могутъ быть названы *прикладными*, или *посторонними*. Существенными почитаю тѣ, копорыя не измѣняются, ни ошъ перемѣны Правительствъ, или Религіи, ни ошъ продолженія

---

*) См. Lettere familiari di Torquato Tasso. In Venezia. 1738. Чип. въ Обществѣ любителей Словесности, Наукъ и Художествъ 12 Января.

времени: изъ сего, выключишь можно одинъ только весьма рѣдкіе случаи, происходящіе отъ чрезвычайныхъ напряженій Природы, какъ на примѣръ полагають, что Сицилія изъ твердой земли сдѣлалась островомъ. Поспоронними называють тѣ, которые ни въ какой справѣ продолжительно не существуютъ, но изъ одной въ другую переходящъ, отъ переменны ли Правительствъ и Религіи, или отъ торговли, взаимно производимой съ народами чужеземными. Къ существеннымъ причислимъ (для примѣра) климатъ, почву и плодородіе земли; къ поспороннымъ разнаго рода науки, нужныя и въ мирное и въ военное время, и употребленіе искусствъ механическихъ. —

Итакъ ирисиная къ исполненію порученія вашего, Сіяшельнѣйшій Графъ, хочу прежде всего сказать, какую справу разумью подъ именемъ Франціи: я не принимаю сего названія ни за прежнюю Галлію, ни за тѣ Провинціи, кои носятъ имя Франціи, какъ то *Франція-Контеа* (Франшконте); или *Изола ди Франція* (Иль де Франсь); а просю со-

вокупаю подъ симъ названіемъ все то, чемъ Король нынѣ владѣеть—и начинаю съ шѣхъ вещей, на кои, какъ полагаюшъ, имѣеть вліяніе климашъ. —

Разсуждая о внѣшности здѣшнихъ жишелей, имѣю въ предметѣ ихъ здоровье, красоту, крѣпость и проворство.

Говоряшъ, что воздухъ во Франціи здоровѣе, нежели въ Италіи, что возбуждаешъ болѣе аппетита и болѣе способствуешъ къ пицеваренію; но, можетъ бышъ, отъ образа жизни, люди здѣсь не ешоль долго живущъ, какъ въ Италіи.

Красоту раздѣлишъ можно на три рода: на цвѣтъ лица, на ростъ и на соразмѣрность въ членахъ. Французы въ приятности цвѣща имѣюшъ превосходство, и особенно женщины ихъ отличаются живостью лица и приятнѣйшими чертами. Что касается до роста, то и Цезарь и другіе историки отдаюшъ также преимущество Французамъ. Помнишся, читаль я въ Полибіи, что послѣ какого то сраженія у Римлянъ съ Галлами, мертвые тѣла послѣднихъ узнаваемы были по величинѣ, копорую дѣйствительно можно приписать

холоду ихъ земли и чистотѣ воздуха; но по какой бы то ни было причинѣ, а шерсть не видно у Французовъ шакого превосходства въ ростѣ предъ Итальянцами. Касательно же соразмѣрности въ членахъ, то замѣтно, что молодые люди, особенно изъ благородныхъ Французскихъ фамилій, имѣющъ въ оной великую погрѣшность, ибо вообще у нихъ слишкомъ тонки ноги, въ отношеніи ко всему тѣлу. Причиною сего не вліяніе небѣ почестъ должно, но родъ тѣлесныхъ упражненій: безпрестанно почти занимаясь верховою ѣздою, они оставляющъ нижнія части ногъ безъ всякаго движенія, а извѣстно, что полнѣющъ и укрѣпляющъ тѣ части тѣла, кои болѣе имѣющъ движенія.—Вразсужденіи же силы и проворства Французовъ, не могу дѣлать сравненія, потому что никакихъ не видалъ пому опытовъ.

Теперь остается упомянуть о тѣхъ качествахъ, копорые назвалъ я прикладными, или поспоронными, и копорые измѣняющся отъ времени, или отъ переменъ Религіи и правительствъ. Сіе разсужденіе можно раздѣлить на двѣ части:

одна будетъ содержать дѣйствія, происходящія отъ гражданственнаго образованія; другая—дѣйствія, производимыя промышленностію и художествами.

Первая часть объемлетъ законы, миръ, войну, религію и церковныя обряды.

Во второй части должно быть разсуждаемо объ искусствахъ—о шѣхъ, которые просто нужны для жизни, и о шѣхъ, кои доставляютъ наслажденія въ жизни, и служатъ къ великолѣпію, либо къ роскоши.

Я начну съ послѣдней части, и упомяну пространнѣе объ одной Архитектурѣ, ибо для разсмотрѣнія всѣхъ вообще художествъ, не имѣю ни довольно времени, ни довольно опытности.

Оставляя строенія казенныя, прочныя и красивые, скажy, что почти всѣ партикулярныя дома во Франціи построены изъ дерева и при томъ безъ малѣйшихъ правилъ Архитектуры: я не нахожу въ нихъ никакой удобности, по коюшорой-толь много ихъ хвалили. Уже ли почестъ удобностію тѣшлишкія лѣшніцы, узкія и крупныя, отъ

коихъ голова кружишся? Сверхъ того
 всѣ комнаты по большой части тем-
 ны, да и не бываетъ нѣсколькихъ сряду
 проходныхъ, отъ чего перяешься видъ.
 Зато Франція удивляетъ церквами,
 какъ по числу оныхъ въ городахъ и се-
 леніяхъ, такъ по величинѣ и великолѣ-
 тію каждой: очевидное доказательство
 спаринной набожности въ семь госу-
 дарствъ! Впрочемъ въ нихъ обращается
 вниманіе болѣе на издержки основате-
 ля, нежели на искусство Архитектора,
 ибо Архитектура самая *варварская*.
 При строеніи спарались только о крѣ-
 постии и прочности, а приятности и
 украшеній совсемъ въ виду не имѣли;
 къ тому же хоры, находящіяся посреди
 церкви, не позволяютъ ничего видѣть
 кромѣ величины ея, также не видно въ
 нихъ ни ваянія, ни живописи — ежели
 только не почиашъ живописью око-
 шекъ съ расписными стеклами. Но ска-
 жемъ кратко: ежели Французскія церк-
 ви превосходятъ числомъ и прочностію,
 наши въ замѣнъ того оплечаются изя-
 ществомъ Архитектуры и украшеніа-
 ми, состоящими въ прекраснѣйшихъ

образахъ и шапуяхъ. Впрочемъ я говорю вообще, а въ особенностяхъ, безъ сомнѣнiя, найти можно, что также нѣкопорыя Испалiянскiя церкви не уступяшь ни въ величинѣ, ни въ великолѣпiи, какова напримѣръ церковь въ Миланѣ, копорая сими качествами превосходитъ даже Парижскую церковь Божiей Матери.

Намѣкнувъ о Парижѣ, полагаю, что Вашему Сiятельству не пропивно будетъ слышать сужденiе: заслуживаетъ ли какой нибудь Испалiянскiй городъ бытъ съ онымъ сравниваемъ? Я не говорю ни о Римѣ, ни объ Неаполѣ: первый будучи знаменитъ по жителству въ ономъ великаго Первосвященника, и по древнему собспенному своему величiю, а второй, опличаясь приапноснои мѣстоположенiя и заключаая въ себѣ множество *Бароновъ и Кавалеровъ*, столько различествуюшь съ Парижемъ, что не возможно ничего почти найти въ нихъ общаго. Миланъ, могущiй болѣе другихъ бытъ уподобленъ, уступаетъ однакожь въ числѣ жителей, въ промышленности и въ богатствѣ, также какъ въ красо-

пѣ и удобности мѣстоположенія. Одна Венеція, можешь бышь, заслуживаешь сравненіе, попому что она, хопя и менѣе Парижа, и менѣе населена, и менѣе производишь торговли; но превосходнѣе онаго по множеству великолѣпнѣйшихъ замковъ, по большому числу кораблей, галеръ и другихъ судовъ купеческихъ и военныхъ, также по почвѣ земли, приносящей и пользу и приятность. Парижъ худо укрѣпленъ, и Парижане, народъ трусливѣйшій (*и omni oltre a tutti altri vilissimi*), не могутъ сказать подобно Спаршанцамъ, что надежнѣйшею крѣпостью города есть грудь ихъ; Венеція же самою природою оберегается отъ осадъ и отъ всякихъ нападеній. Такимъ образомъ, сравнивая между собою сіи два города, трудно сказать, на которой сторонѣ находишь преимущество

Теперь слѣдовало бы приступишь къ сравненію правительсва Французкаго съ Испаліанскимъ, но въ семь случаѣ не надѣюсь я вполне удовлетворишь ожиданію Вашего Сіяшества, да и самыя обшьяшества нынѣшніе того

не позволяють. Вамъ извѣстно, что обширнѣйшая и лучшая часть Италіи находится во владѣніи Государя инос-раннаго; другая часть управляетъ властію духовною, прешья Венеціанами, четвертая помѣспными владѣльцами, и сверхъ того находится еще нѣскольکو малыхъ Республикъ, и каждая изъ сихъ частей ни въ чемъ съ другою не согласуется, а попому и не можно объ Италіи ничего сказать общаго. Но Франція повинующаяся одному Королю, природному и наследственному ея повелителю, болѣе имѣетъ единства, и сверхъ того, не принимая никакого участія въ нынѣшнихъ распряхъ за Религію, наслаждается совершеннѣйшимъ благополучіемъ.—Что же касается до общепринятыхъ обычаевъ во Франціи, то, признаюсь, нѣкоторыя не нравятся мнѣ. Первый и самый важнѣйшій состоитъ въ томъ, что тамъ всѣ почти прослоудины кормятъ младенцевъ своихъ коровимъ молокомъ. Ибо мнѣ кажется, что если Медики не позволяютъ кормить дѣшей женщинамъ слабаго сложения, и также удаляютъ ошъ сего женщинъ

поведенія подозрительнаго, по еще болѣе должны запрещать употребленіе пищи опъ живошныхъ, имѣющихъ самыя низкіе свойства.

Осуждая упомянутый обычай просполудиновъ, не могу одобришь и другаго, замѣченнаго мною между дворянствомъ. Каждое сѣмейство изъ сихъ послѣднихъ живеть особенно въ своихъ селеніяхъ, въ удаленіи опъ городовъ. Не говоря уже о томъ, что человекъ созданъ будучи для обществъ, не долженъ убѣгать подобныхъ ему инане, какъ для размышленій — замѣчу, что дворянинъ живучи по большей часи съ рабами и крестьянами, привыкаетъ къ своевольству, или получаетъ всѣ навыки людей низкаго происхожденія. Знаю, что сіе обыкновеніе существуетъ также въ Германіи, и въ другихъ иностранныхъ государствахъ; знаю и возраженіе, которое могушь сдѣлать мнѣ, именно, что дворяне, посѣщая другъ друга въ своихъ селеніяхъ, также могушь разсуждать между собою: со всею шѣмъ, не къ иному чему приписать могу' сіе обыкновеніе, какъ только къ себялюбію и къ

высокомѣрію, непозволяющимъ признавать имъ надъ собою какой либо власти, всегда въ городахъ сущесвующей.

Третье, ненравящееся мнѣ обыкновеніе во Франціи, состоишь въ томъ что тамъ науки и свободные искусства совершенно дворянствомъ оспавлены, а упражняются въ оныхъ одни низшіе сословія. Платоръ весьма ясно говоритъ о семъ неудобствѣ въ вымышленной своей Республикѣ, а я знаю это по опыту.

Съ Итальян. Н. Ост...

ВОИНСКОЕ ИСКУСТВО ДИКИХЪ.

Анекдотъ.

Въ 1779 году, когда война съ Америкою упорно продолжалась на швердой землѣ, небольшой опрядъ Брипанскихъ войскъ расположился по берегу рѣки на споль выгодно укрѣпленномъ природою мѣспѣ, что посредствомъ воинскаго искусства трудно было его опшуда вышѣснить. Война съ Американцами походила больше на шправлю, нежели на

правильную кампанію: “Если вы спешите сражаться съ обыкновеннымъ искусствомъ, но не ждите побѣды, говориваль Вашингтонъ своимъ подчиненнымъ. Вамъ не нужно другаго искусства, кромѣ того, что бы въ порядкѣ опустуашь и нападашь всегда соединенными силами. Впрочемъ земля ваша естъ для васъ самый лучший защитникъ.” Это правило Американскаго Полководца было весьма справедливо, и Англичане болѣе всего должны были сражаться съ самою природою. Американцы приняли подъ свои знамена Индіанъ и употребляли ихъ къ такому роду войны, къ которому самый образъ ихъ жизни дѣлалъ ихъ весьма способными. Внезапно выбѣгали они изъ непроницаемыхъ лѣсовъ и кустарниковъ, и своими стрѣлами и томагавками производили ужасные опустошенія въ Британскомъ войскѣ, срывали часовыхъ, опрѣзывали обозы, и проч.—но при первой тревогѣ, или неожиданномъ сопротивленіи, убѣгали съ удивительною быстротою въ свои скалы и ущелія, куда невозможно и опасно было за ними слѣдовать.

Что бы предупредить нечаянные нападенія со стороны Американцовъ, Англичане имѣли обыкновеніе посылать свои форпосты на весьма большее разстояніе отъ лагеря, разставляя за нѣсколько миль впередъ въ лѣсахъ часовыхъ и содержащъ безпрѣспанно вокругъ главной кварширы многочисленную спражу. Однажды Англинскій пѣхошный полкъ стоялъ по берегу безконечной Савоны (Savonah). Ему главнѣйше поручено было охранять всѣ проходы и содержащъ караулы въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ лѣса. По сему обязанность его была самая опаснѣйшая и не проходило дня, что бы разсылаемые имъ часовые не были снимаемы Индѣйцами. Караульные исчезали съ мѣстъ своихъ, не подавъ ни малѣйшаго знака, и пропадали бѣзъ вѣсти. Не было ни малѣйшаго слѣда, по которому бы можно было заключащъ куда они дѣваются; только изрѣдка находили на правѣ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они стояли, немногія капли крови. Такую неизъяснимую пропажу часовыхъ одни приписывали ихъ измѣнѣ и въ подшверженіе сего

мнѣнія приводили, что въ случаѣ нападенія часовой могъ бы по крайней мѣрѣ высрѣлишь изъ ружья и чрезъ то подать сигналъ ближайшему посту; другіе оспоривали это, почитая невозможнымъ, что бы всѣ вообще часовые были измѣнники. Долго эта загадка оставалась тайною, кошорую опкрышь предоставлено было случаю.

Однажды упромъ, при восходѣ солнца, когда обыкновенно смѣняли ночныхъ караульныхъ, спража пошла къ посту, находившемуся далеко въ лѣсу. Часоваго тамъ уже не было. Оставили на мѣсто его другаго и товарищи, прощаясь съ нимъ, пожелали ему лучшаго счастья. —“Не бойшесь, сказалъ онъ съ жаромъ, я не убѣгу.” — Спража возвратилась назадъ. Чрезъ чепыре часа послѣдовала новая смѣна. Пошли туда, но и этого часоваго, къ величайшему удивленію, уже не было. Осмотрѣли все мѣсто вокругъ — нѣшъ никакого слѣда.

Между шемъ постъ сей нельзя было оставить незанятымъ; поставили прещяго караульнаго и спража пошла назадъ. Однако эта происшествіе ус-

губило недоверчивость солдатъ и ужасъ овладѣлъ всѣми. Полковникъ, извѣспясь о томъ, рѣшился при первой смѣнѣ самъ провожать спражу. Приходящъ на мѣсто и опять нѣтъ часоваго. Изумленіе и страхъ были неописанны. Полковникъ не рѣшался пославить ли шухъ пикетъ изъ нѣсколькихъ чловѣкъ, или опять ввѣрить эшотъ постъ одному караульному. Онъ хотѣлъ непременно узнать причину столь непонятнаго происшествія, ибо не могъ сомнѣваться въ мужествѣ и вѣрности всѣхъ пропавшихъ часовыхъ — но какъ приступить къ тому? Полкъ потерялъ уже трехъ лучшихъ солдатъ; оставивъ тамъ четвертаго значило явно предать его на жертву. Несчастный, на котораго палъ жребій, несмотря на безпримѣрную неуспрашиваемость, испытанную во многихъ случаяхъ, препешалъ какъ листъ. “Противъ воли никого не намѣренъ я оставлять здѣсь, сказалъ Полковникъ, и предоставляю эшотъ постъ тому, кто самъ пожелаетъ занять его.,—Тогда выпушилъ изъ ряду одинъ воинъ и просилъ о позволеніи остаться шухъ

часовымъ. Всѣ превозносили его мужество. “Живой, сказалъ онъ, я никому не опдамся, а при малѣйшемъ шумѣ вы обо мнѣ услышите. Закаркаешъ ли ворона, или упадешъ лиспъ, я буду спрѣляпъ. Можешъ бышъ я васъ иногда и понапрасну встревожу, но что дѣлапъ? иначе ничего мы не узнаемъ.” Полковникъ хвалилъ его рѣшимоспъ и говорилъ ему, что бы онъ при малѣйшемъ подозрѣннн спрѣляля изъ ружья. Товарищи пожалн ему руку и оставнли его съ великою горестню. Спража пошла назадъ и въ главномъ караулѣ жнджали съ неперпѣннемъ развязки этого дѣла.

Прошелъ часъ. Ничего не было слышно. Вдругъ раздался выспрѣль. Вся спража, и самъ Полковникъ со многнми Офицерами, броснлись поспѣшно къ посту. Часовой шелъ къ ннмъ на вспрѣчу и шацилъ за волосы по землѣ человѣка; это былъ Индѣецъ, котораго онъ заспрѣлнлъ. Пошребовали отъ него объяснення.

“Я сказалъ вамъ, Г. Полковникъ, опѣчалъ солдапъ, что при всякомъ шумѣ буду спрѣляпъ, и этому ѣдннственнно

обязань сохраненіемъ моей жизни. Не долго спояль я здѣсь, какъ въ близкомъ опь меня распояніи услышалъ шорохъ; я осмопрѣлся и увидѣль Американскую свинью, копорыхъ въ здѣшнихъ лѣсахъ пакое множесливо. Она долго рылась въ землѣ и повидимому искала между правою и лиспьями орѣховъ. Такъ какъ эши звѣри здѣсь обыкновенны, по я сначала и не обращаль на нее вниманія. Между шемъ однако же ожидая безпреспанно нападенія, чувешвоваль я какой-по невольный спрахъ, копорато причины не могъ самъ себѣ изьяснить. Успремивъ наконецъ глаза мой на эшо живошное, смопрѣль я какъ оно пробиралось между деревьями. Подашь сигналъ я не почишалъ еще нужьымъ: пришомъ же и ожидаль опасности совсемъ съ другой спороны. Однакожь мнѣ показалось нѣсколько спранно, что свинья мало пома-лу пробиралась въ эшу чашу, что позади моего поста. Я спчалъ примѣчашь за нею, и когда она находилась уже на нѣсколько шаговъ опь меня, все еще былъ въ нерѣшимости, спрѣмлять ли по ней, или нѣшъ. Товарищи швои, думаль я, будушь

смѣялись надъ побою, когда ты встрѣ-
 вожишь ихъ, выспрѣломъ по свиньѣ.
 Я почти рѣшилъ уже оставить ее,
 какъ мнѣ показалось, что животное,
 подходя къ чащѣ, сдѣлало неестествен-
 ный прыжокъ. Тутъ я перестала раз-
 суждать, прицѣлился и свинья упала
 передо мною со стономъ, котораго по-
 казался мнѣ похожимъ на человѣчскій.
 Я подошла ближе и представила себѣ
 мое удивленіе, когда увидѣла, что убила
 Индѣйца. Онъ нарядился такъ искусно
 въ шкуру дикой свиньи, походка и видъ
 его такъ были натуральны, что не толь-
 ко въ нѣкоторомъ отдаленіи, сквозь де-
 ревя и кустарники, нельзя было замѣ-
 тить сего переодѣянія, но даже и въ са-
 мой близи. При немъ нашелъ я кинжалъ
 и помагавку.,—Вотъ какимъ образомъ
 открылась наконецъ причина, отъ чего
 столько много пропадало часовыхъ. Ин-
 дѣйцы въ такомъ переодѣяніи скрыва-
 лись въ чащѣ и ожидали тамъ удобной
 минушы, въ которую можно имъ было
 сбросить съ себя одежду. Тогда подкра-
 дываясь съ величайшею осторожностію
 къ часовому, устремлялись на него съ

невѣрояшною быстротою, чѣмъ не дасть ему времени выспрѣлится, и такимъ образомъ умерщвляли его, срывали съ него черепъ, или скальпировали, а пѣло зарывали въ нѣкоторомъ опдаленіи. За каждый скальпъ получали они отъ Американцовъ награжденіе. Сколь ни невѣроятны покажутся нѣкоторыя обстоятельство сего повѣствованія, но при всемъ томъ истину оныхъ подтверждали многіе очевидные свидѣтели, жившіе еще въ недавнемъ времени.

Сб Нѣм. К—а.

КЪ А . . . . ВУ.

(при полученіи повелѣнія о походѣ во время безпокойствъ въ Итали.)

Война! мой другъ, кипишь война
И Югъ смущенный, попрясаешь!
Героевъ вѣюшь знамена!
Ужь брани зарево пылаешь!
Призыенный слышенъ Славы гласъ —
Ишакъ насталь желанный часъ!
Ишакъ и мы на поле брани

Несемъ кровавой бившѣ дани?
 О какъ оспадна мысль побѣдъ!
 Какимъ огнемъ мой взоръ свѣшлѣеть!
 Какимъ желаньемъ пламенѣеть
 Моя душа лепѣтъ во слѣдъ
 Сихъ чадъ безшрепечныхъ Беллоны!
 Принявъ ихъ мужесшва законы,
 Съ какимъ весельемъ я сражусь
 И кинусъ съ ними въ вражьи спрои
 Съ безспрашьемъ Русскаго.—Герои!
 Я васъ достоинъ! я горжусъ
 Души симъ чувствомъ благороднымъ!
 Воспишанъ Сѣверомъ холоднымъ,
 Храню я жаръ его сыновъ.
 Горю къ Опечесшву любовью
 И каждый часъ ее гошовъ
 Запечашлѣтъ моею кровью!
 Смершь въ бившѣ храбраго славна!
 Пускай сынъ нѣги недоспойный
 Влачипъ во шъмъ свой вѣкъ спокойный
 Среди души безпечна сна.
 Въ безвѣспности, сокрытый Рокомъ,
 Онъ робко прячется опъ шучь
 И каждый Русскихъ славы лучъ
 Скользнетъ съ чела его съ упрѣкомъ!
 И съ нимъ дѣла его умрушь
 Забвенью брошены Судьбою!
 Нѣшь! мы не равны съ нимъ душою!
 На насъ съ шобою не падушъ
 Правдивыхъ гражданъ укоризны!

Пусть гибнетъ жизни нашей цвѣтъъ —
 Но онъ погибнетъ для опшизны!
 Все ей на жертву! — вошь обѣтъъ
 Души возвышенной и смѣлой —
 И радость юности веселой!
 Когда же Промысломъ благимъ
 Спасенные на полѣ рашномъ,
 Мы снова край родной узримъ,
 И въ восхищеніи опрадномъ
 Свиданье наше усладимъ
 Воспоминаніемъ разлуки;
 Тогда, пожавъ другъ другу руки,
 Мы скажемъ съ радостной слезой:
 „Теперь мы долгъ свершили свой!
 Теперь не спыдно намъ съ тобою
 Вкусишь подъ сѣнію родною
 Трудями купленный покой.„
 И если воинъ прешарѣлый
 Нашъ мирный уголь посѣпишь,
 И споль не пышный, но веселый
 Своимъ разговоромъ оживишь,
 Мы словъ его не будемъ чужды,
 Воспоргъ души его поймѣмъ —
 И мы, какъ онъ, шерпѣли нужды,
 И намъ гласъ бичвы былъ знакомъ,

СТРАННОСТЬ.

(Изъ Марціала.)

Знакомецъ мой, Лукуллъ, поварищъ дѣш-
ства,

Не зная Крезова наслѣдства
И на него законныхъ правъ своихъ,
Въ смиреніи молилъ боговъ благихъ
Послать ему избышокъ небогатый,
Чтобъ онъ, владѣлецъ скромной хашы,

Безбѣдно вѣкъ свой проводилъ

И съ просьбой ни за чемъ къ сосѣду не хо-
дилъ —

Ему приятнѣе всего была свобода!

Я больше ошъ Зевеса ждалъ:

Мнѣ очень было жаль убогаго народа;

Итакъ хошѣлось мнѣ, чтобъ я давалъ

И странникамъ ночлегъ, и бѣднымъ пищу,

И къ своему ошраднему жилищу

Несчастливыхъ приучилъ бы всѣхъ.

Гадаемъ мы: Судьба все дѣлаешь на смѣхъ!

Лукуллу все мое досталось имѣнье,

А мнѣ, высокихъ думъ въ смиренье,

Зевесъ не выдалъ и того,

Чтобъ, живши, не просилъ у ближнихъ ничего.

Но что страннѣе въ насъ: удѣлы взявъ чужіе,

Мы будпо бы обмѣна ждемъ

И съ пѣми же заботами живемъ,

Съ какими жили молодые:

Лукулль не хочешъ бѣднымъ дашь
 Малѣйшаго участка изъ доходу—
 Онъ все боитѣся потерять
 Свою безцѣнную свободу;

А я—одиць не съѣмъ добычаго куска,
 Когда несчастнаго прощянуша рука:

Плетневъ.

~~~~~

СМѢНА ВОЕВОДЫ.

Сказка .

Чпобъ ядовишыя деревья испребляшь,
 Ихъ должнѣ не рубишь, но съ корнемъ вы-
 рывашь.
 Зачемъ же?—Вошь опѣвъшь: Былъ гдѣ-шо Вое-
 вода;

За взяшки явныя съ народа

Судомъ опъ мѣста удалень;

Взамѣнь, какъ водитѣся, другой опредѣлень.
 Въ шо воеводство, гдѣ сей новый былъ Пра-
 витель,

Въ одно селеніе господскихъ дѣлъ рачитель
 Когда-шо невзначай приѣхаль Управитель;
 Во всѣ подробности хозяйства онъ входиль,
 По книгамъ Старосцу суишаль въ мірскомъ
 расходѣ,

И въ нихъ найдя спашьи вошь *прежнія*, спросиль:
 “А какъ идушь дѣла при новомъ Воеводѣ?,”
 —*Попрежнему*, опець родной!

И въ судъ таскаюшь насъ не рѣже—

Быль Спаросны опвѣшь—медвѣдь у насъ
иной,

Вожашые оспались шѣже.

1819. В. О.

В. Филимоновъ.

~~~~~

ЭКСПРОМПТЪ Р. М. БЛАНДО.

Пускай намъ славяшъ Кашалани!

Бландо! ты равнаго доспойна съ ней вѣнца!

Ахъ, нѣшь! ешь разнось — въ нашей
дани:

Той деньги мы несли, шебѣ несемъ сердца.

12 Января 1822.

Н. Ост.

~~~~~

НА ПРЕДСТАВЛЕНІЕ ТРАГЕДІИ N...

Какъ гнѣвъ любовницы пылалъ!

Мое все сердце разрывалось...

Счасливъ измѣнникъ!—убѣжалъ,

А зришелямъ—доспалось!

В.....ъ.

Ч.

~~~~~

ЭПИГРАММЫ.

1.

Нарцисса! ты въ чаду безумнаго прельщенья

Вообразишь могла, что я плѣненъ тобой!—

Ты мнѣ прошивна шакъ..... не нахожу сра-
вненья.....

Такъ, какъ ты въ зеркалѣ мила себѣ самой.

Ч.

2.

Нашъ Медикъ Клипъ
 Совсемъ людей не любишь;
 Кого лекарствами не заморишь,
 Того онъ ябѣдой погубишь.

К. Р.

~~~~~

Ш А Р А Д А.

Коль спужа съ шеплошой заспоришь,
Начало часно производишь;
 Конца ищише въ букваряхъ,
А цѣлаго на головахъ.

Костявиѣ.

~~~~~

Шарада, напечатанная въ III N^o значишь *Пор-охъ*.

~~~~~

Отъ Издателя.

Хопя Газетная С. П. бургскаго Почтамша Экспедиція приняла самыя вѣрныя мѣры къ исправному доставленію всѣхъ вообще журналовъ иногороднымъ подписчикамъ; но еслибъ паче чаянія случилось, чшобъ кто нибудь изъ нихъ не получилъ въ свое время нѣкопороныхъ книжекъ *Благонамѣреннаго*, въ ша-

комъ случаѣ благоволяшь относиться о семъ шуда, кшо гдѣ на оный подписался. Всего лучше подписываешь на сей Журналь съ доставленіемъ въ другіе города у самаго Издашеля, въ Газетной С. П. бургскаго Почшта Экспедиціи, или въ прочихъ почшовыхъ мѣстахъ, а не у книгопродавцевъ, какъ уже было о томъ объявлено.

Особы, живущія здѣсь въ С. П. бургѣ и желающія, что бы книжки *Благонамбренаго* присылаемы были къ нимъ на домъ, благоволяшь также подписываешь у самаго Издашеля и доставляшь къ нему полные свои адрессы, означая въ нихъ обстоятельно мѣсто своего жительства, номеръ и имя хозяина дома.

Издашель *Благонамбренаго* не принимаетъ на себя запруднительной обязанности пересылать обратно къ Г. г. Сочинителямъ и Переводчикамъ ихъ піесь, если, почему бы то ни было, нельзя будетъ ихъ напечатать. Желающіе лично о чемъ либо съ нимъ объясниться, могутъ заспавать его всегда дома вечеромъ по Субботамъ, или упромъ по Воскресеньямъ до десяти часовъ—подписываешь же на получение журнала можно во всякое время.

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1822. N° V

ПЯТЬ ЛѢТЪ СУПРУЖЕСТВА.

L'amour est la source des plus grands plaisirs et des plus grandes peines.

Прогуливаясь на дняхъ по Невскому проспекту, встрѣчился я съ однимъ моимъ знакомымъ. Разговаривая съ нимъ о шомъ, о сѣмъ, узналъ я отъ него, что общій нашъ приятель—назовемъ его по обыкновенію хощь Господиномъ N—недавно приѣхалъ въ Петербургъ.—Я крайнѣ этому обрадовался, потому что цѣлыхъ пять лѣтъ уже не видался съ нимъ, распросилъ, гдѣ онъ остановился, и пошелъ отыскать его кварширу.

N. жилъ прежде въ одной изъ нашихъ Губерній. Въ Губерніяхъ—обыкновенно всѣ почти между собою знакомы: шамъ не шю, что здѣсь: балы, вечеринки, вечериночки почти каждый день; приятель мой—какъ человекъ молодой, *любезный*—не пропускалъ ни одного собра-

нія, вездѣ опличался, панцоваль, но —
 прошу замѣшити—панцоваль болѣе все-
 го съ милою, прелесною Евгенією; Ев-
 генія была душею общества, приятель
 мой....я сказалъ уже вамъ, человекъ мо-
 лодой...прошло два, три мѣсяца, и...уже
 ли не догадались?...

Н. влюбился въ нее до безумія, на-
 чаль дѣлать такіе дурачества, какихъ
 не читывалъ я даже и въ романахъ: цѣ-
 лья нощи, на примѣръ, проводилъ у ея
 оконъ; вздыхаль, перзался, рвался; нѣ-
 сколько стопъ бумаги перевелъ на лю-
 бовную переписку, и—какъ храбрый че-
 ловѣкъ—два, или три раза выходилъ на
 дуэль за Евгенію. Съ этого времени онъ
 панцоваль уже не больше всѣхъ, какъ
 прежде, а съ одною только. Евгенією;
 бѣда, если пропустишь хоть одинъ ша-
 нець....наморщиться, надуется, забѣш-
 ся въ уголокъ — и сидитъ себѣ одинъ
 одиноконекъ. Боже упаси, если Евгенія
 его? хоть слово скажетъ съ другимъ
 мужчиной!...Повѣрите ли, что онъ пла-
 калъ однажды ошъ бѣшенствѣ, когда ми-
 лая его пошла панцовать съ какимъ-
 то Уланскимъ Офицеромъ.

Евгенія съ своей стороны не уступала ему въ дурачестввахъ: шакже ахала, шакже плакала, носила на себѣ поршрешъ его, писала къ нему безпрешанно; однимъ словомъ, по всему городу сдѣлалась извѣсна за его любовницу.

Отець моего прияшеля былъ весьма богашъ, слѣдовашельно и не считалъ выгодною паршіею для единшвеннаго своего сына—дочь бѣднаго чиновника, обремененнаго большимъ семѣйшвомъ.— Но преяшшвія умножили шолько спрасшъ любящихся; я имѣлъ чешъ удешпоишсь ихъ довѣренности, и—какъ спряпчій въ эшомъ дѣлѣ—принужденъ былъ играшъ роль посредника между обоими семейшвами.—

Прияшель мой клялся опцу своему, клялся, какъ *гешный теловѣкъ*, что онъ умрешъ съ грушши, если не опдадушъ за него Евгенію; Евгенія увѣрjala своихъ родишелей, что она ни за кого не пойдешъ замужъ, кромѣ своего возлюбленнаго; я шакже какъ могъ просиль, убѣждалъ—и дѣло кончено; опцы согласились и счашпливая чеша соединена узами брака.

Вскорѣ послѣ свѣдѣбьи молодые отпра-
 вились въ Москву; шамъ-шо провели
 они — какъ Французы называющъ les
 mois de miel — первые мѣсяцы супруже-
 ства. Съ дороги они написали ко мнѣ
 письмо, въ которомъ, по словамъ ихъ, я
 былъ первѣйшій имъ другъ, виновникъ
 всего ихъ благополучія, вшорой ошець,
 и Богъ знаешь кшо....благодѣянія, кошо-
 раго они никогда не позабудушъ, при-
 знательность ихъ къ кошорому никог-
 да не прекратится, и проч. и проч. и проч.

Евгени было тогда шолько шесш-
 надцашъ лѣтъ, мужу ея около двадцати
 двухъ; спустя годъ послѣ свѣдѣбьи ошець
 моего прияшеля умеръ, и оставилъ сы-
 ну своему весьма значительное наслед-
 ство.

Какъ случилось, что молодые су-
 пруги мѣня позабыли, меня, первѣйшаго
 ихъ друга, благодѣшеля, вшораго ошца-
 какъ это говорю случилось, я объяснишь
 не могу; мнѣ извѣстно было шолько шо,
 что они прожили цѣлый годъ въ Москвѣ,
 порѣхали пошомъ въ Казань и имѣли
 уже дѣшей. Теперь прошу покорно лю-
 безнаго чшашеля припомнишь, что я

пошелъ опыскивашь ихъ кварширу; я спую уже у подъзда и звоню въ колокольчикъ, будучи въ полной увѣренности увидѣшь скоро каршину и истиннаго супружескаго счастья.—

Слуга, отворившій мнѣ дверь, около десяти лѣтъ жилъ еще у покойнаго отца моего приятеля; онъ шопчасъ узналъ меня...“Ахъ, сударь! какъ обрадуешься мои господа увидѣвши, васъ...”, сказала, и что есть духа пустился доложить о моемъ приходѣ.

Вхожу въ комнаты и вижу спрашныхъ супруговъ, сидящихъ за однимъ столикомъ ... другъ къ дружкѣ спинами. Евгенія рисовала узоръ для плашья; мужъ ея чпшалъ-не знаю—новья, или сшарья газеты.—

Въ пять лѣтъ, въ кошорые я ихъ не видалъ, Евгенія довольно уже посшарѣла; приятель мой напрошивъ шого все еще быдъ, что называешся, молодець — но въ физіогноміи обоихъ я не замѣшилъ уже шого, что прежде: веселая, живая, нѣжная Евгенія показала мнѣ что-то пасмурною, скучною; пылкій, спрашний, молодой чедовѣкъ за-

думчивымъ, недовольнымъ.... Ужасная неремѣна! подумаль, я и какая была бышому причина? —

Дидя лѣшь прехъ, сидя у ногъ мапери, играло цвѣшями; другаго, поменьше, держала кормилица прошивъ зеркала — малюшка любовался, видя себя въ немъ. —

“Ты ли это, другъ мой? „, вскричалъ мужъ шономъ, кошорый болѣе показывалъ удивленіе, нежели нечаянную радость.

—Здоровы ли вы? — спросила у меня Евгенія, вспавши поспѣшно ео своего мѣша и подавая мнѣ руку. Глаза ея на минушу блеснули, щеки покрылись румянцемъ....вообще казалось, что она боролась съ какимъ-то внушреннимъ чувствомъ, кошораго однакожь побѣдиль не могла. — Какъ я рада, продолжала она, что васъ вижу! — Но я легко могъ примѣнить, что и ея радость была, какъ говорися, не слишкомъ-то радостна. —

“Итакъ, сказалъ мнѣ нѣжный супругъ, видишь ли я уже шеперь спарой мужъ, со всѣми забошами, огорче-

ніями ... цѣлая орда ребящъ около меня; эшо, продолжалъ онъ, показывая на дѣшей своихъ—эшо еще шолько половина моихъ баловней.,,

— Баловней! возразилъ я съ удивленіемъ, поцѣловавъ старшаго сына, который споялъ подлѣ меня.—Какое милое, прелестное дитя!... —

Онъ иначе думаетъ, подхватила Евгенія, сдѣлавъ удареніе на словѣ *онъ*— какъ будто бы хотѣла сказать: видите ли какъ мужъ мой неблагодаренъ и несправедливъ?

“Да, конечно — опвѣчалъ мужъ — но другъ мой вѣрояшно согласился со мною, когда узнаешь какъ они избалованы, упрямы, своенравны....,,

— Къ несчастію они похожи въ эшомъ слишкомъ на... — При сихъ словахъ Евгенія взглянула на своего мужа.

Вдругъ малюшка, котораго кормилица все еще держала на рукахъ и на бѣду дала ему ключъ, разбилъ какъ-шо имъ зеркало.—, О негодный мальчишка! вскричалъ мужъ, вѣчно пакоси! — Упавши его вонъ, кормилица!,,

Маленькой Саша, споявшій у сшо-

лика, побѣжалъ было посмопрѣшь разбитое зеркало, но нечаянно запнулся за споль, опрокинулъ черницу, чернила полились по сполу, перемарали всѣ лежащія на немъ бумаги... “Упащи и этого негодяя!”, кричалъ мужъ велѣдъ кормилицѣ.

—И меня шуда же, сказала Евгенія. Поступаешь ли кно шакъ съ дѣтьми своими?...—Удивляюсь, какъ не прикажете выбросишь насъ всѣхъ за окно?— При сихъ словахъ она залилась слезами, и оборошаясь ко мнѣ продолжала: извинише, чшо послѣ шакой долгой разлуки мы шакъ хорошо принимаемъ васъ; но не я шому причиною: вы видѣли меня нѣкогда счасливою; а шеперь... ешь люди, кошорые не спюють шого, чшо бы имѣшь дѣшей!—Голосъ измѣнилъ ей—она вышла въ другую комнату. —

Глаза мои невольню сдѣлали упрекъ неблагодарному мужу.—“Послушай братецъ, сказалъ я ему, мнѣ весьма прискорбно бышь свидѣтелемъ шакой неприятной сцены.,—Согласенъ съ шобою, другъ мой, ошвѣчалъ онъ, я и самъ на себя досаую за шо, чшо принужденъ

бываю иногда такъ вспылить, попому чшо...попому чшо въ самомъ дѣлѣ люблю дѣшей моихъ... и жену—прибавилъ онъ *съ сокрушеннымъ сердцемъ*—но они такъ упрямы, она такъ прихоплива, такъ привязана къ глупымъ своимъ удовольствіямъ, чшо, ей Богу, у меня голова кружится. Посмотри, посмотри на всѣ эти пустяки-продолжалъ онъ, показывая на узоры, лежащіе на сполікѣ.

“Но ты такъ вспылчивъ, чшо заставляешь Евгенію убѣгать себя; какъ же хочешь послѣ этого, чштобъ она сохраняла къ тебѣ любовь и довѣренность и не искала бы развлеченія въ глупыхъ, пошвоему, удовольствіяхъ, которые однакожь гораздо приятнѣе для нее швоей брюзгливости.,,

Тутъ перемѣнивъ разговоръ, сдѣлалъ я ему нѣсколько различныхъ вопросовъ: давно ли они приѣхали изъ Казани, гдѣ живущъ шеперь родные жены его, и ш. ц. попомъ, взявши посмопрѣшь Евгениину работу, воспользовался я симъ случаемъ и похвалилъ ея рукодѣлье.

“Нехудо, опшвѣчалъ онъ—но вѣдь эшо для ея нарядовъ, она шолько и дышешъ

ими. Ахъ! еслибъ ты зналъ чего спокуюсь мнѣ всѣ эти прихоти! любезныя ея — прѣклятыя *marchandes des modes* меня совершенно съ ума свели; вообрази.”
 Тупъ началъ онъ диссертацію о ридикюляхъ, съ жаромъ перешель къ шарфамъ, шляпкамъ и чепчикамъ; попомъ къ женѣ своей, и наконецъ — почпи въ себя заключилъ сими словами: “Боже мой! какъ жалокъ, какъ жалокъ молодой чело-
 вѣкъ, который располагаясь найпи себѣ подругу, желая соединить съ нею навсегда судьбу свою, ищеть въ ней одной полько наружной красоты!... тогда прощай навѣки его счастье!,,

Терпѣніе мое допнуло; посмотривши на часы, я сказалъ ему, что долженъ былъ опмучиться; но что — оставляя его, желалъ бы и надѣюсь видѣть впередъ между ними больше согласія.

Возвращаясь домой, невольню пожалѣлъ я объ моемъ припадкѣ. Вошь М. м. Г. г., что значишь пять лѣтъ супружества; вошь что, значишь женишься слишкомъ рано. О вы! нѣжные, спрашныя, двадцатилѣтніе любовники! О вы! ахающіе, вздыхающіе и изсыхающіе Адо-

ниси! не плачьте, не рыдайте, не кляните судьбу, если она васъ разлучаетъ съ вашими ангелами; не ругайте старыхъ дѣдушекъ и бабушекъ своихъ, если они мало смотрятъ на вашу чувствительность; вспомните моего приятеля, и повѣрьте, что они желаютъ вамъ счастья. “Но — скажете вы — приятель швой самъ виноватъ: онъ самъ оставилъ, забросилъ жену свою, которая по необходимости начала искать удовольствій въ разсыянной жизни; онъ него единственно зависѣло удерживать ее, крошечкою, любовію своею давъ ей почувствовать всю цѣну сего шихаго, истиннаго небеснаго наслажденія, сопряженнаго съ обязанностію матери и супруги, Все шакъ М. м. Г. г! согласенъ съ вами; но вопъ въ чемъ бѣда, что приятельшо мой до свадьбы шожеш мнѣ говорилъ.

Изъ Жци — А. Розингъ.

О ПОСЛОВИЦАХЪ И ПОГОВОРКАХЪ *).

Человѣкъ, руководимый опытомъ, во всѣ времена и у всѣхъ народовъ составлялъ для себя правила и замѣчанія. Сии правила и замѣчанія, будучи украшены остроуміемъ, представлены кратко, выразительно, сильно, дѣлаютъ такое впечатлѣніе, что невольно зашверживаются въ память, и часто въ подобномъ случаѣ, при одинакихъ обстоятельствахъ, сами собою приходятъ на умъ, бывають повсюрѣемы, и такимъ образомъ переходя изъ устъ въ уста, сплавляясь общенародными. Вотъ происхожденіе *пословицъ и поговорокъ!*

Основываясь на семъ ближе всего, по нашему мнѣнію, опредѣлимъ шѣ и другія слѣдующимъ образомъ:

Пословица есть общенародное изрѣченіе, содержащее въ себѣ какое нибудь правило или мысль, кратко, сильно и

*) Изъ Полнаго Собранія Русскихъ Пословицъ и Поговорокъ (1822). См. ниже *Извѣстія о новыхъ книгахъ.*

выразительно представленную. Это общіе и неопъемлемые свойства всѣхъ пословиць; случайныя принадлежности ихъ, сверхъ того, суть: остроуміе, рѣзкость и аллегорія.

Напрошивъ того *поговорка* есть общенародное изрѣченіе, содержащее въ себѣ одно только замѣчаніе, принословленіе, уподобленіе, или описаніе, равнымъ образомъ кратко и сильно выраженное.

Цѣль *пословицы* есть всегда предостерегаешь, или научаешь насъ; цѣль *поговорки* только живописать какое нибудь дѣйствіе. Такъ напримѣръ: *умѣ хорошо, а два лучше того; доле плати жемчугъ красенъ; не купи двора, купи сосѣда*, суть *пословицы*, ибо онѣ содержатъ въ себѣ правила, мысли, наставленія. Напрошивъ: *упалъ какъ снѣгъ на голову, лицомъ въ грязь не ударитъ, лежокъ на поминѣ, жаждетъ какъ воронъ крови*, и пр. не содержатъ въ себѣ ничего, чемъ бы мы могли руководствоваться, а одно только живое описаніе, уподобленіе, и потому—*поговорки*.

Какъ тѣ, такъ и другія, представ-

для мысли, правила, образъ сужденія и выраженія народа, въ разные времена, при разныхъ обстоятельствевахъ, должны быть весьма драгоценны для его потомковъ; ибо не только по онымъ съвѣрояшностию можно заключать о характерѣ, нравахъ и обычаяхъ народовъ, но часто многія изъ нихъ служатъ большимъ подкрѣпленіемъ разнымъ историческимъ доводамъ. Напрасно говоряшь, что пословиць нельзя принимать за аксіомы, ибо между ними есть такия, которыя однѣ другимъ совершенно противорѣчаютъ *), и что нѣкоторыя изъ нихъ такъ уже спары, что не только невозможно опредѣлить настоящаго ихъ происхожденія, но и истинный смыслъ ихъ уже поперянь. На это можно отвѣчать, впервыхъ, что такиихъ, одна другой противорѣчащихъ, пословиць весьма немного, да и шѣ относящя къ однимъ только частнымъ обстоятельствомъ жизни, и во вторыхъ, что са-

*) Какъ напр. *Всякому свое и не мыто бѣзо, и что наше, того намъ и не надо, и пр.*

мая древность пословицъ даешь имъ большую цѣну, и что смыслъ ихъ обыкновенно кажется поперяннымъ только съ перваго взгляда, но разборчивому Историку, зоркому изслѣдователю истины не столь трудно отыскаешь насъ стоящее ихъ значеніе, и опредѣлишь причину, а иногда и время ихъ происхожденія.

Посему для предохраненія многихъ пословицъ и поговорокъ отъ забвенія и для доставленія наблюдателю нравовъ возможности обозрѣвать ихъ вмѣстѣ и сличать между собою, у всѣхъ народовъ издаваемы были *Собранія* оныхъ. У насъ первый и единственный отыщъ въ семь родѣ сдѣланъ и изданъ былъ въ 1770 году, подъ названіемъ: *Собрание 4291 древнихъ Россійскихъ пословицъ*, напечатанное въ 1778 году вторымъ, и въ 1787 году третьимъ изданіемъ. Кромѣ того находишся еще небольшое собраніе пословицъ въ *Письмовникѣ Курганова*, и изданы: въ 1782 году *Выборныя Россійскія пословицы*, и въ 1785 *Русскія пословицы, преложеныя въ стихи и политомъ Богдановицкимъ*, но первое слишкомъ не-

доспащочно, а вшораго уже болѣе въ книжныхъ лавкахъ нѣтъ. Что же касается до пословицъ И. Ѡ. Богдановича, то онѣ сдѣлали большую погрѣшность, предложивъ каждую въ списки — по большей части разпянутые *); но каковы бы они ни были, во всякомъ случаѣ такое предложеніе не у мѣста; ибо пословицы и поговорки передаются изъ устъ въ уста въ привычныхъ, никогда неизмѣняемыхъ, и временемъ освященныхъ звукахъ, и въ такомъ шолько видѣ имѣющъ свою цѣну.

Д. К.

НАДГРОБІЕ К. И. Г.

Опѣ самой юности до старости глубокой
Царямъ, Опечесшву съ усереібмъ служилъ;
Для блага общаго здоровья не щадилъ,
И самъ собой досшигъ до степени высокой.

И.

*) Не шолько распянутыхъ, но и весьма, весьма натянутыхъ. Прим. Изд. Бл.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ РАСИНОВОЙ ТРАГЕДІИ:
ФЕДРА *).

Дѣйствіе I. Явленіе 3.

Федра и Энона.

Федра.

Нѣшь, далѣе иди я не могу, слабѣю:
Поддерживашь себя силъ больше не имѣю.
Свѣтъ дня мнѣ сягоснешь и взоръ мрачип-
ся мой—
Дрожапть согбенные колѣна подо мной...
Увы! (садится)

Энона.

И слезы васъ, о боги! не смягчаюпть.

*) Чип. въ Обществѣ любительей Словесности, Наукъ и Художествъ 26 ч. сего Января. Новый Переводчикъ Федры посвятилъ трудъ свой АВГУСТЪЙШЕЙ Покровишельницѣ Словесности ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ ЕЛИСАВЕТѢ АЛЕКСѢЕВНѢ и имѣлъ счастье удостоишься милостиваго ЕЯ вниманія и награды. Желашельно, что бы сія Трагедія предшавлена была на нашемъ театрѣ и что бы въ единственнѣйшей роли Федры увидѣли мы неподражаемую Актрису Гжу Семенову б. Почтенный Г. Чеславскій щашельно занимаешься исправленіемъ своего перевода и съ благодарностію воспользуется замѣтаніями на оный профессорныхъ любительей Словесности.

Федра.

Какъ покрывала мнѣ главу обременяющъ!
 Какъ скучны сихъ убранствъ ничтожныя
 красы!
 Подъ шажкѣй сей вѣнецъ кшо собралъ мнѣ
 волосы?
 Все раздражаетъ грусть—все множишь мнѣ
 спраданыя!

Энона.

Какъ въ ней волнуешь духъ прошивные же-
 ланья!
 Не шель сама предъ симъ, печаль свою вина,
 Убранствомъ поспѣщишь принудила меня?
 Спокойная душой, довольный видъ имѣла,
 Съ нешерпѣливостью увидѣшь свѣшь хощѣла,
 Увидѣла—и вдругъ гошова скрышь себя,
 И дня желанный свѣтъ несносенъ для себя!

Федра.

О предокъ мой, чѣмъ вновь я свѣшомъ о-
 зарилась!
 Ты, чьею дочерью бышь машь моя гордилась!
 Краснѣешь пы, мое смущенье зря въ сей
 часъ—
 О Солнце! я, себя въ послѣдній вижу разъ.

Энона.

Ещель въ умъ швоемъ споль грустное меч-
 шанье?
 Ещель питаешь пы споль пагубно желанье,
 Прошивъ природныхъ всѣхъ, священныхъ са-
 мыхъ правъ?

Федра.

О боги! для чего я не въ шѣни дубравъ!
 Когда могу сквозь прахъ, несущійся клубами,
 Зрѣшь колесницы бѣгъ—лепѣшь за ней очами?.

Энона.

Какъ?

Федра.

Что сказала я?...безумная! гдѣ я?
 Куда въ забвеніи спремилась мысль моя!..
 Теряюсь... Небо мнѣ разсудокъ помрачаетъ...
 Энона! съидъ мое лице воспламеняетъ!
 Открыла я себѣ, постигнута грусть мою —
 И ахъ! въ смущеніи—невольнo слезы лью ...

Энона.

Коль ты должна краснѣшь—краснѣй же опъ
 молчанья,
 Кошорымъ лишь свои сугубишь ты спра-
 данья.
 Предавшись горести, ничьихъ не внемлешь
 словъ;
 Эноны зришь къ себѣ усердье и любовь —
 И оптвергаешь ты ея всѣ попеченья!
 Иль можешь дни свои скончать безъ сожа-
 лѣнья?
 Теченье ихъ смущилъ какой враждебный Рокъ?
 Какой заразой ихъ отравленъ чистый шокъ?
 Трикрашно небеса шьмой ноци покрывались,
 Какъ у тебя глаза еномъ вовсе не смыка-
 лись;

Трикрашно прогоняль день мраки и мечшы;
 Какъ пици не вкуса, ослабѣваешь пы:
 Какое гибельно намѣренье имѣешь?
 Ужель на жизнь свою пы досягнушь посмѣешь?
 И праощевъ швоихъ безсмертныхъ оскор-
 бишь,
 Презрѣшь священный долгъ: супругу измѣ-
 нишь?
 Покинушь ли дѣшей желаешь пы несчаст-
 ныхъ,
 Сиротъ безпомощныхъ и—ахъ! кому подвла-
 стныхъ!
 Подумай: люшый Рокъ, похишивши ихъ мать,
 Иноплеменнику надежду можетъ дашь—
 И сей, на кровь швою неукропимый въ гнѣвъ—
 Свирѣпа Скиѣянка его носила въ чревѣ—
 Сей гордый Ипполишь....

Федра (сѣ ужасомъ.)

О боги!

Энона.

Иль могла

Я оскорбишь себя?

Федра.

Чье имя изрекла?

Несчастливая!

Энона.

Сей гнѣвъ правдивымъ почиая,
 При имени его швой шрепешъ примѣчая,

Довольна я! Живи; супружеска любовь,
 Долгъ мащери—себя да подкрѣпляюшь вновь.
 Живи; не допусти, чѣобъ сей иноплеменный,
 Сей Амазонки сынъ, гордынею надмѣнный,
 Подвергнулъ своему позорну игу кровь
 Славнѣйшу въ Греціи, изшедшу опть боговъ.
 Пощись, пресшавъ поскою убійственной
помишься,
 Разсудокъ возбудишь и въ силахъ укрѣпишься.
 Свѣпильникъ дней швоихъ не долженъ уга-
сать,
 Еще онъ плѣшся и можешъ воспылашь.

Федра

Я слишкомъ уже длю пресшупныхъ дней
печенья!

Энона.

Раскаянъель въ шебъ и совѣспи гзызенья?—
 Иль злодѣяніе виной душевныхъ мукъ?
 Невинной кровью пы не обагрилаль рукъ?

Федра.

Благодарю боговъ! я рукъ не осквернила —
 О еслибъ сердце я споль чиспымъ сохра-
нила!

Энона.

Ошкрой ужасное мнѣ шаинство сіе!...
 И сердце опть него возмущено швое?

Федра.

Пресшанъ испыщывашъ: я слишкомъ объ-
снилась.

Чтобъ больше не ошкрыть—я умереть рѣ-
шилась.

Энона.

Умрижь—чтобъ лютое молчанье сохранишь!
Ищи иной руки глаза швои закрышь;
А я, хопь жизненны швои увяли силы,
Предупрежду тебя сойщи во мракъ могилы.
Во гробъ низводитишь смерть чрезъ тысячи
пушей:

Крпчайшій изберу въ злой горести моей.
Яль въ недовѣрчивость швою, жеспока! впала?
Тебя, рожденну въ свѣтъ, я на руки прияла;
Отчизну и дѣшей покинувь для тебя,
Такъ награжденною за вѣрность зрю себя!

Федра.

Почто, почто сіе упорно испытанье?
Ахъ! воспрепѣеишь ты, коль я прерву мол-
чанье!

Энона.

Что можешь ты сказашь ужаснѣй для меня
Того, что смерть швою должна увидѣшь я?

Федра.

Коль пайну вырвешь ты мольбою неопстун-
ной,
Я всежь умру, умру—но болѣ пресстунной.

Энона.

Царица! ради слезъ, горчайшихъ слезъ моихъ,

(упадаетъ къ ея ногамъ)

Колѣна слабыя объемлю ногъ швоихъ—
Разрушь сомнѣнiе, прерви свое молчанье!

Федра.

Ты шребуешь—возспань!

Энона.

Въщай! мое вниманье...

Федра.

Что я ошкрышь хочу? О Небо!...чемъ, начашь?

Энона.

Преспань меня такой боязньо оскорбляшь.

Федра.

О пагубнѣйшій гнѣвъ! Киприды люпо
мщенье!

Въ какое машь мою пы ввергло заблужденье!

Энона.

Просшупкиль машери виной упрековъ сихъ?
Забвенiю предашь навѣки должно ихъ.

Федра.

И ты, сесшра моя, несчастна Ариадна!
Страдая ошь любви, уяла безошрадна!

Энона.

Какъ возбуждаюшь гнѣвъ въ пѣбѣ сiм мечшы
На родъ швой, ксего послѣдня ошрасль пы?

Федра:

Я гибну—шакъ ко мнѣ Киприды мечь у-
жасна!
Послѣдняя изъ всѣхъ—и болѣ всѣхъ злосча-
стна!

Энона.

Какъ! любишь шы?

Федра.

Любви шерзанья всѣ перплю!

Энона.

Кемъ спрасшна шы?

Федра.

Внимай—и шрепени.—Люблю...
Ахъ!...имя пагубно услышашъ шы желаешь...
Люблю....

Энона.

Кого?

Федра.

Сей Князь...сынъ Скиеняки...шы знаешь...
Кшо всю жесшокосшь несъ говенья моего..

Энона.

О боги! Ипполишь?...

Федра.

Ты назвала его!

Энона.

О Небо праведно! — кровь въ сердцѣ заспы-
ваешь!

Опчаяньемъ сраженъ, мой духъ изнемогаешъ...
 О родъ плачевнѣйшій! сцѣпленье бѣдствій
 всѣхъ!

Почпо вспунили мы на сей опасный брегъ?

Федра.

Увы! спрадаю я давно: едва съ Тезеємъ
 Желанный нашъ союзъ свершился Гименеємъ,
 Оспраду, счастье мой духъ тогда вкушаль—
 Какъ грозный сердцу врагъ въ Аѳинахъ мнѣ
 предспаль:

Узрѣвъ—краснѣла я, блѣднѣла, прешпала—
 Смущеньемъ люша спраспъ мнѣ душу вол-
 новала

Языкъ мой онѣмѣлъ, мракъ взоры мнѣ по-
 крылъ,

Сспремился мразъ по мнѣ—и огонь меня па-
 лиль!

Тогда познала я Киприду!—и въ мучеѣ

Ея ужасное почувшвовала мщенье.

Чшо бы избавишься спраданія сего,

Я ей воздвигла храмъ, украсила его;

И тамо, жершвами всечасно окруженна,

Искала въ ихъ чревахъ—разсудка заблужденна!

Ошъ спраспи могутъ ли, избавишь жершвы,
 храмъ?

Вошце на алшаряхъ куридся еиміамъ:

Богини имя я въ мольбахъ произносила—

Но Ипполита лишь въ душѣ богошворила!

И жершвы всѣ мои ошъ алшарей ея

Неслись къ шому—кого назвашь не смѣла я,
Увы! свиданья съ нимъ повсюду убѣгала,
Но образъ я его въ черпахъ ошца испрѣ-
чала,

Всю бодрость возбудивъ я духа своего,
Рѣшилася тогда преслѣдовать его:
Врагу, котораго такъ пламенно любила,
Жесткою мачихи припворный гнѣвъ явила;
Разлукой думая огнь спраспи погасишь,
Спаралася его изгнанье испросишь,
И не щадя ни слезъ, ни споновъ, ни закл-
шій,

Изшоргла я его изъ опческихъ объашій!
Съ изгнанія его покойнѣ была,
Дыша свободнѣ, невинны дни вела,
И ошь супруга скрывъ душевное смущенье,
О дѣшяхъ нѣжное имѣла попеченье.
Усиля щещные! жестокій гнѣвъ Небесь!
На гибель самъ Тезей въ сей градъ меня при-
везъ

Мой врагъ мнѣ вновь предспаль: увидѣла,
смушилася—

И шлѣвшая въ груди любовь воспламенилася!
Не по шраданіе, но въ шомъ ужъ я огнѣ—
Киприда вся сама вселилася въ сердце мнѣ!
Смущаясь въ ужасѣ я совѣспи грызеньемъ,
Возненавидя жизнь, гнушаясь прешупленьемъ,
Чшобъ чешь спаспи, свою пролишь хопѣла
кровь —

И въ адской шмѣ сокрышь позорную любовь.

Упорствомъ, силой слезъ ты Федру побѣ-
дила;
 Не сожалью я, что все тебѣ открыла;
 Но видя, какъ близка къ кончинѣ жизнь моя,
 Ты укоризнами не огорчай меня,
 И ободряйшь мой духъ надеждою не щися:
 Огнь жизни гаснущій ты возбудить не
 льсися.

И. Чеславскій.

~~~~~

ТЕАТРЪ.

Ифигенія въ Авлидѣ, Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, *Тетушка*, или она не такъ глупа, Комедія въ I дѣйствіи, соч. К. Шаховскаго, и *Отдыхъ Каравана*, Дивертисементъ, представленные на Большомъ Театрѣ 16 Января въ пользу Гжи Валберховой б.

Благодареніе Аполлону!—наша Мельпомена снова явилась на сценѣ. Послѣ прехлѣшняго ощущенія Гжа Семенова б. въ первой разѣ показала въ роля Клишемнеспры.

Трудно говорить о сей славной Акири-

съ: всѣ похвалы ей давно уже испощены. Но писавши нѣсколько разъ о другихъ актерахъ, могу ли не сказать ни слова о царицѣ нашего Театра? Не возможно изобразить восторга Публики при ея появленіи; рукоплесканія, *браво!* раздавались во всѣхъ концахъ шеатра, заставили ее остановиться и долго не позволяли ей говорить; наконецъ, благодаривши нѣсколько разъ восхищенныхъ зрителей, произнесла она нѣсколько стиховъ—и снова раздались клики восторга! Кто не зналъ прежде Ифигеніи въ Авлидѣ, пошъ и видѣвши ее въ эпошъ разъ—еще ее не знаешь: все вниманіе зрителей было усшремлено на одну Клишемнестру. Когда она была на сценѣ—повсюду царствовало глубокое молчаніе, изрѣдка прерываемое невольными рукоплесканіями; какъ же скоро уходила, потчасъ вездѣ начинались шумъ и разговоры, которые совершенно препятствовали слушать другихъ актеровъ. —

Не знаяши прежде Гжи Семеновой, я былъ обвороженъ ея игрою. Кажется Природа и Искусство соединились для того, что бы образовашъ изъ нее единственную, несравненную Актрису. Природа одарила ее правильнымъ Греческимъ лицомъ, прекрасною фигурою, сильнымъ и гибкимъ органомъ; Искусство придало ей хорошее чщеніе, свободные, благородные жесты, самое щоцкое

познавіе театральныхъ приличій. Она совершенно поняла характеръ Клиземнестры и ебдумала каждый стихъ, каждое выраженіе. У ней должны учиться молодые наши артисты, которые думаютъ, что для актера довольно однихъ только чувствъ. Всю эту роль играла она превосходно; въ помъ же мѣстѣ, гдѣ Клиземнестра упадаетъ къ ногамъ Ахилла, умоляя его спасти Ифигенію—она превзошла себя!

Жалѣю, очень жалѣю, что обстоятельство не позволяющъ мнѣ говорить о ней столько, сколько бы мнѣ хотѣлось. Я нахожу въ этомъ большое удовольствіе и желалъ бы, что бы мое удовольствіе не было неприятностію для читателей. Но, осмѣливаясь опъ лица всей Публики *) просить Гжу Семенову, что бы она не лишила насъ наслажденія видѣть ее чаще и надѣясь, что она исполнитъ всеобщее желаніе, я постараюсь со временемъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній объ ея чщеніи, объ ея жесткахъ, объ игрѣ ея вообще.

Скажемъ нѣсколько словъ и о другихъ актерахъ, игравшихъ въ сей Трагедіи.

Г. Брянскій, по моему мнѣнію, негодится для роли Ахилла: онъ самъ признается,

---

*) Это, покажется, можетъ быть, дерзкимъ, но я увѣренъ, что ни одинъ любитель театра не будетъ мнѣ противорѣчить. *Прим. Сот.*

что Природа не одарила его геройскимъ видомъ. Мы не видимъ въ немъ Гомерова Ахиллеса, котораго одинъ голосъ обратилъ въ бѣгство Троянъ и заставилъ опуститься самаго Гектора. Можешь быть, Г. Брянскій думаешь замѣнишь искусствомъ дары Природы; но это чрезвычайно трудно: часпо судьба актера зависить отъ перваго впечатлѣнiя, произведеннаго имъ на зрителей. Впрочемъ во 2, 3, 4 и 5 дѣйствiяхъ онъ игралъ очень хорошо. Роль сiю должно бы, кажешся мнѣ, отдать Г. Карашыгину; а Г. Брянскому играть Агамемнона: хотя фигура его совершенно не соотвѣтствуетъ и сей роли, за то сыгралъ бы онъ ее несравненно лучше Г. Толчцова.)

Ифигенiя *подаетъ дурное заключенiе о искусствѣ* *) Ахиллеса. Для чего бы не дать сей роли Гжѣ Колосовой?—Она, кажешся, совершенно сообразна съ характеромъ ея паланша. Не изыскивая причинъ, по которымъ она ее не играла, мы только пожалѣемъ, что занимала ее Гжа Брянская.

Гжа Валберхова очень хорошо представила Эрифилу; жаль только, что у нее слабъ голосъ.

---

*) Это выраженiе заимствовало мы у *несравненнаго* писателя нашего П. И. Сумарокова.

Говоришь ли о Гг. Толченоеъ, Каменогорскомъ, Радинъ? Должно ошдашь имъ справедливоспъ, что въ эпошъ разъ играли они не шакъ, какъ обыкновенно. Можешъ бышь, электрическiй огонь генiя Гжи Семеновой оживиль и ихъ! Жаль шолько, что вмѣсто Г. Борецкаго, занимавшаго прежде роль Улисса, явился нынѣ Г. Каменогорскiй .

За Трагедiей играна была маленькая Комедiя нашего плодовитаго вешерана—Комика К. Шаховскаго; но о содержанiи ея и о другой новой пiесѣ, кошорую случилось мнѣ видѣшь, предосшавляю себѣ поговорить въ другое время. Игравшiе въ ней Гжи Валберхова, Ежова, Асенкова и Г. Брянскiй давно уже восхищающъ Публику своими шаланшами. Гжа Дюрова есть прелесшной, расшускающiйся цвѣшокъ, кошорой и шеперь чрезъвычайно прияшень. Чшожь будешъ онъ послѣ, въ полномъ своемъ цвѣшѣ!

Дивершисеменшъ былъ очень хорошъ. Г. Косшилвонъ, Гжи: Новицкая б., Иштомина, Иконина и Нашъ шанцовали превосходно; жаль, что у перваго не шакъ хороша фигура. Не понимаю шолько, какимъ образомъ въ *Отдыхѣ Каравана* попалась Русская пляска! Впрочемъ Г. Пальзиковъ съ Гжами Рамазадовой и Асенковой плясали прекрасно .

Любитель Театра.

О НОВЫХЪ КНИГАХЪ.

Съ перемѣною въ нынѣшнемъ году формы нашего Журнала, мы необходимо должны были опустить спашью извѣстій о *всѣхъ* выходящихъ въ Россіи книгахъ, кошорая, смѣемъ льспить себя надеждою, если не по чему либо другому, по крайней мѣрѣ по полношѣ своей, едва ли имѣла у насъ донинѣ себя подобную. Но переспавая извѣщая Публику о *всѣхъ* печашающихся у насъ книгахъ, мы согласно съ желаніемъ многихъ почтенныхъ нашихъ чинашелей, будемъ удомляшъ время опъ времени по крайней мѣрѣ о *нѣкоторыхъ*, чемъ либо заслуживающихъ особенное вниманіе, будемъ, говоря всегда опировенно и безприсшрасшно наше мнѣніе, рекомѣдовашъ ихъ, или предосперегашъ опъ нихъ, замѣчашъ ихъ красопы, или показывашъ недосшашки. Надѣясь, что и сія спашья, если не болѣе, по конечно не менѣе приашна нашимъ чинашелямъ, почишаемъ нужнымъ присовокупишъ, что *вопервыхъ*, въ шакомъ видѣ, она не можешъ бышъ посшояною, но будешъ предлагаема Публикѣ по временамъ, по накопленіи нѣкошораго числа шакихъ книгъ, кошорыя мы признаемъ заслуживающими шого, чтошъ извѣспишъ объ нихъ Публику, и *восторыхъ*, что ее опниодъ не должно смѣшивашъ съ кришикою, кошорая

также входишь въ составъ сего Журнала. Здѣсь мы рѣдко будемъ входишь въ какія нибудь подробности, или приводишь доказа- шельства, но спавемъ говоришь просто и чистосердечно наше мнѣніе, предославля всякому соглашашься съ нимъ, или не со- глашашься, вѣришь ему, или не вѣришь.

На сей разъ намъ приятно имѣшь случай увѣдомить читателей нашихъ о слѣдующихъ вновь вышедшихъ книгахъ:

1. *Историческій и хронологическій опытъ о посадникахъ Новгородскихъ. Изъ древнихъ Русскихъ лѣтописей* (М. 1821. Въ пип. Сем. Селивановскаго, въ 4. спр. X и 310). Г. К. Калайдовитъ, извѣстный уже Публикъ историческими своими сочиненіями, изданіемъ сей книги приобрѣль себѣ новое право на ея уваженіе. Онъ показалъ здѣсь основательные познанія Исторіи Отечественной, умъ приобыкшій уже къ многотруднымъ изысканіямъ, любовь къ истинѣ, дѣятельную и неутомимую привязанность къ своему предмету и особенное умѣніе управляшь перомъ своимъ. Полагая, что *Историки* наши не оспавяють въ скоромъ времени доспойно оцѣнишь труды Г. Калайдовита, мы въ ожиданіи того приносимъ ему чувствительнѣйшую благодарность отъ лица всѣхъ любителей *Исторіи*, копорымъ книга его есть настоящій подарокъ. — Здѣсь, не можемъ мы также умолчашь, чтобъ не сказашь нашего

мнѣнія, какъ много Россія обязана почтенному Исторіографу нашему *Н. М. Карамзину* онъ заставилъ насъ читать, выучилъ писать и наконецъ привязалъ къ Исторіи Русской, копорю немногіе до шого времени занимались. Плоды сего уже очевидны, но чего еще надлежитъ ожидать въ будущемъ, особенно, если помыслимъ, что привязанность къ Исторіи опечесшвенной необходимо должна усиливать и любовь къ опечесшву?

Хвала также и достопочтенному Вельможѣ, копорый славу свою пославляетъ въ томъ, что бы покровительствовашъ всему полезному, и при имени копорого сердце каждаго Русскаго должно биться живѣйшею благодарностію. И сей цвѣтокъ насажденъ и воспитанъ его стараніемъ, ему обязанъ сущесшваніемъ своимъ и свѣжестію. *Г. Калайдовичъ* говоритъ въ своемъ предисловіи: „Сей опытъ предпринятъ по волѣ и особенному порученію Государсшвеннаго Кнзцера, Его Сіашельсшва *Графа Николая Петровича Румянцева*, знаменитаго любителя и знашюка опечесшвенныхъ нашихъ Древностей, именемъ копорого онъ и украсенъ. Сочинитель, имѣвъ счастье получить отъ Его Сіашельсшва, всѣ нужные для своего шрода пособія, печатныя и рукописныя, одолженъ ему еще болѣе шѣмъ, что во мно-

„гихъ случаяхъ руководствовался полезными „его наставленіями и крипическими замѣчаніями.“

2. Сему же высокому Покровителю и спудамъ почтеннаго Г. К. Калайдовича обяза на бышемъ своимъ книга: *Памятники Россійской словесности XII вѣка, изданные съ объясненіемъ, вариантами и образцами пострковъ* (М. 1821. Въ шип. С. Селивановскаго, въ 4. сгр. ХLI и 258). Здѣсь помѣщены пворенія Кирилла Епископа Туровскаго, Писателя XII вѣка, къ которымъ присоединено еще нѣсколько списковъ къ древней Словесности и Исторіи относящихся и принадлежащихъ къ тому же сполѣшю. Для показанія почерка древнѣйшихъ, списковъ при совокуплены два образца XIII вѣка, изъ Синодальной Кормчей и рукописи Графа *Θ. А. Толстова* заимствованные. Въ пользѣ сего изданія, кажется, никакъ сомнѣваться не будешь.

3. *Собраніе портретовъ Россіянъ знаменитыхъ, съ приложеніемъ ихъ краткихъ жизнеописаній. 1 Отдѣленіе части первой* (М. Въ шип. С. Селивановскаго. 1821. въ 4. сгр. X и 63). 10 помѣщенныхъ здѣсь портретовъ: *Нестора, Стефана* (перваго Епископа Пермскаго), *Филиппа* (Митрополиша Московскаго), *Ерлика, Иова* (перваго Папріарха Московскаго) *Герлигена, Минина, Князя Д. Трубецкаго,*

Ксеніи (супруги Боярина *Θ. Н. Романова*) и *Филарета Никитича Романова*, выгравированы большою часпію весьма искусно, жизнеописанія начертаны крашко, но удовлетворительно и приличнымъ слогомъ. *Г. П. Бекетовъ*, которому книгопечатаніе наше обявано весьма много, изданіемъ симъ приобрѣлъ себѣ новую благодарность своихъ соотечественниковъ.

4. *Выборъ изъ сочиненій Лорда Бейрона, переведенныхъ съ Французскаго. Издаѣ М. Катановскій.* *) Переводъ прекрасенъ, жаль только, что сдѣланъ не съ подлинника, впрочемъ это нисколько не умаляетъ его достоинства. Большая часть (если не все) изъ помѣщенныхъ здѣсь піесъ напечатана была въ прошедшемъ году *Вѣстника Европы*. Слѣдовательно читавшимъ оный нечего говорить объ нихъ; прочимъ же нельзя довольно рекомендовать эту книгу. Вотъ оглавленіе помѣщенныхъ спашей: *Осада Коринѣа, Кальмаръ и Орла, Мазена, Джаяуръ, Абидосская неслѣста*.

5. *Восполинаніе о походахъ 1813 и 1814 годовъ. Сот. Андрея Раевскаго. Ч. I. (М. Въ Унив. Тип. 1822. въ 8. стр. 162)* Книга сія извѣстна уже по пѣкопорымъ опрѣвкамъ, напечатаннымъ въ *Журналахъ*. Она написа-

---

*) М. Въ Унив. Тип. 1821. въ 12. стр. 21 5.)

на *) легкимъ, прияпнымъ слогомъ и содержишь многіе любопытныя замѣчанія. Рекомендуемъ ее любителямъ чтенія. Они оспіанушся ею довольны.

6. Полное собраніе Русскихъ пословицъ и поговорокъ, расположенное по азбучному порядку. Съ присовокупленіемъ таблицы содержанія оныхъ, для удобнѣйшаго ихъ приисканія. Съ эниграфомъ И. Богдановича: "Ласкаюсь, что нація увидишь съ благоволеніемъ изданное въ печашь собственное свое сочиненіе., Издано книгопродавцемъ И. Заикинымъ и продается въ Санктпетербургѣ въ книжныхъ лавкахъ N° 18, 19, 20, 23 и 26. (С. П. б. въ пип. Карла Крайя. 1822. въ 6. 8-ку; VII; 31 и 296 стран.)

Это самое полное и самое лучшее собраніе Русскихъ пословицъ и поговорокъ. Издатели помѣсли въ ономъ не только всѣ пословицы и поговорки, упошребительныя у насъ въ общежитіи, но даже и шѣ, копорыя взяшы съ чужихъ языковъ лучшими писателями, умѣвшими приоровишь ихъ къ нашему образу изьясненія, Сверхъ цого присовокупили они нѣкопорыя сеншенціи из-

---

*) Кромѣ нѣкопорыхъ, впрочемъ изрѣдка встрѣчающихся галицизмовъ и германизмовъ, какъ напр: *Въ гасѣ съ половиною вмѣсто въ половинѣ втораго; еани съ верхолѣ вмѣсто кибитка; онѣ илѣтѣ шестидесятѣ лѣтѣ вмѣсто елу шестидесятѣ лѣтѣ* и проч.

вѣснѣйшихъ нашихъ авторовъ сдѣлавшіяся въ ушахъ народа пословицами. Для удобнѣйшаго приисканія помѣщенныхъ здѣсь пословицъ и поговорокъ, приложена таблица (на 31 стран.), въ кошорой означены онѣ азбучнымъ порядкомъ по нравственному смыслу ихъ, а гдѣ сего не возможно было, по словамъ, въ нихъ заключающимся. Желательно, что бы съ подобною таблицею изданы были лучшія сеншенціи нашихъ ощенственныхъ Поэтовъ: составленіемъ споль полезной и, можно сказать, классической книги, занимающа уже, какъ слышно, нѣкошорые любители ощенственной словесности.

Съ удовольствіемъ прочли мы: первыя двѣ книжки новаго Журнала: *Сѣверный Архивъ*. Въ первой изъ оныхъ помѣщены слѣдующія спашья: 1) Подробное описаніе осады города Нарвы и сраженія подъ симъ городомъ въ 1700 г.; 2) Письма ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II; 3) Письмо Боярина К. И. А. Хованскаго къ Австрійскому Послу Эразму Гайделіусу 1615 года; 4) Описаніе Сарепшы, соч. въ 1813 году А. Ф. Воейковымъ; 5) Крашкое начертаніе путешествія Г. Сенковскаго въ Нубію и верхнюю Эіюпію 1821 г.; 6) Историческое объясненіе каршины, представляющей видъ развалинъ *золотыхъ воротъ* въ Кіевѣ, сняшый съ напурь въ 1651 году. Во вшорой: 1) Подробное опи-

саніе осады города Нарвы и проч. (*Оконгание*); 2) Письма ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II; 3) Письма одного Шведа изъ Москвы, въ 1647 году писанные; 4) Историческіе военные анекдоты; 5) Взглядъ на Кавказскую линію; 6) Крапкое начертаніе Путешествія Россійскаго Посольства изъ Оренбурга въ Бухарію въ 1820 г.; 7) Библиографическое обозрѣніе оплчнѣйшихъ сочиненій на Россійскомъ и иностранныхъ языкахъ по части Исторіи, Статистики, Политической Экономіи и Путешествій, вышедшихъ въ первой половинѣ 1821 года. Одно уже заглавіе сихъ спашей показываешь сколько долженъ бытъ любопышенъ по своему содержанію *Сѣверный Архивъ*. Мы почишаемъ обязанностію съ своею стороны засвидѣтельствовать предъ Публікою, что Издатели онаго имѣють у себя рѣдкіе матеріалы и что слѣдующія книжки сего Журнала будутъ по крайней мѣрѣ споль же занимательны, какъ и первыя. Подписка на *Сѣверный Архивъ* 1822 года принимается въ С. п. бургъ и въ Москвѣ во всѣхъ книжныхъ лавкахъ и сверхъ того въ типографіи Надворнаго Совѣтника Н. И. Греча, состоящей въ большой Морской въ домѣ Косиковскаго подъ № 84. Иногородные благоволяшь адресоваться въ Газетную Экспедицію С. П. бургскаго Почтамта. Цѣна за годное изданіе, состоящее изъ

24 книжекъ, сорокъ рублей, а съ пересылкою въ другіе города и съ доставленіемъ на дома сорокъ пять рублей.

Шарада.

Начальное мое на *цбломб* видѣшь можно;
 Въ Россійской азбукѣ искашь втораго должно;
 А что бы *цблос* узнашь,
 Въ карманахъ споишь поискашь.

И. К—о.

Шарада, напечатанная въ *И* N^о, значить
Пар-икб.

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1822. N° VI.

ЧУВСТВИТЕЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ПО НЕВСКОМУ ПРОСПЕКТУ.

(Продолженіе.)

L'aigle dans une maison est un sot dans une
autre.
Gresset. *Le Méchant.*

Есть люди, которые прослыли умными, учеными, добрыми, любезными, прослыли...и слывуть за любезныхъ, добрыхъ, ученыхъ, умныхъ до самой смерти. Тогда только открываешь, что слышь безсовѣстно лгаль на нихъ—и умные, любезные попчасть провозглашенны глупыми, злыми невѣждами.

Вошь опличіе молвы ошъ истинной славы!

Опасно доискиваться причинъ временной славы нѣкоторыхъ людей... Ихъ судьи—попомство и Исперія. Заглянемъ въ общеснва людей, которые родялся,

живущь и умирающь въ неизвѣстности.,
Сколько знаменитыхъ полководцевъ,
искусныхъ полишниковъ, умныхъ, уче-
ныхъ, необыкновенныхъ людей найдемъ
въ каждомъ уголку cadaго кваршала,
cadaго города и городка?

Чишапели! вы бываеете въ обще-
стввахъ; кто изъ васъ не видалъ въ по-
сѣщаемыхъ домахъ—*Генія? Молодаго те-
ловѣка съ рѣдкими, необыкновенными
способностями? Удивительнаго ребенка?
Любезнаго, единственнаго теловѣка?*

Къ счастью вселенной и къ славъ
опечесства, вездѣ Геніи, удивительные
люди, необыкновенные дѣпи. Будемъ
умѣреннѣе въ воспоргѣ папріопическомъ
и признаемъ — что если въ Россіи 40
милліоновъ жипелей—шридцать девять
милліоновъ, девять сотъ девяносто де-
вять пысячъ изъ нихъ — все чудесные,
необыкновенные люди....но только каж-
дый въ своемъ углу.—Пожалѣемъ о ма-
лой извѣстности шакого необыкновен-
наго множества Геніевъ — и взглянемъ
на нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Случай зашавиль меня идши къ од-
ному собирашелю Геніевъ — Въ продол-

женіе двухъ часовъ видѣль я у него однихъ только удивительныхъ смершныхъ — или безсмертныхъ, какъ онъ изволишь объ нихъ опзыватьсья.

Первое чудо! ... Я видѣль Поэта, который пишеть гладкіе, приятные, гармоническіе стихи ... и не знаеть Грамматики! (*Геній!*)— Въ стихахъ его, исполненныхъ жизни, сильныхъ, звучныхъ, однѣ каршины—за мыслями онъ не гоняеться....(*Пламенное воображеніе!*)— Онъ въ связи со всѣми императорами и ни одинъ не хвалишь его. (*Зависть!*) — Онъ говоритъ обо всемъ, но всегда чужими словами. (*Необыкновенная память!*)

Второе чудо!.. Я видѣль переводчика Татарской Исторіи, который ни слова не знаеть пошарски (*Геній, котораго никакія трудности не останавливають!*)

Третье чудо!... Я видѣль прелюбезнаго пречузнаго теловѣка. (По крайней мѣрѣ такъ провозгласиль его Собирашель Геніевъ.) — Въ немъ все необыкновенное! Ничего человѣческаго! Однимъ словомъ онъ Геній душой и шѣломъ! — Голось его попеременно измѣняеться изъ нѣжнаго шенора-баса въ дисканшь и изъ

дисканпа въ нѣжный пеноробасъ. (Необыкновенно прилично для слуха!)—Онъ ростомъ двухъ аршинъ съ верхкомъ, а шагаетъ какъ Голиафъ — Голиафъ въ кавалергардскихъ ботфорсахъ.— Онъ одѣтъ по послѣдней модѣ—нельзя иначе. Самъ Эмерсъ (кажется поже Геній) шепетъ ему плащѣ. Но всего удивительнѣе, всего привлекательнѣе разговоръ его! Я не Геній, я изъ людей самыхъ обыкновенныхъ, но слушалъ его съ восхищеніемъ, съ величайшимъ вниманіемъ—и ничего не понималъ. (Обыкновенная участь слушателей Геніевъ!) — Показалось мнѣ, что ему все не нравишься. (Не мудрено: можетъ ли нравишься обыкновенное—человѣку необыкновенному?) Все глупо, все дурно, все не шакъ! — Я повѣрилъ ему — потому что онъ шакъ спрашно выворачивалъ свои глаза и кривилъ ротъ! — Во всей вселенной нравился ему... только одинъ... Александрійскій листъ! И въ самомъ дѣлѣ! Александрійскій листъ достоинъ всемірной славы, потому что Геній совѣщаетъ его шить всѣмъ намъ проснымъ людямъ — потому что онъ, Геній, самъ недавно выдечился посредъ

ешвомъ Александрійскаго листа опъ жестокой боли въ желудкѣ послѣ неумѣреннаго употребленія деревенскаго варенья, которое прислано было ему опъ родишеля къ празднику Рождества Христова, и наконецъ — потому что онъ, Геній, пилъ Александрійскій листъ когда одинъ нахаль, вальсируя съ нимъ, сбросилъ его съ лѣспницы и переломаль ему ребра. — И много, много говорилъ Геній объ Александрійскомъ листѣ, о болѣзни, называемой *землетрасеніе*, о поединкахъ своихъ съ постельными собачками, о...кшо упомнишь все, что Геній можешь разсказать въ одинъ часъ?

Меня огорчаетъ несправедливостъ людей... Повѣрите ли? Нѣкоторые называютъ этого Генія... и глупымъ и дерзкимъ невѣждою ... что онъ не долженъ бытъ шерпимъ въ хорошемъ обществѣ?... что Поэтъ, который не знаетъ Грамматики и пишетъ однѣ мечшы (сладоспрасныя мечшы!) — не Поэтъ, а изтребитель бумаги и усыпитель? что переводчикъ Ташарской Исторіи, не зная Ташарскаго языка, будшо бы не долженъ и не можешь переводить съ Ташарскаго? — Кого не преслѣдовала зависъ?

Но всѣ эти неумѣстные восклицанія, толки злыхъ людей не помрачатъ нашихъ Геніевъ!—Геній душой и шѣломъ знаменишь въ своемъ углу—Поэшь славень...въ альбомѣ своей красавицы—Переводчикъ Тапарской Исторіи гремишь.. въ газетныхъ объявленіяхъ.

ОБЩЕСТВО НЕСЧАСТНЫХЪ, ДОВОЛЬНЫХЪ СОВОЮ *).

Всѣмъ извѣстны большіе общества, маленькіе общества, литературные, шайные, коммерческіе общества; но извѣстно ли, что есть еще общество? которое не умѣю назвать, потому что оно ни литературное, ни шайное, не походитъ ни на какое общество...совсемъ шемъ общество. Его составляютъ нѣсколько молодыхъ людей .... *довольныхъ собою*.

Предпріятіе великое! — За то каждый изъ членовъ сего Общества — великой человекъ!

---

*) Числ. въ Обществѣ любителей Словесности, Наукъ и Художества 26 Января.

Общество основано несчастнымъ авпоромъ, несчастнымъ по службѣ, несчастнымъ въ любви, несчастнымъ по уму, несчастнымъ по невѣжесіву, несчастнымъ по ненависти къ чужой славѣ *). — Ихъ цѣль бранишь все и всѣхъ безъ, разбора—хвалишь однихъ себя.

Года чепыре назадъ, зимою, въ полночь, несчастный авпоръ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и...бросалъ въ каминъ *Образцовыя Согиненія Русскихъ Авторовъ*. Это невинное занятіе было слѣдствиемъ несчастнаго успѣха его Трагедіи, будшо бы переведенной съ Французскаго (какъ онъ объявилъ) .... Чепыре пома пылали уже въ каминѣ, когда вошли къ нему шрое молодыхъ людей, его знакомыхъ: несчастный по службѣ, несчастный въ любви и несчастный по ненависти къ чужой славѣ.

“Милоспи прошу!,, — сказалъ несчастный авпоръ хозяинь. — “Вы очень кспашаи, друзья мои! Садитесь и рѣши-

---

*) Надобно знать, что всѣ эти господа несчастные—люди доспащочные.

те, правъ ли я, иль виновашъ? „—Несчастные посѣпишели сѣли около камина и съ безмолвиемъ выслушали причины, заставившія несчастнаго хозяина жечь лучшіе сочиненія Русскихъ Писателей. Причины найдены ясными, справедливыми, и несчастные посѣпишели, съ шоржеспвенными лицами, побросали въ огонь всѣ ошальные части образцовыхъ сочиненій.

“О священная дружба! „—сказаль одинъ изъ нихъ—“ты соединяешь насъ! Истина! ты укрѣпляешь союзъ нашъ! и мы забываемъ несправедливостъ людей.. Каждый изъ насъ рождень съ чувспвишельнымъ сердцемъ...„

—Пламенною душою! — подхващиль другой.

Благороднымъ чесполубіемъ! прибавиль шрепій.

“Съ любовію къ истинѣ!„ продолжалъ первый и совсемъ шемъ—насъ не признають за Геніевъ! Я написалъ нѣсколько Трагедій и Комедій...И Публика шикаетъ и Журналисты ругають меня!

— Я написаль пяшь шомовъ *Философскихъ Писемъ*, сказаль пропяжно вшо-

рый, искривя лице свое... И Цензура не пропускает их! —

Какъ будто дѣло Цензуры мѣшались въ орѳографію, сказалъ претій, и смѣшь находишь безсмыслицу!

“А я, прибавилъ несчастный Поэшь, я пишу день и ночь, перевозжу, раздаю мои списки во всѣ журналы—и меня же ругаюшь! И меня же называютъ списокропачелѣмъ... и обо мнѣ же говорятъ, что я пишу не порусски, а Польско-Сербскимъ нарѣчіемъ!,,

А меня, сказалъ претій, меня, имѣющаго Университетскій апшесшашъ меня...хотяшь заставишь переписывать бумаги! — бумаги—просныя, приказныя бумаги!...Не хотяшь награждать...Я все еще въ 9 мь классѣ....а другіе...безъ апшесшашовъ...безъ богатства, безъ Французскаго и Гишпанскаго языковъ .... награждаюися! и Богъ знаетъ за что!

“Только двѣнадцать книгъ набрали образцовыхъ сочиненій, сказалъ несчастный хозяинъ...и въ нихъ ни спирочки, нами писанной! А списки, только что вчера осшавившаго Лицей—печаашаюшся за образцовые!

Послѣдовало продолжительное молчаніе. Несчастливые сидѣли, повѣся свои мудрыя головы.

“Мщеніе!”, вскричалъ несчастный авторъ, вскоча со стула и устремля въ потолокъ и руки и глаза свои.

— Мщеніе! мщеніе! — повторили несчастные, подбѣжавъ къ хозяину.

“Милости прошу садись!”, — сказала хозяйня — “поговоримъ о намѣреніи нашемъ.”

Ярость блистала еще во взорахъ несчастныхъ, но они усѣлись... очень спокойно.

“Друзья! сказалъ несчастный авторъ хозяйня, признаемся, мы несчастливы!”,

Со всѣхъ сторонъ полетѣли вздохи, въ подтвержденіе сей истины.

“Весь свѣтъ прошивъ насъ; будемъ же тверды и съ презрѣніемъ вооружимся прошивъ всего свѣта! Все, что хвалишь свѣтъ—да будешь дурно...”

— Да будешь дурно! — закричали несчастные.

“Все что одному изъ насъ не нравися, да будешь дурно для всѣхъ!”,

— Да будешь дурно для всѣхъ! — повторили несчастные.

“Все, что написано кемъ нибудь
изъ насъ...

— Превосходно! несравненно! непо-
дражаемо!—закричали несчастные.

“Каждый изъ насъ....,,

—Геній! необыкновенный, чудесный
человѣкъ!—

“Трубки!,, — кричала несчастный
авторъ—“Бургонскаго!,, — Несчастливымъ
подали трубки, налили въ стаканы Бур-
гонское—и заключился союзъ недовольт-
ныхъ. И несчастные разсѣялись въ об-
щеспвахъ...и нашли поже, что и преж-
де—презрѣніе! Но это не мѣшаетъ имъ
судить, кричать, спорить, бранить все
... и они довольны!

Я видѣлъ ихъ!...Но повѣряешь ли мо-
ему замѣчанію, что они сильно подѣй-
ствовали на нѣкоторые слабые умы!

У.

ПОСЛѢДНЯЯ ПѢСНЬ ОССІАНА *)
 Опрывокъ изъ Поэмы: *Берратонъ*.

Шуми ручей, долинь краса!
 Холмами Лупы огражденный;
 Склонише, древніе лѣса,
 Надъ нимъ вашъ кровь уединенный!

Тамъ, часто легкой вѣшерокъ
 Играешь съ розою стыдливой,
 И шепчешь рѣзвому цвѣпокъ:
 “Весны любимецъ прихотливой—
 “О вѣшеръ! часъ мой не далѣкъ.
 “Напрасно, стебель мой росую
 “Заря вечерняя кропипъ:
 “Заушра цвѣпъ мой облешипъ
 “Съ моей минушною красою:
 “Не соберешъ уже весна—
 “Листковъ развѣянныхъ въ пуспынѣ;
 “И пушникъ спросипъ: гдѣ она?
 “И не найдешъ меня въ долинь.,,

---

*) Поэма сія почищается послѣднимъ Оссіановымъ пивореніемъ—и Шотландцы называютъ ее *послѣд-
 нею пѣснію*. Слѣдуя Шенье, я пропустилъ описа-
 нія побѣдъ Оссіана и Тоскара надъ прекраснымъ
 Ушаломъ—сыномъ Лармора; но предлагаю здѣсь
 обращеніе слѣпаго шарца къ быспрому источ-
 нику Лупы и воззваніе его къ грозной пѣвни Фин-
 гада,

Такъ придуть спранники въ часъ утра зо-
лопой,
Когда свѣшило дня разсѣпть мракъ шумана,
Придуть услышашъ голосъ мой—
И не услышашъ Оссіана!

“Гдѣ ты, пѣвецъ минувшихъ дней?
“О сынъ Фингала вдохновенный—
“Пѣвецъ народовъ и вождей!,,

Такъ спросишь юноша, ловившой упомленный;
И арфы брошенной во прахъ,
Онъ узришь спруны позабышы:
Слеза сверкнешъ въ его очахъ—
И оросишь пылающи ланишы.

О дщерь Тоскара, проводи
Слѣнца въ долину Лупы,
И нѣжной пѣснью улади
Мои послѣднія минушы.
Мальвина! тамъ своею рукой
Украшь мой гробъ цвѣшми.
Что медлишь, другъ прекрасный
мой? . . . .

Ужь гаснешъ день, скрываясь за холмами.
И влажный шелепся шуманъ:
Приблѣжся, юный сынъ Алпина *);
Повѣдай, гдѣ? . . .

---

*) Неизвѣстно, какъ назывался сынъ Алпиновъ.—
Алпинъ былъ изъ числа главныхъ Бардовъ Фин-
галовыхъ.

Сынъ Алпина.

О Оссіанъ!....

Навѣкъ сокрылася Мальвина.

Я зрѣлъ опща ея чершогоъ:

Угрюмый лѣсъ, зубчашы спѣны,

Тамъ спихнуль ловли звучный рогъ—

И дубъ погасъ воспламеневный *),

И дымъ надъ щеломъ не взлешаль:

Туманъ облекъ верхи Тарлушы.

Я встрѣшилъ скромныхъ дочерей
Лушы,

Но ихъ подруги не встрѣчалъ.

Онѣ прошли, склоня прекрасны очи,

Душа поской была омрачена :

Такъ меркнешъ свѣшлая луна

Въ шуманѣ влажной ночи.

Оссіанъ.

Свѣшило ясное! уже швой лучъ злашой,

На холмахъ нашихъ не блиспаешъ.

Какъ мѣсяцъ свѣшлый, молодой,

За рощей дальней исчезаешъ;

Такъ пы, едва душой прекрасной разцвѣла,

И вдругъ, въ безвѣстныя предѣлы—

Съ собою радость унесла

Моей души осирошѣлой!

---

*) Древніе Шотландцы, при всякомъ шоржествѣ, воспламеняли дубъ—и называли его сполпомъ пиршесшва. (Косшровъ. Предуздъ. стр. XXXVIII.)

Повсюду пищина, повсюду мракъ густой;
 Лишь метеоръ во шмѣ мелькаешъ;
 Свѣшило ясное! почто швой лучъ злашой
 На холмахъ нашихъ не блиспаешъ?
 Дай руку юноша!—укроемся въ лѣса:
 Ты слышишь, громъ раздался опдален-
 ный!....

Одѣлись мглою небеса—
 И вихрь взвѣваетъ прахъ сгущен-
 ный.

Смошри, какъ озеро кипящею волной

Колелешъ швердыя опоры.

И дубъ склоняешся увядшею главой

На холмъ цвѣщущей Моры.

Ты видишь арфу шамъ на вѣшви молодой?...

Ты слышишь спрунь ея унылое бряцанье?....

Иль шѣнь колеблешъ ихъ воздушною рукой,

Иль вѣпра бурное дыханье?.....

Не пыль, Мальвины другъ! въ шуманной вы-
 шинѣ,

Прошекъ невидимой спезею—

Какъ свѣшлый призракъ въ легкомъ
 свѣ?....

Еще хладѣющей рукою.

Коснусь злашымъ спрунамъ — и арфа воз-
 гремишь:

И духъ пѣвца осирошѣлый,

Съ послѣднимъ звукомъ оплешишь

Въ черпогъ опцевъ веселый!

Ихъ сонмъ, небесъ въ шуманной
 мглѣ

Склонясь на пучи позлащенны,
 Внимаешь гласъ мой восхищенный—
 И радость свѣспал на грозномъ ихъ челѣ!

Сполѣшнй дубъ, надъ спящими водами,
 Поникнулъ съ дикихъ скалъ;
 И въпръ изсохшими лиспами
 Мнѣ кудри обмешалъ.

О спарець! насладись минушой вдохновенья,
 Коснися дремяющимъ спрунамъ—
 И понесуся къ небесамъ
 Твои злашыя пѣснопѣнья!..

Фингаль услышала ихъ—и свѣспляя врапа
 Ошверзлась силою невидимыя длани.

Я зрю тебя, любимецъ шумной брани,
 Фингаль! могучихъ красота!

У ногъ твоихъ—тяжелый щипъ,
 Крылашый шлемъ, пернашы спрѣлы;
 Но тщетно! твой не спрашенъ видъ
 Сынамъ кровавой Гелы.

Какъ дымъ—шеой крѣпкой, сильный
 спанъ,

Твой голосъ—водъ журчанье;
 Сквозь щипъ, сквозь мечъ, какъ
 сквозь шуманъ—
 Мелькаешь звѣздъ сіянье!

Но спрашенъ въ гнѣвѣ, средъ громовъ,
 Когда на крыльяхъ бурь спущаешь
 И въ дымъ лешащихъ облаковъ

Ты солнце погружаешь *).

Дождь льется—какъ испочникъ съ
горь,

Сводъ неба пламенѣешь,

И робкій, преклоня къ землѣ смущенный взоръ,
Какъ дѣва юная, блѣднѣешь.

Но ты смирилъ свой гнѣвъ—и рой шумя-
щихъ тучъ

Исчезнулъ, какъ шуманъ разсвѣшомъ озарен-
ный;

И солнца свѣплый лучъ

Упалъ на синій лѣсъ и замокъ опдаленный.

Опяшь, крылатый въперокъ,

Играя шопола листьями,

Спруишь въ долину свѣплый покъ—

И серна скачешъ надъ скалами.

Все тихо; но чей гласъ я внимаю средь до-
линь?

—Какъ легкій въперокъ пронесся по дубравѣ...

“Гряди, гряди, мой сынъ!

“Чего не достаешь Фингала звучной славы? ...

“И я, и ты, въ минушной жизни сей,

*) Оссианъ, описывая сперва Фингала, какъ безсильную и слабую тѣнь, а послѣ говоря, что онъ и самое солнце погружаетъ въ облаки, уже ли себѣ прошиворѣчишь? Нѣтъ, тогда всѣ вѣрили, что тѣни умершихъ повелѣвали бурямъ и вѣтрамъ; но чшобъ сражаться, не имѣли уже ни силы, ни крѣпости.
Ростровъ.

“Мелькнули, какъ воздушный пламень,

“Но память прежнихъ, славныхъ
дней—

“Хранишь надгробный камень?,”

О доблестный Фингаль, о славный мой опецъ!

Такъ, я гряду съ шобой соединисься,
Жизнь гаснешь—близокъ мой конецъ,
И слѣдъ мой въ Сельмѣ *) испре-
бисься.

Не пробудяшь меня опъ сна
Зефиръ легкими крылами.

Проси, спрана опцевъ, родимая спрана!
Земля обильная героями—сынами!.....

Но шы печалень, Оссіанъ!

Спрашишьсяль мысли разрушенья?...

Какъ на долину палъ шуманъ—

Такъ на чело швое упало сокрушенье.

Героевъ прежнихъ нѣшь—и времени рука

Сокрыла смершныхъ роды:

Вѣкамъ во слѣдъ—идушь вѣка,

Народамъ вслѣдъ—народы.

Такъ лиспя вянущихъ вѣшьвей

Лешяшь за блѣдными лиспами,

Такъ волны бурныя морей

Текушь за бурными волнами.

---

*) Сельма, имя произведенное опъ имени Селама. Дворецъ Фингала, Государя Морвенскаго.

О Рипо! гдѣ швоя краса?...

Оскаръ! гдѣ крѣпосшь длани?....

И шы, Фингаль—любипель брани

Взлешѣль на небеса!

Доколѣжь мнѣ, героевъ надѣ гробами,

Скишашься въ сей юдоли бѣдѣ?

О спарець! бодро имѣ во слѣдѣ—

Теки надежными шпопами!

Возникнешь въ памяши сыновѣ

И возрасшешь швой подвигѣ славы,

Какъ дубѣ Морвена—средѣ громовѣ

Спокойный, величавый.

Владимиръ.

В. Вердеревскій.

~~~~~

ТЕАТРЪ.

Замѣчанія на игру Гжи Семеновоу б. въ Трагедіи: *Ифигенія въ Авлидѣ*, соч. Расина, переводѣ Г. Лобанова *).

Я имѣлъ удовольствіе, неизъяснимое удовольствіе видѣшь *представленіе Ифигеніи*, или лучше сказаць шоржесп-

*) Сія Трагедія предшавлена была 16 ч. минувшаго Января въ бенефисѣ Акприсы Гжи Валберховой, по просьбѣ кошо-

во нашей Мельпомены. Возможно ли описать восторгъ зрителей въ рукоплесканіяхъ и радостныхъ восклицаніяхъ: *браво! браво!*, гремѣвшихъ около четверти часа при появленіи Клишемнестры? Возможно ли описать какъ все это восхищеніе, всю неперпѣливость, жадность Публики къ наслажденію игрой ея—вознаградила Гжа Семенова?—“Нѣтъ, это не актриса—это не Клишемнесстра (воскликали многіе), но сама Мельпomena!,, И дѣйствительно во многихъ мѣстахъ пьесы превзошла она себя, казалась вдохновенною!—Какая прелестная, величественная наружность! Какой громкій, чистый, приятный органъ! И какіе чувства! Какой шлантъ!

Кто можешь такъ, какъ она, произнести сіи разительные слова оскорбленной матери къ соперницѣ дочери своей:

За нами слѣдовашъ тебя *не приглашаю*:
 Въ *приятнѣйшихъ* тебя здѣсь ухахъ остав-
 ляю.

рой Гжа Семенова б., невшупившая еще на Театръ, играла роль Клишемнесстры.

Всѣ замыслы свои *проникнуть* я могла....
Нѣшь, не къ *Калхасу* ты въ Авлиду при-
была!

(Дѣйст. II Явл. 4.)

Эрифила оцѣпенѣла—и вмѣстѣ съ нею зрители: такъ, что по удаленіи уже Клитемнестры пришли они въ себя—и громъ рукоплесканій заглушилъ разговоръ Ифигеніи съ Эрифилой.

Какая *Жоржъ* умѣла бы сказать выразишельнѣе, величественнѣе, о желаніи присушествовать въ томъ храмѣ, гдѣ совершился бракъ дочери ея съ Ахилломъ:

Гдѣ матерью меня сынъ наречешъ *Фетиды*,
Какой бы свѣшлый храмъ, какой златый
черпогъ
Возвыситъ болѣе мое величье могъ?

(Дѣйст. III. Явл. 1.)

Произнося послѣдній стихъ, она съ живостію, съ изъясненіемъ восторга, подняла руку вверху, и обрапя свѣшное радостію лице свое къ партнеру, явилась истинною Царицею, озаренною всемъ величіемъ супруги Агамемнона и машери Ахиллеса.

При спрашномъ извѣстіи, что Агамемнонъ ждешъ у алтаря дочь свою—

всю жизнь мою останешься въ памяти
моей сей видъ грозной матери, перешед-
шей опъ умилишельнѣйшей мольбы къ
опчаянной, спрашной рѣшимости.

Онъ кроется: мой спонъ злодѣя устрашаетъ.
(Дѣйст. III, Явя. 7.)

возвращаясь, сказала она Ахиллу какимъ-
то скорбнымъ и вмѣстѣ отраднымъ дро-
жащимъ голосомъ; ошвѣшь героя, весь-
ма удачно произнесенный Г. Брянскимъ:
Ахилла узришь онъ—*Ахиллу* дашъ ошвѣшь!
казалось, успокоилъ волнующуюся душу
ея.

Надобно было видѣшь Гжу Семенову
въ 3 Явленіи IV Дѣйствія, дабы увѣришь-
ся въ томъ, что въ изъявленіи силь-
ныхъ чувствъ акшеръ съ необыкновен-
нымъ шаланшомъ и душою, легко мо-
жешь забышься, превращаясь шакъ ска-
зашъ въ представляемое имъ лице. Каж-
дое слово, каждое движеніе, каждая чер-
та лица ея—изображали въ ней самую
Клишемнеспру, совершенную въ чув-
ствахъ, каковою представилъ ее непод-
ражаемый Расинъ.

Но что сказать наконецъ о разительнѣйшихъ упрекахъ ея Агамемнону въ 4 Явленіи IV Дѣйствія? Я сколько могъ укрѣпился, приготова себя къ этой пирадѣ.

*Убийца дочери! насыться поржесствомъ
И маперь цюости кровавымъ пиршесствомъ!*

произнесла она (взявъ за руку дочь и подведя ее къ опцу), съ дрожющими опъ яроспи губами, задыхающаяся опъ скорби. Рукоплесканія гремѣли! Я ощущаль, я видѣль, я слышаль — одинъ воспоргъ. Всѣ поражены были, кромѣ полько...самаго Г. *Агамелнона-Толгенова*. (Подлинно герой!) Это замѣшили многіе, и мнѣ показалось поже, хопя — признаюся — я все вниманіе усшремляль на одну Клишемнеспру.

*Злодѣй! (начала она, преодолевая себя) шакъ
сей обрядъ, шакъ сей-то бракъ сгасшливый,
Гошовиль хитрый духъ, сцлилъ языкъ твой
льсшливый?*

*Когда шы смерть ея, жестокий! изрекаль,
Какъ ужасъ услы швоихъ въ пошь мигъ
не оковаль?*

Превосходные стихи сіи, лучшіе по моему мнѣнію подлинныхъ, произнесены были Гжею Семеновою съ неизъяснимымъ совершенствомъ въ *измѣненіи голоса и выразительности каждаго слова*. Я чувствовалъ какой-то прелесть ошь восхищенія.

И Зевсь, правдивый Зевсь, убійства ли взалкаль?

И кровиль богъ боговъ невинной возжадалъ?

сказала съ швердоспію, увѣренная въ справедливости боговъ, и—повшоряю—одинъ только Г. Толченевъ не пораженъ былъ словами ея, не забылся; *не измѣнилъ себѣ*.

Отецъ, ли шы.... скажи?....

воскликнула она съ шакою силою укоризны, что казалось, вся душа ея изпоргалась изъ устъ. “Ахъ! ахъ!”, раздались невольные восклицанія вокругъ меня—я не могъ болѣе превозмогать себя—и не видалъ уже ничего до самаго конца ширады. Слова Клипемнеспры:

Безжалостный отецъ! свирѣпѣйшій супругъ!
Ты долженъ вырвать дочь изъ сихъ кровавыхъ рукъ

вдругъ ожесточили, укрѣпили сердце мое: таково дѣйствіе воспора въ высочайшей степени! Я увидѣлъ испугленную мать быспро идущую къ дочери своей; она, подошедъ къ ней, схватила ее за руку и воскликнула къ опцу.

Приди—и не спрашась ни вопля, ни прокляшій,

Дерзни ... (тутъ бросаю на шею дочери и обхватя ее руками, произнесла съ крикомъ, пронзившій сердце)

Дерзни изторгнуть дочь изъ мацернихъ объашій.

При послѣднихъ словахъ успремила на Агамемнона взоръ свой, сверкающій яростию раздраженной львицы, у которой похишили дѣшей: въ лицѣ ея изображались гнѣвъ, страхъ, угрозы; и вмѣспѣнѣжностъ и скорбь матери; полуопверзспыя уста дрожали—чело казалось мрачно... вопъ карпина опчаянія матери защищающей дочь свою! Душа моя была разшерзана, сердце онѣмѣло—я не могъ проливать слезъ. Театръ спональ опъ рукоплесканій и криковъ.

Замѣчу еще одно мѣсто V Дѣйствія, въ которомъ Гжа Семенова, исполнен-

ная всей силы чудеснаго своего шалаша, превращаясь совершенно въ представляемое ею лице и очаровавъ зрителей волшебствомъ игры своей, явилась истинно Мельпоменою. Это въ 4 Явленіи, когда Ифигенія, покорясь волѣ отца своего, отошла съ Эврибашомъ для добровольнаго преданія себя на жертву, а Клишемнеспру, порывающуюся слѣдовать за нею, воины остановили — Упейсье, изверги! *боговъ гистѣйшей кровью.*

произнесла съ такою выразишельностью послѣднихъ словъ, какъ бы желая *устрашить* воиновъ пролишіемъ крови самихъ боговъ, пекущей въ жилахъ ея дочери, что мнѣ кажется для наспоющей Клишемнеспры въ семъ случаѣ довольно бы было одного этого стиха, чтобы привести въ ужасъ народъ и усpreмишь его на спасеніе Ифигеніи.

Помощь услыша о предательствѣ Эрифилы, пораженная симъ новымъ злодѣйствомъ, переходить она отъ скорби и опчаянія—къ ожесточенію и швердоси: взываетъ къ морю, къ вѣтрамъ, съ какою-то увѣренностію, съ изсшупленіемъ:

Ужель, чшобъ и суда и Грековъ *поглотить*,
 Моря! вы новыхъ безднъ не жаждете изрышь?
 Ужель—когда, изгнавъ изъ приспани зашиш-
 ной,
 Си брега ихъ флопъ *изринутъ* ненасышной:
 Сей вѣшръ, сей самый вѣшръ, *гоня* ихъ средь
 валовъ,
 Всѣхъ *не покровѣтъ васъ* обломками судовъ!

Наконецъ, оспановясь величественно
 посреди сцены, обращается къ солн-
 цу и сказавъ, что оно видишь въ сихъ
 мѣстахъ доспойнаго преемника, сына
 шого Апрея, кошораго пиршества не
 смѣло оно озаришь, воскликнула громко:
 О Солнце! *возратись!*...шебъ *сей путь не новъ.*

Сердце мое заныло—волосы вспали
 дыбомъ! При первыхъ словахъ быспро
 подняла она вверхъ руки—какъ бы же-
 лая удержашъ солнце; послѣдніе же про-
 изнесла съ такою значительностію и
 силою, что я, *ощутя мгновенно* все омер-
 зѣніе къ гнусному злодѣйству Апрея—
 оцѣпенѣлъ опъ ужаса!—Вошь деклама-
 ція! вошь игра!

Что оспаешся еще замѣшишь? Со-
 гласишься ли съ нѣкошорыми изъ лю-
 биселей шеапра, раздѣлявшихъ со мною

удовольствіе, наслаждавшихся эпимъ предспавленіемъ, что въ иныхъ—весьма немногихъ—мѣспахъ Гжа Семенова была *не совершенна*? Но кто будешь спорить въ этомъ? И можно ли опъ кого претоватъ полного совершенства? Дано ли оно въ удѣлъ человѣку? — Между шемъ припомнимъ превозносимую нѣкогда Публикою нашею (и можешь быть до сихъ поръ еще иными) Гжу Жоржъ; сравнимъ ее шеперь съ Гжею Семеновою—и сознаемся, что сія *искусная* Парижская аршиска во многомъ, весьма во многомъ уступаешь нашей единственней, несравненной любимицѣ Мельпомены.

Наконецъ въ разсужденіи перевода сей Трагедіи, сполько похваляемомъ знашоками и поставившемъ Г. Лобанова наряду съ лучшими писателями нашими, должно сказать безприспрасшно, что красоны онаго сполько же способствовали къ большему успѣху игры Гжи Семеновою, сколько и игра ея скрывала малѣйшіе недоспашки перевода: однимъ словомъ, одно другаго совершенно достпойно; и я увѣренъ, что всякой про-

свѣщенный любитель театра, видѣвшій нынѣшнее представленіе *Ифигеніи*, согласишься со мною касательно достоинства перевода и совершенства игры Гжи Семеновой — что и самый поэт, кто (если такой найдется въ нашей благородной Публикѣ) не перенѣлъ бы Поэзіи и драматическаго искусства... но скажемъ языкомъ воспора:

Кто сердце хладное, суровое имѣлъ:
Искусствъ Поэзіи, Театра — ненавидѣлъ,
И поэтъ любовью къ нимъ въ душѣ вос-
пламенѣлъ,
Когдабъ онъ Клишменестру видѣлъ.

И. Чеславскій.

~~~~~

ПЕРЧАТКА.

(Изъ Шиллера.)

Предъ звѣринцемъ своимъ,
Сраженья звѣрей въ ожиданьи,
Сидѣлъ Францъ Король, и за нимъ
Вельможи сидѣли въ молчаньи,
А кругомъ на балконѣ, въ очахъ
Съ неперпѣніемъ, зрѣлись придворныя жены
въ вѣнкахъ.

Вмигъ по Королевскому пущь мановенью,
 Опверзлось звѣрей заключенье.
 И оспорожнымъ шагомъ,
 Молча, левъ высупаешъ
 И просяжно зѣваешъ
 И гривой своей пошрясаешъ.

И снова ужь поданъ знакъ Королемъ,
 И разтворилась въ мгновенье
 Впорая дверь—
 Быспро выпрыгнуль шигръ, кровожадный
 звѣрь,
 Изъ ней въ разъяреньи;
 И льва онъ лишь шолько узрѣль,
 Дико взревѣль,
 И глазами сверкаешъ,
 И землю хвостомъ
 Бьешъ въ ошервѣненіи зломъ,
 И языкъ выспавляешъ,
 Какъ лезвее меча;
 И гнѣвно рыча,
 Льва озираешъ—
 Пошомъ къ споронѣ онъ идешъ
 И шихо ложился.

Король знакъ опять подаешъ—
 И леопардовъ пара спремился
 Изъ раздвигнутыхъ вращъ;
 Тѣ звѣри жаждой къ сраженью кипящъ
 И на шигра лешашъ;

Тигръ острые когти на нихъ устремляешь;
 Вдругъ левъ,
 Издавши пронзительный ревъ,
 Поворошился—
 И повсюду миръ воцарился,
 И ужасомъ зрители всё попряслись,
 И дюшые звѣри въ кругу улеглись.

Тушь съ балкона унала
 Въ средину межъ шигромъ и львомъ
 Перчашка съ прелесшной руки.—И сказала
 Съ насмѣшливымъ видомъ, взглянувши кругомъ,
 Кунигунда Делоржу Рыцарю: «Таешь
 Если ты въспраспи ко мнѣ, какъ въ шомъ
 Всечасно меня увѣряешь,
 Любовь докажи мнѣ свою,
 Подними перчашку мою.»

И скорыми Рыцарь шагами
 Въ средину чудовищъ идешь,
 Наклоняешься, смѣло перспами
 Перчашку берешь.

И Рыцари и придворныя жены,
 Взирающъ со страхомъ на шо, изумленны;
 Онъ перчашку приносишь назадъ.
 И клики хвалы ему всюду гремятъ.
 И его Кунигунда въспрѣчаешь
 Со въспрасью, горящей изъ ясныхъ очей.

Но Рыцарь перчатку въ лице ей бросаетъ—
 “Благодарности я не желаю швоей!”, —
 И мгновенно ее оставяетъ.

И. Покровскій.

УДАЧНОЕ ЛЕКАРСТВО.

(Истинное происшествіе.)

Недавно скончался въ Лондонѣ Графъ Пемброкъ. Онъ имѣлъ много похвальныхъ качествъ, но былъ чрезвычайно упоренъ въ своихъ мнѣніяхъ, которые, какъ и всѣ почти его поступки, бывали иногда весьма странны. Желая избавишься возраженій, представлений и укоризнъ своихъ домашнихъ, рѣшился онъ припвориться глухимъ, и подъ симъ предлогомъ, давалъ отвѣты не по смыслу дѣлаемыхъ ему вопросовъ, а согласно съ своимъ намѣреніемъ, или предположенною имъ цѣлью. Между служителями его былъ кучеръ, который находился при немъ съ самага дѣтства и служилъ ему съ величайшею вѣрностію и усердіемъ. Къ несчастію началъ онъ пить и шакъ сильно, что Графиня Пемброкъ нѣсколько уже разъ приступала къ своему мужу съ просьбою опустить его. Графъ отвѣчалъ всегда: „да, это правда, Иванъ прекрасный малой,, — Я говорю, возразила

Графиня, что онъ вѣчно пьянъ и его надобно опсшавить. — “Да, да оставишь, продолжалъ Графъ, если онъ даже просить и небольшой прибавки жалованья онъ шакъ давно и шакъ вѣрно мнѣ служишь.,— Однажды, вскорѣ послѣ подобнаго разговора, Иванъ везъ Графиню ночью изъ Кензингтона въ Лондонъ и опрокинулъ карету въ Гайдепаркъ. Хопя при семъ случаѣ Лади и не ушиблась, но возвратившись домой, шопчасъ бросилась съ новою жалобою къ Графу. — Ну вошь, негодий Иванъ шеперь шакъ пьянъ, что не можешь спойшь на ногахъ; онъ вывалилъ меня изъ кареты, и если еще долѣ у насъ останешся, то всѣмъ намъ сломаешь шею.— “Не ужь ли, возразилъ Графъ, бѣдный Иванъ болѣнъ? Ахъ, мнѣ его очень жаль!“— Графиня, видя, что мужъ ея говоритъ свое, ушла отъ него съ досадою. Графъ велѣлъ привести къ себѣ Ивана и сказалъ ему весьма хладнокровно: “послушай, Иванъ, я очень люблю тебя, и пока ты будешь мнѣ хорошо служишь, найдешь всегда во мнѣ самаго добраго и попечительнаго господина. Жена моя говоритъ, что ты болѣнъ, и я въ самомъ дѣлѣ вижу, что ты едва держишься на ногахъ; ложись въ постель, а я ужь постараюсь о швоемъ выздоровленіи.,—Ивана опснесли въ постель и, по приказанію господина, положили ему большую шпанскую муху на

зашылокъ, другую на правую икру и выпустили шеснадцатъ унцій крови. Опомнившись на другой день по утру, Иванъ увидѣлъ себя въ самомъ жалкомъ положеніи и не прежде узналъ причину онаго, какъ когда другіе уже ему о томъ рассказали. Видя, что шущь ни чемъ не лъзя помочь, спокойно предался судьбѣ своей, ибо желалъ лучше выдержашь десятъ шпанскихъ мухъ, нежели лишиться своего мѣспа. Графъ каждый день два раза присылалъ навѣдывашься объ его здоровьѣ и часпо съ радостію говорилъ жень своей, что ему шановишья гораздо лучше. Между темъ Ивану не давали ничего, кромѣ бульѳну, и единственною собесѣдницею посажена была къ нему старуха лѣшъ въ семдесятъ. По прошествіи недѣли, въ продолженіи кошорой Иванъ безпрестанно просилъ докладывашь барину, что онъ уже совершенно здоровъ, угодно было наконецъ Графу поняшь его и позвашь его къ себѣ. „Ну, Иванъ!“,—сказалъ онъ—„надѣюсь, что прокляшя болѣзнь совсемъ уже шебя ошавида?“—Ахъ, Ваше Сіашельспво!“, отвѣчалъ Иванъ, ради Бога просшише меня: клянусь, что впередъ никогда эпого не сдѣлаю.,—“Конечно, возразилъ Графъ, прошивъ болѣзни дѣлашь нечего, и если шы опашь попрешнему зан можешь, шо я сей часъ эпо увижу, хошя шы и не будешь на шо жало-

вашся, и будь увѣренъ, что опяшь велю ле-
чишь себя точно такъ, какъ и шеперь.,—
Ахъ нѣшъ, нѣшъ, Ваше Сіятельство! Надѣ-
юсь, что въ эшомъ не будетъ нужды. — «И
я также надѣюсь; когда шы будешь испол-
няшь хорошо свои обязанности, и я не по-
забуду своихъ., — Иванъ ушелъ. Воспомина-
ніе о кровопусканіи, шпанскихъ мухахъ и
діэшъ, вселило въ него такой спрахъ, что
съ шѣхъ поръ онъ никогда уже не напивался.

Сб Нѣл. Ю.

ХАРАКТЕРЪ.

Какъ геній шворческій Архипа шоржеспвуетъ
Надъ каждымъ авшоромъ: лишь книгу въ
руки — смѣхъ!

И все по правиламъ онъ вкуса крипикуешъ,
А пишешъ—хуже всѣхъ.

К. Ш—вб.

ЭПИГРАММА.

Своимъ крипическимъ швореньемъ
Напрасно хвасшаешъ Пахомъ;
Онъ въ немъ живешъ *тужилб цмолб*,
А впрочемъ *собственнымб цлбньемлб*.

Б.

ИЗВѢСТІЯ О БѢДНЫХЪ.

Письма къ Издателю.

1.

Какъ къ покровителю бѣдныхъ и сиротъ, обращаюсь къ вамъ съ покорнѣйшею и убѣдительнѣйшею просьбою извѣспить чрезъ Журналъ вашъ сосрадашельныхъ людей о дряхлой, немущей старушкѣ *Иринѣ Никифоровнѣ Петропавловской*; лишенной болѣзнію и старостию всѣхъ средствъ къ пропитанію. Благошворители могутъ относиться ко мнѣ въ губернской городъ Владиміръ, Имѣю честь, быть, и проч.

23 Декабря
1821.

Подпоручикъ Михайло Васильевъ Хрулевъ.

2.

На Васильевскомъ Острову, въ 16 линіи, за малымъ проспектомъ, въ домѣ Монсплера живешь несчастная жена Губернскаго Секретаря *Петра Каменскаго, Дарья Иванова* съ малолѣпною дочерью. Мужъ ея, котораго вѣроятно и вы помните, будучи долгое время безъ должности, занимался живописью; но не имѣя часто работы и не находя другихъ средствъ къ содержанію своего семейства, доведеннаго почти до нищен-

пы, впалъ въ меланхолію и наконецъ помѣшался въ умѣ. Въ Декабрѣ мѣсяцѣ 1820 года ушелъ онъ изъ дома и пропалъ безъ вѣсти. Съ сего самаго времени бѣдная Гжа Каменская изнемогаеиъ подѣ бременемъ гнѣшущихъ ее бѣдсшвій. Недоспашокъ въ пропишаніи и печаль о мужѣ, о которомъ до сихъ поръ, не имѣеиъ никакого извѣспія, разспроили совершенно ея здоровье. Она теперь не въ силахъ даже работашъ. Въ сей крайности рѣшилась она опсправитъся въ Сибирь къ своимъ родспвенникамъ, которые по крайней мѣрѣ могутъ прокормитъ ее съ дочерью; но не имѣя никакихъ способовъ къ совершению столь дальняго пуши, умоляетъ со слезами всѣхъ благошворительныхъ людей оказашъ ей въ семъ случаѣ пособіе. Покорнѣйше прошу, васъ, М. Г., напечаташъ сіе письмо въ издаваемомъ вами Журналѣ, и проч.

27 Янв. 1822.

М. С—вб.

~~~~~

ОМОНИМЪ.

Я зданій частъ—и шакже я,
 Вошедъ въ великое теперь упошребленье,
 Могу въ васъ возбудишь и грусть и восхищенье;
 Ушѣшишь слухъ гармонія моя

И душу приведетъ въ волненье.

И. Покровскій.

~~~~~

ЛОГОГРИФЪ.

Напаль я на словцо!—Но станемъ разбѣраться.
Вопервыхъ вошь лѣпѣшь шуманомъ облечен-
ный

Призракъ Мойнѣ драгоцѣнный (1);

Тамъ начало созвѣздѣ блиспаешь (2);

Глядише—вошь бѣжишь лѣсовъ рогатый жи-
шель (3);

За нимъ безродное дѣтя (4)—

Преклонныхъ лѣпъ (5) пушеводи-
шель,

Съ мѣшечкомъ (6) за спиной, чупъ чупъ бре-
дешъ кряхтя,

И гласъ печали (7) издавая,

Вошь изъ заплечь свой грузъ

Малюшка на склоненный холмъ (8) слагая,

Зернистое съѣшное (9) вынимая,

Запѣль внушенье Музь (10)

И просишь хлѣба лишъ частицы малой
(11).—

Но вошь всего какъ будпо не бывало,

И чшожь? — Взнесшися къ солнечнымъ
лучамъ

Мечшавшій смершнѣй дерзновенный

За дерзосшь небомъ пораженный (12)

Представился очамъ;

И слезы (13) полились возлюбленной Тѣшона—
А вошь что мы виной считаеми горя, спо-

на (14)

И рапниковъ шолпа (15), и власпелинъ средь
водъ (16).—

Вдругъ чудными судьбами
Смѣшалось все (17). и вопшь
Игрушка спихошворная предъ вами.

И. Покровскій.

~~~~~

Ш А Р А Д А.

Слогъ *первый* ешь во всѣхъ домахъ,
У мужика, у господина,
Въ анбарахъ, въ лавкахъ и въ шюрьмахъ—
А *цѣлое* мое *второго* половина.

Θ. К — вб.

~~~~~

Шарада, напечатанная въ V N^o значить
тас-ы.

~~~~~

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1822. N° VII.

ОПИСАНИЕ ЮЖНАГО БЕРЕГА КРЫМСКАГО
ПОЛУОСТРОВА ВЪ 1815 ГОДУ *).

(Продолженіе **).

Ялта.

Въ три часа по полудни оставили мы прелестную Алупку — еще версты чешыре дурной дороги чрезъ вершепы и пропасти, а шамь спокойный пушь идешь удобными и веселыми мѣсшами. До Алупки сѣверные каменистые утесы совсемъ голы, но далѣ расцешъ на нихъ крупный и мѣлкій лѣсь. Въ окрестностяхъ Ялшы горы сіи окружая полуциркулемъ морской берегъ и вздымаясь къ верху, предшавляюся въ са-

*) См. IX и XIII N° *Благонамѣреннаго* 1821.

**) Чисано въ Общесшвѣ любипелей Словесности, Наукъ и Художесшвѣ 26 ч. минувшаго Января.

момъ живописномъ видѣ. На вершинѣ сего горнаго хребта находятся проспранныя долины, пучною землею покрытыя. Тамара пасушь шамъ во все лѣшо скотъ свой.

Мы ѣхали въ виду моря, посреди сада, насажденнаго природою. Дикій виноградъ, плющъ и другіе вьющіеся растѣнія шакъ переплели деревья, что внушрь лѣса пройши не возможно, и соединенныя вѣтви мѣстами соспавляли шемную, крышую аллею. Успроенныѣ набожными Музульманами водомешы и вообще мнѣжество водъ, сливающихся и чиспыми ручьями орошающихъ долины, испещренныя небольшими лугами и пашнями, соспавляющъ удивительную прошивоположеносшь съ грознымъ видомъ моря и горъ, пороспшихъ вѣковыми дубами, коихъ, по непроходимоспи, дорогъ въ сію подоблачную высоту, рука человѣческая никогда не посѣкала.

Симъ прелеспынымъ садомъ, въ прохладительной шѣни аллей, непроницаемыхъ лучами солица, гдѣ шихое клокошаніе ключей приводишь въ приапную

задумчивость, гдѣ небесная лазурь, зеленъ луговъ и рощей, море ошъ шишины блестящее какъ зеркало, горы ошъ чистоты воздуха ошпѣненные голубымъ шуманомъ—наконецъ, когда солнце и всѣ предметы являлись взору въ полномъ величїи и красотѣ—проѣхали мы, не въ дальнемъ одно ошъ другаго разстоянїи, небольшїе селенїя: Алупку, Мыхой, Курекъ и Гаепру, и спустившись къ морю, прибыли въ Ялпу. Генераль долженъ былъ осмошрѣшь здѣсь карантинную спражу, поварищи мои имѣли время ошдохнуть, а я написашъ къ шебѣ нѣсколько спрокъ моихъ замѣчанїй.

Не возможно вѣришь, что бы споль небольшая деревня была нѣкогда Ялиша, извѣстная въ древности обширною шорговлею и многолюдспвомъ. На крушой горѣ, у подошвы коей расположена Ялиша, видны развалины крѣпости, разрушенной бывшимъ въ XV вѣкѣ землешрашенїемъ. Вошъ что оспалось ошъ богатаго и великолѣннаго города! Грустно, мой другъ, смошрѣшь на сіи памяшники человѣческой суешы—еще грустнѣе,

когда вообразимъ, что и роскошнѣйшія столицы не пощадишься временемъ и зданія, съ поликою пышностію воздвигнутые, падушъ и обрашяшся въ надгробные памятники чѣловѣческаго тщеславія.

Не смопря на видимую незначишельность, Ялла естъ средоточіе торговли южной Тавриды. Она производихся, по обычаю непросвѣщенныхъ народовъ, самымъ простымъ образомъ — мѣною. На всемъ полуденномъ берегѣ нѣтъ купцовъ, нѣтъ никакой промышленности, и каждый хозяинъ дома печется о продовольствіи и содержаніи своего сѣмейства, доставляя оному самъ необходимыя въ домашнемъ быту потребности. Крупныя скады и негоспепріимное море не позволяющъ жителямъ строитъ лодокъ въ своихъ селеніяхъ; почему они и принуждены строитъ ихъ по близости берега въ удобныхъ для того мѣстахъ. Нагружающъ лодки незначишельнымъ количествомъ мѣлкаго лѣса, плодами неподверженными скорой порчѣ, въ томъ числѣ дурнымъ изюмомъ, приготавливаемымъ изъ дикаго винограда; болѣе же

всего отпускають лукъ, чеснокъ и ленъ опшмѣнной доброты. Грузъ сей поручають одному избранному, который разъ въ годъ осенью, безъ малѣйшей для себя выгоды, промѣниваетъ оный въ ближнемъ Феодосійскомъ портѣ на пшеницу, шелковыя Турецкія машеріи, соль и другія домашнія цѣлѣбности.

Глубина моря у Ялты очень велика; дно каменисто; якорное мѣсто, кромѣ шихихъ лѣпныхъ дней, открыто и опасно; почему купеческіе суда никогда къ Ялтѣ для торговли не приходятъ. На южномъ берегу есть много пристаней, гораздо удобнѣйшихъ, но для предосторожности отъ чумы позволено жителямъ только изъ Ялты отправлять свои избытки, и всѣ лодки, прежде отправленія въ Феодосію, или иной портъ, обязаны взять пашпортъ въ Ялтѣ отъ карантиннаго начальника. Дюкъ де Ришелье, могущій по справедливости назваться благодѣтелемъ сего края, старался доставить оному многіе преимущества и сколько возможно распространить народную промышленность и внутреннюю торговлю, кошо-

рья по необходимости спѣснены были въ 1812 году по причинѣ появившейся тогда чумы. До сего времени *) въ Севастополь, ближайшій портъ и по многолюдству своему наиболѣе нуждающійся въ произведеніяхъ южнаго берега, запрещень входъ не только иностраннѣмъ, но даже своимъ судамъ и лодкамъ изъ сосѣднихъ портовъ. Военный портъ сей и въ мирное время со стороны моря почисался въ блокадномъ состояніи. Южный берегъ, изобильнѣйшій въ Крыму, лишенъ внѣшней и внутренней торговли, и едва ли когда будешь имѣшь оную, ибо трудно приучишь шеперь Ташаръ къ тому, ошъ чего прежде спарались ихъ опучишь.

*) Въ 1818 году, послѣ посѣщенія ГОСУДАРЕМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ Крымскаго полуострова, многіе неудобства, происшедшіе по случаю бывшей въ 1812 году чумы, прекращены и между прочимъ позволено приходишь въ Севастополь Русскимъ судамъ со своими и иностранными поварами, выдержавшимъ карантинъ и заплачившимъ пошлины.

Близъ Ялпы показали намъ деревни Дерикой и Алвасиль, красотою мѣстоположенія и богатствомъ природы подобныя Алуцкѣ. Обѣ деревни принадлежатъ Адмиралу Николаю Семеновичу Мордвинову.

Выѣхавши изъ Ялпы, должны мы были перебираться чрезъ утесистый мысъ Киркенеисъ; съ него-то великолѣпный водопадъ, называемый Тапарами *Акирбсу* (бѣлая вода) по крупному скапу низвергается въ море. Вода, съ вершины мыса спекая въ началѣ шихою, шонкою спруею и будучи оспанавливаема въ теченіи своемъ высунувшимися каменьями, постепенно увеличивается въ силѣ, быстро спускается внизъ по скаламъ; наконецъ, въ крушащихся водоворохахъ, съ шумомъ подобнымъ грому, лепишь по опвѣсу, разбивается въ брызги, и обратившись въ пѣну, падаетъ въ море съ послѣдняго уступа; вышиною не мѣнѣе десяти сажень. Во время сильныхъ дождей водопадъ сей представляетъ снѣжную колонну во 150 сажень. Онъ состоитъ изъ родниковъ, находящихся по скапу мыса, и когда нѣтъ дож-

дей, безопасно можно къ нему приближаться. Мы переѣхали его на послѣднемъ успугѣ въ бродѣ.

На ближнихъ къ водопаду горахъ (изъ коихъ вершина одной украшена руинами древней Ялпы), въ самыхъ неприступныхъ мѣстахъ растеть клублишн ле дерво. Оно и здѣсь очень рѣдко и дорого, ибо растеть на вершинахъ и въ ущеляхъ дикихъ скаль. Не подражая ли природѣ, которая лучшіе дары свои скрываетъ въ недосступныхъ спремнинахъ, человекъ отличныхъ достижень кроешь иногда во мракѣ неизвѣстности?

Въ чепырехъ версахъ отъ Ялпы, осматривали мы остатки Греческаго монастыря Св. Іоанна. Слѣны церкви разваливаются, все прочее обращено въ кучи камней, и только въ шолукружїи, гдѣ была алтарь, примѣтны еще лики свящыхъ. Время и Тапара пощадили лишь одинъ находящїйся въ преддверїи храма прекрасный ключъ, который столь изобилень водою, что вырываясь изъ земли, бьеть вверхъ фонтаномъ. Песокъ кипитъ на днѣ, а вода чиста, какъ кристаль, и холодна, какъ ледь.

Никитскій садъ.

Проѣхавъ тридцать верспъ отъ Ялпы и спустившись съ горы къ морю, въ семь часовъ вечера прибыли мы въ Императорскій садъ, извѣстный подъ именемъ Никитскаго. Заведеніе сіе обязано своимъ существованіемъ Дюку де Ришелье; по его предсавленію, для улучшенія и размноженія Крымскихъ, также для разведенія иностранныхъ деревьевъ и ботаническихъ травъ, ГОСУДАРЬ опредѣлилъ на содержаніе сада 10.000 рублей въ годъ. Изъ здѣшняго питомника, еще вновь заводимаго, но уже изъ 70.000 прививковъ состоящаго, жипели Крыма за умѣренную, по 40 копѣекъ, плату могутъ получать самыя лучшія плодовишыя деревья. Къ сожалѣнію, Ташара южнаго берега, не понимая своихъ выгодъ, мало симъ пользуется; перевозить же молодые деревца на вьюкахъ за горы очень трудно и почти не возможно.

За опсущствіемъ Директора Г. Шейна, живущаго въ Семфиropolѣ, опвели намъ его домъ, и мы въ ономъ очень покойно расположились. Малень-

кіе домики простой, но приятной архитектуры, назначенные для рабочихъ и спорожей, по первому на нихъ взгляду обѣщая нѣчто болѣе, нежели въ самомъ дѣлѣ: они кажутся очень великолѣпными въ сравненіи съ Ташарскими хижинами, къ копорымъ взоръ нашъ уже привыкъ.

Мы вышли прогуляться; но роса, падающая здѣсь крупными каплями и съ избыткомъ въ сухое лѣто замѣняющая дождь, принудила насъ скоро возвратиться въ домъ, гдѣ послѣ сыпнаго ужина расположились мы на сѣнѣ спать однакожь долго не уснули, ибо съ неперпвнѣемъ и безпокойствомъ ожидали людей нашихъ, которые уже поздно ночью приѣхали.—И мы, любезный другъ заплашили дань за любопытство: одна изъ вьючныхъ лошадей, на копорой сидѣлъ мой деньщикъ, опъ усшалосшилъ, или опъ того, что была шуго подшянуша, на дурной дорогѣ, въ прехъ верспахъ опъ Алупки, сначала зашашалась, потомъ спала—и едва деньщикъ успѣлъ соскочить и опрѣзашъ вьюкъ — упала, скашлась въ пропашь и погибла.

Остановка въ лошадяхъ, копорыхъ должно было привестъ изъ дальнихъ деревень, доставила намъ приятный отдыхъ и случай осмошрѣшь хорошенько садъ. Мы вспали очень рано, и напившись кофе, спѣшили насладиться прохладою ушра. Въ Никишскомъ саду романическая Крымская природа представляется съ наилучшей ея стороны; то, чего желалъ я для Алупки, сдѣлано здѣсь и очень удачно. Кто хочетъ имѣть понятіе о богатствѣ произведеній южнаго берега, тому спойшъ посѣпитъ Никишскій садъ. Въ немъ-то пруды искусства облекли природу новыми прелестями и раскрыли дикіе, величественные ея виды. Не возможно не удивиться симъ покойнымъ стодамъ, усроенымъ на безобразныхъ крушизнахъ, на копорыхъ, прежде должно было исцарапать руки и ноги. Дорожки, пробитыя по скаламъ, индѣ въ видѣ лѣшницы, индѣ въ изгибахъ улишковой черты, идущія внизъ и вверхъ по различнымъ направленіямъ, между вѣковыхъ дубовъ, уродливыхъ буковъ и огромныхъ орѣховыхъ деревьевъ, коренныхъ, такъ сказать, обитателей сихъ

мѣспь, вдругъ неожиданно выводяпъ къ плодоноснымъ рошицамъ нѣжнѣйшихъ чужеземныхъ деревъ. Посреди расчищенныхъ лужковъ, по обѣ стороны дорожекъ насаждены въ прелестномъ безпорядкѣ и узорами благовонные цвѣты и кустарники, привезенные сюда изъ другихъ климатовъ.

Восходя и сходя съ уступа на уступъ мимо оранжерей, пещлицъ, гдѣ рѣдкіе произрашенія и ботаническія шравы четырехъ часпей свѣша распушъ, какъ въ своемъ опечеспвѣ—мимо красивыхъ домиковъ, построенныхъ въ саду для разныхъ службъ, переходили мы заключенные въ шѣсныхъ каналахъ, или свободно текущія ручьи, проведенные для поливки во всѣ концы сада. Болѣе пяти часовъ, бродя туда и сюда, читали Латинскія надписи на цвѣсахъ, разсматривали Африканскіе и Американскіе растенія, видѣли много рѣдкаго и не удивлялись ничему—можетъ бытъ пошому, что мы уже привыкли видѣтъ шю, чего и назвапъ не умѣли. Полдневный жаръ и хорошій аппетишъ напомнили намъ, что пора обѣдапъ. Мы не

хопѣли войпи въ домъ, а сѣли подь роскошною пѣнію деревь.

Гурсуфъ.

Въ чешыре часа пополудни опсправились далѣе. Едва успѣлъ я спашь въ спремя, горячій конь мой, закусивъ удила, пущилъ какъ изъ лука спрѣла; Не могши управить его по дорогѣ, въ въ минушу очутился я на вершинѣ крушой скалы. Тупъ лошадь осшановилась—но еслибъ шагъ впередь, смерть была бы неизбѣжна.

Дорога къ Гурсуфу очень безпокойна. Она пролегала вдоль морскаго берега чрезъ хребты невысокихъ, но крутыхъ горь, въ коихъ широкія и глубокія водопроеины запрудняли насъ на каждомъ шагу. Дорога иногда шла у подошвы горь близъ самаго моря, и шупъ груды каменьевъ, или далеко выдавшійся въ море мысъ, принуждали насъ объѣзжать ихъ въ бродъ. Хошя не было большаго вѣпра, однакожь волны, вспрѣчая препятствіе и разбиваясь о каменя, подымались довольно высоко. Сими всплесками не осшавило на насъ сухой ниш-

ки; отъ шума волненія лошади пугались не шли въ воду—по обращались прямо къ берегу, по назадъ, что всѣхъ насъ крайнѣ упомило.

Черезъ часъ вѣды остановились мы у большаго о двухъ этажахъ дома съ бельведеромъ, принадлежащаго Дюку де Ришелье. Хотя домъ не совсемъ еще опшстроенъ, но вблизи низкихъ хижинъ кажешся огромнымъ и великолѣпнымъ замкомъ. Главнымъ фасадомъ обращенъ онъ къ горамъ; съ другой стороны видно море. Мнѣ показалось сначала, что лучше бы главный фасадъ обратишь къ морю; но взошедши на балкѣнъ и взглянувъ на окрестности, я согласился, что хозяинъ правъ. При подошвѣ двухъ высокихъ горъ: Яйлли и Аюдага (медвѣжья) въ шѣсной долинь, орошаемой небольшою рѣчкою, видно нѣсколько разбросанныхъ хижинъ, составляющихъ деревню Гарсуфъ *). Горы отъ вершинъ до основанія и самая долина покрыты плодосными деревьями и сподшъ шакъ

*) При владычешвѣ Грековъ деревня сія называлась *Красифина*, ш. е. *прекрасная*.

близко одна къ другой, чпо высокою своею защищающъ сады отъ солнца и дооспавляющъ имъ нужную влагу и прохладную тѣнь; это придаетъ долинь сколько уединенный, столько же и приашный видъ. На Аюдагъ, опдѣлившейся отъ прочихъ горъ къ морю, видны оспапки крѣпости и церкви. Сохранившіяся части стѣнъ и бойницъ уцѣплены на обрывистой скаль. Смотри на сіи величественныя руины, не вѣришь глазамъ, чпо бы могли бытъ построены зданія на такихъ неприсступныхъ мѣстахъ. Отъ землетрясенія часть горы обрушилась, отъ чего образовались двѣ осприя скалы, имѣющія совершенное подобіе виль.

Парфентъ.

За Аюдагой въ прекрасной долинь находится деревня Парфентъ, сохранившая древнее свое Греческое названіе. Деревня сія, прилично имени *дѣвицы* *) окружена веселыми, романическими видами. На берегу быспрой рѣчки разсѣя-

*) *Парфентъ* на Греческомъ языкѣ значить *дѣвица*.

ны убогія хижины, закрѣпѣныя садами. Въшвысшыя деревья, склонившися на воду, скрываютъ оба берега. Долина довольно обширна и ровна; небольшіе перелѣски раздѣленные лугами, огромныя горы, окружающія ее съ одной, и море, омывающее долину съ другой стороны, придаютъ мѣстоположенію видъ открышый и веселый.

Близъ деревни, выше по теченію рѣчки, показывающъ кругловатый холмъ на коемъ, какъ нѣкоторые ученые полагаютъ, былъ Діанинъ храмъ, гдѣ прекрасная, но несчастная Ифигенія, дочь Агамемнона, сожигала на жершвенникѣ Богини еиміамъ и вѣрною рукою поражала быспрыхъ сернь и свирѣпыхъ вепрей. Здѣсь ея гробница; но нѣтъ ни памятника, ни надписи—время все испрѣбило.

Близъ Парфениша выдается въ море высокій мысъ, кошораго видъ привлекаетъ на себя вниманіе. Гора сія почти совершенно круша и вершина ея подобна куполу. Внутренность горы состоитъ изъ швердой лавы, извѣстной у Минералоговъ подъ именемъ: *пеперина*,

кошорый можно полировать и употреб-
лять на спроектирование.

Отъ Парфениша дорога идешь по бе-
регу моря чрезъ невысокіе, какъ бы гра-
ненные холмы. Мы проѣзжали ровныя
мѣста и къ удивленію видѣли *), что
на поляхъ пшеница уже созрѣла. Тапа-
ра, по мѣрѣ нужды своихъ, и если имъ
вздумаешь преодолѣть свою лѣность,
на одной пашнѣ собираютъ въ годъ двѣ
жашвы; первая поспѣваетъ въ началѣ
Іюня; а послѣдняя въ Сентябрѣ.

Отъ Никишскаго сада до Кучукъ-
Лампада счищается 20 верстъ; мы про-
ѣхали это пространство очень скоро и хо-
тѣли ѣхать далѣе, но какъ въ Лампадѣ
не было изгошовлено лошадей, то и при-
нуждены были остановиться ночевать.

Кучукъ-Лампадъ.

Кучукъ-Лампадъ украшается пре-
краснымъ двуэтажнымъ домомъ, при-
надлежащимъ Таврическому Губернатору
А. М. Бороздину. Услужливый упра-
витель Его Превосходительства ввелъ

*) 9 ч. Іюня.

насъ въ верхнее жильё и уговорилъ ошложить намѣреніе наше ѳхать далѣе на шѣхъ же усшальныхъ лошадахъ.

Не возможно выбрашь лучшаго положенія для дома, кошорый будучи обращень главными фасадами къ морю и къ торамъ, окружень опвсюду живописными мѣстами. Наружность дома просша, внутреннее расположение удобно и покойно: я много видѣль подобныхъ въ Ишаліи, называемыхъ лѣпными загородными домами.

У фасада, обращеннаго къ морю, приспособена круглая стеклянная галлерея, покрывшая куполомъ; шущь мы пили чай и наслаждались зрѣлищемъ заходящаго солнца. Едва опворили окно галлереи, какъ цвѣтушіе персиковые и абрикосовые деревья разлили вокругъ насъ сладкіе ароматы. Видъ съ другой стороны, съ балкона дома — прелесшный, очаровательный. Воздухъ былъ чистъ, погода прекраснѣйшая — и уединенный соловей начиналь вечернюю пѣснь свою. Эхо опкликалось громкимъ голосамъ пасшуховъ и мычанію скоша, бѣгущаго съ горъ къ хижинамъ. Окре-

спности Лампада шаковы, что и самому пылкому воображенію не оспаеша чего либо желашь. Горы, какъ бы рукою челоуѣческойю ограненныя, постепенно ошь моря возвышающа и кажуща поспавленными одна на другую; главы дальнѣйшихъ, коими ограничиваеша зрѣніе, покрыты сосновымъ и мозжевеловымъ лѣсомъ; другія горы ошь вершинъ до основанія одѣты плодоносными деревьями; въ долинахъ видны луга и пащны. По возвышеніямъ предспавляюща Тапарскіе селенія и нѣсколькомызныхъ домиковъ, принадлежащихъ разнымъ помѣщикамъ и конечно любипелямъ природы. Бѣлый цвѣшь сихъ домиковъ и красныя черепичныя крышки, опливаеша на зелень окружающихъ ихъ садовъ, удивипельно какъ украшающа мѣспоположеніе. Въ недалнемъ распояннн ошь дома А. М. Бороздина, съ небольшой высопы спекающа съ горъ два ручья: одинъ изъ нихъ приводипшь въ движеніе мѣльницу и оросивъ садъ помощію опшводнаго канала, падаеша въ море; другой, быспрымъ пошпокомъ обшекая прошивоположнную спорону дома, шакже вливаеша въ море.

Видъ на открытое море имѣешь еще большія ошущительныя прелести. Сидя на берегу, невольно погружаешься въ сладкую задумчивость. Видъ бурнаго океана сообщаетъ воображенію возвышенный полетъ; спокойное же положеніе онаго вливаетъ въ душу приятныя мечты. Послѣдніе лучи заходящаго солнца темнѣли на западѣ и въ золотомъ, радужномъ огнѣ играли на спеклахъ галлерей. Близъ берега царствовала совершенная тишина—море подобно было чисному, свѣпящемуся зеркалу, адалѣ—колеблемое легкимъ вѣтеркомъ, переливалось блестящими чешуями. Въ припшани *) качались двѣ лодки: онѣ привязаны были тонкими веревками къ острѣмъ камнямъ, на копорыхъ тихо колеблющіяся волны, разбиваясь, крупились и производили шумный бурнъ, коимъ лодку бросало по вверхъ, по

*) Нѣсколько закругленной мысами и похожей видомъ на фонарь; почему къ слову: *Кутукъ*, щ. е. *деревня*, прибавили другое: *Лалпадъ*.

внизъ, и не знаю почему это мнѣ очень нравилось. У ближняго мыса смѣло разсѣкала волны разкрашенная шлюбка, построенная по образцу употребляемыхъ на военныхъ корабляхъ. Услужливый управитель, желая чѣмъ нибудь поподчивашь насъ, самъ со своими людьми ловилъ усперсъ. Въ нѣкоторомъ отдаленіи подъ полными парусами, по различнымъ направленіямъ, плыло нѣскольکو кораблей. Одинъ изъ нихъ выпалилъ изъ пушки, и всѣ другіе пошли къ нему на вспрѣчу. Этошь выпрѣлъ глухимъ раскашомъ повшорившійся по торамаъ, прервалъ мои сладкія мечшы и время уже было опдохнуть. Каждый изъ насъ имѣлъ кровашь съ мапрасомъ, и вошь въ перъвый разъ въ продолженіи нашего пушешесствія успокоены мы были какъ должно.

В. Броневскій.

~~~~~

МАТЬ УБИЙЦА.

(Изъ Шиллера.)

Чу!—колокола звучашъ печально,
 Быспро часъ примчался роковой.
 Все—свершилося!—Сонмъ погребальной,
 Къ мѣсцу судному скорѣй за мной!
 Поцѣлуй разлуки, мѣръ прекрасной,
 И слезу прими въ послѣдній разъ!
 Ахъ! пвой ядъ былъ сладокъ для несчастной;
 Эшопъ ядъ шеперь разлучишь насъ.

*

Мчишесь вдаль, злые восхищенья!
 Черный васъ ужъ замѣнилъ покровъ!
 Увядайше, розы наслажденья!
 Вами дѣву не увьешъ любовь.
 Дѣши милые, мечшы златыя,
 Ахъ! просшите! мнѣ ужъ васъ не зрѣшь;
 Васъ сгубили горести земныя,
 Суждено вамъ рано умереть!

*

Изукрашенный, какъ радость чистый,
 Былъ на мнѣ невинности покровъ,
 Розы юныя, какъ кринъ душисты,
 Вились межъ кашпановыхъ власовъ.
 Горе! горе! Аду обреченна
 Въ ризѣ бѣлой все еще; но, ахъ!
 Розъ лишилась, вживѣ погребенна,
 Ленга черная въ моихъ кудряхъ.

*

Соберитесь въ поскѣ, съ рыданьемъ,
 О невинныя подруги, вкругъ меня,
 Коимъ съ нѣжнымъ персей волнованьемъ
 Крѣпость, мощь природою дана!
 Чувствомъ пылкимъ сердце эшо билось!
 Чувство же меня на казнь веди!
 Добродѣшель дѣвы усыпилась
 Ласками на варварской груди.

*

Можешь бышь другую обнимаешь
 Извергъ люшый, адская змѣя,
 Сладострасшно грудь ей лобызаешь
 Въ часъ, когда иду къ могилѣ я.
 Можешь бышь, играешь въ кудряхъ дѣвы,
 Говоришь ей пѣмъ любовныхъ словъ,
 Между пемъ, какъ жершва я Эрева,
 И моя высоко брызнешь кровь.

*

Да нигдѣ себя не покидаешь,
 О злодѣй, сонмъ погребальный мой;
 Да швой слухъ ужасно поражаетъ
 Съ башни спонъ колоколовъ глухой.
 И когда, въ объятяхъ нѣжной дѣвы,
 Будешь съ успъ ея шы пиць любовь,
 Да внезапно муки всѣ Эрева
 Возмушая горящу спрасшью кровь.

*

Ни спраданія мои ужасны,
 Ни спыдъ женскій, вѣроломный другъ,

Ни младенецъ у сердца несчастный,
 Не подвигли къ жалоспи швой духъ!
 Тигръ провулясь! Онъ же съ быспрошою,
 Паруса развиль, опсель бѣжишь
 И припворною помясь шоскою,
 Адское свое *прости* швердишь!

*

А младенецъ?—Въ машеринскомъ лонѣ
 Онъ лежалъ въ приашной шишинѣ;
 Въ розѣ ушренней, въ младомъ піолѣ
 Милой сынъ мой улыбался мнѣ.
 Но улыбка мнѣ была ужасна,
 Съ нею адъ вселялся весь въ мой духъ;
 То въ любви я млѣла сладоспращшно,
 То въ опчаяньи хладѣла вдругъ.

*

Гдѣ опецъ мой? лепещаль, казалось,
 Мнѣ языкъ невинности нѣмой;
 Гдѣ супругъ швой? въ сердцѣ опзывалось,
 Какъ ударъ ужасный, громовой.—
 Тщещно, сирый, кликашь его спанешь,
 Можещъ бышь; онъ нѣжишь чадъ дру-
 гихъ;
 Нашего блаженства часть проклянешь,
 Омраченъ источникъ дней швоихъ.

*

А родившая тебя?—Сколь спраждешь!
 Одинока въ мірѣ семъ она,
 Радосшей спруи вовѣки жаждешь;

Но спруя шобой справлена:
 Чувствва счастья прошлаго перзаюпъ
 Съ каждымъ звѣкомъ словъ швоихъ меня;
 Улыбнешься—грудь мнѣ раздираюпъ,
 Спрѣды смерти, меркнешъ прелесшъ дня:

*

Нѣшъ себя—и мой удѣль спраданья,
 Ты со мной—и гибну я ошашъ,
 Эвменидѣ бичи швои лобзанья,
 Ихъ снесши швоя не можешъ мапъ.
 Безчувстввишедный! шакъ наградилась
 Спрашъ моя?—Пусшъ гибнушъ за одно!
 Ахъ!—и гидра вкругъ меня увилась—
 И убійшво ужъ совершено!

*

Вѣроломный! Пусшъ въ далеки спраны
 Блѣдный призракъ за шобой лепишъ,
 Хладныя подъявши грозно длани,
 Въ сновидѣнняхъ себя громишъ,
 Взоры смеркнувшіе сына звѣздъ въ мерцаннѣ
 Пусшъ тебя, мучишель мой, спрашашъ,
 Пусшъ сей сынъ въ кровавомъ одѣяннѣ
 Гонишъ рождаго ошъ райскихъ врашъ:

*

Тамъ у ногъ моихъ, укоровъ полный
 Взоръ усавя, онъ лежалъ, и я
 Съ смущной мыслью зрѣла крови волны;
 Съ ними, ахъ! щекла и жизнь моя:

Слышу шукъ!—шо въспникъ смерни гро-
ный;

Грудь горою! Духъ спѣснился въ ней!
Полечу скорѣй на казнь, несносный
Пламень муки погасишь моей.

*

Варварь! я молю, приближась къ гробу,
О спасеніи души швоей
И землѣ всю предаю я злобу—
Пламень, обними косперъ быспрѣй—
О воспоргъ! Его пылаюшь спроки,
И обѣшы огнь ужь поглотиль;
Гибни все! Все въ шаршаръ мчись далёкій,
Все, чемъ свѣшь мнѣ драгоцѣненъ былъ.

*

Сесшры! младосши не вѣрыше красной,
Кляншеъ мужчинъ бѣгигше. Красоша
Для невинносши ушешь опасной,
Здѣсь клянущъ ее мои уша!—
Слезы спражъ убійсшва проливаешъ?
Ахъ! повязка, очи обложи!
Смершь, не медли! сердце изнываешъ,
Исполнишель казни, не дрожи!

И. Покровскій!

ВЕЧЕРЪ

(Изъ Ламартина.)

Я здѣсь одинъ—на сей скалѣ пущынной—
 Бесѣдую съ вечерней шишиной.
 Ужь мрачный сводъ обипели эфирной
 Осеребрень задумчивой Луной.

*

И звѣздочка на небесахъ попухшихъ
 Запеплилась въ шайншвенномъ огнѣ,
 Озолотивъ лице полей, заснувшихъ
 Въ спорожевой, покойной шишинѣ.

*

Я слышу шумъ межъ мрачными дубами,
 Украдкою виющійся въ вѣшьяхъ—
 Какъ иногда надъ сирыми гробами
 Випааетъ нѣнь при мѣсячныхъ лучахъ.

*

Вдругъ спихло все...и лучъ, какъ вѣспникъ
шайный,
 Сорвавшійся съ чела звѣзды ночной,
 Слешѣлъ ко мнѣ, пришлецъ нежданный,
 Чшобъ усладишь гонимаго судьбой!

*

Заблудшій свѣщъ изъ пламенной пучины,
 О милый лучъ, зачемъ слешѣлъ ко мнѣ?
 Иль ты душѣ, игралицу судьбины,
 Цѣлебный блескъ принесъ въ своемъ огнѣ?

*

Иль ты слепѣль, что бы міровъ зажженныхъ
 Таинственностъ свящую мнѣ разкрышь?
 И сихъ свѣшилъ, вѣкамъ непокоренныхъ,
 Мнѣ бренному величіе явишь?

*

Иль пайный гласъ влечешь себя къ несчаст-
 нымъ
 Ихъ усладишь, согрѣшь въ ихъ сердцахъ хладъ?
 Иль ты блещишь для нихъ по днямъ не-
 насѣннымъ,
 Какъ въ вихрь бѣды надежды милый взглядъ?

*

Иль ты слепѣль, что бы душѣ успалой
 Разоблачишь грядущаго привѣшь?
 О лучъ священный, не пыль, о гость бывалой,
 Не пыль зари желанной, вѣчной свѣшь?

*

Я чувствую воспорѣтъ неизъяснимый,
 Когда швой свѣшь мнѣ сердце озаришь:
 И думаю о васъ, невозвратимы!
 Не вашъ ли духъ въ мерцаньи семъ сокрышь?

*

Такъ—можешь быть—ихъ счастливыя шѣни
 Смущающъ сонъ дрыхлющихъ дубовъ—
 И мнишь мнѣ, что я въ вечерней сѣни
 Сижу близъ нихъ, подъ говоромъ листовъ.

*

Такъ—если вы, о шѣни незабвенныхъ,

Вы почто здѣсь вѣшесь шойпой—
 Слепайшесь въ часъ, думамъ посвященный,
 Дарись меня бесѣдою нѣмой!

*

Разлейше миръ и горешей забвенье
 Въ душѣ моей, спѣсенной цѣпью думъ—
 Какъ для полей росы ночной паденье,
 Когда заснешь украдкой свѣша шумъ!

*

Слепайшесь...но небеса ночные
 Заволоклись рядами мрачныхъ пучь,
 Туманъ сѣдой одѣлъ лѣса густые,
 И скрылось все... и обольстишель лучь!—

В. Григорьевъ.

ПРОЩАНІЯ *).

Жилище родили безопасной,
 Просни, удививный кровъ,
 Гдѣ годы мчались бѣспрѣпечно
 Среди забавъ и средь шрудовъ.

*

Просни, безцѣнная обишель
 Гдѣ наеъ, какъ машь, въ сѣмьѣ своей,

---

*) Стихи сіи были пѣшы назначенными къ выпуску благородными воспитанницами Училища при С.-П.б. Женскомъ Имперіопическомъ Обществѣ, въ послѣдній день публичнаго испытанія, 2 ч. спекущаго. Февраля. Подробное описание сего ошличнаго ошъ прочихъ экзамена помѣщено будешъ въ VIII N° *Благонамбренаго.*

ЦАРИЦА, АНГЕЛЪ нашъ ХРАНИТЕЛЬ
Ласкала милыхъ ей дѣшей.

*

Здѣсь благошворною рукою,
Къ добру вели насъ по цвѣшамъ;
Здѣсь, какъ подъ кровлею родною,
Все наслажденьемъ было намъ.

*

Насъ дружба здѣсь волшебной силой,
Очаровала въ первый разъ,
И милую съ своею милой
Связала каждую изъ насъ.

*

Въ послѣдній разъ ты намъ внимаешь,
Обишешь безмятежныхъ дней,
Ты насъ въ послѣднѣи укрываешь
Подъ сѣнью мирною своей;

*

Но мы къ тебѣ изъ опдаленья
Сспремимся будемъ всей душой;
Какъ спранникъ мчишься въ неперпѣныи,
Завидя кровь родимой свой.

*

Мы вспомнимъ поцѣлуй прощальный
Рѣчей послѣднихъ тихій звукъ,
Разлуки тяжкой день печальный,
И образъ скрывшихся подругъ.

*

Прими въ залогъ воспоминанья,
Обишель мирныхъ нашихъ дней,
Къ тебѣ послѣдніе зыванья,
И слезы жаркія очей.

*

Мы вспомнимъ поцѣлуй прощальный,
Рѣчей послѣднихъ тихій звукъ,
Разлуки шажкой день печальный
И образъ скрывшихся подругъ.

П.

~~~~~

О НОВОЙ КНИГѢ: *Всегдашній Календарь.*

Въ началѣ сего года, по распоряженію Санкшнпепербургскаго Комишеша Общешва Попечительнаго о шюрьмахъ, напечатанъ ли-пографическимъ способомъ *Всегдашній Календарь*, показывающій на одномъ листѣ

I) *Дни каждой недѣли*, и соотвѣпспвующіе имъ тисла каждого мѣсяца, со знаками семи планетъ нашей Солнечной Сисшемы.

II) *Большіе праздники*: 1) Новый годъ, 2) Богоявленіе Господне, 3) Срѣшеніе Господне, 4) Благовѣщеніе Прешвяшья Богородицы, 5) Св. Пасху, 6) Вознесеніе Господне, 7) Троицынъ день, 8) Праздникъ Св. Первоверховныхъ Апосполь Пешра и Павла, 9) Преображеніе Господне, 10) Успеніе Прешвяшья Богородицы, 11) Рождештво Ея, 12) Воздви-

женіе Честнаго Креста Господня, 13) Покровъ Пресвятыя Богородицы, 14) Входъ Ея во Храмъ, и наконецъ 15) Рождество Христово, въ который праздникъ воспоминаешся вмѣстѣ и избавленіе Церкви и Державы Россійскія отъ нашествія Галловъ и съ ними двадесяти языкъ. — Въ семъ Календарѣ показаны не только числа мѣсяцовъ, но и самые дни недѣльные, въ которые будущъ случашся означенные здѣсь пятнадцать великихъ праздниковъ въ разные годы, начиная съ 1822 года.

III) Последнее Ощдѣленіе Календаря показываешъ двѣнадцать мѣсяцовъ съ числомъ дней въ каждомъ и соотвѣтствующимъ ему небеснымъ знакомъ (эклиптики); также показываешъ часы восхожденія и захожденія солнца и особо долгошу дней и долгошу ночей, въ каждомъ мѣсяцѣ.

Сверхъ очевидной пользы и великой удобности, съ какою можно употребляшъ всякому *Всегдашній Календарь*, оный имѣя видъ эстампа, представляющаго на одномъ листѣ небольшого формата приличные предметы, какъ по: ясное лѣтнее утро, бурную осеннюю ночь, принадлежности торговли и прочее, можешъ поему служишъ вмѣстѣ и домашнимъ украшеніемъ.

Санктпетербургскій Комитетъ Общества Попечительнаго о шюрмахъ, изыски-

вая всѣ способы къ доставленію сколько возможно лучшаго содержанія находящимся въ мѣспахъ заключенія, напечаталъ значительное число экземпляровъ *Всегдашняго Календаря* въ пользу спудящихся арестантовъ здѣшней городской шюрьмы, и сдѣлалъ распоряженіе о продажѣ сего мѣсяцослова въ трехъ разныхъ видахъ.—Цѣна одному экземпляру сего Календаря наклеенному на папкѣ за стекломъ 5 рублей, на папкѣ безъ стекла 2 р. 50 к. а просто въ листахъ 1 рубль.

Всегдашній Календарь продается здѣсь въ С. Петербургѣ при Городской шюрьмѣ, и почти во всѣхъ книжныхъ лавкахъ, а именно: при Императорской Академіи Наукъ на Васильевскомъ Островѣ, у Книгопродавцевъ И. П. Глазунова, и И. И. Заикина большого, торгующихъ въ одномъ изъ домовъ Императорской Публичной Библиотеки, что противъ Зеркальной линіи Госпинаго двора, подъ нумерами: 18, 19, 20, 21, 22 и 23. Въ книжномъ магазинѣ И. В. Сленина, что у Казанской Церкви въ домѣ Г. Кусовникова, въ лавкѣ Книгопродавца Брифа, въ большой Морской, въ домѣ Г. Гоноропула, подъ N 128, и въ Библиотекѣ для чтенія В. А. Плавильщикова, у Синяго моста, въ угловомъ домѣ Гжи Гавриловой. Иногородные могутъ получать сей Календарь по объявленнымъ цѣнамъ въ Москвѣ у Л. Ленгольда, торгующаго му-

зыкальными ношами, въ *Кіевѣ* у Г. Кеспнера, въ *Дертѣ* у Книгопродавца И. Ф. Бекмана и въ *Ригѣ* у Книгопродавца И. Г. Гаршмана. Особы, желающія выписывать изъ С. Пешербурга *Всегдашній Календарь* въ папкѣ, или просто въ лиспахъ, благоволящъ прилагашъ въ цѣнѣ нужныхъ имъ экземпляровъ за пересылку по 1 рублю за фунтъ. Но требованія о доставленіи чрезъ почту экземпляровъ *Всегдашняго Календаря за стекломб*, удовлетворяемы не будутъ.

*Выписки изъ иностранныхъ газетъ *).*

Съ Майна. Въ одной Нѣмецкой газетѣ напечатано: «Многочисный опытъ удостоверилъ меня, что первый карнавальныи маскарадъ посѣщаютъ весьма немногіе, не по чему иному, какъ пошому только, что онъ *первый*. Чшобъ избѣжашъ сего неудобства, а съ шемъ вмѣстѣ сдѣлашъ угодное Публикѣ (den Genuss zu erhöhen) рѣшилсѣ я нынѣшній карнаваль опкрышъ *вторымб* маскарадомъ, о чемъ и имѣю честь симъ объявишъ.

*) Издашель *Благонамбреннаго* надѣщсѣ и впредъ сообщашъ въ свомѣ журналѣ забавныя и любопытныя иностранныя новости.

Оттуда же. Слово *Козакъ*, происходитъ отъ Славянскаго слова *коса* (Kosz) - Sense. За недоспашкомъ оружія Русскіе мужики употребляли въ сраженіяхъ свои косы, отъ чего и получили наименованіе *Козаковъ* - Sense - Männer *).

Оттуда же. Мавры считаютъ Испанію не иначе какъ принадлежащею имъ и польско силою опняшою у нихъ землею. Многія фамиліи въ Марокко и Тешуанѣ, какъ увѣряешь одинъ надежный человекъ, прожившій тамъ нѣсколько лѣтъ, хранятъ и понынѣ доставшіеся имъ отъ предковъ и въ теченіе цѣлыхъ столѣтій переходившіе отъ отца къ сыну, и п. д. ключи отъ прежнихъ домовъ ихъ въ Каспильи, Аррагоніи, Леонѣ и пр. и надѣются, что придетъ время, когда они будутъ имъ опять нужны.

Изъ Лондона. Для одного театра въ Лондонскомъ предмѣстіи издано недавно слѣдующее полицейское учрежденіе: "Во все то время, пока продолжается предшавленіе, не позволяется никому курить шабакъ; впро-

*) Sense - Mann (человекъ съ косою) Нѣмцы называютъ смертью.

чемъ любители онаго могутъ жевать его. Внутри театра запрещается продавать горячее вино, водку и другіе крѣпкіе напитки. Въ ложи впускаются только тѣ женщины, копорыя придутъ въ сопровожденіи порядочно одѣлагаго мужчины; для прочихъ назначается раекъ. Если кто изъ дженплеменовъ вздумаетъ громко говорить, или ссориться и вызвать другаго на кулачный бой, то благоволишь иди съ соперникомъ своимъ на задній дворъ, а не дѣлашь сего въ театрѣ. Ни одинъ пьяный не будетъ впущенъ, если не дастъ слова бышь спокойнымъ, или проспашься въ одной изъ ложъ вшораго друса; однакожь шамъ опнюдь не храпѣшь. Актерамъ запрещаются всякіе двусмысленные слова, или непристойные шлодвиженія, подъ опасеніемъ шрогого ареста.

Благотворенія.

Издатель *Благонамибренаго* получилъ отъ разныхъ благотворителей для доставленія бѣднымъ, а именно:

15 Декабря 1821, изъ *Казани* отъ Гжи М—женъ бѣднаго чиновника 14 кл. Е. В. П—ой съ семейными дѣшьями (см. *Бл.* 1819, № I стр. 67) золошомъ, 5 р.

30	Декабря, изъ Прилукѣ, опъ Г. Т.—Ос- дотъевой, Хотяевой и опспав- ному Гофъ-фурьеру лишив- шемся опъ пожара всего имущества (1821, № XVII и XVIII, стр. 40, 41 и 42) по 50 р. ассигнаціями, всего . 150 р.
23	Января 1822, изъ Перли, при запи- скѣ слѣдующаго содержанія: <i>Убогое приношеніе для убогой вдовы Регистратора Молан- дерб—отъ убогаго</i> (1821, XIX и XX, стр. 33) 5 —
5	Февраля, опъ неизвѣстнаго, несчаст- ной женѣ и дочери пропав- шаго безъ вѣсти Губ. Секр. Каменскаго (1822, VI, стр. 245.) 10 —
	Ишого } ассигнац. . 165 р. } золошомъ . 5 —

Доставлены и приняты съ благодарностію.

Сверхъ того прислано къ Издаше-
лю для раздачи бѣднымъ по его рас-
поряженію.

21	Декабря 1821, изъ Царскаго Села, опъ А. П. 10 р.
30	— — — опъ неизвѣстнаго . . . 50 —
23	Января 1822, изъ Толска . . . 15 —
4	Февраля, опъ Гжи Ф. 10 —
	Ишого . 85 р.

Изъ сихъ денегъ роздано:

На погребеніе бѣдной вдовѣ <i>Дмитріевой</i> (1821, XXI и XXII, стр. 17.)	10 р.
На погребеніе же вдовамъ <i>Сидневой</i> и <i>Иса-</i> <i>ковой</i> , каждой по 5 р.	10 —
Регистрапоршѣ <i>Моландерѣ</i>	15 —
Бѣднѣйшему чиновнику <i>Е. Г.</i> съ премія малолѣтними дѣтьми, живущему Рождественской часпи і кваршала, въ домѣ подѣ № 165	20 —
Преспарѣлому и больному Тип. Сов. Ху- дякову (1821, III, стр. 24).	10 —
Сирошамъ <i>Шлихтингѣ</i> (1820, XXII, стр. 264)	10 —
Преспарѣлой вдовѣ <i>Софроновой</i> (1819. IV, стр. 264)	10 —
<hr/>	
Итого	85 р.

Всего же роздано золошомъ пять рублей и ассигнаціями двѣсти пятьдесятъ рублей.

Всѣ сіи деньги доставлены или лично Издашелемъ, или черезъ самыхъ вѣрныхъ людей.—Бѣдная вдова *Софронова* была опчаянно больна передъ праздникомъ Рождества Христова; дочь ея, кошорая шрудами рукъ своихъ нѣсколько уже лѣтъ доставляешъ пропитаніе дряхлой своей машери, два мѣсяца не имѣла у себя никакой работы; не было у нихъ почти копѣйки денегъ. Вдругъ неожиданно вечеромъ, въ самый сочельникъ,

являешся къ нимъ неизвѣстная ихъ благошворительница, опъ копорой по временамъ получали онѣ значительные пособія. Она привезла имъ денегъ и кулечикъ съ запасомъ. На другой день, или въ попъ же еще вечеръ, прислала больной шарушкѣ чаю и лекарствъ, опъ коихъ сія послѣдняя въ скоромъ времени почувствовала облегченіе. Все это рассказывали Издашелю со слезами прешарѣлая вдова *Софронова* и дочь ея, благо нравная, почтенная дѣвушка, воспитывавшаяся икогда въ Смольномъ Монастырѣ, и весьма искусная въ разныхъ женскихъ рукодѣліяхъ (особенно въ вышиваніи золотомъ), но къ сожалѣнію часто неимѣющая работы и немогущая оставить дряхлой своей матери. (Онѣ живутъ Липейной части на углу *хлѣбнаго* переулка и *шестилаговой* улицы въ домѣ мѣщанина *Денисова*, подъ № 232).— Ахъ! еслибъ и прочія наши дамы, хопя наканунѣ большихъ праздниковъ, вмѣстомъ модныхъ магазиновъ, посѣщали жилища нищеты и сшраданія!

И.

Шарада.

Шараду раздѣлю я на двѣ вамъ часпицы:
Начало въ азбукѣ имѣешь уголокъ;
Вторая жь часпъ моя Россійскій городокъ—
 Вѣсьма недалеко отъ здѣшней онъ столицы—
 А въ *цѣлолѣ* поже вамъ я городъ покажу—
 Какой и далеколь, того ужь не скажу.

Костявиѣ.

~~~~~

Омонимъ, помѣщенный въ VI N^o значить *флигель*; Логогрифъ — *акростихъ* (изъ онаго выходящъ слѣдующіе слова: 1. Оскаръ, 2. Каспоръ, 3. Саширъ, 4. сирота, 5. спарикъ, 6. киса, 7. ахъ, 8. скашь, 9. икра, 10. спихъ, 11. кроха, 12. Икаръ, 13. роса, 14. рокъ, 15. роша, 16. кишъ, 17. хаосъ); Шарада—*час-ы*.

~~~~~

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1822. N° VIII.

ИСТОРИЯ ВАНЮШИ *).

(Вольный переводъ съ Франц.)

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ случай завелъ меня въ домъ Вельской, молодой, прелестной и модной дамы—въ полномъ смыслѣ этого слова. Въ числѣ прочихъ слугъ, находившихся у нее въ домѣ, былъ маленькой Ванюша, лѣтъ десяти, или одиннадцати, весьма приятной наружности, бойкой и развязный мальчикъ, къ которому однакожь, неизвѣстно почему, *драхмный* супругъ хозяйки имѣлъ чрезвычайное обращеніе, Ванюша находился подъ непосредственнымъ надзоромъ и попеченіями старой управительницы дома, по словамъ которой, онъ былъ взятъ ею отъ бѣдныхъ роди-

*) Числ. въ Обществѣ Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ 16 ч. Февраля.

пелей, почивающихъ уже шеперь сномъ вѣчнымъ.

Сидя однажды за столомъ—опъ разсѣянности ли, или Богъ знаетъ опъ чего — вздумалось мнѣ посмопрѣшь по-приспальнѣе на милую хозяйку; я взглянулъ попомъ нечаянно на Ванюшу, потомъ опяшь на хозяйку, шупъ опяшь на Ванюшу, еще разъ на хозяйку...смопрю — она вся вспыхнула, покраснѣла. А какъ я вспомнилъ, что наканунѣ эшто спросилъ, совсемъ безъ умысла, одну изъ горничныхъ дѣвушекъ о Ванѣ, и что горничная улыбнулась, не сказала мнѣ ни слова, и убѣжала — шо, сообразивъ все эшо, мнѣ пришло было въ голову... но я скоро попомъ оставилъ знакомства съ Вельскими, а съ шемъ вмѣспѣ и мои догадки.

Идучи въ прошедшемъ мѣсяцѣ по набережной, встрѣчаюсь я съ молодымъ человекѣмъ, лѣтъ около двадцати; онъ подходитъ прямо ко мнѣ, низко кланяется и проситъ, не могу ли я сдѣлать ему величайшую милость, рекомендовать для услугъ къ кому нибудь изъ своихъ знакомыхъ. Кто же эшо былъ?...Ванюша!—

Еслибъ не напомнилъ онъ мнѣ о Вельской, то я никакъ бы не узналъ его; я далъ ему свой адресъ и велѣлъ придти ко мнѣ на другой день. Ванюша пришелъ, принесъ съ собой нѣсколько амшеспашовъ оныхъ разныхъ особъ, въ услуженіи у которыхъ онъ находился; всѣ ошносились объ немъ съ очень хорошей спороны — не понимая однакожъ какими судьбами очутился онъ на бѣломъ свѣтѣ, заставилъ я его рассказать мнѣ подробно все съ нимъ случившееся, и Ванюша рассказалъ мнѣ слѣдующее:

“Спусти нѣсколько недѣль послѣ того, какъ вы изволили бытъ въ послѣдній разъ у прежнихъ моихъ господъ, Тайкина, спарая управительница, которую вы видѣли, сударь, въ нашемъ домѣ, приказала позвать меня къ себѣ, и объявила ошъ имени барина, чтобъ я шопъ же часъ шель изъ дома и искалъ бы гдѣ хочу мѣста на споронѣ. Вѣспъ эша нѣсколько не удивила меня, я давно уже ожидалъ подобной учаспи, потому что спарый господинъ мой чрезвычайно меня не любилъ; я хотѣлъ было видѣть барыню, но получилъ отказъ

—“Вошь, сказала мнѣ Тайкина, барыня посылаетъ тебѣ новую пару плащя и кошелекъ съ деньгами, спунай съ Богомъ куда хочешь—только, прибавила она, не смѣй болѣе показываться къ намъ въ домъ.,”

“Въ такихъ лѣтахъ, не имѣя никого знакомыхъ, думаль было я иди на первый случай къ одной доброй Охтянкѣ, которая приходила иногда къ намъ въ домъ, ласкала меня и, не знаю почему, всегда называла своимъ сынкомъ—думаль было, говорю, иди къ ней, спросиль, гдѣ она живеть; но мнѣ и того сказаць не хошѣли. Нечего дѣлаць, я предался во всемъ на волю Божию, и вышелъ изъ дома, самъ не зная куда; иду по улицѣ и плачу... какъ вдругъ встрѣчаешся со мной какой-то незнакомый Офицеръ. — “Откуда ты мальчикъ? — спросиль онъ меня—очемъ плачешь? Не заблудился ли?,”—Я ошвѣналь ему, какъ умѣль, Офицеръ сжалился надо мною и взяль меня къ себѣ.,”

Я жилъ у него около пяти лѣтъ; добрый Офицеръ ошмѣнно меня полюбилъ, содержаль почши, какъ собшвен-

наго сына; но Богу угодно было, чѣмъ я лишился моего благодѣшеля. Онъ скончался — несмотря однакожь на это, я вѣроятно не потерялъ бы своего мѣста, ежели бы одинъ Морской Капитанъ, первѣйшій другъ покойнаго барина, не нашель случая убѣдиль оставшуюся послѣ него вдову — неуспѣшную, какъ казалось, о смерти нѣжно любимаго ея мужа — что единственное средство къ облегченію ея отъ безпрестанныхъ слезъ и рыданій есть путешествіе. Она согласилась състѣ съ нимъ на корабль — а чѣмъ присутствіе мое надобно знашь, что я былъ уже тогда лѣтъ семнадцати . . . чѣмъ присутствіе мое, какъ человека, котораго мужъ ея шакъ много любилъ, не напоминало ей о покойномъ — что Капитанъ и разсудилъ за благо меня оппустить. Такимъ образомъ они опправились: Капитанъ утѣшая опчаянную госпожу мою, опчаянная госпожа моя утѣщаясь Капитаномъ; а я остался безъ мѣста.,,

“Къ счастью открылось мнѣ другое: я вступилъ въ должностъ лакея къ одному молодому Барону, приѣхавшему

въ Пешербургъ, по смерти своего дяди, который оставилъ ему несмѣнное богатство, и о кончинѣ копорого — если вѣришь Барону — сердечно онъ сокрушался. Въ ознаменованіе сего признашельный Баронъ рѣшился почтить память покойнаго... за его денежки... и показать предъ цѣлымъ свѣтомъ цѣну того благополучія, коимъ Небу угодно награждать избранныхъ племянниковъ, даруя имъ такихъ добрыхъ дядюшекъ — рѣшился, и... чего нельзя сдѣлать, имѣя двѣсти тысячъ рублей ежегоднаго дохода?... Двѣсти тысячъ рублей!... о добродѣшельный дядюшка!... Въ минушу появились у моего Барона прекрасныя кареты, кабриолеты, чудесныя коляски, лихія лошади, видныя кучера, крошечныя форейпоруя, весь въ золотѣ, какъ звездочка, блестя на запяткахъ... но увы!... пагубныя слѣдствія чрезмѣрной признашельности племянниковъ къ умершимъ дядюшкамъ! — Не прошло еще и двухъ лѣтъ, какъ благодаря спектаклямъ, баламъ и маскарадамъ; поршнымъ, сапожникамъ и парикмахерамъ; прочимъ всякаго рода друзьямъ, прияшелямъ и прияшельни-

намъ, Баронъ мой совершенно раззорился. Прощайте, прелестные экипажи! прощайте, видные кучера, лошади и форейторы! — и пѣ самые... друзья и приятели моего господина, которые за честь себя считали снятъ за полверсты шляпу передъ его баронскимъ здоровьемъ, *ѣхавшемъ тетверкою*, нимало не оспановились схватишь *пѣшешествовавшего* Барона и посадить въ тюрьму за неплашежь имъ долговъ, *Богу* извѣстно какимъ образомъ происшедшихъ.,

“Разспавшись съ Барономъ, опредѣлился я къ одному богатому, слѣдовательно и честному человѣку—фамилія его Росповщиковъ. Эшошь богатый и честный человѣкъ сдѣлался богатымъ и честнымъ человѣкомъ весьма въ короткое время и самымъ легкимъ способомъ: узнавши на примѣръ, что вы имѣете еще нужду въ деньгахъ, приходишь онъ къ вамъ, сожалѣетъ о вашемъ положеніи и изъ соспраданія предлагаетъ, за извѣстные проценты, необходимую вамъ сумму, взявъ безъ сомнѣнія у васъ въ закладъ вещь, спующую впрое, или вчетверо болѣе; время, назначенное у-

словіемъ проходишь, вы по какимъ либо обстоятельствомъ не въ состояніи ему заплачивать, просите отсрочки, онъ сожалѣешь опять, что не можешь на по согласиться, по необходимости продаешь заложенную вами вещь и вырученныя деньги приобщаешь къ своему капиталу. Такимъ образомъ одно только соспраданіе къ ближнимъ было причиною, что господинъ мой нанималъ прекрасную квартиру, имѣлъ хорошій экипажъ, споль, услугу словомъ: сдѣлался богатымъ, слѣдовательно и честнымъ человекомъ. Но богатство, кажущееся скоро, непрочно: нашлись люди еще честнѣе моего честнаго господина, и мой честный господинъ принужденъ былъ уѣхать изъ Пешербурга—потому, говорилъ онъ, что здѣсь жить очень дорого.»

“ Не располагаясь осматривать столицы, нашелъ я себя мѣсто у Г. Троспина. Троспинъ былъ человекъ недосматочной: въ первый разъ еще нанялъ себя лакея, и по по настоянію жены своей — провинціалки со всѣми предразсудками провинціалокъ: она не понимала какъ можешь *благородная дама*

выдпи на два шага изъ дома безъ чело-
вѣка. “Помилуй, говорила Троспина му-
жу, не уже ли мнѣ должно цѣлой
вѣкъ сидѣшь въ четырехъ стѣнахъ? Ты
уйдешь въ *присутство*, а я.....если
шакъ сударь, по я безъ лакея и въ *круг-*
лой рынокъ не пойду.”— Доспапоѣная
причина имѣшь слугу; меня наняли— на-
добно сказашь, что у господина моего
былъ двоюродный бращецъ, опѣсанной
раненой Офицеръ — меня, говорю, на-
няли, и вонъ мужъ опправитъ я поуп-
ру къ должноспи, а жена, слѣдуя дви-
женію чувствительнаго сердца, идешь
со мной къ бращцу своему.....узнать
объ его здоровѣ. Такимъ образомъ про-
ходишь цѣлый мѣсяць, наконецъ мужъ,
который совсемъ не былъ такъ чув-
ствительень, какъ жена его, и которо-
му не нравилась эта примѣрная забоп-
ливосшь ея о двоюродномъ бращцѣ —
рѣшился, для прекращенія визитовъ,
мнѣ опказашь.,,

“Теперь я живу у господина, званіе
котораго право не умѣю вамъ опредѣ-
лишь: онъ нигдѣ не служишь, не имѣ-
ешь никакого чина, между шемъ без-

престанно заняшь, поминутно хлопчешь, вздишь взадъ и впередъ, и кажешся не безъ выгодъ, пошому что захибаешь большую копѣйку. Господинь мой, какъ я догадываюсь, долженъ бышь у него очень много знакомыхъ дамъ господинь мой долженъ бышь *тайной секретарь, повѣренной*, или что нибудь шому подобное. Впрочемъ, все равно, кто бы онъ ни былъ, а я не въ силахъ долже ему служить: вопервыхъ пошому, что онъ моришь меня съ голоду; а во вторыхъ, что я совершенно уже измучился, споя за его карешю. Вообразите, сударь, каждый божій день съ утра до вечера нѣшь ни минушы покойной: по и дѣло скачемъ съ Васильевскаго острова на Пески, съ Песковъ на Выборгскую спорону, съ Выборгской спороны на Петербургскую, опшуда въ Коломну, и Богъ знаетъ куда! Сдѣлайте милость, сударь, войдите въ мое положеніе, и если имѣете кого изъ знакомыхъ, не оспавьте своей рекомендаціей.,,

Голось, лице Ванюши и спранное его изгнаніе изъ дома Вельской неволь-

но напомнили мнѣ прежнія мои догадки; я велѣлъ ему придти къ себѣ недѣли черезъ двѣ, а между темъ рѣшился все хорошенько развѣдать и, если удастся, помочь ему.

Большаго труда стоило мнѣ опыскашь шу Охтянку, о кошорой говорилъ Ванюша; однакожь я опыскалъ ее, опыскалъ и удосповѣрился въ моемъ подозрѣніи. Эша Охтянка была Ванюшиной кормилицей — “Вошь изволише видѣшь, сказала она мнѣ, спарый баринь погда находился два года въ оплчкѣ; въ это время барыня жила на дачѣ, шупь же близко на дачѣ жилъ Полковникъ Хваповъ, предоброй господинь; онъ черезъ годъ послѣ того умерь... Ахъ! я и шеперь еще не могу забыть его, довольна его милостью,, — Кормилица залилась слезами. — Упѣшься, сказалъ я, давъ ей красненькую бумажку — вошь шебѣ за швою чувспвишельность.

Хваповъ былъ мнѣ короршко знакомъ, и я чрезвычайно радовался, что все это шакъ хорошо и легко объяснилось.

Прямо съ Охпы поскакалъ я къ Вельской и къ счастью не заспалъ мужа ея дома; увидѣвши меня, она чрез-

вычайно удивилась, потому что я цѣлыхъ десять лѣтъ у нихъ не была — но ея удивленіе во сто разъ умножилось, когда объявилъ я ей о причинѣ моего прихода. Она краснѣла, блѣднѣла, наконецъ, послѣ долгаго и жаркаго разговора, опозвалась головою болѣю и сказала, что пришлешь ко мнѣ довѣреннаго челоуѣка, съ которымъ мы можемъ кончить это *непрятное дѣло*.

На другой же день поутру являеся ко мнѣ незнакомый мужчина, раскланивается самымъ учпивымъ образомъ, говоритъ, что зная лично Г-жу Вельскую, онъ единственно изъ уваженія къ ней принялъ запруднительную и совершенно новую для себя комиссію оправдать въ мнѣніи моемъ такую почтенную даму, что заключенія мои на счетъ ея ошибочны, что онъ не вѣришь и думаешь даже не смѣешь.....“Но скажь я ему, краснорѣчіе ваше ни къ чему не послужишь: я имѣю очевидныхъ свидѣтелей; у меня есть письменные доказательства,..... — Чшожь вамъ угодно? — “Мнѣ угодно, что бы молодому челоуѣку назначень былъ непременно пенсіонъ по двѣ тысячи рублей въ годъ.,,

Онъ началъ опять представлять свои резоны, защищая Вельскую; но видя, что невозможно было меня убѣдить, согласился наконецъ на мои требова- нія — оспавалось полько послашь за Ношариусомъ, чшобъ написать вексель.

Человѣка моего не случилось дома, а попому Г. гостъ кликнулъ своего; лакей вошелъ, и что же?... можете су- дить, какъ мы всѣ удивились.... это былъ самъ Ванюша. Я поздравилъ его съ счастливою переменною соспожня; онъ чуть не плакалъ отъ радости.

Вотъ, любезные чипашели, испорія моего Ванюши. Нужно ли говорить, что онъ записался теперь въ службу и живетъ весьма хорошо; дай Богъ, чшобъ и другіе Ванюши — Ванюшей у насъ очень много — дай Богъ, чшобъ и дру- гіе Ванюши были шакже счастливы. О Вельской я не скажу ни слова; а дряхло- му ея супругу, кошорый, *неизвѣстно по- чему*, ненавидѣлъ маленькаго Ваню, и выгналъ его изъ дому, желаю не быть впередъ столь малодушнымъ и имѣшь болѣе *твердости*.

А. Розингб.

ЧУВСТВИТЕЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ПО НЕВСКОМУ ПРОСПЕКТУ

Глава послѣдняя.

Сбылись желанія мои! я путешествовалъ! Теперь — ...теперь не путешествую! (Кто ожидалъ, что послѣ шире и почекъ можно сказать такую истину? ..)

У самаго Аничкова моста я встрѣтилъ одного знакомаго...человѣкъ безподобной! — у него 80.000 рублей годоваго дохода! Самымъ учпивымъ образомъ спрашиваю о его драгоцѣнномъ здоровѣ, обстоятельстве, супругѣ.—“Слава Богу! слава Богу! опивчалъ онъ, приходите ко мнѣ на вечеръ сегодня; нѣтъ приходите обѣдать — черезъ часъ. Вы свободны?,, — Я кончилъ мое путешествіе и теперь могу сворошить съ Невскаго проспекта.—“Ваше путешествіе?,,—По Невскому проспекту; я описалъ его...— Это должно быть забавно! Нельзя ли прочесть у меня? Вы знаете, что у насъ собираются многіе липшерапоры...Жена моя спрашно любилъ Русскую Поэ-

зію...это неподобно!...Приходите, же через часъ...Проспите до свиданія! —

Мы разспались. Хорошо, пойду обѣдашь, думаль я, попому что надобно обѣдашь, если не всякой день (это дурная привычка людей беззаботныхъ), по хопь черезъ день, какъ нѣкопорые изъ молодыхъ людей, заняпыхъ службою; но чипашь мое пушешествіе...это наказаніе (ссылаюсь на чипашелей!)...Если я прочпу мои записки, меня назовушь авшоромъ: спрашное ли милое имя!.... Пусь буду авшоромъ. Мнѣ дешево достаешся это названіе!..споишь шолько отобѣдашь въ кругу липшерашоровъ чего же лучше?...—Ипакъ, я прочпу свое пушешествіе, прослыву авшоромъ; Плавильщикова помѣспишь меня въ Капологъ Русскихъ писашелей—и я безсмершень! Въ ожиданіи обѣда и...безсмершія, возвращаюсь на Невскій проспектъ; захожу въ лавки, шорую, разсуждаю.... о полишкѣ, о цоходѣ и безпрешанно поспашриваю на часы, чшобъ не опоздашь къ обѣду. Наконецъ уже при часа. Бѣгу, лечу. (Благомыслящій чипашель замѣшишь, что бѣгу и легу говоришся шоль-

ко на бумагѣ.... а я, между нами сказать, шель просто.)

Какъ весело жить людямъ богатымъ, думаль я входя въ госпінную комнацу; чего имъ недоспадетъ? Сколько комнатъ! бронзы! мебели! У нихъ все есть, и швейцаръ и экипажи, и всякой день сыпный обѣдъ, и всякой день лучшее вино, и всякой день множество гостей, которые опъ души все хвалять, начиная съ хозяина, комнатъ его, до швейцара и экипажей.

Обо мнѣ доложили, что не мѣшало однако сидѣшь мнѣ одному цѣлые полчаса въ великолѣпной госпінной — и съ великолѣпною скукою. Наконецъ я услышаль нѣсколько голосовъ въ ближней комнатѣ; двери разшворились — и вошь мой хозяинъ бѣжиль ко мнѣ съ разпростертыми объятіями. Хозяйка въ легонькомъ бѣломъ капотѣ, въ кружевомъ чепчикѣ, блѣдная, какъ возспавшая изъ гроба, медлѣнно переспуаетъ, опираясь на плечо толстаго, румянаго Доктора; двѣ моськи и Demoiselle de compagnie слѣдуютъ за Докторомъ, нѣсколько молодыхъ людеи въ очкахъ и безъ

очковъ, заключающъ шестивіе, разговаривая о дебютахъ какой-то новой актрисы.

Хозяинъ жметъ мою руку; хозяйка удоспобила меня легкою улыбкою. Съли, и всѣ обратились къ ней, съ учтивостями, ласкашельствами, мадригалами. Она улыбалась одному — на другомъ оспанавливала большіе голубые глаза свои, прешьему сказала что-то лестное, словомъ—словомъ, всѣ удоспойлись ея вниманія. Дошла очередь и до меня. “Мой мужъ сказалъ мнѣ, что вы написали интересное пушешествіе... Вы его прочтете намъ? Вы такъ приятно пишете!”, — Молодые люди обратили глаза на меня, и оспаваясь въ прежнемъ положеніи, съ безмолвіемъ разсмапривали мою фигуру, разсмапривали съ такимъ удивленіемъ, какъ будто во мнѣ не было ничего человѣческаго. — Да, да, подхващилъ мужъ, онъ прочтеть намъ это пушешествіе! — Признаюсь, я робѣлъ: читаешь первые опыты и при незнакомыхъ, также спрашно, какъ слушаешь баллады смѣлыхъ подражателей Жуковского, или видѣшь на сценѣ нашихъ опчаянныхъ прагическихъ актеровъ. —

Я написал пушешествіе, сказалъ я, для собственнаго удовольствія.....а потому прошу васъ о снисхожденіи, если чтеніе наскучитъ вамъ. Къ помужь, я любилъ словесности, а не липперапоръ, не называлъ себя липперапоромъ, даже на визишнихъ карпочкахъ. —

Разговоръ упалъ. Хозяйка зѣвнула и въ молчаніи гладила своихъ мосекъ; хозяинъ опвелъ въ уголь одного изъ молодыхъ людей; другіе, насмошрѣвшисъ на меня, начали споритъ, (шолько не обо мнѣ); мнѣ оспалось удовольствіе смошрѣть въ окно. Признаюсь, я былъ шакъ, связанъ, шакъ неловокъ, смошрѣлъ на проходящихъ по улицѣ съ шакую зависшью изъ эпош золошой госпиной, какъ пшичка въ золошой клеткѣ смошритъ на свободныхъ ласпочекъ, безпечно и весело вьющихся въ воздухѣ. — Такъ просидѣлъ я до шой шасшливой минушы, въ кошорую раздалось въ ушакъ моихъ: *кушатъ готово!* За обѣдомъ я, разсмошрѣлъ молодыхъ людей: на мою бѣду почти всѣ они были липперапоры Ошъ Адмиралшейской башни до Аничкова мосца — я шолько что и видѣлъ одинъ

эпошь народъ. Видно шакъ судьбѣ угод-
но! Да будешъ воля ея, и да продлишся
первѣніе моихъ чашашелей!

Повшоряшъ ли все, что я слышалъ?
Одно и шоже! Каждый умѣлъ со всею
скромноспію похвалишъ себя и свои
сочиненія, сказашъ что нибудъ леспное
каждому изъ присущспвующихъ, и по-
бранишъ опсущспвующихъ. Разговоръ
за споломъ и дерзскіе, площадные суж-
денія юныхъ мудрецовъ, упомили меня,
а хозяинъ былъ въ восхищеніи.

“Люблю оспрошы молодыхъ людей,
сказалъ онъ, выходя изъ за спода! Гово-
ряшъ, какъ книга! Особенно вашъ сосѣдъ
умень и ученъ, какъ всѣ книги вмѣспѣ!—
Опяшъ вошли въ госпинуую; опяшъ раз-
говоры и споры. Я слушалъ, не смѣя
вмѣшашъся въ разговоръ съ шакими
грозными судіями. Къ шомужъ я имѣлъ
еще нужду въ снисхожденіи. Сердце мое
билось; я боязливо бралъ себя за боко-
вой карманъ, въ которомъ лежало мое
пушешествіе, и съ ужасомъ поглядывалъ
на моихъ судей. Они не забопились обо
мнѣ. Спорили и кричали попережнему, и
ни словомъ не ободрили пяшидесяпи-
лѣшняго авшора.”

“Пойдемте же въ кабинетъ—господа, сказалъ хозяинъ — пора! милости прошу! — И мы пришли въ кабинетъ. Посреди комнапы споялъ маленькой споликъ съ пящью свѣчами. Хозяйка сидѣла уже на диванѣ. Всѣ усѣлись. Хозяинъ показаль мнѣ спуль передь споликомъ. Молчаніе...Вынимаю шепрадку, и чишаю: *Чувствительное Путешествіе по Невскому проспекту. Моя комната 1818, Маія...* Mais vraiment cela doit être très intéressant, сказала хозяйка, закушываясь въ свою шаль. Мужъ значительно взглянулъ на нее. Молодые люди переглянулись. Я поклонился, продолжаю чшеніе... ..чишаю, чишаю и наконецъ, благополучно прочель все до лавки Амбіеля...

Я почти не помнилъ себя . . не смѣлъ взглянуть на слушателей во время чшенія, краснѣлъ, какъ ученикъ, и не разъ проклиналъ судьбу свою.

Но чшеніе кончилось . . . Я положилъ шепрадку. Осмѣлился взглянуть на слушателей . . . Всѣ молчашъ. Вспаю . . . Никпо ни слова . . . Подхожу къ хозяину.. “Прекрасно! прекрасно!”, закричалъ онъ вскочивъ со спуды и обнимая меня. “Без-

подобно! масперски!,,—Слушатели зѣвнули... Двое молодыхъ людей вспали, и оборотясь, спрашивали другъ друга что-то о театрѣ; другіе подошли ко мнѣ, съучпивоспями..... Признаюсь.. Я и не ожидалъ шакого благошворнаго дѣйствія ошъ моего пушешествія... Наконецъ и хозяйка вымолвила слово.. И разумѣшся, похвалила; я совсемъ смѣшался, поперялся... И въ разсѣяніи спалъ снимапъ со свѣчей.

Двое молодыхъ людей уѣхали. Другіе сѣли играть въ каршы, оспалась одна хозяйка... Надобно было говорить, и я началъ. Кажешся, мое чпеніе было очень благошворно, сказалъ я. —“ Да, мужъ и молодые люди заснули.,, — Но вы? — “О нѣпъ! Я слушала съ большимъ вниманіемъ, а не сказала вамъ ни слова, когда вы кончили, для шого что мнѣ хотѣлось доспавить удовольствіе вамъ и себѣ. Вы могли полюбоваться карпиной ученыхъ слушателей; мнѣ хотѣлось видѣть, како дѣйствіе произведетъ на васъ эша сцена.,, — Я поблагодарилъ милую хозяйку за шакое лестное вниманіе... “Одно не нравишся мнѣ

сказала она — позволите ли сказать ошккровенно мое мнѣніе?, — Ваше замѣчаніе конечно справедливо, и я приму его съ благодарностію. —

“Вы слишкомъ часто водите своихъ чипашелей по шракширамъ, кандиперскимъ лавкамъ — и наконецъ... Мнѣ совсемъ не нравишя ващъ *Кухлистерскій столбъ*. И вездѣ авторы! и вездѣ поэмы! Правда, вы сами сказали, что путешествіе ваше родъ прогулки по кабинетамъ ученыхъ и полуученыхъ; но *Кухлистерскій столбъ* оскорбляетъ вкусъ, а эши авторы и поэмы упоминають чипашеля!... Вы меня извините за замѣчаніе?... Оно сдѣлано женщиною, и не можешъ быть оскорбительно для васъ., — Я поцѣловаль ручку моего Судьи.

— Позволите ли сказать нѣсколько словъ въ оправданіе? —

“Говорите.,,

— Я былъ въ шракширахъ, чшобъ узнать, какою рода люди ихъ навѣщають — видѣль и описаль.—

“Но это *низкая природа*...,”

— Но эша *низкая природа* встрѣчаеш-

ся и въ обществахъ, и часто подъ маскою людей порядочныхъ. Надобно показашь ихъ въ настоящемъ видѣ, посадишь ихъ въ настоящее мѣсто, въ собственномъ ихъ кругу — и я посадилъ ихъ въ пракширь! — Въ *Кухлистерскоиъ столѣ* я видѣлъ шѣхъ бойкихъ кришниковъ, копорымъ досадно, что еспь люди знающіе болѣе ихъ, ш. е. болѣе азбуки и крашкой Россійской Грамматики. Эшопъ родъ людей размножился невѣрояшно. Цѣлыя шайки ихъ прокрались въ липшерашурные общества. Всѣ журналы наполнены ихъ переводами о древностяхъ, о старинѣ, разсужденіями о языкѣ, о спцихахъ, ругательствами на почтенныхъ липшерашуровъ. . . . И щадить ихъ? И гдѣ же показашь ихъ? Въ липшерашурномъ обществѣ? Позоръ обществу! И я посадилъ ихъ за скаперши Русскихъ харчевень. —

Тунъ вошелъ мужъ — еще разъ пожалъ руку, еще повпорилъ: *прекрасно! неподобно!* — подвелъ меня къ каршочнымъ столамъ — и скрылся. Я взялъ шихонько свою шляпу — и побрелъ домой.

Эпilogъ.

Какъ мореходецъ послѣ путешествія кругомъ свѣта, разсмаприваетъ карту пройденныхъ морей — какъ, и проч. и проч...такъ я, возвращаясь въ свое уединеніе (соспоящее I Адмиралшейской части 1 го квартала, въ домѣ подъ N° 110, въ 4 этажѣ) такъ я (сидя на пуховомъ диванѣ) лепаю мысленнымъ взоромъ въ прошедшемъ, вспоминаю свои приключенія—на Невскомъ проспектѣ, и говорю въ свое ушѣшеніе:

Я путешествовалъ! —

1818.

йй оы.

~~~~~

ПОПРАВКА.

“Какъ плоско! Никуда не годно!

Вошь испинно галимашья!

Какой чудакъ шакъ пишеть?,—Я.—

“Ахъ! извинише!.....превосходно!,,

И.

~~~~~

О ЭКЗАМЕНѢ, БЫВШЕМЪ ВЪ УЧИЛИЩѢ
БЛАГОРОДНЫХЪ ДѢВИЦЪ ПРИ С. П. БУРГ-
СКОМЪ ЖЕНСКОМЪ ПАТРИОТИЧЕСКОМЪ
ОБЩЕСТВѢ 1 и 2 ч. ФЕВРАЛЯ *).

(Письмо въ Екатеринбургъ къ Н.
А. Ш.)

С. п. бургъ, 3 Февр. 1892.

Ты знаешь, что я опшюдь не эншуваспъ; но вопъ уже прешпй день какъ не помню себя опъ восхищенія. Сказашь ли тебѣ причину моего воспорга? — *Таланты, познанія, благонравіе!* Ты уди- вляешься и вѣрно не понимаешь меня: выражусь иначе — *дѣвицы* — и какія же дѣвицы? *дѣти!* — Но для тебя и эшо безъ сомнѣнія кажешся какою нибудь загад- кою, или *логогрифолъ* — и шакъ скажу проспо: прешьягодни и вчера былъ я на публичномъ испшаніи назначенныхъ къ выпуску благородныхъ воспитанницъ Училища дѣшняго Женскаго Патриоти-

*) Чшпано въ Общеспвѣ любшпелей Сло- весноспи, Наукъ и Художеспвь 16 ч. сего Феврала.

дешкаго Общества, гдѣ почти уже три года находинся и моя Настинька *).

Какъ она счастлива, что попала въ такое примѣрное по всѣмъ отношеніямъ училище! Извѣстно тебѣ, думаю, что оно состоишь подъ особеннымъ покровительствомъ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВ-

*) *Прилѣжаніе для читателей.* Издашемъ *Благонамѣреннаго*, не получившій въ удѣлъ никакихъ даровъ отъ фортуны, имѣя прехъ сыновей и прехъ дочерей, не зналъ какъ воспитать послѣднихъ; но *Богъ и добрые люди* ему помогли. Старшая его дочь, по ходатайству Ея Превосходительства *Екатерины Александровны Уваровой*, принята въ число казенныхъ воспитанницъ въ Училище Менскаго Императорскаго Общества; средняя въ Екашерининскій Институтъ пенсіонеркою Его Сіятельства *Графа Григорія Владиміровича Орлова*—а меньшая въ Смольный Монастырь пенсіонеркою Ея Превосходительства *Прасковьи Ивановны Мятлевой*. Все это случилось почти вдругъ, совершенно неожиданно, и въ то время, когда онъ не имѣлъ еще чести быть лично извѣстнымъ почтеннымъ и великодушнымъ своимъ благопріятелемъ.

РЪ и надзоромъ Членовъ здѣшняго Женскаго Патріотическаго Общества, изъ которыхъ Ея Превосходительство Ея-Екатерина Алексѣевна Уварова есть главная Непечивелница сего Училища; непосредственная же, или наспоющая начальница, живущая нунъ въ домѣ—иочинная, умная дама А. Ф. Вистенгаузенъ. Дѣти называютъ ее также, какъ и въ Еканеринскомъ Институтѣ Начальницу, Мамаръ Прекрасное названіе! И какъ оно прилично Гжѣ Вистенгаузенъ! Не забуду, никогда не забуду, что ей, можешь быть, обязана я сохраненіемъ жизни моей дочери. Третьяго года, въ самое то время, какъ Нева спала и не было еще чрезъ нее никакого сообщенія *), Наспитница моя занемогла жесточайшею горячкою. Гжа Вистенгаузенъ не отягодила души оныя ея посещеніи; Докторъ, принадлежащій къ Училищу, былъ на здѣшней сторонѣ; она

*) Домъ Училища Женскаго Патріотическаго Общества находится на Васильевскомъ Острову.

попчасъ взяла другаго врача, кошорый подалъ моей больной нужныя пособія, Едва только начали переходить чрезъ Неву, явился и настоящій Докшоръ (Г. Шландеръ). Первый разъ перешель онъ по льду, и вѣрояшно не безъ опасности. ИМПЕРАТРИЦА, Сама ИМПЕРАТРИЦА нѣсколько разъ навѣщала ее, ласкала и не допустила привспашъ, когда ша, пришедши въ себя, хотѣла поцѣловашъ у НЕЯ ручку.—Нышъ, не могу шебѣ изъяснить всего, чню чувсшвую, когда вспомню объ эшомъ.

Первый выпускъ изъ Училища Женскаго Паптріотическаго Общества былъ въ 1819 году; нынчѣ назначено къ выпуску 23 воспитанницы *) сшаршаго возраста, или такъ называемаго *большаго класса*. Въ первый день экзаменъ начался ровно въ шесть часовъ пополудни, какъ приѣхала Ея Превосходительство Екашерина Алексѣевна Уварова и прочія дамы, Члены Женскаго Паптріотическа-

*) Втораго приема, бывшія въ Училищѣ 6 лѣшъ.

го Общесства. Зала, въ которой происходило испытаніе, не такъ-то велика, и попому въ ней были однѣ воспитанницы, назначенныя къ выпуску, а изъ посѣщителей почти только ихъ родственники и нѣсколько человекъ постороннихъ, все *ученыхъ*, либераторовъ и артистовъ. Съ одной стороны поставлены были въ чешыре ряда кресла и стулья для посѣщителей; съ другой, напрашивъ, въ двухъ отдѣленіяхъ и въ два ряда полуциркулемъ сидѣли воспитанницы въ бѣлыхъ платьяхъ съ классными своими дамами. Между обоими отдѣленіями стояла на шреножникѣ большая черная доска, какія обыкновенно бывають въ классахъ. Нельзя было расположить лучше и удобнѣе этого. — Первыми предметами испытанія были: *Законъ Божій, Священная Исторія ветхаго и новаго Завета, Св. Литургія и Нравоученіе*. Законоучитель Священникъ Преображенской Соборной Церкви П. В. Чертковъ вызвалъ трехъ дѣвиць. Онѣ оставили свои мѣста, спали передъ доскою, поклонились и ошвѣчали на сдѣланные имъ вопросы швердо и

явственно, а не скороговоркою, какъ бываесть иногда на другихъ экзаменахъ. Потомъ вызваны были еще другія при дѣвицы, и шакъ далѣе. Между шемъ спрашивали по временамъ и прочихъ дѣвиць, сидѣвшихъ по обѣимъ сторонамъ доски — кошерую спрашивали, на вешавала, и не опходя ошъ своего мѣста, опивчала. Сей порядокъ происходилъ и при испытаніи въ прочихъ предметахъ. Метода почтеннаго Священника П. В. Чершкова, сообразная ученно лучшимъ нашихъ Богослововъ и церковныхъ писателей, заслуживаесть всякое одобреніе.

Посль Закона Божія, Св. Испоріи, и проч. начался экзамень въ Ариѣметикѣ и Географіи, коимъ обучаесть здѣсь Г. Пестниковъ. Сдѣлали при довольно шрудныя ариѣметическія задачи. Успѣхи воспитаницъ въ Географіи показали съ какимъ прилежаніемъ учились онѣ сей нужной въ общежитіи наукѣ.

Вопшь сняли съ доски ландкаршы, приняла и доску, а на мѣсто ея посшавили другую, вдвое длиннѣе прежней. На ней означены были періоды Все-

общей Исторіи, древней, средней, новой и Россійской. Выходишь Учитель (извѣстный либераторъ Д. А. Плетневъ)—вызываетъ прехъ ученицъ—спрашиваетъ — опивчають. Не понравилось мнѣ и очень не понравилось... знаешь ли что?.. что перестали спрашивать и опивчать, хотя испытаніе въ Исторіи продолжалось около часа. Наканунѣ не спалъ я почти всю ночь, но гошовъ былъ слушать еще цѣлый часъ, два, три; я забылъ, что нахожусь на экзаменѣ — слушалъ съ величайшимъ вниманіемъ и удовольствіемъ занимательный, наставительный и непринужденный разговоръ о важнѣйшихъ историческихъ событіяхъ древнихъ и новѣйшихъ. Желательство, чтобы не только дѣвицы, но даже молодые люди, пригособляемые къ важнымъ гражданскимъ должностямъ, знали споль твердо и основательно Исторію, какъ воспитанницы, выпущенныя нынѣ изъ Училища Женскаго Патриотическаго Общества.

По окончаніи испытанія въ Исторіи, посѣщительницы и посѣщители вспали съ мѣстъ и пошли изъ залы—

иду за другими—проходимъ двѣ комна-
ты и входимъ въ прешью, ярко освѣ-
щенную. По сторонамъ оной къ стѣ-
намъ спояли сполы, покрытые бѣлымъ
каленкоромъ, на которыхъ съ большимъ
вкусомъ расположены были работы и
руководлія воспитанницъ, старшихъ и
младшихъ. Какъ искусно, какъ живо сдѣ-
лана эта длинная гирлянда розъ дѣ-
вицами: *Жуковой, Херсонскою, Сытен-*
скою, Фроловскою 1-ю и Бородиною! Иду
далье и разсматриваю превосходные ри-
сунки по бархату Госпожъ *Жуковой,*
Фроловской, Бородиной, Назимовой; лю-
буюсь разными прекрасными руководлья-
ми, каршинками сдѣланными изъ мо-
ху и изъ какого-то бѣлаго распенія,
употребляемаго для свѣшпленъ. Мнѣ
показалось сначала, что послѣднія кар-
шинки сдѣланы изъ воска. Большой пре-
восходный эспампъ, предспавляющій *из-*
енаніе Агари, обращаетъ на себя мое
вниманіе. Подхожу ближе—смошрю, смо-
шрю и вижу внизу имя *Жуковой.* Туть-
то увидѣлъ я, что это не эспампъ,
а рисунокъ—шакъ онъ былъ искусно
сдѣланъ. Гляжу на превосходные фор-

шрифты, писанные масперскимъ почеркомъ; удивляюсь, но удивленіе мое увеличивается при взглядѣ на самый большой форшрифтъ, который сдѣлалъ бы честь самому лучшему каллиграфу. Чей же былъ эпоть форшрифтъ? — *Жуковой Александры Егоровны*, первой изъ воспитанницъ какъ по благо нравію, такъ и по успѣхамъ въ наукахъ, хотя она моложе лѣтами многихъ изъ своихъ сверстницъ и почти еще дитя. Послѣ *Изгнанія Агари* лучшіе рисунки сущь слѣдующіе: Г-жи *Жоховой Голова Беатриксъ Ченжи*; Г-жи *Назимовой — Св. Апостолъ Лука*; а форшрифты *Госпожь Рашетъ, Херсонской, Жоховой и Назимовой*. Числописанію обучаетъ здѣсь Г. *Ломанъ*, а рисованію Г. *Редеръ*.

Полюбовавшись работами воспитанницъ, возвратились опять въ залу. Тамъ стояли уже онѣ въ одинъ рядъ съ ношами въ рукахъ. Пѣніемъ дирижировалъ учитель ихъ извѣстный Г. *Макушинъ*. Пѣли *Херувимскую Пѣснь*, соч. славнаго и первѣйшаго нашего композитера Г. *Бартнянскаго* и его же концерпъ: *Радуйтесь Богу нашему*. Хоръ былъ пол-

ный: въ немъ участвовало нѣсколько большихъ Придворныхъ Пѣвчихъ, споявшихъ въ нѣкоторомъ опдаленіи снѣ воспитанницъ *). Снѣ окончилось въ первый день испытаніе. Мнѣ казалось очень еще рано; я взглянулъ на часы и увидѣлъ, что было уже почти 10 часовъ.

(Продолженіе въ слѣд. N°)

~~~~~

Э Г Е Й.

На берегу крушомъ, надъ бездной,
Часто сиживаль Эгей,
Гдѣ синѣль лишь сводъ небесной;
Ждалъ знакомыхъ кораблей.
Проплывешъ ли лебедь бѣлый—
Сердце съ радости кишишь;
Пролетишь ли воронъ черный—
Онъ нѣмѣешь и дрожишь.
Бурноль море взволновалось—

---

*) Воспитанницы поютъ однѣ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ въ своей домовой церкви и весьма согласно. Есть очень хорошіе голоса, напримѣръ: Г-жа Фроловская, Бѣлановицъ, и проч.

Молишь бурю укротишь;
 Тучаль грозная промчалась—
 Зевса онъ благодарить.
 Долго взоръ его носился
 По морскимъ, съдымъ волнамъ,
 Долго въ грусти онъ помился;
 Но Тезей не приѣзжалъ.—
 Вдругъ къ несчастью появилось
 Знамя черное вдали;
 Сердце вѣщее забилося:
 То знакомы корабли
 Взоръ его уже встрѣчаетъ;
 Но несчастнѣйшій онецъ!
 Что сей флагъ тебѣ вѣщаетъ?
 Всѣмъ спраданіямъ конецъ!—
 Онъ съ утеса въ сине море
 Успремляется спремглавъ
 Упоишь послѣдне горе.—
 Вошь примѣръ любви въ ошцахъ!

Орелъ.

В. Ѳ.

РОМАНСЪ.

Лишь скорбь я чувствую въ душѣ моей
унылой,

Лишень спокойствія—на муку осуждень,
И удовольствій всѣхъ и счастья лишень;
Увы! лишень всего—лишень подруги милой!

*

Ужь не цвѣшеть весна и тѣни нѣтъ любимой
И вянутъ розы всѣ на мерзвыхъ спелелькахъ;
Искашь опрады мнѣ оспалось, лицъ въ сле-
захъ
Увы! лишень всего—лишень подруги милой!

*

Скипаться буду я съ могилы на могилу,
И милый прахъ поскокой боясь обременяшь,
Одно лишь эхо я заставляю повторять:
Увы! лишень всего—лишень подруги милой!

*

Когдажъ спраданыя смерть своей разрушишь
силой,

Друзья любезные! васъ заклинаю я
На гробъ начерташь моемъ сіи слова:
Всего лишился онъ—лишась подруги милой.

Воронежѣ.

С. Вклн.

КЪ ВЪРОЛОМНОЙ ТЕМИРЪ.

Темира! я себя не зналъ!
 Любовью взоръ мой зашмѣвая,
 Я мой разумъ поперялъ
 И совершенною счисляя,
 Твоихъ пороковъ не видалъ.
 Забылъ въ несчастномъ ослѣпленѣ,
 Чшо гдѣ любовь, шамъ заблуденъе;
 Чшо ты, какъ женщина, должна
 Быть споль хитра и споль лукава,
 Сколь ты прекрасна и умна;
 Чшо, вопреки сердцеъ ушава,
 Волненъе препешныхъ грудей
 И помнось пихая очей
 И взоръ печальный и укорной,
 Бываюшь часшо для людей
 Одной приманкою пришворной
 Любви обманчивыхъ съшей.
 Гдѣ всѣ ты кляшвы, обещающа,
 Кошорые швердила ты,
 Когда въ условный день свиданья,
 Въ часы вечерней темношы,
 Мы шли къ той роцѣ опдаленной?
 Гдѣ дѣлся препешъ-ношь душевной,
 Топъ непришворный сердца спрахъ,
 Кошорый видѣлъ я порою
 Въ твоихъ пошупленныхъ глазахъ,
 Когда случалось мнѣ съ другою
 Въ невинныхъ рѣзвисьяхъ играхъ?

Не здѣсь ли небомъ и землею
 Ты въ вѣчной вѣрности клядась?
 Смощри какъ съ новою весною
 Заря Природы занялась!
 Какъ солнца съ упреннимъ восходомъ
 Вдругъ обновился видъ полей,
 Какъ чистымъ, яснымъ небо сводомъ
 Споишь надъ радостной землей!
 Опять дубрава оживилась,
 Все та же неба красота —
 Одна лишь ты перемѣнилась.
 Прошло веселье, какъ мечта!
 Какъ сонъ, моя минула радость!
 Теперь, бышь можешь, шу же сладость
 Другой, въ своихъ мечтаньяхъ, пьешь.
 Другаго пакже ты обманешь;
 Но онъ со смѣхомъ ошойдешь.
 Тогда о другъ ты вспоманешь —
 Но прежній другъ ужъ не придетъ.

И. Велиждпольскій.

КЪ ЛУНѢ.

Ты нѣкогда и мнѣ привѣшлива была,
 Госень вечера подѣ сѣнію нѣмою:
 И ты мнѣ радости въ лучахъ своихъ лила,
 Но радости умчались спрѣлою!..

Я прежде ихъ вкушала, — какъ знойный
 лѣпомъ лугъ
 Пьешь сладости росы, въ полночь у-
 падшей; —
 Но ихъ ужъ нѣшь со мной, оставлень ими
 другъ,
 Какъ безъ росы цвѣшокъ полу-завядшій.

Ты нынѣ изрѣдка зриаешь на меня —
 И по шайкомъ, подернуша шуманомъ,
 Или и ты въ слезахъ, и ты грустишь,
 какъ я,
 Капясь одна надъ бурнымъ Океаномъ!

Ахъ, сжался надо мной, оспрадный свѣтъ
 пролей!
 И радости вокругъ меня сполпнясь;
 Разсѣшься въ душѣ шумавъ печальныхъ дней,
 И спящихъ думъ возшорги пробудясь.

В. Г.

Ш А Р А Д А .

Шарада соспоишъ изъ равныхъ шрехъ ча-
сней,
Изъ коихъ *первая* есть мѣлкая монета;
Вторая жь часть нужна для крапкаго ошвѣща;
А третія предлогъ: но ежели вы къ ней
Приложите мою начальную часпицу,
То можешъ иногда сдержашъ она и пицу;
А если *первую* съ *второй* соединишъ,
То выйдущъ вещеснва, удобные ходишъ
По озерамъ, рѣкамъ, пускашся даже къ море,
Ошъ вихрей и ошъ буръ шерпя нерѣдко горе—
А цѣлое мое и жаряшъ и варяшъ
И въ посшъ и въ мясоѣдъ со вкусомъ всѣ
ѣдяшъ,

Шарада, въ седьмой книжкѣ, значишъ:
Ка-Лука; въ шестой же *пол - день*, или *пол-*
ночь, а не *часы*, какъ напечащано ошибкою
въ VII N° на сшран. 288.

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1822. N° IX.

ДЕРЕВЕНСКАЯ ЖИЗНЬ *).

(изъ *L'Hermitte de Londres.*)

O rus! quando ego te aspiciam?

Hor.

Я всегда предпочиталъ шѣни дѣсовъ и куспарниковъ, шѣнь, копорую можно найши въ улицахъ Лондонскихъ. Хопя по привязанности къ городу опказывался я опъ шысячи приглашеній въ деревню; однако безпрестанныя просьбы Лорда Ривербанка заспавили меня превозмочь свою наклонность и ѣхалъ въ замокъ его за двадцашъ миль опъ Лондона. Мнѣ много наговорили о великолѣпш его жилища, о перемѣнахъ, копоры онъ въ немъ сдѣлалъ, о пышности,

---

*) Чип. въ Общеспвѣ любипелей Словесности, Наукъ и Художеспвѣ 16 ч. Февраля.

съ какою онъ угощаль друзей своихъ
Теперь все это могъ я узнать по себѣ.

Я сѣлъ въ почшовую коляску и часа
въ два по полудни приѣхаль въ замокъ
Ривербанка; спрашиваль попеременно
всѣхъ хозяевъ, но не могъ видѣшь ни
одного изъ нихъ. Милордъ рабошаль въ
покарнѣ; Милади гонялась за оленями;
молодой Лордъ, въ концѣ парка, ловиль
удочкою рыбу; Лади Анна выѣкала съ
кучеромъ, кошорой училь ее править;
Лади Елисавета училась у Гвардейскаго
Сержанша—маршировашь.

“А Лади Марія?,, — спросиль я у че-
ловѣка, кошорый все это мнѣ расска-
зываль.

— Она лежишь, сударь. —

“Вошь сѣмейство спраннымъ обра-
зомъ заняшое!,, — подумаль я. “Надѣюсь,
что Лади Марія не опасно больна?,,

— О! сударь, она совсемъ не больна;
но всякой день, по приказанію Милади,
лежишь цѣлой часъ на полу для того,
что бы выпрямишь себя шалию. —

“А гдѣ гувернаншка, Гжя. Маршень?,,

— Она вальсируешъ съ однимъ моло-
дымъ Офицеромъ, кошорый нѣсколько
дней живешъ у насъ. —

Все это довольно необыкновенно, подумалъ я ояшь; но не имѣлъ времени размышлять попому, что пятеро меньшихъ дѣшей, узнавши о моемъ приѣздѣ, прибѣжали ко мнѣ, таскали меня за плащѣ и не дали покою до шѣхъ поръ, пока я не согласился играть съ ними въ воланъ.

Наконецъ, черезъ часъ, вышелъ ко мнѣ Лордъ Ривербанкъ въ неглижѣ, совершенно оправдывающемъ это названіе, съ замаранными руками и съ шабакеркой, копорую онъ почилъ; это любимое его занятіе. Извинившись въ помъ, что шакъ долго заспавилъ дожидашься, повель онъ меня смотрѣть его рабочую, инспрументны и работы. Онъ даже не премѣнно хотѣлъ при мнѣ почить, оглушилъ меня шумомъ колеса и подарилъ фуляръ для зубочиспки; за шесть пенсовъ могъ бы я въ Лондонѣ купить шакой же, или еще гораздо лучшей. Попомъ вздумалось ему показывать мнѣ перемѣны, сдѣланныя имъ въ паркѣ, что заняло добрыхъ два часа и чрезвычайно упомило меня. Попомъ надо было опправиться на задній дворъ, гдѣ я имѣлъ

чесшь зайпи по колѣна въ грязь для того, что бы посмотрѣшь его свиней, и удовольствіе получить насморкъ отъ того, что послѣ скорой и долгой ходьбы нѣсколько времени простоялъ въ молочной, въ кошорой было очень холодно. Наконецъ принужденъ я былъ вмѣстѣ съ нимъ ловить лошадей, бѣгавшую въ паркѣ. Во все это время Лордъ безпрестанно себя разхваливалъ, говорилъ объ улучшеніяхъ, кошорые онъ сдѣлалъ, о шѣхъ, кошорые намѣренъ сдѣлать, и насаказалъ мнѣ, о своихъ коровахъ, овцахъ и о смѣшеніи породъ, множество замѣчаній споль занимашельныхъ, что я ни одного изъ нихъ не запомнилъ.

Мы вошли въ комнашы, что бы одѣться къ обѣду; вся сѣмья уже собралась. Лордъ Греншорнъ поймалъ прехъ пискарей и укололъ палець, надѣвая приманку. Призвали сержанта и кучера; первой клялся, что Лади Анна мармируетъ съ такою же приапносшію, какъ старой солдашь; а второй увѣрялъ, что Лади Елисавета скоро будетъ дѣйствовать бичемъ также ловко, какъ

онъ самъ. Гувернаншка не такъ хорошо опзывалась о Лади Маріи и говорила, что она пѣти минушь не пролежала на полу въ одномъ положеніи; дѣвушка извинялась шемъ, что весьма трудно лежать, когда видишь, какъ другіе вальсируютъ. Лордъ Ривербанкъ попрепалъ ее по щекамъ и сказалъ, обращаясь ко мнѣ: “добрая дѣвочка, только все дѣлаешь по своему!”, — на что опвѣчалъ я знакомъ одобренія. —

Обѣдъ былъ великолѣпный; но какой-то принужденный и церемоніальный тонъ опнималъ у него все достоинство. Я сидѣлъ возлѣ хозяйки, копорая во все время рассказывала мнѣ объ удовольствіяхъ и опасностяхъ охоты. Въ это упріо она два раза была по сѣдло въ водѣ, чуть было не упала съ лошади, зацѣпившись за сукъ, и нѣсколько разъ перескакивала чрезъ широкіе рвы. Мужъ ея рассуждалъ съ Паспоромъ о землеташествѣ и говорилъ съ ревностію теоретиса и невѣжествомъ новичка въ практикѣ. Лади Анна и Лади Елисавета спорили о уборкѣ ихъ плашьевъ. Молодой Офицеръ занимался только

Гжею Маршень. Лади Марія наскучила мнѣ множествомъ вопросовъ о сполчныхъ новостяхъ, о модахъ и просила меня прислать ей романовъ.

Бушылка послѣ обѣда ходила кругомъ медлѣнно. Паспоръ пилъ за двоихъ. Воинъ подливалъ въ вино воды подъ предлогомъ лихорадки, скоро вспаль и пошелъ съ дѣвцами гуляшь въ паркѣ, гдѣ гувернаншка заставила ихъ бѣгашъ для того, что бы самой свободнѣе слушашъ ласкашельства Офицера.

Лордъ Ривербанкъ предложиль мнѣ опяшь походить, но я опказался пошому, что еще не опдохнуль опъ ушренной прогулки и ушелъ въ залу, гдѣ нашель Лади Ривербанкъ, спящую на софѣ. Противъ нее сидѣла Миссъ Макъ-Клинтакъ, Шопландка, лѣшь пншидесяти, у которой прошу прощенія въ шомъ, что до сихъ поръ не увѣдомиль о ней чпшателей. Въ эшой старой Келедонянкѣ соединено все жеманство зрѣлыхъ дѣвъ цѣлаго свѣща. Она принуждена до крайности и очень хотѣла бы скрышь половину лѣшь своихъ. Пришворная суровость ея доходиль до шого, что она

никакъ не согласишься сѣсть за столомъ возлѣ мужчины, боясь, что бы онъ какъ нибудь не нарочно не допро- нудся до нее колѣномъ.

Когда гулявшіе возвратились, то всѣ хопѣли играть въ карты, но никакъ не возможно было соспавить пар- тии. Миссъ Макъ-Клиншакъ говорила, что дѣвушкамъ не прилично играть и что карты суть книги нечистаго ду- ха; а потому молодые люди начали тан- цовать. Лади Марія сѣла за фортепіано, а сестры ея спорили о рукѣ Офицера, которая по праву старшинства доста- лась Лади Аннѣ — и Лади Елисаветѣ принуждена была, со слезами на гла- захъ, вальсировать съ брашомъ, между шемъ, какъ Г-жа Маршенъ блѣднѣла отъ досады. Меня заспавили играть съ Па- щоромъ въ пикетъ, и я проигралъ сколько Королей, сколько сыгралъ. Дѣ- ши занялись разными играми, въ кошо- рья вмѣщалась и Миссъ Макъ-Клиншакъ для того, что бы придать себѣ видъ мо- лодости и невинности. Но когда нача- ли разбирать фанты и маленькому двѣ- надцатилѣтнему Георгу пришлось по-

цѣловать ее, по она съ ужасомъ вско-
чила со спула и закричала грознымъ
голосомъ: “клянусь, что никогда это-
го не позволю!”, — За симъ возклица-
ніемъ послѣдовалъ всеобщій смѣхъ, ко-
шорый еще увеличился, когда Георгъ,
желая исполнить опредѣленіе, подошелъ
къ ней оцпашь и получилъ пощечину отъ сухой руки спарой Шоп-
ландки.

Лордъ Ривербанкъ, уславши отъ
упреннихъ заняпій, заснулъ возлѣ жены
на софѣ; а я воспользовался эпімъ су-
пружескимъ сномъ и ушелъ цопахонь-
ку въ свою комнапу.

На другой день цоупру я проснил-
ся съ хозяевами, обѣщавъ себѣ никогда
не ѣздишь въ деревню безъ необходимо-
сти. Имѣніе Лорда Ривербанка прекрас-
но, замокъ великъ и убранъ съ пышно-
спію; но въ немъ жилище скуки. Что
же касается до улучшеній, то много
еще надобно ихъ сдѣлать, начиная съ
его сѣмейства.

Дома пришло мнѣ въ голову весьма
справедливое замѣчаніе одного Француз-
скаго писателя, что въ жизни нахо-

дѣлается множество вещей, которыхъ кажутся дурными, но между тѣмъ поставлены только не на своемъ мѣстѣ. Это привело мнѣ на память занятія и удовольствія семейства, которое я только что оставилъ. Всѣ они сами по себѣ невинны и позволительны, и если бы они ими помѣнялись, то безъ излишней строгости нельзя бы и оуждаться ихъ.

Если бы Лордъ Ривербанкъ ѣздилъ на охоту, а супруга его ловила удочкою рыбу; если бы молодой Лордъ учился у сержанша, или у кучера; если бы Лади Анна танцевала, вмѣсто своей гувернантки; если бы Лади Елисавета и Лади Марія рисовали, или занимались музыкою, а Г-жа Маршенъ вышивала — то каждой изъ нихъ поступать бы подобно своему полу; возрасту и сословію; что же касается до шпалернаго ремесла, то его можно бы и совсемъ оставить.

Думаю, что всѣ эти механическія работы не приличны благородному человеку. Оставимъ ремесленникамъ работы, подобныя съ ихъ состояні-

емъ и воспианіемъ. Человѣкъ, поставленный рожденіемъ выше ихъ, унижается, забавляясь ихъ работами, и выходитъ изъ своей сферы, что бы войти въ другую, въ кою не можешь приобрести ни малѣйшей чести.

Надобно имѣть слишкомъ ограниченный разумъ и слишкомъ запрудняться въ употребленіи времени, что бы работашь наспругомъ и перспугомъ, когда имѣешь передъ глазами книгу напурь, когда можешь почерпашь свѣденія въ библіотекѣ и сдѣлашья полезнымъ опечеспву въ кабинетѣ, или въ полѣ! Не во гнѣвъ знакомымъ мнѣ знашнымъ; я бы всѣхъ Лордовъ—шокарей, споляровъ и слѣсарей послалъ къ благороднымъ дамамъ, коюря хваляшья успѣхами своими въ искусствѣ сапожниковъ и кузнецовъ.

Откинѣ.

ЦЕФАЛЬ.

Кантата.

Еще ночь влажная лежала на холмахъ, —
 Ликъ блѣдный мѣсяца кахился въ облакахъ,
 И голосъ жалобный совы смущалъ долины,
 И вѣсперъ колебалъ густыхъ деревъ вершины—
 Какъ свѣшлой пеленой подернулся воспокъ,
 Поля воскреснули и заблнспалъ пошокъ. —
 Аврора юная, любовію пылая
 И пышно розами пушь свѣшлый усшила,
 Спустилась къ берегамъ, гдѣ юноша—Цефаль
 На свѣжей муравѣ сонъ сладосшный вкушалъ.
 Богиня робкая препенущей споцою
 Задумчиво идешь къ почившему герою;
 Власы размешаны, взоръ пламенемъ горншь
 И губельнымъ огнемъ грудь помная кипншь.
 Приблнжнлась...и чувспвъ невѣдомыхъ вол-
 ненье

И радосшь пнхая, нѣмое уднвление
 Разлнлись на ея прелесннѣншемъ лнцѣ:
 Такъ разлнвающся пошоки рѣкъ, въ концѣ
 Теченья своего, на пышнныя равнны
 И топяшъ влагою цвѣшущія долины:
 Вошь дѣва юная, въ волненіи спрасшей,
 На красошу дурой нзвнвшнхся бровей
 Младаго юноши взоръ жадный усспремляешъ
 И гласомъ сладосшнымъ окреспнносшь огла-
 шаешъ:

«Тише, унылый источникъ! каши
 Шумныя воды по скашамъ лѣсисшымъ!...
 Въперъ пусшынный! какъ другъ, пролеши
 Въя прохладой! надъ ложемъ душисшымъ!
 Тише, пѣвицы радосшныхъ дней,
 Пойше веселье свободы своей!...

*

«Здѣсь звѣроловець сномъ крѣпкимъ по-
 чиль;
 Быспрыя лани его упомили;
 Мешкой спрѣлою онъ ланей разиль;
 Рѣзвыя лани колчанъ испощили.
 Браннаго друга почшите покой!...
 Мирно покойся, возлюбленный мой!,,

*

«Тише, унылый источникъ! каши
 Шумныя воды по скашамъ лѣсисшымъ!..
 Въперъ пусшынный! какъ другъ, про-
 леши,
 Въя прохладой надъ ложемъ душисшымъ!..
 Тише, пѣвицы радосшныхъ дней
 Пойше веселье свободы сврей! ...,»

*

«Аврора бѣдная! въ какое испупленье
 Вдечепъ шебя любви упоенье?
 Уже сокрылась ночь, Воспокъ отнемъ горишь;
 А онъ...онъ крѣпкимъ сномъ на мягкомъ ло-
 жѣ спишь!...,»

*

«Быспро, быспро время мчишся;
 Милый другъ! открой глаза! ...
 На крушыя небеса
 Солнце ясное капишся;
 Озарились дрeвеса
 Блѣдный свѣтъ Авроры пмишся —
 Быспро, быспро время мчишся;
 Милый другъ! открой глаза!,,

*   *

*

Рекла — и свѣша богъ, съ блестящей коле-
сницы

Разсыпавъ на моря изъ свѣшлыя десницы
 Багряные лучи, прервалъ Цефала сонъ.
 Но... поздно юноша несчастный пробужденъ!..
 Вспаешъ, бросаешъ взоръ, смущаешся, взы-
ваешъ-

И пшажкая пшоска на сердце упадаешъ;
 И слезы пощекли; но... щещны поки слезъ!..
 Бѣжипъ прѣкрасная съ лазуревыхъ небесъ.
 Къ мученію одинъ лишь образъ несравненной
 Остался навсегда въ душѣ его смященной.

Д. Богдановъ.

У Р О К Ъ

Повѣсть Г-жи Дюфренуа.

“Я свято сохраняю данное слово; не обдумавши напередъ, не рѣшаюсь ни на что; даже въ бездѣлицѣ никогда не позволяю себѣ повиноваться первому движенію моего сердца; — сказала мнѣ однажды Г-жа Аншремонъ, Бурдикъ, Віо, равно извѣстная подъ сими прямиими, и по прекраснымъ стихамъ, приписаннымъ ей Вольперомъ, и по собственнымъ стихотвореніямъ, которые дышуть любезностію и кропкою Философіею. “Я обязана — прибавила она — этою благоразумной оспорожностію, которая пакъ пропивоположна живости моего характера и воображенія, уроку ужасному и вмѣстѣ забавному, данному мнѣ въ чепырнадцать лѣтъ;,”

Любопытствуя узнатьъ эпоху необыкновенный случай въ ея жизни, который она, казалось, пакъ живо помнила, я попросила у ней объясненія, и она начала:

“Мои родители не въ состояніи

были дать за мною хорошее приданое. Желая меня приспособить, они выдали меня за мужа въ двѣнадцать лѣтъ за 45-лѣтняго Маркиза Анпремона. Имѣніе и здоровье его находилось въ великой опасности; но онъ былъ изъ хорошей фамиліи, и я могла надѣяясь, вышедши за него, занявъ со временемъ почетное мѣсто при дворѣ одной Нѣмецкой Принцессы.

На другой же день послѣ моей свадьбы меня отвезли въ монастырь, чтобы докончить мое воспитаніе.

Но какъ здоровье и дѣла Маркиза становились день ото дня хуже и хуже, то онъ вскорѣ взялъ меня изъ монастыря въ свой замокъ Анпремонъ. Эпохъ обширный, готическій, полуразвалившійся замокъ, почти безъ мебели, очень походилъ на страшные замки, описанные такъ пространно въ Англійскихъ романахъ. Вообразите мой ужасъ, когда я, едва вышедши изъ дѣтства, увидѣла себя заключенною въ такое печальное жилище, котораго одно описаніе способно навести страхъ!

Все общество Маркиза соспояло въ

одной пятидесятилѣтней старухѣ, смотрѣвшей за хозяйствомъ. Привычка управляя своимъ господиномъ сдѣлала ее весьма власполюбивою. Маркизь опдалъ меня совершенно ей на руки, и она шемъ болѣе надо мною мудрила, что моя свадьба, къ величайшей ея досадѣ, воспрепятствовала шайнымъ ея намѣреніямъ. Опъ злоспи своей она вмѣняла мнѣ въ пресупленіе самое невинное ребячество; малѣйшая разсѣянность въ ученіи, малѣйшее нарушеніе ея предписаній наказывалось строго; часто случалось, что меня запирали на нѣсколько часовъ въ темную, большую горницу, находившуюся въ срединѣ павильона необитаемаго замка. Когда ночь заспигала меня шумъ, въ какомъ я погда бывала ужасъ! Свиснѣ вѣпра сквозь худо вспавленные окна, унылый крикъ совы, шрещаніе перегородки, все, даже гигантскіе изображенія на старинныхъ коврахъ, въ половину прикрывавшихъ спѣны, все казалось, угрожало мнѣ опасностію: сердце едва билось, я насилу дышала. Маркизь шумилъ, и шумилъ оспроумно, когда я ему рассказывала о

своихъ воображаемыхъ спраданияхъ; однакожь впечатлѣніе, во мнѣ ими произведенное, было такъ сильно, что съ тѣхъ поръ я, которая кажусь споль живой и веселой, не могу ни на часъ оспашься одна, чшобъ не впастъ въ мрачную мечшашельность и не проливашъ невольню слезъ. Опъ этого я почувствоваша нужду въ разсѣянной жизни и полюбила большіе общешва. Все похожее на уединеніе меня убивашеть!

Прошло околѠ года, какъ я жила съ Маркизомъ. Вдругъ однажды поушру будяшъ меня полицейскіе: они пришли описывашъ замокъ. Мнѣ сказали, чшобъ я пошъ же часъ оспавила его; кареша гошова была опвезши меня въ монастырь. Никогда извѣсшіе споль печальное не принималось съ такимъ удовольствіемъ! Я одѣлась на скорую руку; пѣла, прыгала, предавалась величайшей радости, и гошова была разцѣловашъ тѣхъ, которые насъ выгоняли изъ нашего благороднаго жилища: они мнѣ казались самыми любезнѣйшими людьми. Напрасно управительница дѣлала мнѣ справедливые выговоры и шверди-

да о несчастіи моего мужа, я ничего не видѣла, ничего не чувствовала, кромѣ счастья вырваться изъ своей шемницы.

Монаштырь показался мнѣ раемъ. Съ неизъяснимою радостію увидѣлась я съ моими подругами. Искусства и дружба улаждали дни мои. Я была очень нехороша собою, и потому мои дарованія не возбуждали ни малѣйшей зависти: меня хвалили, ласкали, превозносили мои стихи, мою игру на арфѣ и фортепьяно. Я наслаждалась наслаждающимся, не думая о будущемъ; неприятное воспоминаніе о замкѣ совсемъ почти испребилось изъ моей памяти, какъ вдругъ несчастное приключеніе принудило меня снова опознаться опъ приятностей моей безпечной жизни.

Въ молодости своей Г. Анпремонъ поссорился съ однимъ изъ своихъ товарищей, послѣ него вышелъ съ нимъ на поединокъ. Оба они поклялись прекращать сраженіе при первой ранѣ, но возобновлять его ежегодно въ томъ же самый день, часъ, и на томъ же мѣстѣ до смерти одного изъ нихъ. Сей поединокъ происходилъ въ двадцатый разъ.

Маркизь былъ смертельно раненъ, и выписалъ меня къ себѣ.

Г. Анпремонъ не чувствовалъ ко мнѣ никогда ни малѣйшей любви; онъ не могъ также пѣшать ко мнѣ и дружбы: наши лѣта, характеры, склонности не имѣли никакого сходства. Однакожъ, будучи увѣренъ въ близкой своей кончинѣ, онъ не могъ не чувствовать нѣкотораго сожалѣнія къ той, которую оставлялъ вдовою въ четырнадцать лѣтъ, и которой неприятное замужество не доставило ни малѣйшей выгоды. Моя безпечность увеличивала еще болѣе его безпокойство. Онъ часто смотрѣлъ на меня съ чувствомъ; казался пронуть моею объ немъ заботливостию; хвалилъ остроуміе моего ума, и (за что я его тогда всего болѣе благодарила), несмотря на свою управительницу, позволялъ мнѣ нѣсколько хозяйничать въ домѣ.

Его вниманіе ко мнѣ и довѣренность легко вкрались въ мое сердце: любилъ въ юности такъ приятно! Я почувствовала къ Г. Анпремону истинно дочернюю любовь, а онъ ко мнѣ оше-

ческую. Когда довѣренность поселилась между нами, онъ разсказаль мнѣ главные происшествія своей жизни; обвиняль себя въ заблужденіяхъ, коихъ гибельные слѣдствія, лишивъ его наслѣдія опцевъ, привели преждевременно къ могиль; спарался предосперечь меня своимъ примѣромъ ошъ необузданныхъ спрасшей.

Я съ разсѣянїемъ слушала его наспавленія; но спрадала душевно, внимая его раскаянію и глухимъ спенаніямъ, копорые невольно испоргались изъ него несперпимою мукою. Однажды поушру онъ не въ состоянїи былъ сно сишь своихъ спраданій; я схватила его руку, поднесла ее къ губамъ и смочила своими слезами. — “Къ чему плакашь сказаль онъ, я достоинъ своей участи. Я не могъ соспавишь швоего счастья; послѣ меня оспаешься шебѣ одно имя, но по крайней мѣрѣ ты будешь свободна. Жизнь моя была для шебя бесполезна; можешь бышь, смерть...”, — Нѣшь! вы не умрете, ошвѣчала я, рыдая. — “Умру и скоро; я это чувствую.... Завшра.....”, — Чшо вы говорите? о Боже!

завтра? — “Завтра меня не будетъ., — Если эшо случится, я также умру, умру съ вами! — “Какіе пустяки!., — Нѣшь! эшо не пустяки; я васъ, не переживу; клянусь всемъ, что ешь свяшо., — “Размысли хоропенько о словахъ швоихъ; спрашисъ бышь клятвопреступницею., — О! я сдержу свое слово, будьте увѣрены. — “Точно ли шы рѣшилась сдержашъ его?., — Ваше сомнѣніе для меня оскорбительно. — “Еслибъ я себя вздумалъ испышашъ, можешъ бышь, я убѣдился бы въ прошивномъ., — Испышайше — “Любезная Генріеша! у тебя прекрасное сердце, но шы немного легкомысленна, и эшо геройское пожертвованіе собою ..., Мнѣ ничего не будетъ споишь. — “И такъ шы хочешъ умерешъ со мною?., — Да, завтра, въ эшу ночь, сію минушу, если вамъ угодно. — “Бышь по швоему!.,

Г-нъ Аншремонъ позвонилъ, и вельль подашь себѣ чашку шоколаду. Когда ее подали, онъ приказалъ человѣку выдши! попомъ далъ мнѣ ключъ опъ своего бюро и вельль досцашъ изъ одного ящичка запечашанной пакешецъ; я исполнила его волю. Тогда Г-нъ Аншремонъ важ-

вѣтъ голосомъ спросилъ меня: почто ли я согласна умереть съ нимъ?», Я отвѣчала съ швердоспю: *согласна*. Онъ распечаталъ шайнспвенный пакепецъ, высыпалъ въ немъ находившееся въ чашку, и сказала, нѣжно поцѣловавъ мою руку: «Любезная Генриета; желаніе швое исполнишея: вышей эпепъ шоколадъ.»

При сихъ словахъ вся почи швердоспъ моя исчезла; я взглянула нѣсколько разъ съ нерѣшимоспю на чашку. Насмѣшливая улыбка показалась на губахъ Г-на Анпремона. Самолюбіе мое вѣспоржесшвовало надъ привязанноспю къ жизни, и я—выщила шоколадъ.

Маркизь осыпалъ меня похвалами, но онѣ ни мало не ушѣшали меня: мысль о близкой смерти безпреспанно предспавлялась уму моему. Я обвиняла внушренно Г-на Анпремона въ жестокоспи; его нѣжноспъ меня ужасала. О сила воображенія! Почисая себя оправленною, я начала чувспвовашъ чрезвычайную боль въ желудкѣ; огонь пожиралъ грудь мою; мнѣ казалось, что я нахожусь при послѣднемъ издыханіи; я не могла удержашься, чтообъ не вскрикнушь.

Приѣзжаетъ мапушка. Со словами: „*Матушка, матушка!*“, я бросаюсь къ ней на шею и не могу ничего больше выговорить. — “Сударыня! сказалъ тогда Г. Анпремонъ, дочь ваша хотѣла умереть со мною; дала клятву; щещно я старался ее отговаривать, ничто не могло отклонить ее отъ сего великодушнаго намѣренія; я принужденъ былъ исполнить ея желаніе, и — оправилъ ее. — Такъ это въ самомъ дѣлѣ? Великій Боже! Ахъ, ради Бога, молока! Г. Маркизь! мапушка! прикажише мнѣ дать молока! Пошлише за лекаремъ! — Г. Анпремонъ захохоталъ; мнѣ это было ужасно досадно. — “Успокойся, сказалъ хладнокровно Маркизь, лекарь не нуженъ; ядъ, кошорой ты приняла ..... исполченный леденецъ. Завтра, какъ я тебѣ сказалъ, я умру. Я просилъ приѣхать сюда свою мапушку для того, чтобъ ты не была свидѣтельницаю моей смерти. Твоя легкомысленность, живость своего воображенія, доброша сердца меня ужасали, когда я помышлялъ о будущей своей судьбѣ. Ты не получила никакой выгоды отъ своего замужства; воспользуйся

по крайней мѣрѣ эшимъ урокомъ, полученнымъ при моемъ смершномъ одрѣ. Не довѣрай первымъ движеніямъ сердца; не давай никогда слова, не увѣрившись напередъ, въ состояніи ли ты будешь сдержашъ его; не забывай, что поперя нравспвенности влечешъ за собою потерю имѣнія и жизни. Прощай, любезная Генріета; оставъ меня; я едва успѣю привести въ порядокъ нужнѣйшіе дѣла. Прощай!,,

Рыданія тѣснили грудь мою; слезы и сожалѣніе волновали духъ мой. Я не обѣщалась болѣе Гну Аншремону послѣдовать за нимъ во гробъ; но осыпала его выраженіями искреннѣйшей привязанности; не хошѣла его покинуть. Онъ поцѣловалъ меня въ лобъ, и просилъ машушку меня вывести. Я согласилась видѣти не прежде, какъ увѣрившись, что онъ пребуешъ того непремѣнно. Г. Аншремонъ умеръ на другой день. Я искренне плакала о немъ и никогда послѣ не забывала ни его послѣдняго урока, ни послѣдняго съ нимъ прощанія ,,

Казань.

К. Ч—а.

Л И Н Ъ .

(Подражаніе Лорду Байрону.)

Въ часы любви, въ часы забавъ
 Ты, Лина часто восклицаешь:
 О жизнь моя!—меня прижавъ
 Къ своей груди.—Ужель не знаешь,
 Чшо намъ дана жизнь не навѣкъ:
 Съ минутой каждой приближаешься
 Ко гробу долженъ человекъ
 И жизнью крапко наслаждаешься! —
 Оспавъ слова сіи—они
 Невольню мнѣ напоминають,
 Чшо и счастливы наши дни,
 Спрѣлою быстрой пролетаютъ.
 Когда любимъ шобою я—
 Любимъ не на словахъ—сердечно,
 Меня зови: *душа моя!*
 Душа, любовь должны жишь вѣчно.

М—лб Яколевъ.

О ЭКЗАМЕНѢ, БЫВШЕМЪ ВЪ УЧИЛИЩѢ
БЛАГОРОДНЫХЪ ДѢВИЦЪ ПРИ С. П. БУРГ-
СКОМЪ ЖЕНСКОМЪ ПАТРИОТИЧЕСКОМЪ
ОБЩЕСТВѢ.

Письмо къ Н. А. Ш.

(Продолженіе.)

На другой день (3 ч.) экзамень начался опять, равно въ 6 часовъ. Первый предметъ былъ Нѣмецкая Словесность, кою обучаетъ Г. Вальпульскій. Какъ сожалѣлъ я, что не разумѣю Нѣмецкаго языка. Впрочемъ, хоть я и ничего почти не понималъ, однако не могъ, не оплечишь *правилъ* опъ *примѣровъ*, копорые читали воспитанницы съ особливою выразительностію — доказательство, что онѣ чувствовали въ полной мѣрѣ красоты вытверженныхъ ими наизусть образцовыхъ стихотвореній. Знающіе по-нѣмецки очень хвалили чистое произношеніе воспитанницъ и опдали должную справедливостъ ихъ насшавнику, преподававшему имъ сверхъ Грамматики Нѣмецкаго языка и начальныя ос-

нованія Словесности, т. е. главные правила Риторики и Пейсики. Жаль очень, что у насъ во многихъ училищахъ, особенно женскихъ, пренебрегаютъ Нѣмецкимъ языкомъ, который въ общежитіи и для наукъ, столько же намъ нуженъ, сколько и Французскій, и безъ сомнѣнія гораздо нужнѣе Англійскаго и Испанскаго.

Послѣ Г. *Вальпульскаго* спалъ экзаменовашъ во Французской Словесности Г. *Тилло*, извѣстный здѣшней Публикѣ не только какъ самый лучший учитель Французскаго языка, но какъ и просвѣщенный лингвистъ. Испытаніе въ семь предметъ ни мало не походило на обыкновенный экзамень: это былъ самый живой, свободной, приятный разговоръ, прерываемый по временамъ чтеніемъ приличныхъ отрывковъ изъ образцовыхъ Французскихъ стихотвореній. Сперва начали говорить о древнихъ тамошнихъ стихотворцахъ, *Прованскихъ Трубадурахъ*, и поспешенно дошли до золотого вѣка Французской Словесности, т. е. до царствованія *Людвика XIV*; замѣтили главнѣй-

ція красоти и недоспашки (гдѣ сія послѣдніе находящяся) Трагедій великаго Корнея, Расина, Комедій Мольера, Саширъ и Поэмъ Буало. Я слушаль съ жадностію и не видалъ какъ прошло время; но уже было почти восемь часовъ; оставалось еще много предметовъ — и, ко всеобщему сожалѣнію, по необходимости прѣкратили споль занимащельный экзамень.

Господина Тилло смѣнилъ Учитель Русской Словесности *П. А. Плетневъ*, о которомъ говорилъ уже я выше. Теорію знаюшь воспитанницы очень хорошо: по крайней мѣрѣ имѣюшь онѣ полное и совершенное понятіе о всѣхъ родахъ прозаическихъ и стихотворныхъ сочиненій. Не только извѣстны имъ имена и творенія извѣстнѣйшихъ нашихъ Прозаиковъ и Поэтовъ, но и характеръ слога почти каждаго изъ нихъ, опличительные ихъ достоинства и красоти, или недоспашки. А какъ онѣ читаюшь, особенно стихи! Г-жа *Жохова* прочла превосходно *Гимнъ Богу И. И. Дмипріева: Гремѣтъ! . . . благоговѣй, сынъ персти!* Какая правильная, благородная и сильная

декламація! Г-жа Жукова прочла также очень хорошо *монологъ Клителнестры* изъ Трагедіи Озерова: *Поликсена*, отрывокъ изъ *Славянки* Жуковскаго и съ особеннымъ чувствомъ его же *Надпись къ портрету ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢВНЫ*. Читали и многіе другіе весьма хорошіе стихотворенія, и если не съ равнымъ искусствомъ, чего не возможно и пребывать, по крайней мѣрѣ безъ всякой принужденности, безъ жеманства (*afféctation*), что всего несноснѣе въ декламаціи. — Но какъ мастерски прочла Г-жа Вансовицъ Сказку мою: *Дѣвушка и Чужб!* Какъ мило произнесла она эпосъ стихъ:

„ Куда какъ весело одной вальсировать! „

Изрядная сказогка! сказалъ нюхая у меня табакъ сосѣдъ мой, который во все не зналъ ни меня, ни моихъ Басень. Искренняя похвала его была очень для меня приятна — однако же не столько какъ прелестное и натуральное чтеніе Г-жи Вансовичъ.

По окончаніи испытанія въ Русской Словесности, Г. Плещневъ роздалъ пошпипелямъ сочиненія своихъ ученицъ. (Гг. Вальпульскій и Тилло раздавали такъ же прежде переводы ихъ съ Русскаго на Нѣмецкій и Французскій языкъ, сочиненные на оныхъ ими письма, и п.п.) Мнѣ достались два: *Разкаяніе ерѣшника*, соч. Г-жи *Жоховой*, и *Письмо къ какой-то Эмилиі Г-жи Бородиной 1й*. Выпишу тебѣ начало изъ шого и другаго:

“Облака сгущаются, мрачныя тучи покрываютъ горизонтъ, молнія блещетъ, раздаются ужасные удары грома. Среди сихъ ужасовъ, среди содраганія вселенной, праведный наслаждается спокойствіемъ, ничто не можешь нарушить онаго. Но я, терзаемый ужаснымъ воспоминаніемъ своихъ пороковъ, могу ли я быть спокоенъ? — всегда совѣшь упрекаетъ меня; дерзну ли я усрешить глаза свои на шо Небо, кошорое я безпрешанно раздражаю своими прѣсшупленіями? . . .”

“И шакъ разспалась я съ побой — и, можешь быть, навсегда! Жестпокая судьба! Для чего шы не позволяешь мнѣ слѣдовать

на край свѣта за шой, къ копорой непре-
спанно спремишя мое сердце? Ты не по-
вѣришь, съ какою горестію сѣла я на ко-
рабль, опправлявшійся въ Дувръ. Ахъ! оди-
ночешво несшерпимо; меня окружали незна-
комые мяѣ люди, и даже въ самыѣхъ чув-
сшвишельныхъ я видѣла, чуждыхъ моему
сердцу. Болѣе всего привлекала меня моло-
дая женщина, ѣхавшая изъ Россіи, и съ ней
по я нѣсколькѣ облегчила сердце свое воспо-
минаніями объ опечесшвѣ. ,,

Не правда ли, что очень хорошо для
дѣвиць, копорыя недавно еще начали за-
нимащяся Словесностію. Слогъ чиспъ и
правилень. И эшо, могу шебя увѣришь,
безъ всякихъ поправокъ со спороны у-
чителя.

Такимъ образомъ кончился экзамень
въ наукахъ. Посѣшители опяшь пошли
въ шу компану, въ копорой высшавле-
ны были работы воспитанницъ. Ми-
нушь черезъ десятиѣ возвратились въ
залу, гдѣ стоялъ флигель передъ неболь-
шимъ оркеспромъ музыканшовъ. Нача-
лась музыка. Г-жа *Шлиппенбахъ*, учени-
ца Г. *Кейзера*, сыграла прекрасно кон-

цершь Дюсека, а ученица Г. *Высоцкаго*, Г-жа *Назимова*, концершь *Фильда*. Слѣдовало еще играшь его же *сarcises* Г-жѣ *Бертонъ*, также *Жуковой*, успѣвшимъ болѣе прочихъ въ Музыкѣ; но уже было поздно и по сей причинѣ не могли онѣ показашь посѣпителямъ своего искусства.

Вынесли флигель, музыканцы вышли изъ залы, дѣвицы спали въ рядъ и зашѣли прогашельную молитву; копорую не возможно слушать безъ сердечнаго умиленія: *Да исправится молитва моя!* — Послѣ того пѣли *прощальную пѣснь*, сочиненную Г. *Плешневымъ* и положенную на музыку Г. *Варшнянскимъ* *). Здѣсь оплщились Г-жи *Фроловская* и *Бѣлановицъ*: первая имѣешь сильный, свѣплый голосъ; послѣдняя тихій и нѣжнй. По окончаніи сей Пѣсни, повшорили первые два куплеца:

« Жилище юности безпечной,
Просши, уединенный кровъ,
Гдѣ годы мчались быспрошечно
Среди забавъ и средь шрудовъ:

*

*) См. VII Но *Благонамѣреннаго*, сшран. 277.

Прости, безцѣнная обитель
 Гдѣ насъ, какъ мать, въ сѣмьѣ своей
 ЦАРИЦА, АНГЕЛЪ нашъ ХРАНИТЕЛЬ,
 Ласкала милыхъ ЕЙ дѣшей. „

И всѣ почти заплакали. Многія изъ посѣщительницъ и посѣщителей не могли удержаться отъ слезъ.

Но вотъ загремѣло Польское; дѣвочки спали къ споронѣ; входящія малюпки по двѣ въ рядъ; впереди шли самыя маленькія и одна изъ нихъ насмѣющаяся крошка, копорая важнымъ своимъ видомъ обратила на себя вниманіе всѣхъ. Это была дочь почтеннаго и знаменитаго нашего артиста *Графа Ф. П. Толстаго*. За Польскимъ послѣдовала *Альманъ*, за *Альманомъ* *Козачекъ*, послѣшаго *Мазурка*, *Провансіаль* и наконецъ *danse générale*. Танцовали очень хорошо, но Г-жа Жукова, можно сказать, удивила всѣхъ необыкновеннымъ своимъ искусствомъ, шлануя шаль. Танцованію обучаетъ Г-жа *Шеллаева*.

Экзамень кончился въ 12 часовъ — но я и не думаю еще кончить моего посланія, хотя оно довольно уже длин-

но. Теперь же скажу тебѣ только имена самыхъ отличныхъ воспитанницъ по *азбучному* порядку.

1. Александра Григорьевна Вансовичъ.
2. Софья Васильевна Жохова.
3. Александра Егоровна Жукова.
4. Варвара Тимофьевна Карашаева.
5. Марья Александровна Лангень.
6. Евгенія Федоровна Ладыгина.
7. Анна Александровна Назимова.
8. Любовь Николаевна Перфудьева.
9. Серафима Ивановна Сыпенская.
10. Александра Ивановна Херсонская.
11. Баронесса Варвара Антоновна Шайппенбахъ.

Одиннадцать изъ *двадцати* *трехъ*! Почти половина! Хорошо, если гдѣ изъ учащихся и претія часть окажетъ отличные успѣхи.

(Окончаніе въ слѣд. N°)

НА РАЗЛУКУ.

(КѢ Н. Н.)

Какъ въсперъ полевой опавшими лисшами
 Играешъ на лугахъ по прихоши своей,
 Такъ водить насъ судьба вдоль жизненныхъ
 пупей:
 Въ невольномъ спранспивіи не вѣдаемъ мы
 сами,
 Куда лежишь нашъ пупъ и что въ дали насъ
 ждешь.
 Минувные друзья подъ кровомъ безмящеж-
 нымъ
 Мы все нашли, что жизнь прекраснаго даешъ—
 И кругъ разрозненъ нашъ, гдѣ счасътемъ не-
 надежнымъ
 Судьба повеселишь на мигъ хотѣла насъ!
 Въ дорогу новую и съ новымъ ожиданьемъ
 Какой опъ прошлаго намъ взяшь съ собой
 запасъ?
 Пускай, бесѣдуя съ нѣмымъ воспоминаьемъ,
 Мы тайно сохранимъ хоть призракъ прош-
 лыхъ дней—
 И наши радости, чухъ слышимо провѣя,
 Мелькнушь намъ въ воздухѣ опяшь шолпой
 своей:
 Такъ пушикъ часшо пьешъ на бархашъ полей
 Воздушный аромашъ, гдѣ ошцвѣла лилея.

2 Февраля 1822.

П. П.

Статви изъ иностранныхъ газетъ.

Въ Парижскихъ *Petites affiches* помѣщено слѣдующее протососердечное объявление: “пошребенъ искусный Химикъ, умѣющій приготавливать Шампанское, Мадеру и Аликанше,,

---

Издавна уже Французы, ввели въ обыкновеніе обращать имена народовъ въ насмѣшку, или ругательство, и это обыкновеніе перешло даже отъ нихъ и въ другіе языки. Такъ *Мирлидономъ* называютъ они малорослаго карлика, или умника, кошорый все хочешь знаешь, а на дѣлѣ не знаешь ничего.— *Жидъ* есть у нихъ ростовщикъ, отдающій деньги подъ закладъ, и вообще челоуѣкъ, разбогачившій отъ неопозволительныхъ, низкихъ средствъ; они говорятъ: *riche comme un Juif.*— *Арабъ*, въ ихъ иносказательномъ смыслѣ, есть жестокой, немилосердый скряга, гошовый мучить всѣми способами для полученія своего долга.— *Гасконцы* извѣстны уже всѣмъ какъ большіе хваспуны. — Жители *Мелюня*, *Бужа*, *Лиложа* и пр. считаются проспяками (какъ у насъ *Пошехонцы*)— *Сибаритъ* означаетъ сластолюбца, изнѣженнаго, женоподобнаго мужчину.— *Англичане* пакъ долго и пакъ часто обирали Французовъ, что подъ симъ именемъ разумѣютъ они самыхъ корыстолюбивыхъ людей. *Il est fort comme un Turc*, говорятъ

они: (онъ силенъ какъ *Турокъ*) но также: c'est un Turc, значить у нихъ челоѣка жестокаго, неумолимаго, и traiter quelqu'un de Turc à Moge—не давашь ни малѣйшей пощады.—*Нѣмцовъ* счищаютъ они большими спорщиками: ce sont des querelles d'Allemand, говоряшь про пустые споры о бездѣльныхъ вещахъ.—*Грекъ* есть шонкій, хитрый обманщикъ; *Швейцаръ* — придверникъ, *Савояръ* — шрубочисшь, чиспильщикъ сапоговъ, и ш. п.— Въ сихъ значеніяхъ внесены слова сіи и въ ихъ словари.—(Courcier.)

Въ Аррасскихъ газеткахъ помѣщено слѣдующее объявленіе: «Нѣсколько Капитановъ, Арраскаго гарнизона, молодые люди отъ 30 до 34 лѣтъ отъ роду, видные собою, образованные и изъ хорошихъ фамилій желаютъ женишься на дѣвушкахъ отъ 20 до 25 лѣтъ. Онѣ должны бытъ равномерно не дурны собою, хорошо воспитаны и имѣть отъ 1500 до 3000 франковъ годоваго дохода. Адресы ихъ просятъ присылашь въ франшированныхъ *) письмахъ. На скромность могутъ смѣло положиться. (Miroir.)

Россини, споль удачный въ подражаніи, получилъ кучу водевилей для положенія ихъ

*) То есть заплаша за пересылку письма при подачѣ омаго на почтѣ.

на музыку. Онъ избралъ изъ нихъ: Собаку *Монтаржиса*, гдѣ въ увершюрѣ между прочимъ весьма искусно помѣщенъ будещъ громкій лай спая собакъ. (Cour. de Spect.)

~~~~~

Письмо къ Издателю.

Читая *V* ю книжку вашего Журнала, по всѣмъ отношеніямъ *Благонамѣреннаго*, я былъ удивленъ похвалою, мнѣ непринадлежащею, за изданіе *Опыта о Новгородскихъ Посадникахъ*. Уклоняясь опѣ сей чести, обязанностію представляю извѣстивъ васъ, М. Г., что Сочинитель *Опыта*, одолженный щедрошамъ и вниманію Государственнаго Канцлера Графа Николая Пешровича Румянцова своимъ образованіемъ и любовію къ историческимъ занятіямъ, окончивъ похвальный трудъ свой въ Гомель, подъ руководствомъ Его Сіятельства, по скромности, скрылъ свое имя. Ревностный и попечительный мой Начальникъ Его Превосходительства Алексѣй Федоровичъ Малиновскій, получивъ рукопись опѣ Графа Николая Пешровича, ввѣрилъ мнѣ напечатаніе сего полезнаго сочиненія, къ которому опѣ страницы 293 по 310, съ одобренія моего начальства, я присоединилъ только мои дополненія.

Примите при семъ увѣреніе, и проч.
 Москва. Константинъ Калайдовичъ.
 13 Февр. 1822.

~~~~~

ТРИОЛЕТЪ.

(Въ альбомѣ Е. А. Т....вой.)

Какъ жаль, что не знакомъ я съ вами!
 Всѣ шакъ согласны васъ хвалишь,
 Всѣ шакъ согласны васъ любилъ—
 Какъ жаль, что не знакомъ я съ вами!
 Какъ шакъ умѣшь любезной бышь,
 Чшобъ чувства всѣ соединилъ
 И всеми управлялъ сердцами?
 Какъ жаль—но къ счастью, можешь бышь,
 Чшо не знакомъ я съ вами!

И. Великопольскій.

~~~~~

ВЪ АЛЬБОМЪ П. Н. А.

Всѣ люди чувствами привыкли увлекашся.
 Сначала думалъ я: легко васъ выхваляшь:
 Но взялся за перо и принужденъ признашся,
 Чшо не всегда себѣ должны мы доврять.
 Иль я дурной Поэшь, иль вы всего милѣе,
 Чшо можешь похвала придашь просимъ
 словамъ?
 Обиднобъ въ первомъ мнѣ сознашся было
 вамъ —
 Но къ счастью моему послѣднее вѣрнѣе.

И. Великопольскій.

~~~~~

Ш А Р А Д Ы.

1.

Начальное мое—Жуковскаго шворенье:

Онъ новый лавръ имъ приобрѣль —
Прочель его Зоиль, прочель и онѣмѣль.
Второе говоримъ, любя благошворенье;
На *цѣлолѣ* по шрудахъ найдемъ успокоенье.

2.

На *перволѣ* ежели красавиць много ешь,
Забудешь даже все—забудешь пипь и ѣшь,
Трудишься до упаду,
И за работу всю улыбки ждешь въ награду.
Но если и успалъ, вздремалъ, по копильонъ—
Риспалище любви—прогонишь мигомъ сонъ.
Второе же въ игрѣ, чернь коей веселился.
На *перволѣ* кпо вспошѣль, на *всемѣ* пошь
освѣжишься.

М—лѣ Я—вѣ.

~~~~~

(Шарада, напечатанная въ VIII N^о, значишь *су-да-кѣ*.)

~~~~~

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1822. N° X.

ДВА ПОРТРЕТА *).

Leur affectation couvre, avant dix huit ans,
Des frimas de l'hiver les roses du printems.
Pope.

Нѣсколько недѣль назадъ племянница моя Софія вышла изъ пенсіона и появленіе свое въ свѣтъ начала поѣздкою на берега озеръ Шотландскихъ. Она прекрасная дѣвица, но удаленіе отъ свѣта придало ей какое-то романическое разположеніе, кошорое очень много вредишь моей Софіи.

Брашъ мой не хотѣлъ познакомиться ее рано съ удовольствіями свѣта и по смерти его опекунь, согласуясь съ видами отца, держаль ее до осьмнадцати

---

*) Чипано въ Общесствѣ любителей Словесности, Наукъ и Художествъ 23 ч. сего Февраля.

лѣшь въ пенсіонѣ. Во время вакацій она всегда уѣзжала въ деревню въ Графствѣ Норингемберландскомъ. Чтожь изъ того вышло? То, что во всей природѣ знаетъ она только лѣса, озера, горы, и живописные мѣстоположенія. Она помрачила разумокъ свой чтеніемъ всѣхъ романовъ, которые только могла достать, отъ чего въ головѣ ея остался осадокъ сепименпальныхъ бредней.

Одѣвается она весьма странно: всегда старается подражать героинямъ Греческимъ и Римскимъ, или пѣмъ, о которыхъ читала въ романахъ. Иногда бываетъ она Элоизою, въ другой разъ Каролиною Лихтфильдъ, или прекрасною Роземондою — лицомъ историческимъ, появляющимся не въ одномъ рыцарскомъ романѣ.

Забавы ея состоятъ въ томъ, что при блѣдномъ свѣтѣ задумчивой луны она прогуливается по рощамъ, по горамъ, близь тихожурчащихъ ручейковъ; заставляешь эхо повторять шумные звуки жалобной Музы; декламируешь трагическіе стихи; читаешь какойнибудь сладкой романъ подъ шѣнію спо-

лѣшняго дуба; прикадываетъ къ груди полевые цвѣты и плачетъ надъ ними, когда они завянутъ; или, желая походить на Спернову Марію, привяжетъ на шею барашка голубую ленту, и — въ задумчивости — пасетъ его на лужайкѣ.

Всѣ эти глупости лишили ее свѣжести лица, которое украшалось прежде рѣзкими юности, и придали ей какой-то мрачной и разсудительной видъ, отрицающей у нее половину ея прелестей.

Въ разговорѣ ея безпрестанно слышишь мѣста, приведенные изъ писателей разныхъ народовъ, но въ которыхъ всегда видны опшѣнки энтузіазма, любви, задумчивости и чувствительности. Жесты, положенія, игра лица — все въ ней принужденно, все выучено, все шапально. У ней видишь только глаза, орошенные слезами, томную улыбку, грудь, волнуемую вздохами, голову, задумчиво понижающую. Нервы ея столь нѣжны, ощущенія столь живы, органы столь чувствительны, что незапно отворяющаяся дверь производитъ въ ней электрическое содрясеніе; перо, лепящее по воздуху приводитъ ее въ трепель;

малѣйшій взглядъ заспаиваетъ покраснѣть. она безпреспанно въ ужасномъ шомленіи, или въ восторгѣ.

У ней были двѣ подруги, шакже, какъ и она, зараженныя романобѣсіемъ. “Эшо говорила Софія, подруги моего сердца, повѣренныя всѣхъ тайныхъ моихъ помышлений, души, гармонирующія съ моей душою, другія я; ихъ предпочитаю я всѣмъ благамъ жизни.,” Несмотря на эшо, она съ обѣими поссорилась: съ одною за то, что ша вышла замужъ, не изливъ въ душу ея нѣжныхъ ощущеній своего сердца; съ другою, за то, что она смѣялась надъ элегією, копорую племянница моя написала по случаю увядшей-незабудки.

Три раза уже сердце ея было пронупо, но кромѣ подругъ своихъ она никому не открывала эшой тайны. Первый предметъ ея нѣжности женился на другой; впорый былъ убитъ на поединкѣ; шретній, попавшись за долги въ шюрьму, потерялъ изъ виду прекрасную незнакомку, копорая изъ оконъ своего пенсіона, нѣжными взглядами опшвѣчала на шпрасшные его вздохи; и она принуждена была перейти съ кварширы,

не узнавъ объ участи своего Адониса. Долго не могла она ушѣвшишья и вскрикивала часпо:

Lasciate m'è in pace, ò duri miei pensieri!

Наконецъ, въ пупешествіи своемъ къ озерамъ, она имѣла счастіе познакомиться съ Миссъ Машильдою Моншегю Мандевиль, дѣвушкою споль же смѣшною, споль же принужденною, споль же романическою, какъ и она сама. Одно уже имя предупредило Софію въ ея пользу и, говоря ея словами, эпо былъ кропкій Зефиръ, вѣющій на куспъ фіалокъ. Онѣ увидѣлись, полюбились и поклялись въ вѣчной дружбѣ.

Les yeux parlaient aux yeux, l'ame parlait à l'ame.

По сходству чувствованій онѣ обѣ имѣли одно сердце. Эпо, какъ говоришь моя племянница, союзъ чувствъ, незнающій другихъ узъ, кромѣ нѣжности и природы.

Чпо касается до меня, по мнѣ кажешся, чпо эши двѣ дѣвицы соспавлены изъ веществъ, слишкомъ легко возпламеняющихся. Онѣ говоряшь, чпо о-

чень хорошо умѣють любить и потому, никогда не выдутъ замужъ, и что если избранный ими человекъ не будетъ обожать ихъ, то бракъ покажется имъ продолжительною смертію: мало найдется людей, которые бы умѣли цѣнить эту тонкую нѣжность, этою энтузіазмъ привязанности, эти порывы страсти, столь нѣжные и чувствительные ощущенія, удовольствіе, столь близкое къ печали.

Пиша сіи строки, не могу я не пожалѣть о бѣдной моей племянницѣ. Конечно, можетъ быть, опасно слишкомъ рано выпускать дѣвицъ въ свѣтъ; но Софія, проживши до осмнадцати лѣтъ въ мракѣ пенсіона, также не много выиграла: отъ чтенія романовъ получила она ложную идею о свѣтѣ, странный характеръ и не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о должностяхъ, приличныхъ ея полу и сословію; можно держать сто противъ одного, что она попадетъ въ сѣти какого нибудь сладострастнаго Поэта, или Актера, выдетъ по склонности замужъ, или—обманутая въ своихъ надеждахъ—лишится и послѣдней

искры разсудка и кончишь жизнь свою въ домъ сумашедшихъ.

Той же участи подвергнешся вѣроятно и Миссъ Мапильда Монпегю Мандевилъ, кошорой состояніе столь посредственнo, что безъ моей племянницы, она давно бы уже всступила на театръ, коша нисколько не имѣеть дарованій, нужныхъ для того, чтобъ быть хорошею актрисой. —

Надѣюсь, что чашапельямъ моимъ не будешь неприятно, если къ сей, къ несчастію, слишкомъ справедливой картинѣ, я присоединю описаніе другаго смѣшнаго характера, нерѣдко встрѣчающагося въ обществѣ.

На эгихъ дняхъ узналъ я, что сынъ стараго моего друга, Доктора Дрюджа, приѣхалъ въ Лондонъ—и пошчасъ пошелъ къ нему. Я много почишалъ отца, кошорый былъ человекъ умной и честной, и пошому хотѣлъ сдѣлать для сына все, что шолько было въ моей власпи.

Трудами и прилежаніемъ Докторъ приобрѣлъ довольно хорошее состояніе и съ годъ назадъ оставилъ этого сына единственнѣмъ по себѣ наследникомъ,

пошому, что у него никогда не было других дѣшей, а жена давно уже умерла. Любя своего сына, онъ ничего не упустилъ для того; что бы дасть ему блестящее воспитаніе. Другъ мой желалъ, что бы онъ зналъ все, а Фредерикъ имѣлъ жажду къ ученію, которая совершенно согласовалась съ желаніемъ его родителя; но онъ былъ споль въпренъ, что едва получивши нѣкоторое понятіе о какой нибудь наукѣ, или о какомъ нибудь искусствѣ, пошчасъ переходилъ къ другимъ, а пошому думалъ, что все знаешь и между шемъ не зналъ ничего.

Недѣли при назадъ онъ окончилъ науки и вышелъ изъ Университета въ званіи Баккалавра. Не походя на шѣхъ модныхъ молодыхъ людей, которые въ Оксфордѣ, или Кембриджѣ учапся только ѣздишь верхомъ, пишешь, играешь и заводишь интриги, Фредерикъ провелъ всю жизнь свою въ чпеніи и ученьи; но онъ читалъ безъ выбора и учился безъ метода: зналъ поверхностно всѣ науки, всѣ искусства; но все эшо было смѣшано и въ головѣ его царствовало шакон

же беспорядокъ, какъ при сполпошвореніи Вавилонскомъ. Прибавивъ къ эшому большое количество самодовольства, самолюбія и педантизма, можно будетъ получить точное понятіе о характерѣ этого молодого человѣка, и тогда надобно будетъ согласишься, что онъ довольно спранень.

Ему непременно хочется быть членомъ Парламента, орасторомъ, писателемъ, поэтомъ, выдумать новую теорію, однимъ словомъ слыть ученѣйшимъ человѣкомъ нашего вѣка. Читатели сами могутъ видѣть, имѣетъ ли онъ нужные для сего средства и вѣроятно ли, что бы онъ въ эшомъ когда либо успѣлъ; а я расскажу имъ первое мое свиданіе съ нимъ; оно изобразитъ его лучше, нежели цѣлый томъ описаній, разсужденій, доводовъ и доказательствъ.

Я зашелъ его въ кабинетъ: онъ сидѣлъ передъ огромнымъ столомъ, на которомъ съ одной стороны лежала Испанская Грамматика; съ другой черепъ собаки. Вокругъ его были разложены линѣйки, компасы, математическіе инструменты, колбы, репоршы, шигели,

книги и рукописи. Онъ держаль въ рукахъ *Описание Персіи*. Въ двухъ углахъ комнашы сидѣли два иносстранца: одинъ писаль, а другой дѣлаль глиняный бюстъ.

Увидя меня, поспѣшно онъ вспаль, поклонился и сказалъ съ улыбкою: "*Salam! Salam!* достпойный и давнишній другъ покойнаго моего башюшки; я не нахожу словъ, чшобы выразишь вамъ мою радостъ. *Se seda, Signor!* Покорно прошу садитесь; подвиньшесь къ молодому челоувку, кошорый всегда съ благодарноспію воспоминаешъ, чшо онъ на зарѣ жизни часшо сиживаль у васъ на колѣнахъ. Каково ваше здорovie? Каковы нервы? Надѣюсь, чшо нѣшь припадковъ Ипохондріи, диспепсіи? Каково въ области легкаго? Въ хорошемъ-ли соспоянїи кровоносные сосуды и экономія мускуловъ? О! я увѣренъ, чшо все шакъ какъ должно. Физическая часпъ у васъ шакже здорова, шакже сильна, какъ у молодаго челоувка, и моральная не менѣ совершенна. *Mens sana in corpore sano*. Скажише мнѣ *quid agis?* Чемъ вы обыкновенно занимаешесь? Философією шеоретическою, или пракшическою, Зо-

ологією, Минералогією, Геологією, Меша-физикою, Нравственностію, Анапомією, Филологією, Словесностію? Я много объ вась наслышался. Знаю, что вы *un savant*, человекъ *de virtû*, одинъ изъ *cognoscenti*, изъ *dilettanti* нашего вѣка, одинъ изъ защитниковъ *du bon goût.*.,

Насилу опдохъ я опъ эпой рѣчи, наштиговаанной Турецкими, Испанскими, Лашинскими и Французскими выраженіями; но едва только сказалъ нѣсколько словъ, какъ онъ оцашъ началъ говоритъ.

“Ну сударь, сказалъ онъ мнѣ, како-во идушъ дѣла политическіе! Хороши были послѣдніе выборы! Это шагъ къ олигархіи, къ демокрашіи. У насъ, кажется, хошашъ учредишь республику *don libre*, какъ говоритъ Моншескіе. Видише какова наша свобода! Вѣшь на-стоящая-то. *libertas qui in vitium excidit*. Шшыки все уладяшь. Чемъ кончашся всѣ наши выборы? Одному вывихнушь руку, другому сломаюшь ногу, прешь-ему выцарапаюшь глаза — и больше ничего! Да впрочемъ вездѣ одинаково. Посмотрише на переворошы во Фран-

ціи, въ Голландіи и колоніяхъ. *Odi profanum vulgus!* Демагоги заражаюшь народный духъ, уповаюшь слабыя головы пѣною, своихъ рѣчей; и воспламенивши *il popoloaccio*, осправляюшь ее чувству собственнаго, ничтожества. Такимъ образомъ

Belle parole e certi fatti

Ingannano savj e matti.

“Ксташи о выборахъ, безъ нихъ Лондонъ сдѣлался бы пустынею. Вся западная часть кажется *temento mori*, наспоящая *rus in urbe*. Трава расщепъ по улицамъ и рѣдко, рѣдко увидишь, койгдѣ экицажъ. Вы видите, сказалъ онъ, показывая мнѣ рѣзныя вещи, лежавшія на сполѣ, видите чѣмъ я занимаюсь. Химія, Анапомія, Геологія, Испорія. *Su servidor; viva uestea muchos annos*, сказалъ онъ челоуѣку, кошорый въ углу писалъ и уходя опдалъ ему какую-то бумагу. Это мой учипель Исцанскаго языка: онъ приготавлиалъ мнѣ шему; а эшопъ Ишалиянскій художникъ дѣлаепъ мой бюсшь. Черепъ сей принадлежалъ одной

весьма умной собакой. Я хочу разсмотреть его строение.,,

В это время слуга подал ему письмо. “Нельзя ничего глупее этого человека, сказала она мне; но я держу его у себя для того, что делаю над ним опыты. Она глуха, как Тарпейская скала; но я надеюсь вылечить его магнетизмом и электричеством. С вашего позволения, друг мой, сказала она распечатывая письмо. А! мне обещаешь показать опыты Вольтова столба. Это должно быть весьма любопытно. Я знаю его теорию, потому что надобно все знать, начиная от первых правил Арифметики до вычислений солнечной и лунной системы. Ксаши о солнце, Принц спремился к нему скорыми шагами: Министры владеют всем в Парламенте. Скоро эти полубоги будут приказания свои подписывать: *Такова наша воля!* — Это будет *θεσυ δέτελειστο σβληη*. Что же делается с нашей Хартией? Не знаю. Но, á propos, как всё во Франции обездумли! Со всем нельзя силы. Там всеобщий парадичь.,,

Боясь, что бы ему не вздумалось обойти вокруг свѣта и взять меня съ собою, прервалъ я его и спросилъ какъ онъ намѣреваеться жить.

“Вонъ мой планъ, сударь, ошвѣчалъ онъ: сначала намѣренъ я объѣхать всю Европу и осмопрѣшь Греческіе острова. Постараюсь сдѣлаться членомъ, или корреспондентомъ всѣхъ иностранныхъ Академій, что бы послѣ своего имени наполнять цѣлую страницу одними шишулами. Потомъ издамъ описаніе моего путешествія, напечатанное на хорошей бумагѣ въ 8, съ порпешомъ моимъ въ древней одеждѣ, выгравированнымъ какимъ нибудь иностраннымъ художникомъ. Посвящу его какому нибудь знашному. Въ заглавіи поставлю два эниграфа, одинъ Греческой, другой Еврейской, и напишу предисловіе, въ которомъ разхваляю Едимбургскихъ журналистовъ, вознесу ихъ *usque ad sidera*. Сдѣлаю вдругъ при изданія и буду давать обѣды знашнѣйшимъ Лондонскимъ книгопродавцамъ. Прославясь симъ швореніемъ, постараюсь я сдѣлаться членомъ Парламента; а достигши этой

спешени, могу уже смѣло печашашъ все, что мнѣ вздумается. Я увѣренъ, что со временемъ сдѣлаюсь моднымъ авшоромъ. Сидя въ моемъ *Tusculum*, ошкрою какую нибудь новую систему, копорой дадѹшь мое имя, и копорая меня обезсмертишь. Когда же все это совершится, тогда время будешь подумашъ и о

Ducere sollicitae iucunda oblivia vitae.

Тогда — удалюсь въ деревню и шамъ окончу жизнь въ объшпяхъ Музъ.,,

Таковы предположенія молодого моего чесплюбца. Чипашели мои могушь изображение сіе почестъ разкрашеннымъ, но увѣраю ихъ, что оно справедливо. Въ продолженіи моей жизни много я видѣлъ спранныхъ предметовъ и нашель не одного еще челоуѣка этого сорта. Ешть фанапики всякаго рода: полишическіе, піишическіе и метафизическіе; любовь и свободные искусствва имѣюшь также своихъ фанашиковъ. Всякой знаешъ *il Fanatico per la musica*; можно бы также, взявъ молодого друга моего за оригиналь, написашъ довольно хоро-

шую Комедію. подъ названіемъ: *il Fanatico per la scienza.*

(Изъ *L'Hermitte de Londres.*)

Откинѣ.

ИСКУСТВО ПИСЬМА.

Искусство выражаешь мысли письмомъ, Бребефъ опредѣляешь слѣдующимъ образомъ:

Cet art ingénieux

De peindre la parole et de parler aux yeux,
Et par des traits divers de figures tracées
Donner de la couleur et du corps aux pensées.

Способъ даваешь мыслямъ цвѣтъ и вещественность, или, просто сказаешь, осуществляешь мысли, говоришь Цилія, умная Перувианка, производися перомъ посредствомъ черченія маленькихъ фигуръ, копорыя называють *буквами*, на веществе бѣломъ и шонкомъ, называемомъ *булагою*. Сія фигуры имѣють и-

мена, а сіи имена, будучи смѣшаны вмѣстѣ, выражаютъ звуки словъ.

Разсмотримъ съ Г. Варбюршономъ, начало сего удивительнаго искусства, его различные роды и его возрастающіе успѣхи (видоизмѣненія—*changemens progressifs*) до изобрѣненія буквъ. Это самый занимательный предметъ для наблюдателя — философа.

Мы имѣемъ два способа сообщать свои мысли: первый звуками, второй черченіемъ фигуръ. Въ самомъ дѣлѣ случаи передавать мысли свои попомощву или сообщать ихъ особамъ, находящимся въ дальнемъ отъ насъ разстояніи, представляющая намъ довольно часно; и какъ звуки не могутъ, распространяться долѣ той минушы, въ копорую они произносятся и далѣ того мѣста, въ коемъ произносятся: по вообразивъ звуки, вымыслили фигуры и почерки (*figures et caracteres*), на пошъ конецъ, что бы мысли могли существовать и во времени и въ пространствѣ.

Сей способъ сообщенія мыслей знаками и фигурами состоялъ сначала

въ томъ, что вещи рисовали точно такими, каковыми онъ въ природѣ находясь, напр: если желали выразить понятіе о человѣкѣ, или о лошади, представляли наружность того, или другой. Ипакъ первый опытъ *письма* былъ, какъ видно, простая рисовка; слѣдовательно живопись извѣстная стала прежде письма.

Очевидное доказательство сему находимъ мы у Мексиканцевъ. Они, кроме живописи, другаго средства не употребляли ни для изложенія законовъ, ни для Исторіи. Читайте путешествіе около свѣта Гемелля Каррери; Естественную Исторію и Исторію обѣихъ Индій Р. Акоса; путешествіе Тревената, и друг. соч.

И понынѣ еще остается весьма любопытный образецъ такового *письма* живописью, составленный однимъ Мексиканцемъ и объясненный имъ на своемъ языкѣ, когда Испанцы научили ихъ буквамъ. Сіе объясненіе было переведено на Испанскій языкъ, а съ онаго на Англійскій; Пурха выгравировалъ Исторію Мексиканской Исторіи и также

присовокупилъ къ ней подобное объясненіе. Полагашь можно, что первый опшискъ сей Испоріи хранится въ библіошекѣ Французскаго Короля.

Вопшъ первый и съ шемъ вмѣспшъ самый проспѣйшій способъ, предспавлявшійся всѣмъ людямъ къ осуществленію своихъ мыслей для попомспва.

Но неудобство, послѣдовавшее опшъ ужасной величины книгъ въ подобныхъ сочиненіяхъ, вскорѣ привело народы опстроумные и образованные къ изобрѣшенію крапчайшаго способа. Славнѣйшій изъ всѣхъ, наименованный *гіероглифическимъ*, изобрѣшенъ Египтянами. Симъ средспвомъ *письмо*, бывшее у Мексиканцевъ не инымъ чемъ какъ профшою живописью, сдѣлалось у Египтянъ живописью и почеркомъ (*caractère*), что собешвенно соспавляетъ *гіероглифъ*. См. Энциклоп. слова: *hieroglyphe* и *l'art suiv. Ecriture des Egyptiens*.

Такова была первая степень усовершенспвованія, приобрѣшенная симъ грубымъ способомъ сохраняшь понятія человѣческіе. — Въ употребленіи были при различные образа оной, кошорые,

судя по природѣ вещей, доказываютъ, что они изобрѣшены поспешенно.

Первый способъ состоялъ въ представлении первоначальныхъ обстоятельствъ вмѣсто всего происшествія, на примѣръ: когда Египтяне намѣревались дать понятіе о двухъ сражающихся арміяхъ, то представляли двѣ руки, и въ одной изъ оныхъ щипъ, а въ другой лукъ. Такъ по крайней мѣрѣ видимъ мы въ іероглифѣ д'Ораполло, семь удивительномъ остаткѣ древности.

Второй способъ, придуманный замысловатѣе, состоялъ въ томъ, что изображали вмѣсто самаго предмета, настоящее орудіе онаго, или такое, которое иносказательнымъ образомъ давало объ немъ понятіе. Око и скиптръ представляли Монарха; мечъ—жестокаго тирана Оха; корабль съ кормчимъ—управленіе свѣтомъ.

Наконецъ сдѣлали болѣе: для изображенія одной вещи, представляли другую, въ которой находили какое нибудь подобіе, или отношеніе съ первою, и это былъ *третій способъ* употребленія такого письма. По сему змѣя, согнутая

въ кольцо, означала — міръ, а пестроша ея пѣшень — звѣзды.

Первымъ предметомъ ихъ, кои изобрѣли живопись гіероглифическую (reinture hieroglyphique), было стараніе сохранити въ памяти происшествія и сдѣлать извѣстными законы и все то, что имѣло отношеніе къ дѣламъ общественымъ. По сей причинѣ вымыслили *символы* (т. е. такіе виды, коими что нибудь означалось), относящіяся до нуждъ общественныхъ и произведеній, въ особенности Египетскихъ. Напр: для Египтянъ весьма нужно было знать возвращеніе, или продолженіе вѣтра Энезіа, который собирая испаренія Египтіа, дулъ подъ конецъ весны съ Сѣвера на Югъ и причинялъ наводненія. Помомъ они имѣли по потребности знать возвращеніе южнаго вѣтра, гнавшего воды въ Средиземное море. Но какъ нарисовать вѣтеръ? — Для сего избрали они пшпцу: копчикъ, направлявшій полетъ свой къ полудню, для перемѣны тамъ своихъ перьевъ при возвращеніи жаровъ, былъ символомъ вѣтра Энезіа, дувшаго съ Сѣвера на Югъ; аистъ же, прилепавшій

изъ Эѳіопіи искапъ червей, зараждавшихся въ илу послѣ паденія воды въ Нилъ, былъ символомъ возвращенія полуденнаго вѣтра, сгонявшаго воды въ море. Сіи примѣры могутъ дать понятіе о *символическомъ письмѣ* Египтянъ.

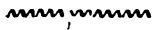
Сіе *символическое письмо*, первый плодъ Аспрономіи, было употребляемо для извѣщеній народа о истинахъ касающихся Религіи, постановленіяхъ начальства и о полезныхъ занятіяхъ; а потому и старались тогда употреблять только такія фигуры, коихъ сходство было понятно всѣмъ вообще. Но способъ сей спановился затруднительнѣе для понятія по той мѣрѣ, какъ Философы начали заниматьсѣ болѣе и болѣе отвлеченными предметами. И лишь только открывали въ вещахъ сокровеннѣйшіе качества, то нѣкоторые Философы, или почиая ихъ бесполезными для общаго свѣденія, или и желая сокрыть познаніе оныхъ отъ народа, признали за лучшее представлять ихъ почеркомъ фигуръ, коихъ отношеніе къ вещамъ было извѣстно имъ однимъ. Въ печеніи нѣкотораго

времени ограничивались употребленіемъ фигуръ, коихъ свойство представляло тѣ вещи, вмѣсто копорыхъ онѣ были употреблены; но въ послѣдствіи сіи фигуры показались неудобны, да и число ихъ недоспащочно, для представленія множества понятій, составляемыхъ воображеніемъ ихъ. Поэтому вымыслили они свои іероглифы, собраніе вещей таинственныхъ и различныхъ, или частей живошныхъ; что сдѣлало сіи фигуры совершенно загадочными.

Наконецъ обычай изъяснять мысли свои фигурами сходственными (analogues), и намѣреніе сдѣлать изъ того иногда таинство, заставило самые состоянія существъ самобытныхъ представлять въ видахъ ощупительныхъ. Опкровенность изображали — зайцемъ, нечистоту — козломъ, безстыдство — мухою, науку — муравьемъ. Однимъ словомъ, выдумывали символическіе знаки для всѣхъ понятій, неимѣвшихъ формы или вида; и въ таковыхъ случаяхъ довольствовались нѣкоторымъ только отношеніемъ. До сего способа дошли

уже тогда, какъ спали давашь названія поніяпіямъ опвлеченнымъ.

(Оконганіе вѣ слѣд. N^o)

НА ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ МОЕЙ ДОЧЕРИ.

Сегодня годъ, какъ шы родилась,
Людмила, другъ души моей,
Сегодня годъ, какъ восхишилась
Я снова жизнью своей.—

*

Къ тебѣ, Творецъ премилосердный!
Въ моемъ восторгѣ я лечу:
Внемли опъ сердца гласъ усердный,
Внемли, о чемъ просишь хочу.

*

Продли ей жизнь—и непрерывнымъ
Ее здоровьемъ награди;
Пушемъ опъ счасстья неопрывнымъ
Своею благоспівю веди.

*

Разсудокъ дай ей справедливый,
Исполни сердце доброшой,
Чшо бы на свѣшъ взирала льспивый
Не съ злобой и ме съ проспошой.

*

Чтобъ взоры каждаго плѣняла,
 Но не красавицей слыла;
 Другихъ во всемъ бы извиняла,
 Къ себѣ самой спрогабъ была.

*

Дай, Боже! ей спезю прямую,
 Душею нѣжной надѣли,
 И добродѣшель ей свящую
 Первѣйшимъ благомъ чшишь вели.

*

Коваршвабъ, лесни удалилась,
 Прямое дружештвобъ нашла;
 Чшо бы любви слѣпой спрашила:
 Она всего ешь корень зла.—

*

Людмила, другъ мой! дай мнѣ слово.
 Чшо будешь спрасши убѣгашь;
 Мое взысканіе сурово!
 Но слушай, чшо хочу сказаць:

*

Люби, любовью ушѣшайся...
 Безъ чувсшва можноль въ свѣшѣ жишь?
 Но шолько, милая, спарайся
 Людей узнать и различишь.

*

Тебя хвалишь кшо слишкомъ будешь,
 И въ нѣжной спрасши увѣряшь,

Повѣрь, что скоро пошь забудешъ,
 Пойдешъ другимъ пошь повпоряшь.

*

Такихъ какъ можно удаляйся,
 И сердце скрой ошь словъ пуспыхъ;
 Начнушь ли кляспься—не ввѣряйся!
 Чшо въ кляшвахъ? Правды нѣшь у нихъ!

*

Но если же кого шы вспрѣпишь
 Съ душой открышой и проспой,
 Въ комъ сердце доброе замѣпишь,
 Кшо чшишь любви законъ свяшой,

*

Кшо не наружность полько любишь,
 И кшо шебъ не спанешъ льспишь:
 Вошь эпошь понадежнѣй будешъ!
 Его совѣшую любишь.

*

Твое въ немъ счастье полагаю,
 Ему ввѣряю швой покой;
 Какъ машь и другъ благословляю—
 И вѣкъ спокойно кончу мой.

Марья Даргомыжская.

СОЛОМОНЪ ВЪ СТАРОСТИ .

(Изъ Гердера.)

Соломонъ, въ возмужалыхъ лѣтахъ, столько ослѣпленъ былъ сластолюбіемъ, богатствомъ и почестями, что забылъ Мудрость, подругу своей юности, и покорилъ сердце свое всѣмъ оболъщеніямъ.

Однажды, прогуливаясь въ великолѣпномъ саду своемъ, услышалъ онъ разговоръ распеній и живописныхъ, кощорый ему былъ понятенъ и преклонилъ слухъ къ словамъ ихъ.

“Посмотри въ какомъ нарядѣ и какъ гордо проходишь мимо меня Царь, сказала лилея, а я смиренная наряднѣе его., — И пальма пошевелила вѣтвями и сказала: “Вопь идець припѣснишель страны своей, и его величаютъ пальмою! Гдѣжь его плоды, его вѣтви, которыми онъ прохлаждаетъ людей?., — Онъ пошелъ далѣе и услышалъ голосъ соловья, кощорый пѣлъ своей любезной: “какъ мы любимъ другъ друга, шакъ не любишь Соломонъ, такъ не будешь любишь онъ ни одной изъ своихъ налож-

ницъ.,—И горлица ворковала своему супругу: “Изъ тысячи женъ его ни одна не будетъ сожалѣть о немъ, какъ я спашу посковашь о тебѣ, мой единственнѣйшій!.,—Въ гнѣвѣ ускорилъ Царь шаги и увидѣлъ гнѣздо аиста, который воспитывалъ птенцовъ своихъ и, собирая ихъ къ себѣ подъ крылья, научалъ летать. “Такъ не поступаешь Царь, говорилъ аистъ птенцамъ, съ сыномъ своимъ Ровоамомъ, и Господь не благословитъ сына его; въ палатахъ, сооруженныхъ Соломономъ, будетъ царствовать пришлецъ. — Тутъ скрылся Царь въ отдаленнѣйшей чертогъ свой и пребылъ въ молчаніи и печали. И когда сидѣлъ онъ, погруженный въ размышленія, незримо предстала предъ нимъ подруга юности его, божественная Мудрость, и коснулась очамъ Соломона. Онъ склонился на лоно глубокаго сна и узрѣлъ плачевную картину грядущаго. Узрѣлъ царство свое раздѣленно; въ десяти опавшихъ угнетаемыхъ племенахъ царствовало пришлецъ. Узрѣлъ зданія свои низпроверженны, увеселительные сады землетрясеніемъ погребенны, градъ опу-

спѣвшій, землю раззоренну и храмъ Божій въ пламени. Съ препеномъ воспрянулъ онъ, и вопшь видимо явилась ему съ слезящими очами подруга юности его и сказала: “Ты зрѣль грядущее, которое самъ предугоповиль. Не въ швоей уже власти перемѣнишь пропекшее; ты не можешь повелѣнь рѣкѣ обратишь къ испоку, юности швоей разцвѣспь снова. Душа швоя ушомлена, сердце изнурено, и я, покинушая шобою въ юности швоей, не могу уже быть тебѣ подругою въ спранѣ земной жизни. Она исчезла, бросивъ взглядъ состраданія, и Соломонъ, увѣнчавшій юность розами, написалъ въ спароспи печальную книгу о суешѣ всего земнаго.

И. Покровскій.

МАЛЬЧИШКА И ОСЕЛЬ.

Басня.

Верхъ умный завсегда возьмешь надъ дуракомъ

И никакое шущь упрямпшо не поможетъ;

Весь свѣшь согласень въ шомъ

И поже доказашь вопшь эша Басня можетъ.

Мальчишка ѡхаль на Ослѣ верхомъ,

И вдругъ Осель подъ нимъ вздурился,
Добробъ ошъ лѣноспи — нѣшъ умничашъ
пустился.

“За чшо—подумаль онъ — по милоспи своей
Мы людямъ шакъ послушны спали?
Приказывашъ всякъ радъ, лишъ полькобъ
волю дали.

И чемъ жѣ изъ ословъ кшо хуже былъ людей?
Мы ихъ сильнѣе,

Да кажешся ничемъ и не глупѣ!.,,
(Всякъ умъ свой мѣряешъ на свой же гла-
зомѣрѣ,

Такъ долго ли промѣришь?

Тому ешъ не одинъ и межъ людыми примѣрѣ,
И Пуспохваловъ нашъ всѣхъ можешъ въ
помъ увѣришь).

“Не спанужъ слушаешься!., сказалъ себѣ Осель,
Ушами длинными повель

И сворошилъ съ дороги.

Мальчишка шянешъ чшо ешъ силъ,
Весь измочалилъ кнушъ, ошбилъ себѣ всѣ
ноги —

Куда шебѣ! Дуракъ какъ къ лѣсу заломилъ,
Самъ чоршъ его не скруцишъ.

И чшожь еще къ шому? — Мальчишка влѣво
нудишъ,

А онъ правѣй идешъ;

Тошъ вправо вздумаешъ, онъ влѣво повернешъ.
Ничшо Осла неймешъ.

Съ Мальчишки пошь рѣкою льешся;
 Успаль ужь навонецъ и бипь,
 И чпожь? За хипросшь
 взялся.

Нужда научишь хипрымъ бышь.

Спаль примѣчашь и догадался,

Чшо дѣлаешь Осель напрошивъ все ему —
 И шпуку выкинулъ какую?

Чемъ правишь къ дому своему,

Спаль правишь онъ со всемъ шупъ въ спо-
 рону другую.

Чемъ кончилось? Осель,

Упрямства своего никакъ не осшавляя,

Къ прошивной споронѣ куда и самъ не зная,
 Все шель себѣ, да шель —

Да къ дому, и пришель.

Тушь дурака къ ворошамъ привязали,

И шакъ въ двѣ палки ошваляли,

Чшо умничашь съ шѣхъ поръ ослы ужь пе-
 респали.

И. Великопольскій.

А Л И Н Ъ.

На похвалу ея нѣкоторыхъ моихъ піесъ.

Я вашу похвалу себѣ вмѣняю въ честь,

И признаюсь, она мнѣ рвенія прибавишь:

Изъ удовольствій всѣхъ приятнѣйшее есть—
Хвалимыя быть отъ тѣхъ, которыхъ каж-
 дый хвалитъ,

М—ль Я—вб.

~~~~~

ТЕАТРЪ.

Фениксъ, или утро Журналиста,
 Комедія - Водевиль въ одномъ дѣй-
 ствіи, и *Зефиръ и Флора*, Анакре-
 оническiй Балетъ *).

Въ минувшій вторникъ, 7 ч. Февра-
 ля, возвѣщено было на большемъ Теа-
 трѣ о представленіи Комедіи-Водевиль:
Фениксъ, или утро Журналиста, и Ана-
 креоническаго Балета: *Зефиръ и Фло-
 ра*. — Поутру еще разнесся слухъ, что
 ИМПЕРАТОРСКАЯ Фамилія удостоится
 сей спектакль своимъ посѣщеніемъ. Въ
 самое корешкое время всѣ билеты бы-
 ли разобраны; но Театральная Конпора
 едва ли могла удовлетворить и поло-

*) Прислано отъ неизвѣстнаго 24 ч. Фев-
 раля. Изд.

винъ требованій. Вечеромъ въ $6\frac{1}{4}$ часовъ Театръ былъ уже полонъ; равно въ 7 мѣ двери Царской ложи опворились—и высокіе Посѣпители вошли въ сопровожденіи блестящей свиты, при громкихъ звукахъ шрубъ и лишавръ, при радоспныхъ и привѣпныхъ восклицаніяхъ многочисленныхъ зрителией. ИМПЕРАТРИЦЫ милоспиво, съ видомъ доброжелательства, поклонились Публикѣ и заняли Свои мѣспя.—Оркестръ попчасъ началъ увертюру и чрезъ нѣсколькo минушь занавѣсъ былъ поднятъ. Представленіе опкрылось Комедіею: *Фениксъ*. Вопъ главное ея содержаніе *): Грифьякъ, Журналистъ, привыкшій писать не совѣшюясь со своею совѣспію, рѣшишельно произнесъ, въ издаваемыхъ имъ листкахъ, смерпный приговоръ прошивъ дарованій явившихся на театръ шрехъ молодыхъ артистовъ, коихъ даже не видалъ онъ и дебюта. Оскорбленные симъ де-

*) Не имѣя передъ собою пѣсы, мы легко можемъ, въ изложеніи ея плана, забыть какіе либо общояшельства.

бюпаншы (Леонъ, Аглая и Зефирета) рѣшились опмспить Журналисту и заспавить его разкаяться въ безспыдной его клеветѣ. Они являющся къ нему, одинъ послѣ другаго, подѣ неизвѣспными именами, съ подарками въ рукахъ, выдавая себя—при помощи служанки Грифьяка — за богашыхъ людей, прибывшихъ изъ провинціи въ Парижъ, для вспусленія на шеапръ, гдѣ они—по словомъ ихъ — безъ покровисельства Журналиста, не могушь ожидашь никакого успѣха — примѣры пому Аглая, Зефирета и Леонъ.—Грифьякъ, поглядывая на подарки гостей своихъ, льспить имъ съ наглоспію челоуѣка, у котораго все продажное: и крипика и похвалы. Между шемъ, какъ полуученый Педаншъ весьма важно даешъ наспавленія Аглаи и Леону въ пѣни, а Зефиретѣ въ шанцахъ—самъ поешъ съ первыми, *сотанциетѣ* съ послѣднею. — Леонъ въ знакъ благодарности оспавляешъ ему поршфейль, гдѣ Грифьякъ, вмѣсто денегъ, находишь выписки изъ своего Журнала и пасквиль на самаго себя *въ свѣдѣи же родѣ*. Вѣшенспво блеспитъ въ глазахъ

его, и онъ клянется опмстишь дерзскимъ, осмѣлившимся обмануть его. — Въ ту самую минупу молодые люди, бывшіе въ ближней комнашѣ, являющя съ громкимъ смѣхомъ, объявляющъ наспоящіе имена свои, сказывающъ Журналиспу, что подарки ихъ займспвованы изъ собспвеннаго его шкапа, и Грифьякъ споишь предъ ними, какъ громомъ пораженный. Но угрозы ихъ разгласишь по всему городу о случившемся происшесвіи, опасность сдѣлашья предметомъ общаго презрѣнія и лишишья выгодь, получаемыхъ имъ опъ Журнала, приводяшь его наконецъ въ самага себя. Собравъ всѣ силы своего краснорѣчія, умоляешь оскорбленныхъ имъ дебюпаншовъ спасши *гестъ* его, общаешь въ слѣдующемъ же нумерѣ написать имъ пыщную похвалу и немилосердную крипику на прежнюю свою спашью, назвавъ ее присланною. Обѣщаніе его привяшо— и дѣло оканчиваењся всеобщимъ миромъ.

Вопъ ходъ сѣй піэсы, наполненной прелесшными подробностями, острошою и замысловащоспію, сценами испинно комическими. Можно бы шолько по

миѣнію нашему, изъ числа дѣйствующихъ лицъ, исключишь Франка, дядю Аглаи и Леона, который совсемъ не нуженъ ни къ завязкѣ, ни къ развязкѣ пьесы, и введенъ, кажешся, въ оную для одного только довольно забавнаго явленія, гдѣ онъ показываешь Журналисту перстень, желая узнать ошъ него цѣну оному; ибо его увѣрили, что Грифьякъ, прежде нежели принялся за перо, былъ брилліантщикомъ. Грифьякъ же, почитая Франка за новаго дебюпанша, ищущаго его покровительсва, думаешь, что онъ перстень принесъ ему въ подарокъ, и спараясь угодишь — хопя вовсе не въ подадь — пересчитываешь спарому негоціанту роли, къ коимъ находишь его способнымъ. Наконецъ, къ большей досадѣ, узнаешь свою ошибку.

Ролю Грифьяка занималь Г. *Рамазановъ*. Онъ шакъ хорошо ее понялъ, шакъ хорошо вошелъ въ характеръ человека, который всеъ жершвуешь для денегъ, что зрители ни на одну минушу въ Грифьякъ не видали акшера: очарованіе продолжалось до самаго конца пьесы, и

смѣло сказать можно, что на сей разъ голосъ и партитера и знапоковъ соединился въ пользу Г. Рамазанова. Особенно игра его была оплично хороша въ сценѣ съ Зефирешою: легкость и приторность, съ которыми онъ панцовалъ, доставили зрителямъ неожиданное удовольствіе. Мы могли бы только пожелать сему опличному аршисту, что бы онъ иногда нѣсколько болѣе обращалъ вниманія на свои жесты; на примѣръ въ то время, когда онъ училъ Аглаю, декламировать роли Дидоны и Камиллы, нѣкоторыя движенія его были не довольно благородны, и шаковы, что Грифьякъ — хотя онъ и не совсемъ честный человекъ — не долженъ бы былъ однако же себѣ ихъ позволить.

Ролю Аглаи представляла Г-жа *Иванова*. Чистый, громкій ея голосъ и искусное пѣніе, которое Публика всякій, кажется, разъ слушаетъ съ новымъ удовольствіемъ, заставили позабыть замѣчаніе Грифьяка, что фигура ея не годится для ролей Камиллы и Дидоны и не можетъ возвысить дарованій, которыми природа ее надѣлила.

Г-жа *Истомина* въ роль *Зефиретты* была прелестна. Хопя мы и искренно удивлялись извѣстному ея искусству въ панцахъ, но не могли однако согласиться съ нею, что *ноги повинуются ей лучше языка*. Въ сценѣ съ *Грифьякомъ* показала она, что владѣеть имъ весьма хорошо.

Г. Климовскій, представившій *Лео-на*, пѣлъ очень не дурно; жаль только, что игра его часто бываетъ монопопна и что какое-то движеніе плечами составляетъ любимый его жестъ. Мы совершенно увѣрены, что съ его дарованіями, онъ можетъ сдѣлаться — ежели только рѣшился — превосходнымъ актеромъ. И для его пользы и для удовольствія *Публики* душевно сего желаемъ.

Г-жа *Дюрова* по обыкновенію играла очень мило; но маленькая роля служанки *Капо* не позволила ей вполне показати своего таланта, копорымъ она плѣняла насъ уже нѣсколько разъ.

Балетъ: *Зефиръ* и *Флора*, шакъ извѣстенъ, что нѣтъ, кажется, нужды говорить о немъ. Замѣтимъ только,

что Г. г. Кастильонъ и Дидло, Г-жи Истомина, Зубова, Овошникова и нѣкопорыя другія танцовали превосходно; послѣдняя декорация великолѣпна и машины дѣйствовали какъ нельзя лучше.

Опъ всего сердца желаемъ, что бы и впредь могли мы отдавать такіе же пріятныя впечатлѣнія о театрѣ нашемъ какъ и въ сей разъ.

К О Р И Н Н Ъ.

Волшебница! швой ненавистнень даръ!
Ты мершвеца къ спраданью пробудила;
Больную грудь опяшь одушевила,
И прежнихъ ранъ опяшь пылаешь жаръ.

*

Я забывалъ, обманушый собой,
И свѣшъ и жизнь, и радоспъ и спраданье,
И свѣшлый міръ—мечшны моей созданье...
Зачемъ будишь — я крѣпко спалъ душой!

*

О! я не зналъ швоей науки злой;
Тебя любилъ, какъ любяшь добродѣшель;
Внималъ тебѣ, и скромный былъ свидѣшель
Твоихъ побѣдъ, незнаемыхъ шобой,

*

Тебя любилъ, какъ безкорыстный другъ,
И ты за то такъ спрашно опомстила!
Коварныхъ спрунь волнующая сила
Души больной разпрогала недугъ.

*

За звукомъ звукъ до сердца долепалъ;
Будиль мечпы, будиль воспоминанья...
Минувшихъ дней мятежные желанья,
Младые сны, опяшь я васъ узналъ!

*

Узналъ, но чпожь: умолкъ волшебный звонъ;
Былаго шѣнь, какъ легкой призракъ, скры-
лась;
Опяшь шоска на сердце опустилась...
Одна шоска давно забышихъ мукъ!

Н. К.

~~~~~

Ш А Р А Д А.

Нерѣдко *натало* мужчинъ украшаетъ,
Второе же счешъ и буква *конецъ*;
А *цѣлыхъ* по сошнѣ иной *молодецъ*
Съ большимъ оппешипомъ *глошаешъ*.

Костявицъ.

~~~~~

Изъ помѣщенныхъ въ IX N° Шарадъ пер-
вая значить: *Пери-на*, а вторая *бал-конъ*.

~~~~~

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1822. № XI.

РАЗБОРЪ ХЕРСОНИДЫ, ПОЭМЫ БОБРОВА *).

Описательная Поэзія, собственно такъ называемая, была неизвѣстна Древнимъ. Въ Поэмахъ Омера и Виргилія, въ Трагедіяхъ Софокла и Еврипида, разсѣяно много прекрасныхъ описаній; но намъ не оспалось отъ Грековъ и Римлянъ ни одного спихошворенія, кошораго бы главный предметъ соспавляло карпшинное изображеніе Природы, или произведеній искусства. Описательная Поэма, также какъ ландшафтшная живопись, еспъ изобрѣшеніе новѣйшихъ временъ. Англичане первые начали съ успѣхомъ заниматьсь симъ родомъ Поэзіи; за ними послѣдовали Французы и Нѣмцы. У насъ въ Россіи это обширное поле поч-

---

*) Чисано въ Обществе любителей Словесности, Наукъ и Художествъ 23 ч. Февраля.

ши совершенно необработано. Херсонида Боброва есть единственная описательная Поэма на Русскомъ языкѣ; но къ сожалѣнію, она у насъ мало извѣстна и достоинство ея не опредѣлено. Желая познакомить съ нею тѣхъ изъ нашихъ соотечественниковъ, копорыхъ пугаетъ грубый слогъ ея, предлагаю на судъ просвѣщенной Публики нѣсколько замѣчаній, сдѣланныхъ мною при чтеніи сей Поэмы.

Она была издана въ первый разъ подъ именемъ *Тавриды*; но при второмъ изданіи въ 1804 году, Сочинитель ея передѣлалъ и назвалъ *Херсонидою* *). Предметъ ея — изображеніе лѣпняго дня въ Херсонесѣ Таврическомъ. Сей край, богатый красотами Природы, богатый воспоминаніями древности, способенъ былъ воспламенить Поэта съ вообра-

---

*) Здѣсь къ спашу замѣнить, что Бобровъ поправлялъ свою Поэму не всегда удачно, и нѣкоторыя опривки гораздо лучше въ первомъ изданіи, нежели во второмъ. Въ разборѣ моемъ я руководствовался послѣднимъ.

женіемъ и чувствомъ. Удачный выборъ предмета дѣлаешь честь таланту Боброва.

Расположеніе Поэмы не спорило Автору большихъ прудовъ: ему оставалось только идти въ слѣдъ за Природою. Изображая лѣтній день, онъ долженъ былъ по естественному порядку необходимо начать карпиною утра, потомъ представить полдень, вечеръ и ночь; въ противномъ случаѣ планъ его подвергся бы основательному упреку въ неправильности и принужденности. Томсонъ и Сенламберъ, воспѣвая времена года, не описывали зимы прежде лѣта, но послѣдовали обыкновенному шествію природы: такъ поступилъ и Бобровъ въ своей Херсонидѣ. Онъ въ началѣ кратко изложилъ предметъ Поэмы; послѣ сего вступленія изобразилъ зарю, восходъ солнца и пробужденіе земли; бросилъ взглядъ на соленые озера, на хребты горъ, покрывающихъ Таврической полуостровъ, и взошелъ на вершину Чашырдага. Тутъ Бобровъ описываетъ величественныя зрѣлища, представляющіеся глазамъ его, изчисляешь горныя

распенія, горныхъ звѣрей и пипиць, и прислушивается къ шуму ключей и водопадовъ, которые съ высокихъ скалъ низвергаются въ пропасти. Слѣдуя взоромъ за волнами сихъ источниковъ, Поэшь опускается съ горы и обозрѣваетъ при прелеснѣйшій долины на южномъ берегу Крыма. Отсюда онъ переходитъ къ Судаку, изображаетъ картину шамошнихъ садовъ и виноградниковъ и прекрасный видъ горной стороны съ моря. Наступаетъ полдень. Авторъ Херсониды описавъ палящій жаръ солнечныхъ лучей и пагубный, горячій вѣтеръ, дующій отъ предѣловъ Персіи, укрывается въ пещеру и въ продолженіе полуденнаго зноя занимаетъ чашателей повѣспованіями о Крымской старинѣ. Но воть надъ горами собираются тучи, блистаютъ молнія, раздается громъ; на земль, на морь свирѣпствуетъ страшная буря. Труды и надежда, земледѣльца истреблены въ одно мгновеніе; суда, опорванные вихремъ отъ береговъ, поглощены разъяренною волною. Наконецъ гроза проходитъ; блестящая радуга показывается на небѣ и

все оживаетъ. Веселые пастухи снова собираются въ лугахъ разсыянные стада; Таптарскія красавицы спѣваютъ къ водоему, для вечерняго омовенія, и скромнымъ волнамъ ввѣряютъ свои юныя прелести. Между тѣмъ уже солнце склоняется на западъ, и тихій, прекрасный вечеръ призываетъ Природу къ успокоенію. Жители Таптарской деревни, собравшись близь хижинъ своихъ, провождаютъ время въ разказахъ до самой ночи. При наступленіи ея поднимается съ моря сильный, горячій вѣтеръ, но скоро проходитъ; тишина повсюду воцаряется, и только во мракѣ роши раздаются голосъ соловья. Очарованный сладостными его пѣснями, Сочинитель Херсониды обращается къ важнымъ размышленіямъ о жизни человѣческой и заключаетъ свое стихотвореніе, по примѣру Томсона, Гимномъ Богу.

Изъ сего обозрѣнія хода и содержанія Херсониды можно видѣть, что планъ ея простъ, естественъ и правиленъ. Жаль только, что части ея не совершенно равны между собою. Въ продолженіе ушра Бобровъ описываетъ гораз-

до болѣе предметовъ, нежели въ остальное время дня, и первая половина его Поэмы богаче поэтическими картинами, нежели послѣдняя. Полдень и вечеръ у него наполнены вводными повѣствованіями, кошорые въ первыхъ Пѣсняхъ несравненно рѣже встрѣчающся. Вошь, по моему мнѣнію, единственнѣй недостатокъ расположенія картинъ въ Херсонидѣ!

Но для совершенства въ планѣ описательной Поэмы еще не довольно, что описанія въ ней удачно расположены. Правила вкуса пребуяють, что бы Авторъ ея иногда прерывалъ длинную цѣпь описаній нѣкоторыми опспуленіями отъ главной матеріи, и обращая вниманіе читателей на другой, посторонній предметъ, - предлагалъ имъ въ эпизодахъ пріятное опдохновеніе. Такіе опспуленія, необходимые даже для Музы Мильтона и Тасса, гораздо нужнѣе въ Поэмахъ Томсона и Делиля. Въ Героической Эпопее повѣствованіе славныхъ происшествій, изображение пылкихъ спрасей и характеровъ необыкновенныхъ заключають въ себѣ обиль-

ный испочникъ занимательности, безпресанно возбуждая любопытство; между темъ какъ описанія Природы, одни описанія — будь они самые живые и прекрасные, всего скорѣе могутъ наскучить своею продолжительностью. Для избѣжанія упоминательнаго однообразія, Стихотворцу позволяется въ описательныхъ Поэмахъ переходить изъ тона въ тонъ и брать попеременно то трубу Омера, то Лиру Пиндара, то свирѣль Теокрита; Херсонида предсоставляетъ многіе примѣры переходовъ изъ описательнаго въ другіе роды Поэзіи; но Эпизоды Эпическіе, или вводные повѣствованія, будучи въ сей Поэмѣ гораздо продолжительнѣе и важнѣе прочихъ отступленій, должны обратить на себя главное вниманіе Читателя.

Англійскій Пѣвецъ *Временъ Года* помещалъ въ каждой Пѣсни своей Поэмы вводныя повѣсти, отдѣльно одну отъ другой, безъ всякой связи съ предъидущими и послѣдующими. Сочинитель Херсониды, хотя во многомъ ему подражалъ, отступилъ отъ него при составленіи Эпизодовъ. Можно сказать, что

въ Херсонидѣ одна шолько вводная Повѣсть, которая продолжается ошь начала до конца Поэмы. Прѣсшарѣлый Шерифъ Омаръ и Ташарскій Мурза Селимъ, встрѣшивъ чипапеля въ первой Пѣсни, провожаютъ его до полудней, и шолько изрѣдка сходятъ со сцены, что бы дать мѣсто самому Поэпу. Такимъ образомъ сей длинный Эпизодъ, сливаясь непримѣнно съ главнымъ содержаніемъ Херсониды, придаетъ ей характеръ, совершенно отличный ошь обыкновенныхъ описательныхъ Поэмъ и нѣсколько приближаетъ ее къ роду повѣствовательныхъ стихотвореній *). Не смѣя осуждать Боброва за распространеніе предѣловъ описательной Поэзіи, которое мнѣ кажется вольношью, не шолько позволишельною, но даже доспойною одобренія, я крапко изложу содержаніе Повѣспи объ Омарѣ и Селимѣ, что бы

---

*) Можетъ бышь, по сей-шо причинѣ Бобровъ, весьма присшаспный къ длиннымъ, сосшавнымъ словамъ, назвалъ свою Херсониду *Лирико-Эпическимъ Пѣснотвореніемъ*.

можно было основательно судить о ней.

При восхождении солнца надъ Тавридою, появляющяся на дорогѣ толпы набожныхъ пилигримовъ, возвращающихся изъ Мекки, и въ числѣ ихъ Анапольскій Шерифъ Омаръ, спольпный спарець, со своимъ молодымъ воспитанникомъ, Мурзою Селимомъ. Въ полдень Шерифъ засыпаетъ въ горной пещерѣ; пѣсни двухъ паспуховъ пробуждаютъ его. Онъ приближается къ пустыннымъ пѣвцамъ и въ разговорахъ съ ними открываетъ, что онъ, по тайному внушению Неба, уже двадцать лѣтъ спрансхвуетъ на Воспокѣ и проповѣдуетъ алкоранъ поклонникамъ Магомета. Паспухи, продолжая бесѣду съ Омаромъ, желаютъ узнать ошъ него, по какой причинѣ на высокихъ Таврическихъ горахъ встрѣчающяся кораллы, окаменѣлости морскихъ живошныхъ и кости человеческя, цѣлющя между разсѣлинами дикихъ утесовъ. Преспарѣлый мудрець, склонившисъ на просьбу паспуховъ и Селима, открываетъ имъ шаинсхва Природы: онъ объясняетъ, какъ

дѣйствіе подземнаго огня воздвигло Херсонесъ изъ волнъ морскихъ, и образовало хребты горъ съ бездонными пропастями и висящими скалами на пѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде река Понъ Эвксинскій. Потомъ Шерифъ говоритъ о древности Крыма, рассказываетъ извѣстную повѣсть объ Ифигеніи и Орестѣ и изчисляетъ народы, попеременно обладавшіе симъ полуостровомъ. Онъ описываетъ жестокости Хановъ Таврическихъ, и указывая на кости, лежащія въ пещерѣ, оплакиваетъ сіи бранныя останки Пустынника, въ ней обитавшаго; онъ повѣствуетъ, какъ сей несчастный долго укрывался въ горахъ отъ насильственной власти, и помимый голодомъ, жаждою, уже готовился пресѣчь собственною рукою печальную жизнь свою, но вдругъ былъ остановленъ спасительнымъ голосомъ Ангела, пролившимъ въ грудь спрдальца надежду и терпѣніе.—Воспоминаніе о покореніи Крыма Русскими и похвала Бѣлому Царю оканчиваютъ длинную повѣсть Омара. Онъ оставляетъ пастуховъ и продолжаетъ пушъ съ Селимомъ,

копораго уже давно ждущъ нѣжная мать и Ташарская Княжна Цульма, его невѣста. Съ насупленіемъ вечера спранники подходящъ къ жилищу Мурзы. Селимъ спѣшишь въ домъ своей матери, а наставникъ его останавливается отдохнушь въ ближней деревнѣ, вступаешъ въ разговоръ съ поселянами и рассказываетъ имъ о своемъ путешествіи въ Мекку, о храмѣ Пророка, о новомъ лжеучищелѣ, который появился въ Аравіи и опровергая алкоранъ, привелъ къ себѣ множество послѣдователей. Шерифъ убѣждаетъ своихъ единовѣрцевъ не внимать ученію обманщика и не оставяшь закона опцевъ. Между темъ силы сердца ослабѣвають; онъ чувствуешъ приближеніе кончины и медлѣнно вступаешъ на холмъ, что бы въ послѣдній разъ взглянушь на небо, что бы прочесть послѣднюю свою молитву. Селимъ, обрадованный свиданіемъ съ матерью, съ невѣстою, приготавливаетъ брачный пиръ и уже празднуешъ въ кругу родныхъ и друзей свое соединеніе съ прекрасною Цульмою, какъ вдругъ получаетъ неожиданное извѣстіе, что наставникъ его

низходишь въ могилу. Онъ спѣшишь съ гостями на холмъ и прощается съ умирающимъ Шерифомъ, который сказавъ нѣсколько утѣшительныхъ словъ своему воспитаннику, засыпаетъ сномъ вѣчнымъ.—Здѣсь оканчивается Повѣсть о Магомешанскомъ мудрецѣ; чрезъ нѣсколько страницъ оканчивается и вся Поэма.

Прочитавъ сей эпизодъ, не трудно замѣнить, что онъ содержитъ въ себѣ еще другіе вводные повѣствованія, которые придають ему довольно разнообразія, но вопреки здоровому вкусу часто нарушаютъ правдоподобіе. Если бы въ сихъ повѣствованіяхъ говорилъ самъ Поэтъ, мы бы слушали его гораздо съ большимъ удовольствіемъ, нежели Омара. Мы сомнѣваемся, что бы Шерифъ, душевно приверженный къ алкорану и зараженный всѣми предразсудками своихъ единовѣрцевъ, постигнулъ тайна Природы, какъ Европейскій ученый; что бы сей Музульманинъ языкомъ Бюффона умѣлъ объяснить происхожденіе Херсонеса изъ волнъ морскихъ, и между Крымскими пастухами нашелъ

слушателей для своихъ глубоко мысленныхъ разсказовъ. Мы сомнѣваемся также, что бы Омаръ былъ столь свѣдушь въ Исторіи, какимъ онъ представлень въ Херсонидѣ: пускай Турки могутъ читать лѣтописи опечесивенныя, могутъ знать дѣянія своихъ предковъ; но подробная Исторія другихъ народовъ едва ли извѣстна Анатольскимъ Шерифамъ. Вѣроятно, ни одинъ изъ нихъ не слыхаль даже именъ Ореспы и сеспры его и никогда не заботился о родословіи сѣмейства Агамемнонова. Но положимъ, что Омаръ былъ чудомъ учености въ своемъ опечесивѣ; положимъ, что папсухи, которые его слушають, получили, по словамъ Боброва, нѣкоторое образование въ Греціи и Аравіи; повѣствованія Шерифа все останутся неправдоподобными, и вопшь причина: самый слогъ ихъ во многихъ мѣстахъ кажется мнѣ слишкомъ Европейскимъ, несообразнымъ съ воспочнымъ характеромъ всего эпизода. Не странно ли слышать въ устахъ чалмоносца названія всѣхъ боговъ и Героевъ Греческихъ, всѣ подробности древней Мифологіи, совершенно

чуждой Магомешанамъ? Не странно ли видѣшь Аллу подлѣ Зевеса и Гурій въ дружескомъ обществѣ съ Граціями и Нимфами *)?—Сей недостатокъ Херсониды, напоминаешь Поэму Камоенса: въ ней чудесное заимствовано то изъ Христіанской религіи, то изъ языческаго баснословія—и потому Вольперъ оспроумно сравниваетъ шворца Лузіады съ Павломъ Веронезомъ, который въ картинахъ, представляющихъ происшествія Ветхаго Заветъа, изображалъ монаховъ и Швейцарскихъ воиновъ **). То же самое сравненіе можно бы отнести къ Боброву; если бы онъ не уступалъ

---

*) У Боброва не только Омаръ, но и Крымскіе пасшухи стараются наперерывъ блистать познаніями въ Мифологіи, впрочемъ иногда довольно забавно; такъ напр. они поютъ:

Гдѣ Флоры дщерь? гдѣ сынъ Минервы? (X. ст. 116.)

Кажется, что Минерва не имѣла супруга, а Зефиръ, былъ только любовникомъ Флоры. Невѣжды — пасшухи шутящъ надъ дѣвственными богинями самымъ обиднымъ образомъ.

**.) Essai sur la poésie épique. Chap. VI.

въ опдѣлкѣ сему знаменитому Живописцу.

Замѣтимъ еще нѣкоторыя недостатки въ разсказахъ Омара. Вслѣдъ за повѣстью объ Ифигеніи, онъ представляетъ паспухамъ обзоръ древней и новой Исторіи Крыма—весьма подробное и скучное: оно походитъ болѣе на отрывокъ изъ какой нибудь пыльной лѣтописи, нежели на эпизодъ Поэмы. Въ стихахъ Боброва изчислены въ порядкѣ хронологическомъ всѣ народы, населявшіе Тавриду; описаны, какъ въ Географическомъ словарѣ, всѣ города, ими основанные; даже упомянуто, что Генуа овладѣла морями именно въ двѣнадцатомъ столѣтіи. (стр. 163.) Такія подробности Поэтъ долженъ оставить историку: Граціи не любящъ сухой учености.—Къ сему замѣчанію надобно еще прибавить, что Омаръ, подобно всѣмъ старикамъ, которые иногда заговариваются, начавъ одну матерію, неожиданно обращается къ другой и почти забываетъ прежнюю. Пусть бы онъ высказывалъ только Исторію Крыма: слушатели могли бы вооружиться перьями

ніемъ, надѣясь, що рано ли, поздно ли онъ ее кончить, но говорливый Шерифъ опнимаешь у нихъ и эту послѣднюю надежду. Въ срединѣ своего разказа онъ оспанавливается и вдругъ переходить къ повѣсти о какомъ-то пустынникѣ, который посягалъ на жизнь свою. Сіе опспупленіе, совсемъ неспринеадалежащее къ Исторіи, занимаетъ въ Херсонидѣ 15 страниць и угрожаетъ читателямъ новою скукою. Припомъ, какъ Омаръ могъ узнать, що кости, плѣющія въ пещерѣ и служація поводомъ къ сему эпизоду, суть дѣйствительно кости того Пустынника, котораго несчастія и заблужденія онъ описываетъ? Какъ онъ могъ подслушать послѣднюю пѣснь, послѣдніе размышленія сего анахорета и передать ихъ опъ слова до слова Крымскимъ пасухамъ? Вообще сказать, изъ всѣхъ повѣспвованій Шерифа самымъ еспесивеннымъ, лучшимъ я считаю разказъ его объ Аравійскомъ лжеучишелѣ; всѣ прочіе или помѣщены не къ спашу, или совершенно излишни.

Но если мы опнимемъ опъ главнаго эпизода въ Херсонидѣ сіи. цоспо-

ронніе повѣствованія, что въ немъ об-
спаненся? Весьма не много! Омаръ и
Селимъ возвращаются изъ Мекки; пер-
вый умираетъ, второй женился. Долж-
но не забыть, что все это происходитъ
въ одинъ день: вѣроятно ли? Селимъ при-
шелъ домой ввечеру и послѣ долгаго
спранствованія конечно имѣлъ нужду
въ отдохновеніи: когда же онъ успѣлъ
приготовить пиръ, созвать всѣхъ сво-
ихъ родственниковъ и обвѣнчаться?
Можетъ быть, мы простили бы еще
сей недоспашокъ правдоподобія, сію у-
богую простоту въ изобрѣшеніи, если
бы Поэтъ умѣлъ очаровать насъ пре-
лестною разсказа подробностями зани-
мательными; если бы онъ предсказалъ
намъ воспочные обряды бракосочетанія
въ привлекательной картинѣ: но Боб-
ровъ не обратилъ должнаго вниманія
на свой предметъ, новый и любопыт-
ный. Онъ заставилъ шелько всѣхъ бо-
говъ и богинь Олимпійскихъ прислужи-
вать на Тапарской свадьбѣ! (спр. 252.)
И въ другихъ мѣстахъ сего эпизода при-
личіе не строго соблюдено. Мурза лишь
шелько возвратился въ домъ свой, лишь

только увидѣлся съ маперью — и она поспѣшь посылаетъ сына къ его любезной Цульмѣ; она твердишь:

Пооди, спѣши обнять ея! (спр. 243.)

Не думаю, что бы такая Французская живость была перприма Музульманами. Селимъ не могъ слишкомъ вольно обращаясь со своею невѣстою: самъ Бобровъ описалъ намъ жестокое заключеніе Таврическихъ красавиць. (спр. 84.) Вотъ другой примѣръ: Крымскій паспухъ играетъ на какомъ-то древнемъ орудіи, которое дѣлалось изъ кости черепахъ и у Римлянъ называлось: testudo. (спр. 42.) Гдѣ онъ нашелъ такой аншикъ? Мнѣ пріятнѣе въ Поэмѣ Пушкина слушать Финскаго паспуха, который надуваетъ волюнку. *Мѣстной колоритѣ* составляетъ доешоинство карпинны: небо Ишалии нейдетъ къ Русскому ландшафту и Римскій нарядъ не приспалъ Тапарину.

Кромѣ вводныхъ повѣстей, мы находимъ еще въ Херсонидѣ эпизоды другого рода: я говорю о лирическихъ, дидактическихъ и другихъ опривкахъ, разсѣянныхъ между описаніями. Къ се

му ряду эпизодовъ относяща: обраще-
 ніе къ Творцу во второй Пѣсни Херсо-
 ниды, мысли о прудолубіи въ прешьей,
 воспоминаніе о смерти Рихмана во вре-
 мя грозы и многіе другіе поэтическіе
 опсшупленія. Почти всѣ они изобрѣше-
 ны удачно и расположены въ прилич-
 ныхъ мѣстахъ.—Бобровъ былъ рождень
 для высокой лирической Поэзіи: талантъ
 его оказывается въ полномъ блескѣ вез-
 дѣ, гдѣ пребуется сила мыслей, порывъ
 чувства. Такъ на вершинѣ Чапырдага,
 сочинитель Херсониды поетъ гимнь
 Богу, носящій на себѣ печать истин-
 наго вдохновенія. Выписываю нѣсколько
 стиховъ:

Дохнешь — дубовъ спольшній лѣсъ
 Космашымъ корнемъ вверхъ ложихся;
 Гремишь—и каменный ушесъ
 Дрожишь, прещишь, надешъ, крушишся;
 Блеснешь—и ушлый сей хребешъ.
 Въ своемъ мешальномъ основаньи
 Разпопишся, сгоришь, изнезнешъ,
 Какъ воскъ ошъ ярости огней,
 Какъ въ шверди облако дебело,
 Проникнушее ошъ лучей,
 Иль какъ ошъ зноя снѣгъ блестящій,
 На шемѣ сей горы лежащій...

Но что я рекъ?—Восхоцешъ Богъ,
 На ломкой оси мiръ шайнешся;
 А Твой престоль, свяшой чершогъ,
 Сионъ во вѣкъ не попрысешся!
 Творецъ! и здѣсь, и здѣсь Твой храмъ!
 Сафирный сводъ небесъ палящихъ,
 Мнѣ мнишся, приклонень сюда;
 Столпы его—древа сполѣшни,
 Куреніе—цвѣшпы Алпійски,
 Симфонія — хоръ пшицѣ въ дубахъ.

(спр. 42 — 43)

Чипая сей опрывокъ, я не обращаю
 вниманія на слогъ Боброва: замѣчаю не
 слова, но мысли; замѣчаю жаръ лириче-
 скій и прекрасныя каршины. То же са-
 мое можно сказанъ о слѣдующихъ спи-
 хахъ, взяшыхъ изъ другаго мѣсна Хер-
 сониды:

Сей гласъ, ревуцій въ черной шучѣ,
 Гремшшь для стропощныхъ сердець
 И въ нихъ вселяешъ блѣдный шрепешъ;
 Тебѣ же, о душа невинна,
 Языкомъ крошкимъ Серафима
 Миръ, шихій миръ средъ бури шепчешъ!
 Душа, не содрогайся въ бурѣ!
 Содрогнешся ли шощь, кшо чшспшъ?
 Подвигнешся ли шощь, кшо правъъ?
 Хошябъ ревуца пала швердъ

Въ развалины вселенной дымны,
Сей духъ неуспрашимъ пребудешь!

(сшр. 204.)

Довольно сихъ немногихъ выписокъ для доказательствъ моего мнѣнія, что Бобровъ имѣлъ рѣшительное дарованіе къ лирической Поэзіи, и что въ Херсонидѣ всѣ мѣста, гдѣ Поэтъ увлекается сильнымъ чувствомъ, исполнены истинныхъ красотъ. Но Боброву совершенно недоставало элегической нѣжности: онъ умѣлъ описать бурю въ Природѣ, а не спраданія собственнаго своего сердца. Въ частыхъ обращеніяхъ къ подругѣ своей, онъ только повсоряетъ обыкновенныя мысли, и все одними словами, что ему скучно безъ милой, что въ разлукѣ съ нею нѣтъ для него счастья, и проч. Сія обращенія встрѣчаются почти въ каждой Пѣсни Херсониды и всегда при концѣ, что придаетъ имъ еще болѣе спранныости и однообразія. Припѣвы могутъ нравиться въ балладѣ влюбленнаго Трубадура, но въ длинной Поэмѣ важнаго содержанія они совсемъ неприличны.

(Окончаніе въ слѣд. №)

ВЪ АЛЬБОМЪ Н. Θ. О.

Давно ужъ я не сочиняла,
 Но милому cousin не смѣю опказашь;
 Вы просите, чѣмъ я въ альбомъ написала:
 Съ большой охотою; но чѣмъ же написашь?
 Въ сполницѣ я живу—а новостей не знаю;
 Про старое швердишь — наскучишь хопъ
 кому,
 При помѣ же шумъ дѣшей, съ копорыми
 бываю,
 Не дашь опомнишься и пылкому уму.
 Любила я шапръ, чѣмъ свѣшомъ называюшь,
 Теперь изъ за кулисъ однимъ глазкомъ гляжу:
 Иной акшеръ смѣшенъ, а объ иномъ шужу—
 Но мнѣль ихъ описашь? Пустъ какъ хошащъ
 играюшь!
 Моя обязанность другимъ себя заняшь—
 Домашнихъ у меня акперовъ вы видали;
 Пора ужъ каждому и роль приготовашь,
 А сцена скользкая — боюсь, чѣмъ не упали.

Когда я счастья искала лишь въ мечтѣ,
 Писала пѣсенки, спишками веселилась;
 Теперь же прочь перо; въ безпечной проспошѣ
 Въ кругу моей сѣмьи со счастлиемъ подру-
 жилась.
 Ипакъ простите мнѣ, чѣмъ я начавъ писашь,
 Не знаю болѣе о чѣмъ разпротренишься,

Что счастливъ, говорящъ, пошъ долженъ
лишь молчать:

Прошу на Счастье не сердиться.

М. Д. ре. м. ж. с. к. я.

~~~~~

ИСКУСТВО ПИСЬМА.

(Окончаніе.)

До сего времени живошныя, или вещи, служившія къ представленію понятій, были писаны въ наспоющемъ ихъ видѣ; когда же изученіе Философіи, подавшее поводъ къ изобрѣшенію *символическаго письма*, принудило Египетскихъ мудрецовъ писать о различныхъ предметахъ: по сіе намѣреніе умноживъ число книгъ, показалось затруднительнымъ и неудобнымъ. Для сего спали спали вводилъ въ употребленіе другой родъ письма, кошорый мы можемъ называть *скорописными гьероглифами* (l'écriture courante des hieroglyphes). Оно походило на письмо Китайцевъ, и изображая одно очерпаніе фигуръ, сдѣлалось въ послѣдствіи нѣкошорымъ родомъ знаковъ.

Естественное дѣйствіе, произведшее сіе *скорое письмо*, весьма ослабило вниманіе, которое обращали на символы и на то, что бы единожды избранные символы употребляшь всегда въ одномъ и томъ же значеніи. Сіимъ способомъ изученіе *символическому письму* сдѣлалось непростуднымъ, попому что тогда стоило только припомнить силу знака символическаго, вмѣсто того что прежде надобно было узнать свойство тѣхъ вещей, или тѣхъ живописныхъ кои употребляютъ символами. Однимъ словомъ сей способъ довель *искусство письма* до такого состоянія, въ какомъ оно находится нынѣ у Кипайцевъ.

Сей употребительный *скорописный почеркъ* есть тошъ самый, который древніе называли *героглифическимъ*, и который употребляли въ послѣдствіи времени, когда писали о такихъ же предметахъ, о какихъ писали прежде *героглифами*. Примѣры онаго находящіяся въ нѣкоторыхъ древнихъ памятникахъ, что видно почти на всѣхъ украшеніяхъ Изидина сполы, находящихя между большими человеческими изображеніями.

Древнее письмо было въ такомъ состояніи и не имѣло никакого отношенія къ настоящему письму. Упошребляемые тогда знаки представляли предметы; а упошребляемые нами—голоса, или звуки. Слѣдовательно, у насъ новое искусство. Секретарь одного изъ первыхъ Египетскихъ Царей, Таутъ, замѣтилъ, что разговоръ о какихъ бы различныхъ предметахъ ведень ни былъ, и сколько бы ни былъ продолжителенъ, состоишь весьма изъ немногихъ звуковъ, и что стоишь только каждый звукъ предсавишь особеннымъ знакомъ. Ишакъ онъ соспавиль *письмо* предсавленіемъ существвъ, письмо, которое не могло въ выраженіяхъ простирашься до безконечности, для того что бы удержашъ соединеніе звуковъ (*combinaison des sons*), хошя и весьма ограниченное, однако же производившее желаемое дѣйствіе.

Если размыслимъ (говоришь Г. Дюкло, сдѣлавшій первые объ ономъ замѣчанія, столь же справедливые, сколь и оспроумные), что сіе искусство, при самомъ своемъ изобрѣшеніи, получило надлежащее образованіе и введено въ у-

пошребленіе: по какаѣ должна бытъ чеспъ и слава изобрѣшашелю! Въ самомъ дѣлѣ, кшо былъ въ сосшояніи примѣшпшь, что звуки языка могушь раздѣляшсья и раздробляшсья, пощъ вскорѣ могъ и долженъ былъ сдѣлашъ исчисленіе симъ звукамъ. Гораздо легче счеспъ всѣ звуки языка, нежели ошкрышъ, что они могушь бытъ сочшены, ибо одно ешъ дѣйшшвіе генія, а другое обыкновеннаго вниманія. Можешъ бытъ никогда не имѣли азбуки полнѣе шой, кошорую сошпавилъ изобрѣшашель *письма*. И очень шравдоподобно, что если шогда не имѣли шакого числа буквъ, какое бы надобно было имѣшъ намъ нынѣ, по сіе значшшь, что языкъ изобрѣшашеля не шребовалъ оныхъ болѣе. Правошсаніе было совершенно только при изобрѣшеніи *письма*.

Какъ бы по ни было всѣ роды *письма гіероглифитескаго*, когда надлежало упошребляшъ ихъ въ дѣлахъ общеспвенныхъ (что бы разсылашъ царскіе повелѣнія начальникамъ армій, или начальникамъ ошдаленныхъ обласшей) были предметомъ неизбѣжной шрудности;

несовершенно и темно понимаемы. Та-
 ушь упопробивъ для выраженія словъ
 буквы, а не вещи, избѣгнуль всѣхъ шруд-
 носпей споль вредныхъ въ подобныхъ
 случаяхъ, а писцы свое ученіе сдѣлали
 болѣе яснымъ и почнымъ. Сей способъ
 имѣль еще и шу выгоду, что такъ какъ
 правительсшво спаралось сохранишь
 изобрѣшеніе въ шайнѣ, по государспвен-
 ныя бумаги были доставляемы съ ша-
 кою же безопасностію, какъ извѣспное
 въ наши времена письмо цыфрами. Та-
 кимъ образомъ *письмо буквами*, при-
 своеенное въ началѣ сему упопробленію,
 получило названіе *эпистолитескаго*. И я
 согласенъ съ Г. Варбюртономъ, что не
 лзя было тогда дашь оному лучшаго
 названія.

Теперь читашели могутъ замѣшисъ,
 что общее мнѣніе: будшо бы *гіерогли-
 фитеское письмо*, а не *письмо буквами*,
 вымышлено для шайнспвенности, со-
 вершенно прошивно истиннѣ, и что
 однако же въ послѣдспвіи времени не
 препяшспвовало еспешспвеннымъ обра-
 зомъ *гіероглифамъ* сдѣлашься шайн-
 спвенными и священными, а буквамъ
 общеспвенными.

Въ самомъ дѣлѣ *письмо*, которое предспавляя звуки голосовъ, могло выражать всякую мысль и всякой предметъ, означаемый сими звуками, показалось столь просто и обильно, что сдѣлало быспрые усилъхи. Оно распро- странилось повсюду, сдѣлалось скоро- писнымъ и заставило не радѣшь о сим- волическомъ, которое мало по малу вы- шло изъ употребленія, такъ что забы- ли даже и значеніе символовъ.

Между темъ однако, несмотря на преимущество буквъ, Египтяне долгое время и по изобрѣшеніи оныхъ упопроб- ляли гіероглифы, пошому болѣе, что вся наука сего народа была уже ввѣре- на сему роду письма. Уваженіе, оказы- ваемое людямъ, обратилось на знаки, копорыхъ упопробленіе ученые увѣко- вѣчили; но шѣ, коимъ неизвѣстны были науки, не покушались упопроблять се- го рода *письмо*, и все что могли вы- игралъ въ семъ случаѣ ученые, было только то, что они заставили смопрѣшь сь почтеніемъ на сіи начертанія, и какъ на вещи, могуція украшать общеспвен- ные памяшники, на коихъ и продолжа-

ли ихъ употреблять. Вѣроятно жрецы Египетскіе весьма довольны были, что они шолько одни имѣли ключъ ошъ сего *письма*, сокранявшаго шайны ихъ закона. Вотъ что привело въ заблужденіе шѣхъ, кой думали будшо гіероглифы за-ключали въ себѣ величайшіе шайнства.

Изъ сихъ подробностей видно, ка-кимъ образомъ гіероглифы, обязанные своимъ происхожденіемъ нуждѣ, въ по-слѣдствіи употреблялись къ сохране-нію шайнъ; а наконецъ служили укра-шеніемъ. Но по непостоянству вещей міра сего, сіи самыя знаки, изобрѣшен-ные сначала для ясности и попомъ об-рашавшіеся въ шайны, въ шеченіи вре-мени опали употребляться ошашъ въ первоначальномъ значеніи. Въ цвѣтушіе времена Греціи и Рима гіероглифы бы-ли употребляемы на памяшникахъ и медаляхъ, какъ самое удобнѣйшее сред-ство для изображенія понятій шакъ, что символъ, сокрывавшій въ Египтѣ глубочайшую мудрость; въ Греціи и Ри-мѣ понимаемъ былъ проспымъ народомъ.

Между шемъ какъ сіи два просвѣ-щенные народа весьма удобно разбирали

символы, Египтяне забывали значеніе оныхъ, и находя ихъ освященными въ общеспвенныхъ памянникахъ, въ мѣстахъ опредѣленныхъ для духовныхъ собраній, и въ шоржеспвенныхъ обрядахъ, никогда неизмѣнявшихся, ошпанавливались въ недоумѣніи при фигурахъ, представлявшихся глазамъ ихъ. Такимъ образомъ Египтяне, не просширая поняпій своихъ далѣе символическихъ фигуръ, и не разумѣя значенія оныхъ, почитали челоуѣка, сдѣлавагося царемъ, за существо правящее небомъ, за царя солнцу, а представляенія живошпныхъ, настоящими живошпными. Вопъ опъ часпи начало идолопоклонспва, заблужденій и суевѣрій Египеспскихъ, перешедшихъ ко всѣмъ народамъ.

Впрочемъ и языкъ потерпѣлъ шакіе же измѣненія и имѣлъ учаспъ равную съ учаспю *искуства письма*. Первый способъ, выдуманый для сообщенія мыслей, сіе грубое усиліе ума, коимъ одолжены нуждѣ, также какъ и первые гіероглифы, кошорые въ послѣдспвіи были упошребляемы къ украшенію разговора, потерялъ свою шайнспвенноспь,

возвысясь на степень убѣдительнаго краснорѣчія.

Съ Франц. А. К. л. к. в.

ПИСЬМО ФЛОРИАНА КЪ ГЕСНЕРУ И ОТ- ВѢТЬ СЕГО ПОСЛѢДНЯГО.

Проспшите меня, если я часпю вамъ докучаю и, можешъ бышь, даже безпокою васъ моими письмами; зашо сколько удовольствія для меня! Но, почиая васъ лучшимъ изъ людей, смѣло рѣшаюсь на счешъ скуки съ вашей стороны уловишь для себя опрадную минушу; ибо всегда испытываю истинное душевное наслажденіе, когда говорю вамъ о глубочайшемъ моемъ уваженіи, о любви моей къ прекраснымъ вашимъ швореніямъ и шѣхъ полезныхъ урокахъ, которые обильно почерпаю въ нихъ для образованія моего сердца, для усовершеншворанія моего слога. Какъ приятно бы для меня было слышь вашимъ ученикомъ! Но я не заслуживаю сей чести, и бѣдная моя Галашея, богатая всемъ на берегамъ Тага, недоспойна вла-

дѣшь и десятиью овецками въ горахъ Швейцаріи. Ей не бываешь уже прелестною подлѣ вашихъ паслушекъ, и еслибъ вздумала она спѣшь что нибудь про весну Испаніи; то Дафнисъ, воспѣвая *прекрасное Генварское утро*, скорѣе привлекъ бы къ себѣ общее вниманіе.

Какъ бы что ни было—я осмѣливаюсь препроводить къ вамъ новые пруды мои въ драматическомъ родѣ: пускай они займутъ васъ хоша на минуточку. Проспосердечіе Арлекина должно вамъ понравиться; припомъ же я совѣщавалъ ему сказать вамъ понѣжнѣе о мнѣ моего имени все то, что говорилъ онъ нѣжнаго своей любезной.

Для вручишелей письма сего Господина и Госпожи В...будетъ праздникомъ тощъ день, въ которъ они васъ увидяшь. Сердца ихъ доспойны сего чувства. Они сполько же любяшь ваши шворенія, какъ вы прекрасную природу. Прошу васъ, говоримъ съ ними болѣе: они не забудушь ни одного вашего слова, и общали все пересказаць мнѣ. Я съ неперпвнѣемъ буду ожидашь ихъ возвращенія, что бы услышашъ о васъ пы-

сячу подробностей и лучше удостовериться въ томъ, что вы благосклонно приняли свидѣтельство сердечнаго моего къ вамъ уваженія, съ коимъ имѣю честь быть, и проч. —

Отвѣтъ Геснера.

Вы не можете предсавить себѣ, сколько совѣщусь я передъ вами, обращаясь къ вамъ такъ поздно съ моимъ отвѣтомъ и благодарностію за то удовольствіе, которе доставили мнѣ новыя перапральные ваши произведенія. Не подумайте, что бы я не умѣлъ цѣнить вашей дружбы и былъ нечувствителенъ къ доказательствамъ оной, столь для меня лестнымъ. Всѣ, кто ни приѣзжаетъ ко мнѣ изъ Парижа, могутъ васъ удостоверить въ противномъ. Первая заботливость моя говорить съ ними о васъ съ участіемъ искренняго дружества, въ которомъ клянусь вамъ. Я читаю и перечитываю ваши творенія; удивляюсь въ нихъ пону прососердечія, невинности, чистотѣ чувствованій и той занимательности, которую при-

даешь имъ правдоподобіе. Сердце мое глубоко пронушо публичнымъ свидѣльствомъ вашего лестнаго, дружескаго ко мнѣ расположенія: я горжусь шемъ, что одна изъ моихъ Идиллій подала вамъ мысль написать маленькую Драмму, превосходную во всѣхъ отношеніяхъ. Моя Идиллія естъ не что иное какъ простой полевой цвѣтокъ; ваша Драмма — букетъ, связанный рукою самихъ Грацій.

И при всемъ томъ я могъ не писать къ вамъ столько долгое время! ... Но лѣность моя уже наказана — внутренною укоризною; а ваше доброе, нѣжное сердце обнадеживаетъ меня въ великодушномъ съ вашей стороны снисхожденіи.

Смѣю рекомендовать вамъ вручишеля письма сего, молодаго Англичанина Господина Д... По невинности нравовъ своихъ и благородству чувствованій онъ можешь служить образцемъ для вашихъ Героевъ, съ такимъ искусствомъ вами изображаемыхъ. Онъ жилъ около года въ Цирихѣ и очень привязанъ къ моему дому. Я говорилъ ему о васъ, за-

спавлялъ чипашъ его ваши шворенія:
онъ горитъ желаніемъ видѣшь челоуѣка,
кошорому удивлялся и кошораго почи-
паешъ опъ всего сердца.

Съ чувствованіями почшенія и друж-
бы имѣю честь бышь; и проч.

А.

~~~~~

ДОГАДКА.

Любви примѣшы
Я не забылъ;
Я ей служилъ
Въ былые лѣшы.
Въ ней говоришь
И жаръ ланишь
И вздохъ случайной.
О! я знакомъ
Съ симъ языкомъ
Любви шайной.
Ты вся въ огнѣ,
Бѣдняжка Скромность!
Сихъ взоровъ помнесшь
Поняшна мнѣ.
Любви примѣшы
Я не забылъ;
Я ей служилъ
Въ былые лѣшы.

Б.

~~~~~

ВОЗВРАЩЕНІЕ.

На кровы ближняго селенья
 Низходишь вечеръ; день погасъ,
 Покинемъ рощу, гдѣ для насъ
 Часы лепѣли, какъ мгновенья.
 Дель! улыбнись, когда изъ ней
 Случилось дѣвицѣ моей
 Унести во взорахъ пламень томной,
 Мечту любви въ душѣ своей,
 И въ волосахъ дискочкѣ нескромной.

Б.

~~~~~

ПОЦѢЛУЙ.

(Доридѣ.)

Сей поцѣлуй дарованный побой
 Преслѣдуетъ мое воображенье;
 И въ шумѣ дня и въ тишинѣ ночной
 Я чувствую его напечатлѣнье.
 Случайнымъ сномъ забудусь ли порой—
 Мнѣ снишься ны, мнѣ снятся наслажденье,
 Блаженствую, обмануемый мечтой,
 Но въ топъ же мигъ встрѣчаю пробужденье,
 Обманъ исчезъ, одинъ я, и со мной
 Одна любовь, одно изнеможенье.

Б.

~~~~~

РОМАНСЪ.

Я нѣкогда наснушку прелестную любилъ; —
 Мнѣ взоръ ея порукой въ любви взаимной
 былъ;
 Я пилъ мое блаженство на пламенныхъ устахъ,
 И зрѣлъ мою надежду въ пошупленныхъ очахъ;
 День каждый наслажденья мнѣ новы общалъ:
 Я къ счастью пробуждался—со счастьемъ
 засыпалъ!

*

Но ахъ! земное счастье не вѣкъ цвѣшетъ
 для насъ,
 И лучъ надежды свѣпшишь не каждый въ
 жизни часъ!

Завидно людямъ спало двухъ счастье сердець:
 Одно ужасно слово— и счастью конецъ!
 Погибли наслажденья!—я съ мимой разлучень—
 И плакашь вмѣстѣ съ нею оспрады я лишень!

*

И мнѣ еще пѣняюшь, что я задумчивъ
 спалъ!

Увы, я все веселье съ любезной попереялъ!
 Лишась моей подруги, могу ли возвращишь
 Опять мою надежду, и жизнью дорожишь?..
 Привязанъ къ пляжкой жизни я кляпвой
 роковой...

Но кто зажжешь свѣпильникъ надежды предо
 мной? —

Владиміръб.

М. Хрулевъб.

П Ъ С Н Я.

(Пародія извѣстной Пѣсни: *На толь,*
то бы печали, и проч.)

Со всемъ не для печали,
Но радость находишь:
Намъ боги сердце дали
Способное любишь.

Съ малѣйшимъ чувствомъ спроси
Забьшы, всѣ напаси!
Съ нимъ горе ешь ли гдѣ?
Нигдѣ—нигдѣ—нигдѣ!
Но радость и веселье—
Вездѣ—вездѣ—вездѣ!

*

Никто во всей вселенной
Безъ страха не живаль!
Какой же съ ней влюбленной
Блаженства не вкушаль?

Любя — и въ огорченьѣ
Находяшь ушѣшенье;
Кто любишь, шопъ на вѣкъ
Счастливы — счастливы — счастливы!
Завидное творенье
Влюбленный человекъ!

*

Невольникъ въ заключеньѣ
Когда бы полюбиль;
Онъ вѣрнобъ наслажденье
Въ оковахъ находиль.

Чемъ чувствво въ насъ нѣжнѣе,
 Темъ радости сильнѣе —
 Лязля счастливымъ не бышь?
 Нельзя—нельзя—нельзя!
 Пожалуста, о сердце!
 Не преставай любишь.

М—я. Д—ая.

~~~~~

КЪ МОЕМУ БУМАЖНИКУ.

Гдѣ денежки жильцы,
 Здѣсь шолько пришлецы;
 Гдѣ караваны зримы,
 Здѣсь рѣдки пилигримы;
 Лишь ночку опдохнуть,
 Съ разсвѣшомъ въ пушь идушь.
 Иные ихъ неволяшь;
 По мнѣ, куда изволяшь!

Казань.

Н. Ибрагимовъ.

~~~~~

Ш А Р А Д Ы.

1.

Въ *натальнои* мы водой гуляемъ;
 Второе ешь союзъ; на *третие* будь нѣмъ,
 Иль держишь что въ рукахъ, распашься
 должемъ съ шѣмъ;

А *цѣлыи* называемъ
 Старухъ и молодыхъ,
 Красавиць и дурныхъ
 И добренькихъ и злыхъ.

2.

Натало въ букварѣ; къ *концу* изъ за морей
 Приходишь много кораблей;
 А *цѣлое*— ешь родъ цѣпей.

Велвокай.

Шарада, помѣщенная въ X N^o значишь:
цс - три - цы.

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1822. № XII.

МИРЗА.

Благочестивый Мирза, былъ судіею одной обширной области на берегахъ Ганга. Многие искали у него защиты отъ несправедливости сильныхъ. Душа его исполнена была омерзѣнія къ неправоудію; съ опвращеніемъ преслѣдоваль онъ тайные пупи злодѣевъ, что бы опкрышь разсшавляемыя ими сѣши: и ежели случалось ему спасать отъ хищенія, ихъ пришѣсенную вдову, или возвращать наслѣдство бѣдному сиротѣ, то и тогда Мирза не могъ радоваться, ибо свѣшь сей со всѣми прелестями своими былъ ему несносенъ.

Каждую недѣлю удалялся онъ два раза на высокую гору: шамъ, молишвами и набожными размышленіями очищаль душу свою, что бы и малѣйшая забота міра сего не пошемняла, чистоты ея.

Однажды спеченіе сѣшующихъ было

у него многочисленное, шайные пуши обаяшелей ухищренны. Семь дней сряду долженъ былъ онъ пребыть въ полпѣ злочеспивыхъ; съ каждымъ восходомъ солнца попеченія его опкрышь козни злодѣевъ, возобновлялись; семь разъ часы полуночи заспавади его бдящимъ въ шапръ его. Наконецъ въ осьмый разъ восходишь солнце, и онъ какъ бы въ ушренной дремошѣ обрѣшаешъ давно искомую имъ и глубоко соккрышую испишу, спѣшишь въ судилище, и его изрѣченіе обезоруживаешъ приспыженную злобу.

Будучи ушомлень, избѣгаешъ благодареній спасенной имъ невинности и удаляешся на свою гору.

Тамъ повергаешся лицомъ на землю и взываешъ: “о Озиридь, опецъ свѣша! чемъ согрѣшилъ предъ шобою Мирза, что поставилъ его среди сего несчастнаго, порочнаго рода?—Семь дней душа моя спенала въ узахъ мрака. Въ семь дней едва могъ я возвести очи мои къ тебѣ. О Всемогущій! допустишь ли пыменя, уединеннаго, могибнушь въ пышынѣ безводной? „

Такъ молился Мирза и плача, опять повергся лицомъ на землю. Въ сію минушу слышишь гласъ зовущій его: “Мирза, возведи очи твои!”, — Мирза возводитъ взоръ свой и, зришь передъ собою образъ юноши, облеченнаго въ бѣлую шкандъ; юноша сей говоришь ему: “Мирза, я неизвѣстенъ тебѣ, ибо ты никогда еще не зрѣлъ меня”, — Никогда, ошвѣчаешь Мирза. — “Я, Ангель хранишель твой, я сопровождалъ тебя всюду; былъ съ тобою, когда ты на уединенной горѣ приносишь моленія Озириду, былъ присущимъ тебѣ въ судилищѣ, открылъ очи твои, да зришь истинный путь правосудія; и сегодня еще, въ ушренней дремотѣ показавъ тебѣ шайну злобы ... Смершныя! вы шприте на злакъ сельный, исполняешесь веселиемъ, когда лучи свѣта вызываюшь юный зародышь изъ нѣдръ земли; Озиридъ и духи его, съ высоты престола небеснаго ослабляя взоры свои, зрашь людей шворящихъ правду въ мѣръ семь. Ишакъ не почишай себя несчасшнымъ, ты угодень Отцу свѣта. Но что бы душа твоя не изнемогала отъ заботъ шрудныя жизни, что бы душа твоя бы-

ла довольна и могла бытъ шаковою, О, зиридь повелѣль мнѣ прояснишь очи швои, да узришь меня и уразумѣешь, что Духи живаго Духа не чшущь за малое соупшснвовашь шебѣ въ жизни сей и подвизашься въ споль низкой долѣ до того времени, пока ты не воцаришься въ сѣни чисшаго свѣша,

Съ тѣхъ поръ Мирза зрѣлъ всегда небеснаго юношу по спорону себя, и бремя жизни земной было ему легко, Ибо онъ почувспвоваль блаженство исполняшь волю Бога, хотя бы по было въ *самой* низкой долѣ, или у прешола Всевѣчнаго.

Другъ мой! если ты изнеможешь въ мнрѣ семъ, если возжелаешь чисшаго свѣша, то долженъ всегда зрѣть небеснаго вожашая и чрезъ него почувспвовашь себя достойнымъ швоего Создателя.

Сѣ Нѣмецъ. А. К. л. к. в.

РАЗБОРЪ ПОЭМЫ БОБРОВА; ХЕРСОНИДА,

(Окончаніе.)

Занявшись подробною криптикой эпизодовъ Херсониды, я, можетъ быть, уже упомянулъ вниманіе читателя; но они въ сей Поэмѣ едва ли не длиннѣе прочихъ частей, что по необходимости должно быть замѣтно и въ ея разборѣ. Обращаюсь теперь къ описаніямъ и слогу Боброва, которые составляютъ существенное достоинство Поэмы описательной. Авторъ Херсониды имѣлъ пылкое воображеніе и наблюдательный взоръ; многія картины Природы нарисованы имъ весьма живо. Написанный чтеніемъ Англійскихъ Поэтовъ, онъ старался имъ подражать, и главнымъ его образцемъ былъ Томсонъ. Такъ напримѣръ въ описаніяхъ зноя и бури Русскій Спихопворецъ заимствовалъ лучшія черты изъ Временъ Года. — Но къ чему подражатель должно сказать, что онъ прибавилъ къ подлиннику нѣсколько собственныхъ картинъ, новыхъ и выразительныхъ. Къ числу ихъ принадлежитъ слѣдующая, которой нѣтъ въ Томсонѣ:

идѣ.—Вопь еще нѣскольکو сѣиховъ изъ
описанія бури:

Вдругъ дождь шумящій съ сильнымъ
градомъ,
Спуча по звучнымъ' скашамъ горь,
Пошоконъ цѣлымъ низпадаешъ
Изъ нѣдръ разверзспыхъ облаковъ.
Крушяпся вихри дождевые
Средь бурь, бушующихъ на небѣ;
Взвивающся ошъ швердыхъ скашовъ
Сѣдые брызги легкимъ дымомъ.
Уже ошъ влаги есѣ потускли
Вершины мѣловыхъ хребшовъ,
А въ селахъ низки кровли хижинъ
И пыльны спогны покровенны
Шумящими вездѣ ручьями.
Но пламенникъ неукропимый
Среди дождей еще не гаснешъ,
И новы силы напрягая
Мелькаешъ ярко надъ пуспыней.
Блѣднѣющъ чресла облаковъ
Ошъ яраго лица огней;
Блѣднѣющъ бедра горъ камниспыхъ,
Покрышыя до половины
Спустившимися облаками,
И пламенѣешъ дождь косой
Ліющійся въ холмы пуспынны! (сѣпр.

Въ семь описаніи много естественности, блеска и живости; въ нѣкоторыхъ стихахъ примѣрно удачное звукоподражаніе Природѣ. Бобровъ имѣлъ необыкновенный даръ изображать предметы:— часто онъ обрисовываетъ ихъ немногими, но рѣзкими чертами и какъ будто приносишь предъ глаза. Такъ онъ описываетъ внимательность Крымскихъ паспуховъ къ рассказамъ Шерифа, которъй уже переспалъ говорить; но

Еще стояли паспухи
Безмолвственны подлѣ Омара,
Какъ мраморы, иль испуканы
Полуживые близъ Орфея,
Съ прижатыми ко груди дланями:
Лишь видно, что подъ дланями вздохъ
Подъемаешь бьющуюся грудь! (спр. 140.)

Предлагаю еще примѣръ. *Терпѣливый сынъ пустыни*, верблюды поминся въ спеша Африканской,

Гдѣ средь песковъ каленыхъ сохнешь
Горшанъ его ошъ пылкихъ вихрей;
Вошще колѣна онъ сгибаешь,
Чтобъ бурна полоса прошла
Безвредно надъ челомя его:
И онъ, и всадникъ погибающъ
Съ пришествіемъ палящей смерти!
(спр. 102.)

Избѣгая длинныхъ выписокъ, я скажу только, что подобныя мѣста въ Херсонидѣ весьма нерѣдки, и что всякій читатель, чувствительный къ прелестямъ картинной Поэзіи, найдетъ въ Поэмѣ Боброва богашую пищу для своего воображенія.—

Вообще должно замѣтить, что Авторъ Херсониды особенно успѣлъ въ описаніи величественныхъ и ужасныхъ красотъ Природы: въ его стихахъ Таврическія горы изображены удачнѣе, нежели роскошныя долины Крыма. Однажды и онъ приносилъ иногда жертвы Граціямъ и перемѣнялъ важный тонъ своей лиры на игривый и нежный. Посмотрите, какъ прелестно представлень у него Амуръ, поскующій въ пустынѣ:

Лежишь божокъ румяный праздно
 Подъ тѣнью попола, иль вербы;
 Самъ капли слезъ горючихъ льешь,
 Рукою влажны очи прешь,
 Тамъ брошенъ полный стрѣлъ колчанъ,
 А здѣсь изломанъ лукъ, поверженъ
 Съ беззвучной, дряхлой шешивой.
 Любовь печальная чухъ дышетъ,

Не рѣзвился, или не пишешь
 На древѣ спрокъ завѣсныхъ сердца,
 Или въ часы вечерни лѣша
 Изъ рукъ опважныхъ не кидаетъ
 На полну, бѣлу грудь пасшусекъ
 Благоуханныхъ васильковъ! (спр. 82.)

Карпинный и сильный языкъ составляетъ опличительный характеръ Херсониды. Я уже имѣлъ случай замѣтить, что Бобровъ опмѣнно любитъ вводить въ стихи свои древнихъ боговъ и богинь; шеперь прибавлю, что сіи украшенія Поэзіи, слишкомъ обветшалые, почти всегда принимаютъ подъ его перомъ видъ новости и представляють воображенію приятныя картины. Такъ на примѣръ въ началѣ Поэмы Бобровъ объявляя о своемъ намѣреніи избавитъ-ся опъ ига рѣемы, говоритъ, что онъ снялъ съ Музы своей тяжелыя оковы, дабы ея нѣжная грудь дышала свободнѣе. (спр. 18.) Въ журчаніи ручейка онъ слышитъ бѣгъ Нимфы, которая рѣвою ногой спучитъ по коралламъ, (спр. 57.) Упомянувъ объ изобрѣшеніи громовыхъ опводовъ, онъ съ важностью прибавляетъ, что мы можемъ нынѣ удержи-

вашъ разящую десницу Зевеса. (ст. 210.)— По моему мнѣнію, новѣйшіе Поэты должны употреблять древнее баснословіе только подобнымъ образомъ; въ противномъ случаѣ всѣ ихъ Амуры, Зефиры и Граціи будутъ для чинапелей скучнымъ повпореніемъ школьной Мифологіи.

Съ удовольствіемъ оспанавливаясь на красотахъ разсматриваемаго мною произведенія, я вижу и недоспашки его. Главнѣйшій изъ нихъ есть недоспашокъ вкуса. Въ Поэмѣ Боброва мы иногда вспрѣчаемъ между прекрасными описаніями самые сухіе, прозаическіе. Начинаешь ли онъ описывать расшенія Тавриды — онъ изчисляетъ съ величайшею подробностію всѣ, копорые у него предъ глазами, безъ всякаго выбора и даетъ имъ свои имена, часто варварскіе; даже Лапинскіе ихъ названія приведены у него въ примѣчаніяхъ, какъ будто бы кто шребуешь отъ Поэта глубокихъ свѣдѣній въ Ботаникѣ! Говорить ли о произведеніяхъ ископаемаго царства—стихи его похожи на рѣзстръ минеральнаго кабинеша. Обращается ли

къ живошнымъ — онъ не забываетъ послѣдняго насѣкомаго и, скажу словами одного Французскаго Спихотворца, кажется, смотришь на Природу въ микроскопъ. Въ одномъ мѣстѣ (спр. 87.) приглашая свою подругу въ Крымъ, онъ уговариваетъ ее не боясья ядовитыхъ живошныхъ, и между темъ представляешь ей такой подробной отчетъ объ нихъ, который можешь испугать не только робкую красавицу, но и всѣхъ чашапелей со вкусомъ. У Боброва даже Ифигенія говоритъ языкомъ Натуралиста и дѣлаешь честь всѣмъ ночнымъ пшцамъ Тавриды, изчисляя каждую изъ нихъ поименно. (спр. 145.) Поэзія не должна изображать все безъ разбора, не должна ошпанавливаться на мѣлочахъ: она ловитъ главныя, разительнѣйшія черты своего предмета и смотритъ на него только съ прекрасной стороны.

Многіе изъ Англійскихъ и Германскихъ Писателей, стараясь представлять Природу какъ можно точнѣе, не избѣжали важнаго недостатка, который у Кришиковъ называется *ложною естественностью*. Сей недостатокъ мы

находимъ и въ Бобровѣ, что можно доказать однимъ примѣромъ. Умиравшій Омаръ такъ заключаетъ рѣчь свою:

“Се смертный мракъ! се вѣчна ночь!
Алла! прими мой духъ и о...о...,”
Сказалъ, и отвратясь лицомъ,
Просперся, воздохнулъ и умеръ.
(сир. 255.)

Весьма естественна и вѣроятно, что спарецъ въ минушу кончины не могъ договорить послѣднихъ словъ, но очень странно смертные вздохи его перелаташь въ стихи. Это истина, но истина грубая и отвратительная. Она неприятнымъ образомъ говоритъ намъ о нашей слабости и ничтожествѣ; она унижаетъ челоуѣка въ собственныхъ его глазахъ: она, по словамъ Шамфора, напоминаетъ новому дворянину о неблагородномъ его происхожденіи.

Читая Херсониду, нельзя не пожалѣть, что Сочинитель ея, одаренный отличными талантомъ, шакъ часто заблуждался! Геній Боброва, своевольный, необузданный презиралъ всѣ почти правила вкуса. Въ его твореніи часто встрѣчаются картины чудовищныя, мысли

спражня—словомъ всѣ причуды одичалаго воображенія. Желая изумить пареніемъ, смѣлостью, онъ часто падаетъ; желая пронуть — смѣшить. Въ одномъ мѣстѣ у него прубы рапныя звукомъ своимъ раздирають черныя тучи (спр. 164); въ другомъ, звѣзды на огненныхъ колесницахъ сражаются за Русскихъ (спр. 185). Сердце, пылающее огнемъ любви, онъ употребляетъ плавильной печи (спр. 273). Игра словъ, сравненія и коншрасмы изысканныя, вообще блески ума также не рѣдки въ слогъ Боброва; на примѣръ:

Съ подругою небесныя кровы

Ещебъ *небеснѣ* (?) казались;

Съ ней вдругъ я два бы Неба видѣлъ:

Едино въ ней, другое внѣ! (спр. 196.)

У него зеркало ручейка служитъ эхомъ для цвѣщовъ, а эхо называется онъ воздушнымъ зеркаломъ, преломляющимъ лучи звука. (спр. 264 и 265.) Можно бы привести много подобныхъ примѣровъ изъ Херсониды, кошорые живо напоминають не еспешивенный, принужденный слогъ Марини и его подражателей *);

*) Злоупотребленіе ума и слогъ, испор-

но выписки мой были бы безконечны, если бы я хопѣлъ изчислить всѣ недоспапки Боброва. Однакожь замѣчу еще неблагогородство нѣкоторыхъ мыслей и выраженій, прослѣвующееся иногда до опшрапительнаго цинизма. Извѣстно древнее сравненіе Фортуны съ женщиною знатнаго рода, копорая иногда и рабовъ удоспоиваетъ своей благосклонности: Бобровъ повпорилъ ту же мысль, но словами, почти неблагоприспшными (спр. 275.) Другое сравненіе, въ кошоромъ честь изобрѣшенія принадле-

ченный *контеттали*, составляютъ опшличительный характеръ Итальянскаго Спшхшшворца *Марини*, и хопя въ меньшей мѣрѣ, недоспапокъ почти всѣхъ Итальянскихъ Писателей. Самый Тассъ иногда плашилъ дань дурному вкусу своихъ соотечественниковъ. Такъ напр. описывая слѣзы Армиды и дѣйствіе ихъ надъ Христшанскими рыцарями, онъ восклицаетъ:

O miracol d'amor che le faville

Tragge del pianto, e i cor nell'acqua accende!

Ger. liber. Canto IV. stanz. 76.

ш. е. О чудо любви! она извлекаешь искры изъ слезъ и сердца воспаляетъ водою.

жипь ему самому, сравненіе Природы съ любезною его сердца—еще грубѣе. (стр. 271.) Не выписываю собственныхъ стиховъ Поэта изъ уваженія къ моимъ читателямъ.

Въ приведенныхъ мною отрывкахъ уже можно замѣтить, что въ словѣ Херсониды, недосмаетъ правильности и чистоты. Бобровъ не умѣлъ владѣть языкомъ; онъ не зналъ искусства благороднымъ оборотомъ, счастливымъ выборомъ выраженій возвысить обыкновенную мысль, или прилично изобразить высокую: словѣ его шароховашъ, часто низокъ и темень; припомъ испещренъ множествомъ новосоставленныхъ, странныхъ словъ, къ которымъ Авторъ Херсониды имѣлъ особенную страсть. Онъ былъ дурной Переводчикъ собственныхъ своихъ мыслей; но и въ дурномъ переводѣ мы узнаемъ иногда красоты отличнаго Поэта.

Стихосложеніе Херсониды также носитъ на себѣ печать грубаго вкуса: весьма тяжело и необработано. Непозволенная перестановка словъ, безпрестанные усѣченія окончаній, нару-

шеніе гармоніи оспанавливають чипашеля на каждой страницѣ сей Поэмы. Въ ней небрежность стихосложенія проспирается до такой степени, что между чешырешпошными стихами, кошорыми она писана, изрѣдка находимъ стихи другой мѣры; даже иногда шешпешпошные. — Сіи погрѣшности опнимають много достоинства у Боброва, но друзья шаланшовъ, при всѣхъ недоспапкахъ его Поэмы, будущъ чипашель ее съ удовольствіемъ. Эпо дикая, песчаная шепель, на кошорой однакожь мѣстами вспрѣчается приятная зелень.

Кр.

НА БОЛѢЗНЬ ЛЮДМИЛЫ.

Людмилу, боги! изцѣлите
И возвратите вы ей здравіе скорѣй;
Коль нужно жизнь мою возьмите:
Охотно жизнию пожертвую моей,
Охотно для нее приму смерть люшу —
Лишь шольвобъ могъ въ послѣднюю ми-
нушу

Я на нее взглянуть
И ей люблю шепнуть.

1820.

....б.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ РОМАНА ЛАНТЬЕ: *LES VOYAGEURS EN SUISSE* *).

Письмо XXVII.

Адолфѣ къ своему брату.

Поѣздка на гору Воаронѣ.

Женева.

Сей часъ возвратились мы, любезнѣйшій братъ, съ горы Воаронѣ, гдѣ былъ я съ Бланкою и нашими Англичанами. Въ Женевѣ эша гора представляеш-

*) Числ. въ дружескомъ Обществѣ С. Д. П. 15 ч. Юля прошедшаго 1821 года. Одному изъ членовъ должно было написать на заданное слово: *дурная погода*, но вмѣсто того представилъ онъ переведенные имъ два письма изъ вышеупомянутаго Романа, прочитавъ напередъ слѣдующіе стихи:

Прияшно ли, когда дурна погода?

Прияшно ли шеперь, когда намъ машь-при-
рода

Шлешъ ежедневно дождь всецѣдрою рукой?

Всѣ кроушся, спѣшашъ домой,

И груспи бѣгая унылой

Разнообразишь день спарающся пошыллой.

ся взору въ весьма привлекательномъ видѣ. Пологий скатъ обработанъ поселянами на большое пространство къверху; за долиною видны луга, увѣнчанные лѣсомъ.

Спѣшу и я—но чѣмъ?— Жесткою судьбой

И дома осужденъ занявшись

Погодою дурной.

Съ кемъ въ злѣйшей участи могу изъ всѣхъ

сравняться?

Конечно спору нѣтъ,

Нельзя найши богашѣ предмета

Для вдохновеннаго поэта.

Привыкши списывать природу съ юныхъ

лѣтъ,

Волшебную онъ киску беретъ—

Дверь настѣжь и окно, чѣмъ въпра завывае

ванье

Сугубило его очарованье—

Ужь смѣлою рукой вашъ новый Оссіанъ

Рисуешь вамъ бурливый Океанъ,

Валы, взбугренные холмами,

И посреди корабль съ согбенными снастями.

Съ раздранными въ куски Бореемъ парусами..

Рождаетъ тысячу идей

Въ немъ слово лишь одно *несчастье*..

Не всякому такое счастье!

Вошь я, шакъ въ головѣ своей

Мы всё отправились верхомъ. Бланка впереди въ амазонскомъ плащѣ, которое такъ хорошо приспало ея гибкому и легкому спану; упренный воздухъ, движеніе на лошади, превосходный день, все располагало ея къ веселости. Смотря на нее, и я радовался, какъ ребенокъ. Она видѣла это. “Не правда ли, что я совершенно расшительное существо, сказала она мнѣ: лучи солнца согревають и оживляютъ меня., — Милордъ и Милади безъ ума отъ моей милой Бланки.

Въ монастырь Воаронскій поспѣли мы къ десяти часамъ. Вышина его 486 сажень надъ поверхностью озера; со всѣхъ сторонъ лѣсъ; въ немъ живутъ Бенедиктинцы. И для пресупника было бы величайшимъ наказаніемъ жить въ ша-

Ищу напрасно вдохновенья.

Но вмѣсто своего творенья,

Въ конюромъ бы пришлось сто разъ мнѣ
повторить:

Несносна какъ, дурна погода!

Берусь вамъ иначе служить:

Прошу послушать васъ дурнаго перевода.

комъ суровомъ климатѣ. Матерь Божія, которой они обрекли себя, слыветъ въ окрестностяхъ также подъ именемъ Воаронской. Мы разговорились съ однимъ изъ монаховъ. Онъ былъ изувѣченъ застарѣлою подагрой: руки вывернушы, пальцы скрючены и нестерпимая боль во всемъ плѣ—дѣйствіе жестокой температуры. Бланка не могла равнодушно смотрѣть на сего несчастнаго. Я спросилъ его, почему не оставитъ онъ этого гибельнаго жилища? “Не могу, отвѣчалъ онъ, я долженъ повиноваться своему начальству.,—Но вы изнемогаете, а начальство ваше должно имѣть состраданіе.—“Правда, что болѣзнь моя нестерпима, нерѣдко прихожу я въ опечаленіе; но Матерь Божія и вѣра подкрѣпляетъ меня: на томъ свѣтѣ получу награду за тѣ скорби, которыя претерпѣлъ въ этомъ.,—Какое благо религія!—“Особенно для несчастныхъ!”, сказалъ Милордъ. Нельзя смотрѣть безъ ужаса на это дикое убѣжище: въ срединѣ его темный дворъ, настоящій ледникъ, всегда набишый снѣгомъ. Холодъ, сырость, темъ болѣе опасныя, что дѣломъ на-

ружный воздухъ гораздо теплѣе. Одинъ изъ почтенныхъ опцовъ разсказалъ намъ происшествіе, случившееся въ прошедшемъ Октябрѣ мѣсяцѣ. Два мальчика изъ окружности бѣгали другъ съ другомъ по снѣгу; около четырехъ часовъ вечера они заблудились въ густомъ, сосновомъ лѣсу не вдалекѣ отъ ихъ жилища. Уже ночью хвапились ихъ домашніе: суматоха во всемъ домѣ. Пошли искать въ разныя стороны; кричащъ, зовущъ ихъ; зажигаютъ лучину, бѣгаютъ съ колокольчиками по лѣсу. Наконецъ послѣ трехъ часовъ бѣганья и ужаснаго безпокойства, находятъ бѣдныхъ малюшочъ въ ямѣ, наполненной лисьями. Тамъ лежали они одинъ на другомъ. Старшій, девяти лѣтъ, снялъ съ себя куртку и покрылъ ею своего шестилѣтняго брата, который былъ въ одномъ только камзолѣ. Онъ легъ и самъ на него, не боясь за себя ни спужи, ни смерти.

Въ монастырской гостинницѣ доспали мы себѣ завтракъ. Въ это время Милордъ сказывалъ намъ, что въ большемъ Карнезіанскомъ монастырѣ, близъ

Гренобля, гдѣ монахи просящъ всякаго посѣщившаго ихъ путешественника записывать въ книгѣ имя и званіе, и даже написашъ какіе нибудь спмшкі, или сеншенціи, нашель онъ имя Жанъ-Жака Руссо съ однимъ только словомъ: O ar-titudo!—Мы не оставили добрыхъ монаховъ безъ подаянія *).

Продолжая путь, вспрѣпились мы съ однимъ челоѡкомъ, копорый былъ очень не дурень собою и имѣлъ прияпное, выразительное лице. Мы спросили у него: далеко ли еще до Калвера?—“Да не близко: еще успѣете соскучишься.,— Какъ это?—“Да такъ: челоѡкъ только съ мѣста, а ужъ хочеть бышь шамъ куда идешь., Онъ спросиль зачемъ мы идемъ шуда?—Изъ любопытства, опвѣчали мы, посмошрѣшь, понаучишься че-

*) Сіе убѣжище сгорѣло. Несмотря на шо монахи оставались еще годъ, или два, подъ однимъ сводомъ, копорый пощаженъ былъ огнемъ; наконецъ однако позволили имъ выдти опшуда и образъ Божіей Машери перенесенъ въ Аннеси.

му можно. Онъ улыбнулся и покачалъ головою. Мы ужъ хопѣли его оставишь, какъ вздумалось еще намъ спросишь его, будешь ли хорошая погода? Онъ желалъ дожда и попому опвѣчалъ, ударивъ меня по плечу: “будешь, будешь для васъ сумазбродовъ!”, Тутъ со смѣхомъ опшелъ опъ насъ. Намъ шакже показалось это очень забавно.

На сихъ горахъ замѣчательна одна весьма красивая пшица, шакъ называемый *хохлатый князекъ*, пипающійся соновыми шишками. Мы наслаждаемся прелеснѣйшими видами: изъ монастыря предспавляется взору озеро, какъ бы огромный бассейнъ, копорато края украшены городами Эвіаномъ, Тонономъ и славнымъ Рипальскимъ Каршезіанскимъ монастыремъ. Направо первая цѣпь Альповъ: высокія горы — шолько всѣ ниже Воарона—взгроможденныя одна на другую, составляютъ сущее подобіе хаоса.

Самый высокій пунктъ Воарона простирается на 519 сажень надъ поверхношю озера: монахи прозвали мѣсто сіе Калверомъ; оно покрыто со-

новымъ лѣсомъ, споль густымъ, что мы насилу могли сквозь него пробираться съ помощію какого-то едва мерцающаго свѣта, подобнаго лунному.

Ibant obscuri solâ sub nocti per umbram.

Бланка не смѣла ни на шагъ опуститься опъ меня. Мы шли по краю ужасной бездны. Милордъ и я осмѣлились измѣрить взорами глубину ея; но дамы наши зажмурили глаза, чувствуя круженіе головы. Эша пропасень называется *скачкомъ дѣственницы* (saut de la ruscelle) и вопъ почему.—Одна молодая дѣвушка, копорой добродѣтель несправедливо была подозрѣваема, взошла — какъ говорящъ—на эту вершину, помолилась на колѣнахъ Пресвятой Дѣвѣ и бросилась въ пропасень; но Машеръ Вожія послала Ангеловъ, копорые поддержали ее въ паденіи и шихо опустили къ подошвѣ горы, гдѣ очутилась она какъ будто ни въ чемъ не бывало.

Видъ съ одной небольшой возвышенности почишаю я самымъ привлекательнымъ въ эшомъ краю. Тамъ, сидя на вершинѣ, смошрѣли мы вправо на

озеро и на всѣ его окрестности. Полотій скапь у ногъ нашихъ, обрабопанный руками земледѣльцевъ, разсѣянный по немъ деревеньки, все имѣло въ глазахъ нашихъ очаровашельную прелесшь. Влѣво величешвенная группа Альповъ, между кошорыми Боежская долина и селенія: Венъ, Филленжъ и Пелъу, разнообразили сію волшебную каршину. Но между шемъ какъ мы наслаждались чистопною воздуха, припшнымъ спокойшвіемъ ашмосферы, между шемъ какъ предъ нашими глазами Зефиръ не колыхаль лисшовъ —

Сынъ грозный Сѣвера, неисповый Борей бушеваль въ долинь и на озерѣ, вздуваль съ яроспшою волны и наводняль окрешности. Женевскій валь, ближнія къ озеру улицы, все было запошлено водою, кошорая поднялась до вшораго яруса домовъ. Намъ и на мысль не приходила эша ужасная буря, свирѣпшвовавшая шолько въ долинь. Такъ нѣкогда Архимедъ, углубясь въ геомешрическія выкладки, наслаждался спокойшвіемъ уединенія въ самое шо время, какъ въ Си-

ракузахъ царствовало смяшеніе и убійство.

Подивись добродушному опвѣшу одной креспьянки изъ селенія Краце. Не могу не упомянуть о немъ въ моемъ повѣствованіи. Сойдя съ горы, увидѣли мы прекрасный садъ. Множество деревьевъ гнулось подъ бременемъ плодовъ. Бланка и Милади, изнемогшія отъ усталости и отъ жара, а можешь быть и прельщенные, какъ Ева, запрещеннымъ плодомъ, остановились, что бы полакомиться. Онѣ сѣли подъ деревьями, а мы, по еспѣ я съ Милордомъ, пустились на добычу. Зрѣлыя груши едва держались на стебелькахъ. Мы рвали ихъ и подавали дамамъ, какъ вдругъ увидѣли приближающуюся къ намъ прекрасную женщину, высокую и стройную. Полагая, что это хозяйка сада, пошелъ я къ ней на встрѣчу и сказалъ ей, чтобъ она не беспокоилась на счетъ нашей кражи; что мы ей заплашимъ.— “Кушайте сколько угодно, опвѣчала она: я не за пемъ пришла, чтобъ попревожить васъ. Тотъ, кто сотворилъ эти груши, не одному, а всѣмъ предославилъ

ими пользовашься., — Сколько ни упрашивали, ни убѣждали мы ее, она никакъ не согласилась взять отъ насъ что нибудь за свои плоды. Какая пропивоположность въ сихъ невинныхъ нравахъ и гостепріимствѣ — съ суровослію и корысполюбіемъ жищелей большихъ дорогъ!

Близъ города Ключа ошановились мы на небольшемъ лугу, возвышающемся надъ лежащими между горъ долинами, и увидѣли шупъ нѣсколько женщинъ. Онѣ сидѣли въ кружку на шравѣ, вязали домашнія издѣлья и расцѣвали спаринныя пѣсенки, но переспали какъ скоро насъ примѣшили. Мы подсѣли къ нимъ и просили ихъ продолжашъ, на что онѣ и согласились отъ чистаго сердца. По окончаніи пѣнія, поднесли мы имъ по рюмочкѣ ликера. Дружеское наше обращеніе и жаръ отъ напишка, которымъ мы подчивали, разгорячили ихъ воображеніе, и онѣ начали намъ говорить о волшебницахъ, власпвующихъ надъ всею ихъ спороною. Видя, что мы сомнѣваемся въ эпемъ, старшая изъ нихъ сказала: “А что будете говорить

тогда, какъ мы покажемъ вамъ такія диковинки, которыхъ нигде другой, кромѣ ихъ, и сдѣлать не можешь? Онѣ выкопали себѣ въ горахъ покойныя горницы. Тамъ-то насмотришься чудесъ: камни, превращенные въ улишокъ, въ змѣй, во всѣ роды необыкновенныхъ живописныхъ. Мы поняли, что онѣ говорятъ объ окаменѣлостяхъ. Въ эту минуту пасухъ, сидя на вершкѣ одной скалы, шагахъ въ тридцати отъ насъ, заигралъ на рожкѣ Швейцарскую пѣсню, известную подъ именемъ: *ront des vaches*. Тутъ всѣ замолкли, всѣ слушали съ живѣйшимъ движеніемъ сіи сладостныя, меланхолическіе звуки; на глазахъ ихъ навернулись слезы умиленія; мы сами не могли быть равнодушны и погрузились въ какую-то пріяпную задумчивость. Известно, какое впечатлѣніе производитъ эша арія надъ обитателями Альповъ, особенно когда они находятся внѣ своего отечества. Это простое пѣніе возбуждаетъ въ душѣ ихъ живое воспоминаніе о ихъ горахъ, колыбели ихъ дѣтства, счастливомъ приютивъ ихъ первыхъ невинныхъ наслажде-

ній. Какъ скоро сіи звуки коснутся ихъ слуха, они дѣлаются мрачны, и не рѣдко самая смерть бываетъ слѣдствіемъ ихъ глубокой задумчивости.

Carpatum dulcia, nostrum est
Quod vivis: cinis et manis et fabula fies.

Эпо, помнишься, изъ Персея.

Письмо XXVIII.

Гжа Сентъ-Омеръ къ Адольфу.

Свадьба Берто съ Филиппиной.

Chi mette il piè sull' amoroza pania
Chechi citrarlo, e non v'inveschi l'ale:
Che non é in somma amor se non insania.

Къ несчастію почтенный братецъ мой не чашаетъ Аріоспа: сегодня поутру пришелъ онъ ко мнѣ съ извѣстіемъ, что женился на возлюбленной своей Филиппинѣ и принесъ письмо къ Бланкѣ.—“Поздравляю, сказала я: въ семдесятъ лѣтъ очень прилично вкусишь еще ушѣхи Гимена и Амура. Совѣшую однако вамъ женишься шихомолкомъ,

безъ всякаго шума; мало ли на свѣтѣ злыхъ людей; пожалуй вздумаюшь и позабавишься на вашъ счетъ., — Народъ глупъ, ошвѣчалъ онъ: еще глупѣе пошь, кто жертвуешъ ему собою. Когда я буду болѣнь, онъ не придетъ лечишь меня; онъ не дасъ мнѣ хлѣба, когда у меня не будетъ денегъ: шакъ я презираю всѣ его злобныя рѣчи.—“Правда, мудрецы презираюшь общее мнѣнiе, предразсудки и предаюшся спрашямъ своимъ; но что касаешся до меня, я имѣю слабосъ уважашъ мнѣнiе людей и пошому не смѣю посѣнишь своей высокопочтенной золовушки., —Почему же? Развѣ она дурнаго званiя? Не чесшна? Не добродѣтельна?—“Вамъ лучше эшо знашь: вы должны были заранѣе освѣдомишься объ эшомъ., —Я и освѣдомился: я очень знаю, на комъ женюсь.—“На Пенелопѣ?., —Гораздо лучше.—“На Лукреци?., — Да, да; на Лукреци, на зло вамъ и всѣмъ насмѣшкамъ вашимъ. Знаю, что шы не любишь ее—что шы, съ другими подобными шебѣ причудниками, клеветешъ на нее цѣлому свѣшу; но на зло шебѣ и всѣмъ швоимъ угодишкамъ, бышь ей.

женою господина Берто, давнишняго городского старшины и сына Королевскаго Секретаря. — “Поздравляю ее ошъ души; она будешъ первою дамою во всемъ городѣ., — Впрочемъ будешъ ли ты, или нѣтъ на свадьбѣ, для меня все равно. — “Безъ сомнѣнiя желаясь на шакон прелестной и невинной красавицѣ, вы чемъ нибудь жертвуете въ ея пользу?... потому что эта новая Лукреція конечно прельщается не одними только умильными глазами., — При сихъ словахъ онъ вспыхнулъ ошъ гнѣва, шемъ болѣе, что глаза его съ нѣкотораго времени очень красны и всегда подъ защитою зеленаго зонтика. — Вы очень дерзски, сударыня: да, она идетъ за меня для моихъ умильныхъ глазокъ; а что бы всѣмъ вамъ досадишь, отдаю я ей половину моего имѣнiя. — “Ручаюсь, что она возьмешъ его изъ любви къ... вамъ., — Ты такъ думаешь, а она не хотѣла взять половины. — “Такъ она хотѣла всего?., — Ты, сударыня, самая злая насмѣшница. Въ послѣднiй разъ спрашиваю: будешъ ли ко мнѣ на свадьбу? — “Буду, если Гжи Филиппины Бонарь шамъ не будешъ., —

Довольно, мы обойдемся и безъ тебя. Прошу только отправить это письмо къ моей дочери., — Тупъ онъ вышелъ съ сердцемъ, ударивъ ногою мою собачку, которая на него залаяла. Я не хотѣла за это сердиться; онъ кажется мнѣ очень жалокъ: его лѣна, самая слабость его требуютъ снисхожденія.

Amor quanto è piu tardo, è piu crudele.

Раскаяніе ожидаетъ его при выходѣ изъ церкви; тогда если онъ опять придетъ ко мнѣ, приму его съ тѣмъ же дружествомъ, которое онъ всегда находилъ въ глубинѣ моего сердца. Онъ смѣется надъ тѣмъ, что называетъ моею Философіею: но это метафизическое существо есть по моему, ни что иное, какъ человеколюбіе, основанное на разсудкѣ. Истинный философъ есть человекъ чувствительный, образованный и добродѣтельный, а не ученый, преисполненный напыщеннаго высокоумія. Эта мысль напоминаетъ мнѣ слѣдующіе стихи Шарлевиля, Поэта-Философа.

Умѣримъ желанія наши спроптивы;
 Познаемъ, познаемъ мы лучше себя—
 Желашель бышь вы любимы, счастливы?
 Достигнушь не шрудно—умѣренность стро-
 гу любя.

*

На свѣпѣ гремятъ богачи, властелины;
 Но что они Правды суровой въ глазахъ?
 Ихъ счастье—игра своенравной судьбины.
 Ихъ знашность—химера, богатство и пыш-
 ность ихъ—прахъ!

*

Своихъ я желаній изъ дѣшства владѣ-
 шель,
 Разчищывалъ шакъ и незрѣлымъ умомъ:
 Нужиѣ всего для меня добродѣшель,
 За нею здоровье; а слава, богатство попомъ.

Шарлевишь спавишь конечно благо-
 шворительность выше всѣхъ добродѣ-
 телей. Я иногда размышляю про себя,
 какъ люди спранны въ своихъ зашѣяхъ,
 какъ часто они бывающъ жестоки въ
 опношеніи къ другимъ. Гжа Дюпре го-
 ворила мнѣ однажды: “Я совершенно
 разорилась въ эпомъ мѣсяцѣ. Обѣдъ за
 обѣдомъ, при почши сряду и надобно
 дашь еще чешвершый, кошорый совсемъ
 ужъ испощишь карманъ мой.,—А сколь-

ко, спросила я, спанешъ вамъ эпопъ обѣдъ?— Да около десяти луидоровъ.,— Такъ не давайте обѣда, а дайте два луидора какому нибудь бѣдному сѣмейству; вы выиграете восемь луидоровъ и удовольствіе отъ добраго дѣла. — Опвѣшь мой заставилъ ее улыбнуться съ видомъ сожалѣнія. Вотъ каковы люди! Они даюшъ пиры тѣмъ, которые и за своимъ обѣдомъ пресыщаюшся, а отказываюшъ въ хлѣбѣ голоднымъ бѣднякамъ. О святое Милосердіе! какъ мало поклонниковъ въ швоемъ храмѣ!

Прощайте, милые! Весь Ліонъ говоритъ о свадьбѣ моего брата. Всѣ удивляюшся Бланкъ, жалюшъ объ ней и о будущей ея участи. Посылаю къ ней письмо отъ ея ошца. Дославъше ко мнѣ съ него конію.

Софіинѣ.

~~~~~

КЪ ЮНОШѢ.

(Изъ Клопштока.)

Молча надъ ручьемъ сребрисшымъ,
 Май въ веселіи сидѣлъ,
 На главѣ съ вѣнкомъ душисшымъ,

Онъ въ спруи ручья смопрѣль —
 Онъ смопрѣль, какъ кудрей волны
 Разливались по плечамъ:
 Сладкой, юной жизни полный,
 Улыбался красотамъ.
 Вдругъ промчался надъ горами
 Вихрь губительной спрѣлой,
 И могучими крылами
 Снесъ съ чела горы сѣдой
 Дубъ, воспитанный полвѣкомъ ...
 Сосна корнемъ, вверхъ лежишь—
 И поникшій подъ ушесомъ
 Сирий шрупъ ея лежишь!
 Май заснулъ между цвѣтами,
 Не внимая гласу бурь,
 И проснулся, какъ звѣздами
 Вечеръ освѣшилъ лазурь.

*

Такъ и ты еще не слышишь
 Гласа бѣдшвей, Агапонъ!
 Лишь безпечною дышешь:
 Жизнь швоя, какъ легкой сонъ...
 Опыть и себя заспанешь;
 Пробудись разсудкомъ ты:
 Молодость, какъ роза, вянешь—
 Вянушь скоро красоты!

В. Гр — вб.

О ПРОДОЛЖЕНИИ ГАЗЕТЫ: *РУССКІЙ*
ИНВАЛИДЪ,

или

ВОЕННЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Съ Высочайшаго ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА соизволенія Коллежскій Совѣтникъ *Воейковъ*, принялъ на себя обязанность продолжать изданіе выходящей ежедневно въ свѣтъ Газеты: *Русскій Инвалидъ*, или *Военныя Вѣдомости*. Признавъ за полезное сдѣлать въ составѣ оной нѣкошорыя перемѣны, онъ имѣетъ честь извѣстить почтенныхъ оошечественниковъ, что въ сей Газетѣ будутъ помѣщаемы слѣдующія спашьи:

I. Высочайшіе Приказы по Сухопутнымъ Арміямъ и Флотамъ; извѣстія о Высочайше пожалованныхъ чинами Военными и Спашскими, Кавалерскими Орденами и другими знаками опличія и награжденіями.

Примѣч. Съ сего времени Высочайшіе Приказы ни въ какихъ Вѣдомостяхъ, кромѣ *Инвалида*, печатаются не будутъ. Издастель приложитъ все спараніе о самоскорѣйшемъ ихъ доставленіи Господамъ подписавшимся.

II. Топографическіе, Спашисшическіе и Историческіе описанія разныхъ частей Россіи и другихъ Государствъ, особливо смеж-

ныхъ съ Россією, и преимущественно въ Спращегическомъ отношеніи; описанія походовъ, сраженій, осадъ и всего, что служило къ распространенію познаній по части Военныхъ наукъ.

III. Новосты Липспературныя, то есть небольшіе лучшіе стихотворенія и прозаическія сочиненія.

IV Библиографія и краткій разборъ вновь издаваемыхъ сочиненій и переводовъ, имѣя всегда болѣе въ виду шѣ, кои относятся къ Тактикѣ, Спращегіи, Фортификаціи и Аршиллеріи.

V. Открытія по части Наукъ, Искусствъ и Художествъ, и въ особенносты относящихся къ Военному званію.

VI. Путешествія, то есть: письма Русскихъ путешественниковъ о Россіи и о чужихъ краяхъ, извѣстія о новѣйшихъ открытіяхъ путешествующихъ вокругъ свѣта, также замѣчанія о разныхъ странахъ Европы и другихъ частей свѣта.

VII. Любопытныя отрывки изъ Исторіи, особливо Отечественной, какъ-то: повѣствованія о важныхъ случаяхъ, и преимущественно военныхъ; Біографіи знаменитыхъ Россійскихъ Полководцевъ и воиновъ; Военныя анекдоты, изображающіе отличныя черты неуспрашимости и великодушія.

VIII. Новѣйшія внутреннія и заграничныя извѣстія.

IX. Благошворенія.

X. Смѣсь: замѣчанія, переписка, объявленія и проч.

Примѣт. По временамъ будущъ прилагаемы карпины, ландкаршы, планы сраженій, модели разныхъ военныхъ машинъ и лиспочки съ музыкою.

Новый Издапель почтешъ себя счастливымъ, если успѣшъ сохранишъ израненнымъ на полѣ брани воинамъ нѣ суммы, кои собираемы были въ ихъ пользу опъ изданія сей Газеты.

Издапель получаетъ всѣ иносранныя вѣдомости, Журналы и новѣйшія книги и имѣшъ Корреспонденшовъ въ знашнѣйшихъ городахъ Европы.

Каждый день, кромѣ Воскресныхъ и годовыхъ праздниковъ, будешъ выходить по прежнему поллиша печашныхъ, а иногда и болѣе. Въ теченіе первыхъ шрехъ мѣсяцовъ шекущаго года будешъ выходить *по цѣлому печатному листу*, или *по два номера вѣ день*; въ нихъ помѣшяшся и всѣ вновь выходящіе Высочайшіе Приказы, и всѣ съ 1-го Января въ С. Пешербургскихъ Академическихъ Вѣдомостяхъ заключающіеся. Сіе составишъ полное оныхъ собраніе для получающихъ Инвалида.

Первый номеръ выйдешъ 20-го Марша. Цѣна годовому изданію, (состоящему изъ

153-хъ печатныхъ лисшовъ, или 306-ши номеровъ), здѣсь въ Санктпетербургѣ 35 руб., а съ пересылкою во всѣ другіе города Россійской Имперіи 42 руб.; полугодовому же (съ 1-го Января по 1-е Юля) въ Санктпетербургѣ 20 руб., а съ пересылкою 23 руб. 50 коп. За доставленіе въ дома прилагается въ годъ по 6 руб., въ полгода по 3 руб.

Подписка ошъ жишелей Санктпетербурга принимается въ Магазинѣ брашьевъ Слениныхъ на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Кусовникова, прошивъ Казанскаго Собора; а ошъ иногородныхъ въ Почшовыхъ Коншорахъ и Экспедиціяхъ.

Ш А Р А Д А.

Ошъ *перваго* во *всемѣ* находяшъ изцѣленье;
Въ *послѣднемѣ* же моемъ прелесшнѣйшій кли-
машъ.

Тамъ небо ясное и воздухъ-аромашъ,
Приносятся жишелямъ ошраду, наслажденье.

Костявицѣ.

Изъ помѣщенныхъ въ XI N^o Шарадъ первая значить *Катер - и - на*, а вшорая *вв-Рига*.

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ

1822. № XIII.

КРИТИКА.

Нагертаніе Тригонометріи. Сочиненіе Н. Навроцкаго. Часть первая, содержащая прямолинейную Тригонометрію. Москва, въ типографіи Августа Семена. 1821. въ 8 ку. 100 сшран.

При разсмащриваніи всякой книги, первый вопросъ, предсшавляющійся уму, ещъ щощъ: съ какою цѣлію оная сочинена, или сосшавдена? Вщорый: досщигъ ли авщоръ своей цѣли, и если нѣщъ, що по какой причинѣ?

Ощвѣщъ на первый изъ сщхъ вопросовъ о Тригонометріи Г. Навроцкаго весьма зашруднищеленъ, какъ сіе увидимъ ниже, а щощому, и на послѣдній ощвѣщашъ не легко.

Тригонометрію ещъ щощько на всѣхъ Европейскихъ языкахъ и написано по разнымъ сщстемамъ, що *сочинить* новую, щ. е. сказашъ що нщбудь новое о сей наукѣ-крайне щрудно; *составить* же новую, щ. е. сказашъ все що же, що и другіе, щощько по-

своему - крайне легко. Мы имѣемъ не мало Тригонометрій, въ число коихъ должно включишь и разсмащриваемую мною, не *сочиненныхъ* вновъ, а *составленыхъ* такимъ образомъ, что каждая изъ нихъ соопвѣщсшвуешь цѣли своей; напримѣръ изъ Тригонометрії, преподаваемой въ Морскомъ Корпусѣ, выпущено все, что не можешъ бышь нужно при изученіи Морскихъ Наукъ, и напрощивъ удержано и изложено съ возможною краткостію и ясностію все то, что необходимо нужно для сего предмета. Чисная же Тригонометрію Г. Навроцкаго нельзя догадаться *для того и для кого* писалъ онъ ее: нѣкопоры мѣлочныя подробности, въ кои сначала входилъ онъ, (наприим: что шреугольвики вычисляющся штригонометрически для того, что *вылбръать оныя просто посредствомъ* какого либо орудія не удобно и не вѣрно. стр. 6. § 3.) зашавляющъ думашъ, что онъ писалъ для начинающихъ сію науку; между темъ шрудная спашья, переведенная изъ Лежандра и Пюиссана (стр. 67.) и многіе мѣсша самой Тригонометрії, для поняшія коихъ шребующся въ чипапелѣ немалые познанія Алгебры—прошивоевѣчашъ сему мнѣнію. Судя по сему, должно полагащъ, что Г. Навроцкій хощѣлъ сосшавиць, или сочинишь *полную Тригонометрію*. Въ такомъ случаѣ не надлежало бы выпускащъ многихъ весьма

важныхъ тригонометрическихъ предложеній, какъ напр: *что синъ $\frac{1}{2}$ дуги есть сред., проп. между $\frac{1}{2} R$ и син. версусомъ цблой дуги, равно какъ и между танг. $\frac{1}{2}$ дуги и $\frac{1}{2}$ сина цблой дуги*; также содержаніе косек.; что въ шрехъ арифметич. пропорц. дугахъ—*хорда средней кб суммѣ 2 хб крайнихъ R хорды исполненія общей разности, и ш. д.—что сины малыхъ дугъ въ томъ же кругѣ пропорціональны самимъ дугамъ*, на которомъ предложеніи основывался все строеніе тригонометрическихъ таблицъ;—но какъ сихъ, такъ и многихъ другихъ предложеній, касающихся до рѣшенія косвенныхъ шреугольниковъ, не находимъ вовсе въ Тригонометрии Г. Навроцкаго. Быть можетъ, что сего требовала цѣль Автора: не зная оной, не могу спорить.

Порядокъ и метода должны быть, такъ сказать, душою всякаго, а наипаче математическаго сочиненія; посмотришь, соблюдено ли это въ Тригонометрии Г. Навроцкаго. Съ самаго начала нѣтъ никакихъ опредѣленій, долженствующихъ быть основаніемъ всякой Математической Науки; не сказано ни слова о томъ: *на сколько частей раздѣляется окружность круга, какъ эти разныя части называются, что такое есть исполненіе и дополненіе дугъ, и ш. п.* Опредѣленія тригонометрическихъ линей особенно замѣчательны: они всѣ начинающся словомъ: *итакъ* (спр 7.

§. 5). Определе́нія обращены въ слѣдствія, или заключенія, вмѣсто того, что послѣдствіе должно выводиться изъ первыхъ. Напримѣръ: “Если въ какомъ нибудь углу $BСD$ “взявши за центръ точку C , станемъ (!) “описывать круговую линію и изъ точки пересѣченія B одного радіуса опустимъ на “другой перпендикуляръ BA , то сей перпендикуляръ будетъ называться синусомъ дуги “ BD , или угла $BСD$; разстояніе же точки “ A отъ центра C косинусомъ. *Итакъ* синусъ дуги есть “и проч.... Но понастоящему надлежало бы сказать: “сину дуги есть “то - то; *итакъ* если напримѣръ въ какомъ “нибудь углу $BСD$, и проч. За определениемъ синуса слѣдуетъ определение косинуса (стр. 8): “Косинусъ есть часть радіуса, и проч. — Отъ сочинителя новой Тригонометрии не возможно бы ожидать сколько фальшиваго определенія. Косинъ отнюдь не есть часть радіуса, заключающаяся между центромъ и синусомъ, но только *равенъ сей части*; самъ же онъ есть не что иное, какъ *синъ дополненія той же дуги*. Но не сказавъ прежде что такое *дополненіе*, нельзя было употребить сего определения. Послѣ определения шангенсовъ и секансовъ, начинающихся также словомъ *итакъ*, слѣдуетъ (сшран. 9): “ $\angle BСK$. служашій *дополненіемъ* (а мы еще не слышали “что такое есть *дополненіе*) угла $BСD$ имѣетъ

«также свои тригонометрическія линіи. Но «для отличія оныхъ, и проч. до косину $\langle$ ВСК.,, Какая запушанность и сколько лишнихъ словъ, вмѣсто того, что бы сдѣлавъ напередъ опредѣленіе дополненія, спойлобъ только сказашъ: *синъ, тангенсъ и секансъ* дополненія какой нибудь дуги называющаея *косиномъ, котангенсомъ и косекансомъ*, - и обратно.

Ту же ошибку, какую видѣли мы въ опредѣленіяхъ, встрѣчаемъ и въ предложеніяхъ. Въ Математицѣ вообще принято за правило - приводишь сначала *силу* предложенія, а потомъ *доказательства*; у Г на же Навроцкаго эшо на оборотъ: сначала слѣдуешъ доказательство, или аргументъ предложенія, а потомъ вдругъ, *неожиданно-сила*. (спран. 31, 57, и проч.) И между темъ какъ сіе все упущено во многихъ важнѣйшихъ предложеніяхъ, по самое легкое *приисківаніе дугъ въ логарифмахъ*, которое можно бы изъяснить нѣсколькими словами, разпространено (стр. 45) на пяти страницахъ и расположено по проблемамъ! — Въ Математицѣ также принято за общее правило: отъ простѣйшихъ предложеній переходишь къ сложнѣйшимъ; но у Г. Навроцкаго и эшо на оборотъ. Напримѣръ въ изъясненіи *рѣшенія косвенныхъ треугольниковъ* (стр. 55 и 56.) показываешъ оны сначала, какъ по шремъ сторонамъ, или бокамъ сыскываешъ уголъ, а по-

помъ объясняешъ другіе гораздо простѣйшіе случаи.

Въ математическихъ сочиненіяхъ старающагося по возможности избѣгать всякихъ повторовъ и излишностей. Гнъ Навроцкій не можешъ эшимъ похвалиться; недосщапокъ мѣтоды и порядка, или вѣрнѣе сказашъ недосщапокъ плана, принуждалъ его прибѣгать къ частымъ повтореніямъ; на каждомъ шагу встрѣчающагося совершенно лишніе, ни къ чему не служащіе и шолько болѣе затемняющіе смыслъ шолкованія. Напримѣръ: “Для сего должно прежде узнатьъ названіе “прочихъ тригонометрическихъ линей. „ (стран. 9) — “Тангенсы и секансы тригонометрическіе (смотр: примѣч. стран. 9). различествуютъ опъ линей, извѣстныхъ въ “Геометриі подъ симъ наименованіемъ. . .” Само собою разумѣется! да пришомъ эшо видно и изъ опредѣленія (смотр. стр. 10. § 6, стр. 11, 12, и ш. д.). Послѣ какого нибудь опредѣленія, или довода, Г. Навроцкій вездѣ прибавляешъ объясненія, которые, по моему мнѣнію, не шолько объясняютъ дѣло, шолько запрудняютъ и ошанавливаютъ. Напримѣръ: “Итакъ назвавъ $\angle BCD$ — и проч. (стран. 10) будетъ: синус. a = косин: e ; косин: a = синус: e , —, и проч. (стран: 14) “Иначе сіе можно доказашъ слѣдующимъ образомъ:

шан. $a = \frac{\sin. a}{\cos. a} \approx 8$, и ш: д.

(спран. 15) “Сіе же самое можно доказать,, и проч. . .

Наконецъ скажемъ нѣсколько словъ о слогѣ сей Тригонометріи. Въ Математическомъ сочиненіи, какъ мы уже сказали выше, пребуется всевозможная краткость и ясность; слогъ же Г. Навроцкаго, иногда распянушь и шемень, напр: “Наконецъ шакъ “какъ шреугольникъ DCB прямоугольный, “слѣдов: < при C никогда не можетъ быть “тупой (!) шо ешь, (вошь и поясненіе) ли- “нія BC, опклоняясь, никогда не можетъ пе- “рейши дѣлѣ четверши круга (!) - - - “слѣд: оба означенные ряда шреугольниковъ “могутъ быть составлены въ одной четвер- “ши круга, по вычисленію коихъ мы можемъ “вычислить всѣ прогіе (?) прямоугольные “шреугольники., *) Вспрѣчаются приномъ вовсе новые, неупотребляемые доселѣ въ

---

*) Спраница: 15: “Синусъ равенъ половинѣ хорды спягивающій дугу вдвое болѣе (?),” Впервыхъ шупъ опечатка, вмѣсто спягивающей сказано спягивающій, какъ бѣ это опнесилось къ синусу, а не къ хордѣ; за шимъ Авшоръ учебной книги долженъ внимательнo смопрѣнн; а вовпорыхъ не яснѣ ли было бы сказать, согласно со всѣми нашими Тригонометріями “Полу- хорда дуги равняется синусу половины той дуги.,”

Математикъ выраженія, наприм: (страни: 10) “разсмотримъ теперь *взаимную* связь (!) и *отношеніе* между ими (линеями) находяще-ся,—вмѣсто того, что должно бы сказать *взаимное содержаніе*. — (страни: 49): “найди *отношеніе* между гипотенузою, катетомъ и проч., (страни. 55): “найди *отношеніе* между прями боками,, и проч. Не знаю, почему Г. Навроцкій употребляетъ вездѣ *отношеніе* вмѣсто принятаго всѣми *содержанія*? хоша однакожь и самъ на страни: 49 говоритъ: “радіусъ содержишь къ синусу,,—а не *относится*!

Г. Навроцкій присовокупилъ къ своей Тригонометрії вышесказанную, довольно любопытную статью изъ Лежандра, за что ошъ упражняющихся въ сей наукѣ заслуживаетъ благодарность, какъ переводчикъ — если статьи сей не было еще на языкѣ нашемъ. Помомъ слѣдуешь приложеніе Тригонометрії къ нѣкошорымъ геометрическимъ вопросамъ; не оспановясь на семъ, Авторъ прибавляетъ еще: “приложеніе Тригонометрії къ Геодезіи, съ изложеніемъ правилъ съемки,, (страни. 83)—Предметъ совершенно чуждый Тригонометрії. Сочинитель не объясняетъ, почему изъ множества разныхъ предметовъ, къ коимъ можно приложитъ Тригонометрію, избралъ онъ преимущественно Геодезію и съемку? Точно также

могъ бы онъ сдѣлать приложеніе сей науки къ морской сѣлкѣ, къ движеніямъ флотовъ — и проч.; и такимъ образомъ согинуть Тригонометрію гораздо обширнѣйшую! — Напослѣдокъ спрашивается: для кого бы могло быть полезно краткое приложеніе его?.. Безъ сомнѣнія не для кварширмейстерскихъ Офицеровъ и Геодезистовъ; ибо они въ сочиненіяхъ, собственно до ихъ искусства относящихся, все это находятъ въ подробнѣйшемъ и яснѣйшемъ изложеніи — но еще менѣе для шѣхъ, кои никогда не занимались симъ дѣломъ и не имѣютъ нималѣйшаго понятія о томъ, что значить *Лилбусъ* и *Эксцентриситетъ* и какимъ образомъ возможно «установить (??) какой нибудь (!) инструментъ — измѣрить уголъ!», (спран. 83). Впрочемъ и самый искуснѣйшій Геодезистъ едва ли пойметъ, какимъ образомъ все это дѣлать *какимъ нибудь инструментомъ*.

У.

~~~~~

О ПИСЬМѢ КИТАЙЦЕВЪ.

Египетскіе іероглифы были не иное что какъ простое улучшенное древнее письмо, которое походило на грубое письмо въ живописи у Мексиканцевъ, только съ присовокупленіемъ ха-

ракпериспическихъ знаковъ къ изображеніямъ. Кипайцы письмо свое усовершенствовали нѣсколько болѣе. Они осправили изображенія и сохранили сокращенные знаки, умноживъ оныя до невѣроятнаго числа; а пошому у нихъ каждое понятіе имѣеть свой опличительный знакъ; и сіе письмо, будучи подобно почерку *письма живописью*, пребываетъ общимъ у всѣхъ народовъ, содѣспвенныхъ Кипайцамъ, хошя народы сіи говорятъ различными языками.

Въ самомъ дѣлѣ знаки Кохингина, Тонкинга и Японіи, по извѣстіямъ Олца Гальда, суть шѣ же самыя, какіе и въ Кишаѣ, и означающъ шѣ же предметы, хошя народы сихъ спранъ, изъясняющся на словахъ совсемъ неодинаково; и невзирая на различіе языковъ ихъ, претяпствующее имъ понимають другъ друга въ разговорахъ, они понижаютъ безъ всякаго затрудненія одинъ другаго, на письмѣ. По сему самому и книги ихъ всѣ общія, шакъ какъ наши арифметическіе числа, кои будучи употребляемы разными народами и нося различные имена во всѣхъ спранахъ,

означають вездѣ и всегда одно и то же количество. — Знаковъ, выражающихъ понятія, въ Китайскомъ государствѣ счисляють до 24 тысячъ.

Сколько ни измѣнены нынѣ сїи знаки; но Г. Варбюршонъ полагаетъ, что они содержатъ еще черты, показывающія въ нихъ начало происхожденія отъ какойнибудь живописи, или какогонибудь изображенія, т. е. отъ представленія такихъ вещей, кои сущесвуютъ въ природѣ въ естественномъ своемъ видѣ; для означенія же предметовъ, сущесвующихъ въ воображеніи нашемъ, по мнѣнію его, были избраны знаки болѣе, или менѣе символическіе, и болѣе, или менѣе произвольные.

Напрощивъ того Г. Фререшъ утверждаетъ, что сего происхожденія не возможно допустить, и что почерки Китайскіе имѣють отношеніе только къ шѣмъ вещамъ, для означенія которыхъ они избраны.

Не входя въ сіе изслѣдованіе, мы скажемъ только, что по свидѣтельству Г.г. Марпини, Магеллана, Гобиля, Семеди и Фюрмонша, кажешся, доказано,

что Кишайцы употребяли, изображенія, вмѣсто вещей, копорья живопись могла представлять глазамъ и символы для представленія иносказательнымъ образомъ, или намѣками, вещей, коихъ не можно было представлять. Ипакъ, по мнѣнію авшоровъ, выше сего приведенныхъ нами, Кишайцы имѣли почерки, представляющіе вещи, вмѣсто самыхъ вещей, имѣвшихъ форму, и произвольные знаки вмѣсто неимѣвшихъ формы. Но мысль сія не естъ ли одна только догадка?

Кажется, сіи два различные мнѣнія относительно Кишайскихъ почерковъ, можно согласить слѣдующимъ: желающіе доказать, что сіи почерки были первоначально грубые представленія вещей, ограничивались почерками изображенными Тсанг-Кіе (Tsang-Kie) и почерками, имѣющими сходство съ вещами какой либо формы; а преданіе Кишайскихъ кришиковъ, приведенное Фреромъ, разсматривающее сіи почерки, какъ произвольные знаки въ началѣ ихъ, есылается на почерки, вымышленные во время Шюна (Shun).

Какъ бы по ни было, если справедливо, что почерки Кипайскіе испытали тысячи измѣненій, въ чемъ и сомнѣваться нельзя, хотя и невозможно понять, какимъ образомъ произошли они отъ письма, бывшаго только проешюю живописью: по не менѣе вѣроятно, что и Кипайское письмо произошло отъ такого же начала, какъ и Египетское.

Сб Франц. А. К. л. к. в.

А Б Е Н А К И

Во время послѣдней Американской войны, часть дикихъ Абенаковъ разбила отрядъ Англичанъ; побѣжденные не могли укрыться отъ неприятелей, бывшихъ на бѣгу гораздо легче ихъ и ожесточившихся въ преслѣдованіи; дикіе поступали съ такимъ звѣрствомъ, къ порочу мало примѣровъ, даже и въ сихъ странахъ.

Одинъ молодой Англинскій Офицеръ, настигнутый двумя дикими, видя поднятые ими на него шопоры и совер-

шенно потерявъ надежду избѣжать смерти, рѣшился продать имъ жизнь свою дорого. Въ сіе самое время спарой дикой, вооруженный лукомъ, приближается къ нему и готовясь пронзить его стрѣлою; но напавъ на шиву, въ минуту ослабляетъ оную и бросается между молодымъ Офицеромъ и варварами, хотѣвшими убить его. Дикіе удаляются съ почтеніемъ.

Спарикъ беретъ Англичанина за руку, успокоиваетъ его ласками и опводитъ въ свою хижину, гдѣ обращается съ нимъ крѣпко и не измѣняетъ въ отношеніи къ нему своихъ поспупковъ ни въ какомъ случаѣ; онъ сдѣлалъ его болѣе другомъ своимъ, нежели невольникомъ; научилъ его языку Абенаковъ и грубымъ искусствамъ, бывшимъ въ употребленіи у сего народа. Такимъ образомъ они жили, будучи весьма довольны другъ другомъ. Ничто не превозжило молодаго Англичанина; иногда спарикъ усматривалъ на него взоры свои, и смотрѣвъ долго, проливалъ слезы.

Между темъ съ возвращеніемъ весны дикіе взяли оружіе и опправились въ походъ.

Спарикъ, будучи еще довольно крѣпкимъ къ понесенію военныхъ прудовъ, также опсправился въ сопровожденіи своего юнаго плѣнника.

Абенаки прошли лѣсами болѣе двухъ сотъ миль; наконецъ прибыли на равнину, гдѣ ошкрыли лагерь Англичанъ. Спарикъ показаль оный молодому челоуѣку, примѣчая движенія его.

“Вошь швой брашья, сказалъ онъ ему, вошь шѣ, кошорые ожидають насъ, что бы сражашься съ нами. Послушай: я спасъ себя опъ смерши; я научиль шебя дѣлашь чолнь, лукъ и стрѣлы; научиль шебя управляшь попоромъ и снимашь кожу съ волосами съ череповъ неприятельскихъ. Чшо былъ шы тогда, какъ я привель шебя въ свою хижину?— Твои руки, были подобны дѣнскимъ; не могли ни пропишашь шебя, ни защищашь; душа швоя была во мракѣ, шы ничего не зналь, шы всемъ одолженъ мнѣ. Будешь ли сполько неблагодарень, что соединяшь съ швоими брашьями подымешь на насъ попорѣ швой? „

Англичанинь клялся, что лучше со-

гласишься потерять тысячу разъ жизнь свою, нежели пролишь кровь хотя одного Абенака.

Дикой закрылъ себѣ лице руками и преклонилъ голову; пробывъ нѣсколько времени въ такомъ положеніи, посмотрѣлъ на молодаго Англичанина и сказалъ ему голосомъ, выразавшимъ нѣжность и прискорбіе: “есть ли у тебя отецъ?,, — Онъ былъ еще живъ, опвѣчалъ молодой человекъ, когда я оставилъ опечесство. — “Ахъ! какъ онъ несчастливъ!,, вскричалъ дикой; и послѣ минушнаго молчанія присовокупилъ: “знаешь ли ты, что и я былъ опцомъ?.. А теперь нѣтъ! Я видѣлъ, какъ сынъ мой палъ въ сраженіи; онъ былъ подлѣ меня, я видѣлъ его умирающаго мужественно; онъ былъ весь покрытъ ранами, когда палъ... Сынъ мой! Но я опмспилъ за него..... да, я опмспилъ за него!,, — Сшарикъ произнесъ слова сіи; возвыся голосъ. Все шѣло его пошряслось. Онъ почти задыхался опъ рыданій, коихъ не хотѣлъ обнаружить; глаза его дико вращались, слезы изсякли. Мало помалу онъ успокоился и обращаясь къ Восшо-

жу, сказала молодому Англичанину: “видишь ли ты это небо, озаренное свѣ-
 томъ? Находишь ли удовольствіе смотрѣть на него? „ — Да, оспѣвчаль Англи-
 чанинъ, я долженъ находить удовольствіе, взирая на красоты его. — “А
 я. . . . я не нахожу болѣе! „, сказала ди-
 кой, проливая источники слезъ. Мину-
 шу спустя, онъ показал молодому че-
 ловѣку на одно дерево, бывшее въ пол-
 номъ цвѣтѣ. “Видишь ли это цвѣтущее
 дерево, спросилъ онъ: находишь ли
 удовольствіе смотрѣть на него? „ — Да,
 съ удовольствіемъ смотрю я на него. — “А
 я, такъ нѣтъ! „, прервалъ дикой поспѣшно
 и продолжалъ: “спуцай, иди на родину;
 пусть отецъ твой находить удовольствіе,
 смотря на восходящее солнце
 и на цвѣты весенніе. „ —

Изъ С. Лалберта — А. Кляв.

ИЗГНАННИКЪ.

Оспавленъ всѣми, одинокъ,
 Гдѣ я, изгнанникъ бѣдный!
 Госпепріимный уголокъ,
 Гдѣ кровь найду привѣпный?
 Унылы, скорбны дни влачу
 Внѣ опческаго дома;
 Нигдѣ опрады не сыщу;
 Печаль лишь мнѣ знакома.
 Надежды прежде слабый свѣпъ
 Блиспаль передо мною;
 А нынѣ и его ужь нѣпъ
 И онъ покрылся шмою.
 Идуль съ поникшею главою
 Въ пущивю, въ вшепъ песчану—
 Скорбь всюду слѣдуешь за мной
 И сердца множишь рану.
 Иду ли въ сонмища людей
 Для радостнымъ объятій—
 Тамъ нѣпъ знакомыхъ, нѣпъ друзей;
 Нѣпъ помощи опъ брапій.
 Здѣсь нѣжная въ любви жена
 Ласкаешь, зрю, супруга;
 А шамъ рука съединена
 Съ рукою вѣрной друга;
 Тупъ спарець въ дряхлые лѣта
 Дѣшей своихъ лобзаешь,
 Тамъ обрученная чеша
 Любовію стараешь! ...

А я безъ друга, безъ родныхъ
 Безъ милой, одинокій,
 Брожу въ степяхъ, въ лѣсахъ гусшыхъ,
 Кляня свой рокъ жестокой.
 Разсудокъ мой начнепъ шемнѣшь
 Опъ помысловъ поскливыхъ;
 Какъ шягосшно, какъ грусно зрѣшь
 Несчастному счастливыхъ!
 Въгу съ разшерзанной душой
 Въ пусшынную обищель,
 И часшо къ безднѣ роковой
 Влечешъ меня погибель.
 Счастливыцы, коимъ жизнь сія
 Дана для наслажденья,
 Ахъ! ежели погибну я,
 Спрашищесь Провидѣнья!
 Вы не оперли сирыхъ слезъ,
 Не пронудили моленьемъ;
 Васъ и поспигнешъ гнѣвъ небесь,
 Пылающихъ опмщенемъ.

П. р. об.

РОБЕРТЬ И КЛАРА.

Ужь вечернее свѣшило
 Въ морѣ ликъ свой погрузило!
 Тихо все—лишь въшерекъ,
 Пробудясь, спруишь пощокъ;
 Лишь кузнечика спѣнанье
 Возмущаешъ липъ мойчанье.

Поздно черезъ лугъ душистой
 Къ рощѣ липовой, шѣнистой,
 Клара съ Робершомъ пришла;
 Ихъ любовь шуда вела!
 Тамъ бѣжалъ ручей кристальный,
 Орошая нивы дальны;

*

Тамъ ясины помавали,
 Какъ бы другъ друга лобзали;
 Шопощь Клары нѣжныхъ словъ
 Пробирался межъ листовъ:
 То былъ брегъ очарованный,
 Какъ безвѣстный край желанный!

*

Соловья шамъ шрель сливалась,
 Дробью въ полѣ разсыпалась;
 Сквозь вѣшвысшихъ липъ навѣсъ
 Мѣсяць съ мрачныхъ зрѣлъ небесъ;
 И шуманъ шамъ надъ водою
 Сплался зыбкой пеленою.

*

Волны мчались дерзновенны.
 Два цвѣшка соединены
 Клара бросила въ пошокъ;
 Вдругъ опсшаль одинъ цвѣшокъ....
 Клара взоры пощупила,
 Такъ, вздыхая говорила:

*

«Видѣлъ, Робершъ, какъ промчались
 Два цвѣтика—и вмигъ распались?
 Плыли вмѣстѣ все они—
 Разлучили ихъ спруи.,,
 —Можешъ бышь, шамъ сѣдиняшся,
 Вмѣстѣ къ берегу примчашся—

*

Молвилъ Робершъ.—Тушь взоръ милой
 На волнахъ бродилъ унылой;
 Мѣсяцъ шомный лучъ бросалъ;
 Жукъ полуночный жужжалъ!
 «Клара! брось, покинь кручину:
 Намъ ли знашь свою судьбину?»,—

*

Такъ промчалосѣ полгода.
 Брани бурной вдругъ невзгода
 Заревѣла въ шой спрацѣ!
 Вошь и вождь ужъ на конѣ—
 И—окрешъ, геройства полны,
 Спрои зыблюшся, какъ волны!

*

Мщенъе на усцажъ ройшало;
 Юношей на брацъ озывало:
 Родины призывъ свяшой
 Роберша увлекъ съ собой...
 И взвиласѣ пылъ сполбомъ
 Подъ крупымъ его конёмъ!

*

«Радость, жизнь моя увяла!
 — Клара въ горести взывала —
 «Легкокрылый въперокъ!
 Не наморщивай пошокъ,
 Не играй цвѣтами луга;
 Но ошвѣй сирѣлу ошъ друга!...»

*

Одинокая спенаешъ,
 Эхо шоны повшоряешъ;
 Развѣваешъ бѣлый плашъ:
 Слезы кашяшся, какъ градъ!
 Милый другъ ея далеко,
 Всюду грустно одинокой!

*

Часно вечеромъ ненастнымъ,
 Пригорюнясь, съ сердцемъ шрасстнымъ,
 Покидала ошчій домъ;
 И въ молчаніи нѣмомъ
 Клара руки просширала...
 Тщешно друга ожидала!

*

Лѣшо въ полѣ ошцвѣшаешъ;
 Осень вскорѣ насшупаешъ;
 Солнце красное мелькнешъ,
 И ошпашъ за лѣсъ зайдешъ;
 Тучи вѣтръ съ собой приводишъ —
 Только Робершъ не приходишъ!

*

Будто роза, цвѣтъ долины,
 Вянешь Клара, дожь кручины.
 Вопь къ ручью идешь она:
 Чшо же видишь?—Ахъ! полна
 Та спрана для ней мученья:
 Всюду обласшь запусшѣнья!

*

Тупь на прахъ она упала,
 Сшонь окрешность повпоряла;
 Низлешълъ къ ней шихій сонь,
 Жизнь ея похишилъ онъ!
 Безмяшежная могила
 Клару бѣдную сокрыла.

*

Тамъ съ вечернею денницей
 Вѣшерь дышешь надъ гробницей;
 Липа вѣшьями шумишь;
 Аромашь вокругъ разлишь
 Ошь дыханія ясмина:
 Кларъ мирная судьбина!—

*

Брань ушла—и унылой
 Робершь съ жизнью остылой
 Къ дому опчему лешишь...
 Въ немъ любовь еще горишь:
 Онъ въ знакомомъ опдаленьѣ
 Мнишь бѣдамъ найши забвенье!

*

Вошь ужь близко конь репивый
 Мчишься бѣгомъ поропливемъ!
 Вошь ошкрыль ужь жадный взоръ
 Родины знакомый боръ,
 И испочникъ гдѣ впервые,
 Озлапились дни младае.

*

Вдругъ...онъ видишь въ чащѣ рощи,
 Подъ навѣсомъ свѣшлой нощи,
 Что-то блѣлое блещишь—
 Смогришь ближе...гробъ споишь—
 “Кларинъ гробъ! О рокъ ужасный!”,—
 И угаснулъ Робертъ спраспный....

*

Только вечеръ воцарился—
 Облако надъ ними зришь;
 И полунощной порой
 Тѣни ихъ, рука съ рукой,
 Въ ризѣ свѣшлой и эфирной
 Мчашся вмѣстѣ въ сѣни мирной.

1820.

Съ Нѣм. В. Г.

www

РУССКІЯ ПѢСНИ.

I.

Тоска въ разлукѣ.

oo — oo oo — oo

Не звѣзда зажглась, не луна взошла
 На лазурный сводъ неба чистаго —
 Ходишь дѣвица, ходишь красная
 На зеленомъ лугу, муравчашомъ.
 Не рѣка льется, не ручей бѣжитъ
 По цвѣшнымъ камнямъ, по желцу песку —
 Любся слезы, любся горючія
 Со бѣла лица на младую грудь.
 Тихо дѣвица идешь по лугу,
 Тихо къ дереву прислонилася.
 Взоры горесныя красавицы
 Успремилась на широкій пущь.
 Пыль волнуешься, въ опдаленіи,
 Гуль ошь попоша чущь ужь слышишься.
 Ахъ давноль еще милый другъ ея
 Прижималь ея ко груди своей?
 Еще слезы взаимной радости
 На глазахъ ея слабо свѣпяшся;
 Еще сладосный поцѣлуй его,
 Какъ огнемъ, горитъ на щекъ ея.
 “Ахъ зачемъ меня ты покинулъ, другъ?,”
 Въ горѣ дѣвица шущь промолвила.

“Я снесла бы шруды военные,
 Совладѣла бы съ саблей острою.
 Я умѣлабъ шамъ защишишь шебя!
 Я умѣлабъ шамъ умерешь съ шобой. —
 Вѣдь разлуки не пережишь же мнѣ!,,

2.

Непонятная грусть.

oo — oo o — oo.

Ахъ! подруженьки, голубушки!
 Вы скажите, разполкуйте мнѣ,
 Чшо со мною бѣдной сдѣлалось!
 Ошъ чего мнѣ такъ сгруснулося?
 Чшо такъ сердце вдругъ забилося?
 Ошъ чего мнѣ все не взмилѣло?
 Ужь и пряжа чшо-шо рвешся всё,
 Ужь и ленша разплешаешся!
 Гдѣ дѣзались дни счастливые,
 Какъ и Дуня межъ подружками
 И пѣвала и рѣзвилася?
 Разцвѣшала, какъ цвѣшь розовой
 Разцвѣшашъ въ дни весеніе.
 Ахъ! шогда я въ новыхъ радоспяхъ
 Но промчались вѣшры буйные
 И пригнули цвѣшь къ сырой землѣ —
 Грусшь, шоска мнѣ навязалася
 И изсохло сердце бѣдное.
 Ахъ! подруженьки, голубушки!

Научише меня, милыя!

Какъ мнѣ бѣдной успокоюсь:

Что бы сердце шакъ не билось,

Что бы шакъ мнѣ не грустилося

И. В . . . йй.

Лвица.

(Истинное происшествіе.)

Нѣсколько мапросовъ было послано съ одного Англинскаго корабля на Индѣйскій берегъ за дровами: одинъ изъ нихъ удалился отъ прочихъ и зашелъ далѣе въ чащу лѣса, какъ вдругъ спрахъ приковалъ ноги его къ землѣ. Онъ увидѣлъ лвицу, прямо на него спремѣющуюся: убѣжать не было возможности. Но вдругъ ужась его усупилъ мѣсто удивленію: люшый звѣрь легъ спокойно къ ногамъ его, смопря безпрестанно по на него, по на одно довольно большое дерево, въ близи споящее. Наконецъ лвица всшала и пошла къ сему дереву, оглядываясь поминушно на мапроса, кошорый заключа изъ шого, что она желаетъ, дабы онъ ей послѣдовалъ, пошелъ за нею. Пришедъ къ дереву, увидѣлъ онъ на немъ большаго павіана *), держащаго въ рукахъ двухъ ма-

*) Родъ обезьянъ.

ленькихъ звѣрей: по успрямленнымъ на нихъ глазамъ львицы, кошора сѣла у дерева на заднія ноги, догадался онъ, что это были ея дѣши. Что дѣлать? Взлѣзъ на дерево и ошнѣлъ у павіана его добычу, не имѣлъ онъ ни малѣйшей охоты; но при немъ былъ шопоръ, съ помощію кошораго могъ онъ гораздо удобнѣе и вѣрнѣе исполнить желаніе львицы. Ишакъ мапрось принялся рубить дерево; львица во все это время смотрѣла попеременно то на него, то на похищителя ея дѣшей. Въ нѣсколько минушъ дерево должно было уступитъ сильнымъ его ударамъ: оно упало, а съ нимъ и павіанъ, на кошораго львица бросилась въ то же мгновеніе и разшерзала его на части. Попомъ начала лизать своихъ дѣшей и опять обратилась къ мапросу видя яросшь, съ какою она напала на павіана, снова пришелъ онъ въ страхъ и шрепешалъ во всѣхъ членахъ. Но и на сей разъ страхъ его былъ напрасенъ; какъ собака, начала она около него ласкаться и шереться. Заплашивъ шакимъ образомъ дань благодарности, взяла она съ собою обонихъ дѣшей и убѣжала съ ними въ глубь лѣса. Сколь ни счастливо окончилось это происшествіе, но мапрось попереялъ охоту дожидаться другихъ подобныхъ; изо всѣхъ силъ бросился онъ бѣжать къ берегу и не скоро

могъ придти въ себя и разказать случившееся съ нимъ.

А.

~~~~~

Анекдоты о Французскомъ Актерѣ Потѣ.

Потѣ, извѣстный Парижскій Актеръ, опличается не только дарованіями своими въ комическомъ родѣ, но и оспрошою ума. Однажды шелъ онъ съ однимъ изъ лучшихъ новѣйшихъ Поэтовъ Франціи. Къ нимъ при- спалъ нѣкто изъ празднолюбцевъ, какихъ на всякомъ почши шагу встрѣчаютъ въ Парижѣ. Поэтъ часто обращался къ Потѣ съ вопросами, но еще чаще съ другой стороны вершопраха. «Господа! сказалъ имъ наконецъ Потѣ, вы слишкомъ уже многаго опъ меня прѣбуешѣ: я не глупецъ, но и не геній, а шакъ . . . между тѣмъ и другилъ.»

Въ то время, когда происходили въ Парижѣ жаркіе споры о свободѣ книгопечашанія, у Потѣ на одномъ публичномъ мѣ- стѣ украли въ шѣсношѣ часы. «Какъ! вскри- чаль онъ, развѣ и эшо принадлежишѣ къ свободѣ тисненія?»

“Вошь безстыдство выше всякой мѣры! сказалъ Акшеру Пошье Оливеръ. Знаете ли, что нашъ шеапральный рецензентъ *H.* самъ пишеть въ жалкихъ своихъ листкахъ о побояхъ, которые получилъ онъ недавно отъ кого-то...”, — Это для меня очень удивительно, опвѣчалъ Пошье; а я все думалъ, что онъ извѣщаетъ публику только о шомъ, что даюшь въ первый разъ. —

Одного изъ своихъ знакомыхъ заспалъ Пошье за обѣдомъ. Прямо прошивъ него спойло на шолъ блюдо съ шелячьей головой. Пошье началъ извиняшьяся, что прервалъ tête à tête своего знакомца.

В.

Школьные Анекдоты.

1.

На экзаменъ, въ одномъ дѣвичьемъ Инспишущѣ, спросили изъ *Сокращенной Свещенной Истории* маленькую, лѣнивую ученицу: *Гдѣ находится Священное Писаніе?* — Она не знала что опвѣчать.— *Вѣ Библии, вѣ Библии,* подсказываюшь ей шихонько усердныя ея подруги; и бѣдняжка, не разслушавъ ихъ хоро-

шенько, смѣло и громко опвѣчала: *въ Библиотекѣ*. Посѣщители засмѣялись, но не могли не согласиться, что бы опвѣсть вовсе былъ несправедливъ.

2.

Въ другомъ училищѣ экзаменовали довольно уже взрослыхъ учениковъ въ Географіи, копорую всѣ они вообще знали плохо. Дошло дѣло до Испаніи. Спросили между прочимъ: чемъ извѣстенъ, или достопамятенъ городъ Овіэдо? И кто не опвѣчалъ въ попадъ. Наконецъ одинъ проказникъ нашелся и сказалъ важно: «въ Овіэдо родился Жилблазь де Саншиллана., Попечитель училища, почтенный и веселый человекъ, присудилъ дасть назначенную изъ класса Географіи награду сему остроумному ученику *)».

3.

И.

Одинъ содержатель пенсіона, будучи недоволенъ темъ, что ученики его во время

*) Покойный Д. И. Фонъ Визинъ въ дѣйствіи своемъ получилъ награду изъ класса же Географіи за просподушный опвѣсть. Спрашивали на экзаменѣ: куда течетъ Волга? — Одинъ изъ учениковъ опвѣчалъ: *въ Бѣлое море*; другой: *въ Черное*; а Фонъ Визинъ, когда дошла до него очередь, сказалъ: *не знаю*. См. *Исповѣдь* его въ *С. П. бурскомъ Журналѣ* 1798.

обѣда много и громко говорящъ, запрешиль имъ подѣ опасеніемъ спрогаго наказанія: *открывать ротъ за обѣдомъ.*

М. Я.

~~~~~

Разныя Анекдоты.

Въ одномъ домѣ служанкѣ поручено было дѣлать мѣлочныя покупки и подавать о нихъ счесть. Пользуясь такимъ благопріятнымъ случаемъ, вздумала она опекладывать понемногу деньжонокъ въ свой карманъ, по естъ записывать вещи дороже обыкновенной цѣны. Какъ же удивилась она, когда при всей акуратности перваго счеша, обманъ былъ открытъ господами. Не мудрено! Вотъ какъ было у ней записано: “за одинъ грошевый хлѣбъ 4 к.”

Во время Французской революціи, когда равенство соспояній кружило всѣмъ головы, Муниципальное правленіе получило просьбу съ подписью: *Цилно, бывший Арабб- (ci-devant Nègre).*

Нѣкто жаловался, что прачка зашеряла одну его рубашку. Спросили его: какъ была она нова?—“Рубашка гроша не споила, ешвѣчалъ онъ, да шолько досадно, что разрознилась цѣлая дюжина. „

В.

Во время большого спота у одной спарой, суевѣрной и злой барыни, челоуѣкъ, принимая со спота блюдо, задѣлъ по неоспорожности имъ за солонку и разсыпалъ соль. Барыня поблѣднѣла и бросила гнѣвный взоръ на бѣднаго слугу; но пошъ идучи съ блюдомъ, пошкнудъ будшо не нарочно локшемъ споявшую позади его на споликѣ проширѣ зеркала вазу—и ваза и зеркало разбились въ дребезги. Госпожа перекрестилась и сказала ему: “ну счасшливъ! а пошъ дала я тебѣ знать!”,—Извѣспень предразсудокъ суевѣровъ, что если разсыпешся за споломъ соль и въ шо же время нечаянно что нибудъ разобьешся, шо не будешъ никакой бѣды.

Одного маленькаго мальчиѣа лѣшъ прехъ, или чешырехъ, наказывали шемъ, что высиджали изъ комнашъ съ нянькою на дворъ—и на дворѣ же была обшкноуенная его прогулка. Соскучивъ какъ-шо сидѣшь въ комнашѣ, спалъ онъ просишь у своей маминьки позволенія погуляшь на дворѣ; но ша его не пушшила, пошому что шогда была дурная погода.—Что же онъ сдѣлалъ? Взялъ свою куклу, разбилъ ею въ оконницѣ спешло и прищелъ къ машери съ повинною головою. “Маминька, сказалъ онъ ей печальнымъ шо-

номъ, я виноватъ, разбилъ стекло; пошли-
те же меня на дворъ съ нянею.,,

Одинъ скряга позвалъ къ себѣ прияте-
ля на чашку чаю. Тотъ, зная его скупость,
выпиши чашку, накрылъ. — “Что это, что
это? сказалъ хозяинъ. Кушайте, кушайте,
Помоему, коли уже пишь чай, шакъ пишь
чашки . . . дѣб!.,

И.

О Литографіи Г. Беггера.

Особы, подписавшіяся на *Литографическій альбомъ*, симъ извѣщаются о изданіи послѣднихъ онаго шешрадей, получаемыхъ у самаго Издашеля К. Беггера, въ его Литографіи, состоящей на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Графини Строгановой подъ № 25.

У него же получаютъ можно слѣдующіе литографическіе произведенія:

1) Вышеупомянутое изданіе, состоящее изъ 144 рисунковъ и нарочно приготовленное къ поспешенному классическому ученію Рисованія. Полное 72 р. а половина 40 р.

2) Разные другіе классическіе рисунки.

3) Географическій Атласъ, безъ наименованія земель, городовъ, рѣкъ и проч. 17 лисш. больш. форм. 5 р.

4) Русскія прописи, 18 л. въ б. 8 ку.
1 р. 50 к.

5) Доспопримѣчательные виды С. П. бурга, искусно разкрашенные въ больш. фор. Каждый видъ, или эшампъ 10 р., неиллюменованный 2 р. 50 к.

6) 12 Апостоловъ, въ половину фигуры, съ ихъ принадлежностями, въ больш. 4 ку, въ обверткѣ 10 р.

Въ помянутой Литографіи принимающся также для печатанія музыкальные произведенія, кои пригоповляются съ возможнымъ искусствомъ, изящностью и чистотою, безъ малѣйшаго замедленія.

За страницу ношъ, писанныхъ на камнѣ, платяшъ по 10 р.; за шаковую же, переведенную съ бумаги на камень, 5 р. — За бумагу и печатаніе, особливо.

Здѣсь же принимающся для печатанія на камнѣ разные художественные произведенія и письмо, какъ по:

Письмо. Съ цѣлаго листа кругомъ за первые 100 экз. 15 р. — Малымъ сочиненіямъ назначается соразбѣрная цѣна.

Таблицы. Просшья—за первые 100 экз. 15 р. а за послѣдующіе 6 р. За шаковыя же съ большими надписями и рубриками платяшся сообразно количеству и качеству работы.

Визитныя карты. На пергаментной бу-

магъ, лучшимъ гравюрнымъ шрифтомъ, первые 100 экземпляровъ 15 р., за слѣдующіе 10 р.

Художественные произведенія. Цѣна паковымъ назначается по достоинству работы.

К. Б.

Извѣстіе о бѣдномъ сѣмействѣ.

(Письмо къ Издателю.)

Благонамѣренная цѣль вашего журнала и давнишнее наше знакомство дають мнѣ право покорнѣйше просить васъ оказать зависящее съ вашей стороны пособіе несчастной вдовѣ *Гринлантъ*. Она живетъ Лишейной части, 4 квартала, въ домѣ *Надв. Сов. Рѣзваго* подъ № 570, въ самомъ бѣднѣйшемъ и жалкомъ положеніи, обремененная большимъ сѣмействомъ и лишенная частно дневнаго пропитанія. Старшій сынъ ея калѣка и вмѣсто вспомошествованія махери, самъ пребуешь присмотра и хлѣба. Припечатывая о семъ несчастномъ сѣмействѣ въ одной изъ книжекъ вашего журнала предъ наступающимъ праздникомъ Св. Пасхи, конечно окажете вы имъ большое благодѣяніе: ибо вѣроятно найдутся добрые люди, кошо-

рые къ сему великому дню захошящъ помочъ несчастнымъ.

Имью честь бысть, и проч.

21 Марта 1822.

Н. Х.

~~~~~

Благотворенія.

Издашель *Благонамбренаго* получилъ опть неизвѣснаго благошворителя 7 ч. сего Марша для доставленія бѣдному сѣмейству покойнаго учипеля *Жанень Перо*, умершаго въ прошедшемъ году опть укушенія собаки (см. *Благ.* I 21, № XXI и XXII) двадцать пять рублей (25 р.) — *Доставлены.*

Сверхъ того прислано къ Издашелю для раздачи бѣднымъ по его распоряженію:

18 ч. Февраля	50 р.
————— изъ <i>Перли</i>	36 —

Ишого . 86 р.

Изъ сихъ денегъ роздано:

Вдовѣ *Моландерѣ* (1821. XIX и XX, снр. 33) 20 р.

Преснарѣлому и больному *Тип. Сов.*

Худякову (1821, III, снр. 24) . 16 —

Бѣдному больному опспавному чиновнику 10 —

Преснарѣлой вдовѣ *Софроновой* (1819, IV.

с. 264) . . . . . 10 —

Вдовѣ звѣровщика *Петрова Агафѣ* Ни-

китиной, лишившейся въ одно время мужа и 28 лѣшняго сына *) .	10 р.
Бѣдной больной дѣвицѣ <i>Исаковой</i> , лишившейся недавно мащери	10 —
Поручицѣ <i>Силановской</i>	5 —
Больному мѣщанину <i>Яковлеву</i>	5 —
Итого	86 р.
	<i>И.</i>

~~~~~

Шарада.

Натальныхъ множество къ *последнему* стреми-
 мишя;
 Внезапно *цѣлое* въ душѣ моей родишя.
Костявицѣ.

~~~~~

Шарада, помѣщенная въ XII №, значишь:
 боль - *Ница.*

~~~~~

*) Жителство имѣеть Московской частии въ 4 квартерѣ на Охотничьемъ дворѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ XVII ЧАСТИ.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Стихотворенія.

Отрывки:

Стран.

Изъ Расиновой Трагедіи: <i>Федра</i>	185.
— Оссіановой Поэмы: <i>Верратонъ</i>	220.

Гимны, Оды и проч. лир. стих.

Упреннее солнце	34.
Юноша	483.

Баллады, Повѣсти стихотв. и пр.

Перчатка	238.
Мать-убійца	270.
Егей	322.
Робершъ и Клара	507.

Романсы и Пѣсни:

Прощанія	277.
Лишь скорбь я чувствую, и проч.	324.
Я нѣкогда пасушку прелестную лю- билъ	445.
Пародія Пѣсни. <i>На толь, что бы пегали</i>	446.
Тоска въ разлукѣ	513.
Непонятная грусь	514.

Элегіи:

Чувства при видѣ Бородинскаго поля	119.
--	------

II

Спран.

На кончину А. О. П.	126.
Вечеръ	275.
Къ вѣроломной Темирѣ	325.
Къ Лунѣ	327.
Къ Кориннѣ	407.
Изгнанникъ	506.

Посланія:

Къ брату	77.
— А—ву	161.

Васни и Сказки:

Няня	18.
Мужикъ и Ворона	65.
Смѣна Воеводы	165.
Мальчишка и Осель	397.

Смѣсь.

Женѣ моей, по случаю подаренной ею мнѣ шабакерки съ ея порпременомъ . . .	36.
С. Д. П. на день ея рожденія . . .	37.
Уголокъ	39.
Сонъ Филлиды. <i>Идиллія</i>	98.
Спранносшь	164.
Экспромпшь Р. М. Бландо	166.
На предспавленіе Трагедіи N	—
Харакшеръ	244.
Поправка	312.
Цефаль. <i>Кантата</i>	339.
Ливъ	353.

На разлуку	363.
На день рожденія моей дочери	392.
Къ Алинѣ	399.
Въ альбомѣ П. Н. Л.	367.
— — — Н. О. О.	430.
Догадка	443.
Возвращеніе	444.
Поцѣлуй	—
Къ моему бумажнику	447.
На болѣзнь Людмилы	465.
<i>Надеробія</i>	128 и 184.
<i>Триолетъ</i>	367.
<i>Эпиграммы</i>	39, 167 и 244.
<i>Омонимъ</i>	246.
<i>Логогрифы</i>	40 и 247.
<i>Шарады</i> 42, 85, 128, 168, 208, 248, 287, 328, 368, 408, 448, 488 и 526.	

Проза.

Отрывки:

Изъ Вейса—О достоинствѣ	89.
— Лорда Байрона—Мракъ	122.
— Жуи—Супруга	129.
— — — Пяшь лѣтъ супружества	169.
— — — Испорія Ванюши	290.
— — — Деревенская жизнь	329.
— — — Два поршреша	369.
— Романа Лантье: Les voyageurs en Suisse	466.

Повѣсти и Анекдоты:

Король Акимскій	18 и 66.
Вольшерева кареша	82.
Воинское искусство дикихъ	153.
Общество несчастныхъ, довольныхъ со- бою	214.
Удачное лекарство	241.
Урокъ	342.
Соломонъ въ староси	395.
Мирза	449.
Абенаки	501.

Путешествія:

Сравненіе Франціи съ Ипалією. (пере- чень письма Тасса къ Графу Конш- рари въ 1572 г.)	143.
Чувствительное путешествіе по Нев- скому проспекту въ 1818 г.	209 и 302.
Описаніе южнаго берега Крымскаго по- луострова въ 1815 г.	249.

Письма.

Къ <i>Н. А. Ш.</i> о экзаменѣ, бывшемъ въ училищѣ благородныхъ дѣвицъ при С. П. бургскомъ Женскомъ Паптрі- опическомъ Обществѣ 1 и 2 ч. Февраля	313 и 354.
Письмо Флоріана къ Геснеру и ошвѣщъ сего послѣдняго	439.

II. ЛИТТЕРАТУРА, НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Опытъ о чтеніи Басень	3 и 47.
О пословицахъ и поговоркахъ	180.
Искусство письма	384 и 431.
О письмѣ Кишайцевъ	497.

III. КРИТИКА.

Разборъ <i>Херсониды</i> , Поэмы Боброва 409 . и 453.	
Разсмотрѣніе книги: <i>Натертаніе Тригонометрии</i> , соч. Н. Навроцкаго.	489.

IV. ТЕАТРЪ.

<i>Отелло</i> , или <i>Венеціанскій Мавръ</i> , Трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, и <i>Урюпинская станица</i> , Инпермедія — диверписеменшъ, представленные на Маломъ Театрѣ 9 Декабря 1821	99.
<i>Ифигенія въ Авлидѣ</i> , Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ — <i>Тетушка</i> , или она не такъ глупа, Комедія въ 1 мѣ дѣйствіи, соч. К. Шаховскаго—и <i>Отдыхъ каравана</i> , Диверписеменшъ, представленные на Б. Т. 16 Января	195.
Замѣчанія на игру Г жи Семеновой б. въ Трагедіи: <i>Ифигенія въ Авлидѣ</i> , соч. Расина, переводъ Г. Лобанова	227.
<i>Фениксъ</i> , или <i>утро Журналиста</i> , Комедія - Водевиль въ одномъ дѣйств. и	

Зефиръ и Флора, Анакреоническій

Балешъ 400.

V. СМѢСЬ.

Краткіе Анекдоты . 513, 517, 518 и 520.

Спашы изъ иноспранныхъ газетъ. 282 и 364.

Книжные извѣстія 42, 85, 200, 279, 366 и 485.

Извѣстія о бѣдныхъ 245 и 525.

Благошворенія 284.

